Фронту. Красн.

Лекціи по ~~Древней~~ Исторіи Греціи

читанныя

проф. Н. И. Карѣевымъ

на

Высшихъ Женскихъ Курсахъ

Курсъ I

1890–1891.

С.П.Б.Ж.К.

Л.З

ВСЕСОЮЗНАЯ
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. Ленина

2007096079

Вступленіе

Подробное изложеніе Греческой исторіи обыкновенно начинаютъ съ VI-го столѣтія до Р. Х. и кончаютъ 338 годомъ, когда произошла Херонейская битва и Греція подпала подъ Македонское владычество. На эту эпоху падаетъ блестящій періодъ греческой исторіи, охватывающій всего 2½ вѣка. На эти 2½ вѣка приходятся всѣ величайшія событія греческой исторіи: возвышеніе Аѳинъ и цѣлый рядъ внутреннихъ перемѣнъ, законы Солона и Клисѳена въ VI в., въ V вѣкѣ Персидскія войны, время Перикла, Пелопонесская война, послѣ которой уже начинается періодъ разложенія и во второй половинѣ IV в. Греція подпадаетъ подъ владычество Македоніи. Въ этихъ рамкахъ излагается исторія Греціи, этотъ періодъ представляетъ собою ея блестящую эпоху. Это была пора, когда процвѣтала поэзія, искусство, философія, наука, когда зародилась исторіографія и ораторство. Съ точки зрѣнія всеобщей исторіи нельзя однако слѣдовать этой программѣ — греческая исторія не оканчивается

[illegible]

въ 338 году; она продолжается подъ другими формами, расширяется и имѣетъ значеніе для послѣдующей исторіи всего человѣчества.

Послѣ битвы при Херонеѣ Греція утратила политическую самостоятельность: она сдѣлалась частью Македонской имперіи; вскорѣ послѣ этого событія въ Македоніи является великій завоеватель Александръ; соединивъ македонскія и греческія силы, онъ завоевываетъ востокъ и образуетъ одну огромную монархію, составившуюся изъ старыхъ культурныхъ странъ, учениками которыхъ были сами Греки. Правда эта огромная монархія удержалась не долго, но кратковременное владычество одного государя надъ всѣми этими землями уже имѣло важныя послѣдствія: греческая образованность распространилась по Востоку – наука, образованіе и греческій языкъ находятъ себѣ новые центры въ Египетской Александріи; высшее сословіе начинаетъ изучать греческій языкъ и если творчество грековъ ослабѣваетъ въ это время, то греки являются учителями, пользуясь прежнимъ запасомъ знаній. – Въ эту эпоху такъ называемаго

эллинизма; слово эллинъ означаетъ не только человѣка, принадлежащаго къ греческой націи, но человѣка усвоившаго (греческое) образованіе. Этотъ періодъ мы можемъ опредѣлить годами: — съ одной стороны 338 — съ другой 146.

Въ то время, когда греческая образованность распространяется среди Македонскаго государства, происходитъ возвышеніе другого народа — Римлянъ, которые овладѣваютъ Италіей и другими землями у западной стороны Средиземнаго моря; у Римлянъ происходитъ столкновеніе съ Македонянами, которое оканчивается побѣдой Рима, а вскорѣ Греція дѣлается римской провинціей, начинается новый періодъ. —

Если Греція въ политическомъ отношеніи подпала подъ власть Рима, то въ духовномъ — Римляне вполнѣ подчинились ея вліянію: „Побѣжденная Греція покорила суроваго побѣдителя." Греческая образованность утверждается въ Римѣ: Римляне, за исключеніемъ права и архитектуры, были во всемъ учениками Грековъ и притомъ такими учениками, которымъ не суждено было превзойти своихъ учителей. Греческая образованность, принятая

Римомъ распространяется и на западъ. Это уже періодъ не исключительно греческой, а греко-римской цивилизаціи; въ эту эпоху является новое начало — христіанство; греко-римская цивилизація встрѣчаетъ новую религію враждебно и борется съ нею; подъ эллиномъ разумѣется образованный человѣкъ, но въ христіанствѣ понятіе эллинизма теперь отожествляется съ язычествомъ. Но мало по малу греки и римляне подчиняются христіанству; здѣсь оканчивается древняя исторія и начинается новая исторія — исторія христіанскаго міра. На востокѣ, гдѣ зародилось христіанство, греческій языкъ является органомъ для распространенія его; книги Новаго завѣта написаны по гречески. Съ другой стороны греческая исторія тѣсно связана съ древнѣйшей исторіей, начавшейся на Востокѣ.

Въ ближайшемъ къ Европѣ востокѣ было два очага, изъ которыхъ вышла образованность: долины Тигра и Евфрата (Ассиро-Вавилоняне) и долина Нила (Египетъ). Хотя греки и далеко были отъ этихъ странъ, однако имъ они обязаны начатками образованности; эта

образованность является при помощи Финикіянъ. Грекамъ нужна была письменность, безъ которой не могла бы совершаться ихъ цивилизація и этой письменностью обязаны Греки древнему востоку. Алфавитъ или слово „альфабетъ" (азбука) составлено изъ названій двухъ первыхъ греческихъ буквъ—альфа и бета; эти же названія встрѣчаются въ азбукѣ еврейской, но изобрѣтены онѣ Финикіянами, Финикіяне же заимствовали азбуку изъ Египта. Итакъ греческія буквы являются видоизмѣненіемъ буквъ финикійскихъ, слѣдовательно греческая письменность зависѣла отъ восточной. Это только одинъ примѣръ зависимости греческой образованности отъ восточной и Геродотъ—греческій историкъ „отецъ исторіи" правильно утверждаетъ, что Греки многое заимствовали съ востока и въ области греческой религіи мы видимъ, что нѣкоторые культы возникли подъ вліяніемъ востока. Далѣе исторія Греціи тѣсно связана съ исторіей восточныхъ народовъ: содержаніе внѣшней исторіи Греціи, въ эпоху ея блестящаго существованія, представляетъ борьба, которую велъ греческій народъ съ Персіей (начина-

ется около 500го года и оканчивается при Александрѣ Македонскомъ). Далѣе, въ эпоху владычества Римлянъ, Греки испытываютъ вліяніе востока — это было во время процвѣтанія образованности въ Александріи. Восточныя ученія имѣли вліяніе на греческую философію: оно, особенно выразилось въ религіозно-философскомъ ученіи — (Неоплатонизмъ); слѣдовательно изученіе Греціи безъ изученія исторіи востока невозможно. Греки развили философію, изящную литературу, искусства до высшей степени, наука является у нихъ какъ теорія, на востокѣ же — какъ техника. Это указываетъ на значеніе Греціи въ древнемъ, до христіанскомъ мірѣ; нужно замѣтить, что въ христіанскую эпоху греки продолжаютъ посредственно и непосредственно дѣйствовать на другіе народы. — На зап. Европу вліяютъ они черезъ Римъ, черезъ Византію вліяютъ на земли примкнувшія къ ней (Славяне и Россія.) Въ средніе вѣка древніе Греки оказывали вліяніе на западъ Европы двоякимъ путемъ. Въ VII в. по Р. Х. арабы, завоевавшіе многія земли, входившія въ составъ Римской имперіи въ Азіи и Африкѣ

Литогр. В. В. Комарова Невск. пр. 136-138.

Гайсак.

подчинились греческой образованности, въ кратковременную блестящую эпоху арабской цивилизаціи съ нею знакомится средневѣковой Западъ, гдѣ греческій языкъ былъ совершенно забытъ. Послѣ раздѣленія имперіи и церкви на восточную и западную между ними культурная связь прекратилась. Арабы завоевали Африканскій берегъ Средиземнаго моря, Испанію, появились на югѣ Италіи и мусульманскій міръ соприкасается съ западнымъ христіанствомъ. Памятники греческой литературы, заимствованные арабами и переведенные ими, переводятся съ арабскаго на латинскій языкъ и слѣд. арабы были только передатчиками греческой образованности.

Еще замѣчателенъ періодъ самостоятельнаго вліянія древнихъ грековъ на европейское образованіе — это было въ эпоху возрожденія въ XIV и XV вв. когда началось повальное увлеченіе античнымъ міромъ въ образованномъ обществѣ Италіи. При изученіи латинскихъ классиковъ въ нихъ нашли указанія на то, что истинное образованіе заключается въ произведеніяхъ греческихъ писателей, и вотъ въ Италіи стали интересоваться греческими произведеніями.

сначала

начинаются поѣздки въ Грецію, изученіе греческаго языка и литературы; вызыванiе въ Италію греческ. ученыхъ изъ Византіи. Съ этого времени начинается новая исторія Западной Европы.

Всѣмъ этимъ фактовъ довольно, чтобы увидѣть великое вліяніе Грековъ на образованность; особенно важно то, какъ образованность развивалась.

Двѣ сферы достигли у Грековъ совершенства:
1) Греки – былъ первый народъ, у котораго развилась настоящая философія и она не только повліяла на Римъ, но и послужила посредствомъ для распространенія христіанства. 2) Въ искусствѣ греки развили вполнѣ всѣ нынѣ существующія поэтическія формы и дали намъ безсмертные образцы скульптуры и архитектуры.

Таково значеніе Греціи съ точки зрѣнія общей исторіи. Что такое общая исторія? – Общая исторія на первый взглядъ есть сумма частныхъ исторій, т.е. исторій отдѣльныхъ государствъ. Но мы можемъ мыслить исторію и многихъ народовъ, какъ единое цѣлое.

Сама исторія Греціи есть исторія Аѳинъ + Спарты + Аргоса и т.д. но тогда гдѣ же исторія собственно Греціи? – Были факты, ко–

торые связывали въ одно цѣлое судьбы всѣхъ греч. государствъ, они и составляютъ ея исторію и исторія одного цѣлаго что-то выше, чѣмъ сумма отдѣльныхъ государствъ, ее нужно разсматривать какъ части цѣлаго, ведущаго общую жизнь. То же мы можемъ приложить и къ исторіи отдѣльныхъ народовъ, ибо ихъ исторіи объединяются.

„Этотъ важный фактъ долженъ быть намъ памятенъ съ самаго начала нашего обученія въ семьѣ или въ школѣ, когда мы впервые его и узнаемъ. Мы начинаемъ учиться исторіи по такъ называемой священной исторіи Ветхаго завѣта, заключающей въ себѣ главнымъ образомъ повѣствованіе о судьбахъ еврейскаго народа; но тутъ же мы впервые знакомимся съ другими странами древняго Востока, начиная съ Египта и кончая Персіей. Это происходитъ не только потому, что исторія еврейскаго народа переплетается съ исторіей египтянъ и ассирійцевъ, и вавилонянъ, и персовъ, и были незначительныхъ сосѣдей Израиля, финикіянъ и филистимлянъ, но и потому, что сами еврейскія книги, по которымъ составляются

В. Кузьмин

„руководства къ священной исторіи", говорятъ обо всѣхъ этихъ народахъ. Еврейскіе бытописатели, повѣствуя о судьбахъ своего народа, были не только національными историографами, но и общими историками своего времени, потому что они не могли говорить объ еврейскихъ дѣлахъ, не касаясь исторіи другихъ націй, игравшихъ ту или другую роль въ этихъ дѣлахъ. Уже они могли бы формулировать необходимость общей исторіи такъ, какъ во II в. до Р. Х. доказывалъ это греческій историкъ Полибій, говоря, что „судьба свела вмѣстѣ всѣ происшествія вселенной", и потому отдѣльныя исторіи, какъ члены, отдѣленные отъ тѣла, не могутъ дать представленія о цѣломъ. Какое же значеніе имѣетъ и то, что Геродотъ, „отецъ исторіи", жившій въ эпоху греко-персидскихъ войнъ, соединилъ въ одномъ трудѣ все, что зналъ о тогдашнемъ культурномъ Востокѣ: послѣдній уже составлялъ особый міръ, заключавшій въ себѣ много народовъ, а политически даже объединенный въ могущественную державу. Напомню, наконецъ, что у христіанскихъ писателей средневѣковья общею схемой всемірной [illegible] была грандіозная картина пророка

Геодоръ [illegible]

Даніила — система четырехъ монархій, представляющая изъ себя формулу, которая возникла при зрѣлищѣ судебъ древняго Востока.

Въ XIX в. сдѣланы открытія относительно Египта, Ассиро-Вавилоніи и Персіи, они всѣ оставили много надписей на камняхъ памятниковъ; въ нихъ говорится, какъ о подвигахъ царей, такъ и о тѣхъ народахъ, съ которыми вышеозначенныя государства приходили въ соприкосновеніе. Подобно тому, какъ существуютъ народы, живущіе обособленной жизнью, существуютъ и факты, имѣющіе значеніе только для одной націи, но есть факты, имѣющіе значеніе и для другихъ націй.

Передъ вѣкомъ полнаго развитія греческой цивилизаціи въ Азіи, — къ которой древніе относили и Египетъ, — существовало три отдѣльныхъ міра. Одинъ изъ такихъ отдѣльныхъ міровъ составлялъ Китай на крайнемъ востокѣ Азіи, другой образовался на югѣ, Индія; третій міръ — югозападная Азія съ Египтомъ. Послѣдній и есть Древній Востокъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, гдѣ возникли самыя раннія цивилизаціи и началась всемірная исторія. Древность китайской

[illegible]

и индійской культуры, сама по себѣ очень почтенная, не можетъ идти въ сравненіе съ тою незапамятною стариною, которая была свидѣтельницею зарожденія исторической жизни въ долинѣ Нила и въ странѣ Тигра и Евфрата. Съ другой стороны, Китай и Индія составили два совершенно обособленныя міра, стоявшіе какъ бы въ сторонѣ отъ „большой дороги" историческаго движенія, тогда какъ третій міръ именно и былъ главнымъ путемъ, по которому оно пошло. Китай и Индія не вышли изъ замкнутыхъ границъ, и въ ихъ предѣлахъ развились и установились двѣ цивилизаціи, изъ коихъ каждая была продуктомъ главнымъ образомъ одной расы. Совсѣмъ иное дѣло — ближайшій къ намъ Востокъ: здѣсь происходило смѣшеніе и, такъ сказать, наслоеніе многихъ расъ, оставлявшихъ разные слѣды на исторіи этого міра; здѣсь, болѣе чѣмъ за полторы тысячи лѣтъ до нашей эры, произошло соприкосновеніе двухъ древнѣйшихъ историческихъ народовъ, египтянъ и вавилоно-ассирійцевъ, между коими лежала Сирія, имѣвшая въ числѣ своихъ жителей финикіянъ, разносившихъ цивилизацію по своимъ отдаленнымъ колоніямъ, и евреевъ, столь важныхъ

Ивасин.

въ исторіи религіознаго сознанія передовой части человѣчества; здѣсь жили и другіе народы, поочередно пріобщавшіеся къ международному историческому движенію, причемъ расширялись и географическіе предѣлы этого міра; наконецъ, въ зависимости отъ происходившихъ въ немъ событій и отъ его культурной жизни, началась историческая жизнь перваго европейскаго народа - грековъ, а въ эпоху Александра Македонскаго, какъ и позднѣе, во времена Римской имперіи, европейскій Западъ и азіатскій Востокъ составляютъ какъ бы одинъ историческій міръ, поражающій насъ крайнею пестротою своего состава, при сравненіи съ которою культуры китайская и индусская производятъ каждая впечатлѣніе чего-то въ высшей степени простаго и однороднаго. Исторія Китая есть въ сущности исторія одного народа, расширившаго свою власть и наложившаго печать своего вліянія на сосѣднія племена. То же самое мы вправѣ сказать и объ Индіи, хотя бы въ ней и образовались черты различія между частями одной націи, раскинутой на обширной территоріи. Только позднѣе втянуты были онѣ въ исторію человѣчества, послѣдняя же именно и зарождалась во

Н. Кареев

взаимодѣйствія народовъ Египта, Сиріи, и Месопотаміи, къ которымъ примкнули потомъ народы Ирана и Малой Азіи и т. д. Исторія Китая и исторія Индіи, съ этой точки зрѣнія, т. е. безотносительно къ пространству этихъ двухъ странъ и количеству ихъ жителей, суть только побочныя теченія всемірной исторіи, выбравшей себѣ другое главное русло. Современная Европа, идущая во главѣ всего человѣчества, возникла на основѣ греко-римскаго міра, а этотъ послѣдній явился во многихъ отношеніяхъ продолжателемъ дѣлъ, начатыхъ Востокомъ въ тѣсномъ смыслѣ."

Если въ древности обращалось вниманіе на то, какъ переплетались исторіи народовъ въ одно цѣлое, то въ новѣйшее время была поставлена задача изобразить всемірную исторію какъ нѣчто цѣлое; Bossuet первый сдѣлалъ эту попытку; важна идея его сочиненія: „Discours sur l'histoire universelle" — дать для исторіи отдѣльныхъ народовъ то, что представляетъ изъ себя общая карта по отношенію къ картамъ отдѣльныхъ странъ. Стоя на точкѣ зрѣнія библейской онъ выдвинулъ на первый планъ евреевъ и кругомъ нихъ группировалъ другіе народы затѣмъ объединилъ ихъ въ одну

Литогр. В. В. Комарова. Невск. пр. 136-138.

В. Жуков[illegible]

Македоніи и Рима и смотрѣлъ на эту эпоху, какъ на подготовку къ христіанству. Но особенно почувствовалась потребность въ цѣльной и единой исторіи человѣчества, когда сдѣланы были первыя попытки сближенія между исторіей и философіей, т. е. въ XVIII вѣкѣ. Здѣсь на первый планъ выступаетъ уже не то общее, которое придаетъ единство исторіи нѣсколькихъ странъ, а извѣстная единая идея, положенная въ основу всего построенія. Было бы долго разсматривать всѣ способы, употреблявшіеся для разрѣшенія указанной задачи, и только въ видѣ примѣровъ я приведу двѣ концепціи, стоящія въ связи съ такимъ пониманіемъ исторической науки.

Въ концѣ прошлаго столѣтія Кондорсе, желая начертать „историческую картину успѣховъ человѣческаго ума", придумалъ для этого такую форму: „необходимо - говоритъ онъ, - выбрать факты изъ исторіи разныхъ народовъ, сблизить между собою и соединить эти факты, дабы извлечь изъ нихъ гипотетическую, исторію одного народа (l'histoire hypothétique d'un peuple unique) и составить картину его успѣховъ." [2]) Иная идея положена въ основу

---

[2]) Condorcet. Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain. Paris. 1867. I, 26.

„Философіи исторіи" Гегеля: съ точки зрѣнія его системы, „всемірный духъ", развивающійся въ исторіи, переселяется отъ одного народа къ другому, изъ коихъ каждый въ извѣстное время есть носитель „всемірнаго духа" на данной ступени его развитія, и народы лишь тогда имѣютъ исторію, когда въ нихъ обитаетъ этотъ „духъ", никогда не бывающій дважды въ одномъ мѣстѣ или въ двухъ мѣстахъ одновременно.[9] Обѣ концепціи — результатъ стремленія подняться выше механическаго соединенія частныхъ исторій, выше установленія одной только простой связи между многими, — подняться до единства, до „гипотетической исторіи одного народа," до изображенія единаго процесса во многихъ народахъ. Взглядъ Кондорсе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, да и самъ авторъ называетъ свое представленіе гипотетическимъ: историческіе факты, знаменующіе успѣхи человѣческаго ума, относятся не къ одному народу, а ко многимъ, и въ этомъ смыслѣ концепція Гегеля вѣрнѣе. Но если взглядъ Кондорсе заведомо гипотетическій, то представленіе нѣмецкаго философа не менѣе явно фантастическое; притомъ же

[9] Hegel. Werke. IX, 78 sq. и 91 sq.

Сл[illegible]

авторъ „Философіи исторіи," подмѣтивъ преемственность націй, хотя невѣрно распространивъ ее на Китай и Индію, вытянулъ всю исторію по прямой линіи, упустивъ изъ виду, что народы не только смѣняютъ другъ друга, но и находятся во взаимодѣйствіи. Изъ этого-то взаимодѣйствія и происходитъ движеніе многихъ народовъ въ одномъ направленіи, позволяющее выбирать факты изъ жизни разныхъ націй для отнесенія ихъ къ единому ипотетическому народу; я выше показалъ, что есть историческіе факты не мѣстнаго только значенія, но значенія болѣе универсальнаго. Если при концепціи Кондорсе исчезаетъ цѣлая сторона исторіи, т.е. разнообразіе ея національныхъ факторовъ и происходящее между ними взаимодѣйствіе, то ничто не мѣшаетъ намъ представить многочлены, находящіеся во взаимодѣйствіи, какъ одно цѣлое, и выдвинуть на первый планъ то, что относится не къ одной части этого цѣлаго, а болѣе или менѣе ко всѣмъ. Какъ области одного государства, живя мѣстною жизнью, участвуютъ и въ жизни общей, такъ и нѣсколько народовъ могутъ составить высшую единицу, особый историческій міръ, въ родѣ восточнаго, греко-римскаго, романо-германскаго и т.д.

[illegible]

Тутъ уже не ипотетически мы можемъ смотрѣть на совокупность многихъ націй, какъ на одинъ народъ, и не фантастически говорить о постоянномъ переходѣ чего-то отъ одной націи къ другой. Какъ національный типъ есть результатъ синтеза племенныхъ особенностей, или какъ одинъ національный типъ имѣетъ нѣсколько мѣстныхъ видоизмѣненій, такъ и нѣсколько народовъ, связанныхъ взаимодѣйствіемъ и взаимными культурными вліяніями, способны создать до нѣкоторой степени общій типъ, видоизмѣненіями коего и будутъ отдѣльные народы. Этотъ типъ, - это, признаюсь, все-таки отвлеченіе, разсматриваемое однако въ реальныхъ экземплярахъ отдѣльныхъ народовъ, заключаетъ въ себѣ больше реальнаго, чѣмъ le peuple unique Кондорсе и объединяющій всемірную исторію Weltgeist Гегеля. Каждый народъ придаетъ общему для многихъ явленію своеобразную окраску, и каждый народъ создаетъ нѣчто свое, что дѣлается общимъ.

Такой общій типъ въ наиболѣе развитой степени представляетъ изъ себя романо-германская Европа, народы которой, обособившись отъ

остальнаго историческаго міра въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ, жили въ самомъ тѣсномъ взаимодѣйствіи и оказывали постоянно одинъ на другой культурныя вліянія весьма разнороднаго характера: феодализмъ, католицизмъ, романтизмъ, гуманизмъ, протестантизмъ, абсолютизмъ, просвѣщеніе и т. д. — все это общія разнымъ народамъ явленія, которыя только выступаютъ болѣе рельефнымъ образомъ или раньше и сильнѣе развиваются въ одной какой-либо странѣ, а потому и возможна общая исторія западно-европейскихъ народовъ, какъ бы исторія d'un peuple unique, какъ бы исторія Weltgeist'а, переходящаго отъ одного народа къ другому, — съ гуманизмомъ изъ Италіи въ Германію, съ протестантизмомъ изъ Германіи въ другія страны и т. д. Было бы, конечно, слишкомъ смѣло примѣнять тоже самое къ культурнымъ націямъ древняго Востока: здѣсь не было такой тѣсной и такой общей жизни, какъ въ романо-германской Европѣ въ среднie вѣка и новое время. Но, съ другой стороны, эта оговорка касается не существа дѣла, а лишь меньшей развитости одного и того же явленія: народы древняго Востока, за

культ

полтора слишкомъ тысячелѣтія до Р.Х. начали сближаться между собою, испытывать общую судьбу, мѣняться другъ съ другомъ идеями, знаніями, искусствами и т.п. Притомъ раннія цивилизаціи имѣютъ весьма много общаго между собою, и это дозволяетъ намъ говорить не только объ особомъ мірѣ древняго Востока, но и объ особомъ древне-восточномъ культурномъ типѣ, видоизмѣненія котораго мы наблюдаемъ во всѣхъ великихъ и малыхъ царствахъ Египта и передней Азіи. Возникновеніе, развитіе, видоизмѣненія этого типа въ области религіи, философіи и науки въ области государства и общественныхъ отношеній, въ зависимости отъ того, что возникало въ одной странѣ и переходило въ другія, отъ взаимодѣйствія между отдѣльными націями, отъ пріобщенія къ совмѣстной исторической жизни новыхъ народовъ, - таковы рамки, въ которыхъ можетъ быть уложена общая исторія Востока, хотя, конечно, внѣ этихъ рамокъ осталось бы весьма многое такое, что имѣетъ значеніе только въ жизни одной какой-либо страны. Но такова сущность всякой общей исторіи въ смыслѣ не простой суммы исторій частныхъ. Съ точки зрѣнія обща-

го культурнаго типа возможно притомъ объ=
единить разсмотрѣніе такихъ странъ, кото=
рыя не находились въ общеніи между собою; здѣсь
возможно историческое построеніе по сра=
внительному методу, имѣющему въ настоя=
щее время такое широкое примѣненіе въ на=
укѣ. Но сравнительный методъ уже не стѣ=
сняется ни временемъ, ни пространствомъ,
что тѣмъ болѣе не мѣшаетъ ему, конечно,
примѣняться къ фактамъ, относящимся къ
къ опредѣленнымъ мѣстамъ и эпохамъ; за
слабымъ все-таки общеніемъ между древни=
ми народами Востока, за болѣе рѣзко выра=
женными національными ихъ особенно=
стями, - все это, разумѣется, въ сравненіи,
напримѣръ, съ романо-германскимъ мі=
ромъ, — примѣненіе сравнительнаго
метода къ исторіи древняго Востока
можетъ еще болѣе способствовать един=
ству ея построенія. Конечно, что сра=
внительное изученіе историческихъ фак=
товъ, доставляемыхъ восточными наро=
дами, и въ данномъ случаѣ, т.е. не буду-
чи главною задачею, а только подспорьемъ
въ достиженіи совсѣмъ иной цѣли,
нежели та, къ какой стремится

сравнительное изученіе вообще,-должно опирать=
ся на точномъ знаніи этихъ фактовъ, взя=
тыхъ въ отдѣльности, но уже одно то, что сводятся
вмѣстѣ факты изъ жизни разныхъ наро-
довъ, указываетъ на внесеніе нѣкоторыхъ
общихъ идей въ историческое построеніе.

Теперь намъ необходимо установить нѣ=
которыя общія понятія и обозначить нѣ=
которыя явленія, безъ которыхъ исторія
Греціи не можетъ быть понята. Вообще
въ исторіи есть нѣсколько общихъ вопро=
совъ, на которые иногда даются отвѣты совер=
шенно различные, но которые необходимо разъ=
яснить себѣ какимъ-бы то ни было способомъ.
Такими вопросами, напримѣръ, являются
вопросы, почему культурная жизнь началась
на востокѣ, почему началась въ извѣстныхъ
именно мѣстностяхъ и переходила съ во=
стока на западъ, отъ однихъ народовъ къ
другимъ; почему не всѣ народы, а только нѣ=
которые вступили въ историческую жизнь.
Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ необходимо обратить
вниманіе на то, благодаря какимъ источ=
никамъ, мы можемъ представить себѣ древ-
нюю жизнь народовъ Греціи. Но рѣшеніе всѣхъ
этихъ вопросовъ невозможно прежде разсмотрѣ=

Лит. стр. Э. В. Поляковой. Невск. пр. 130-138.

нія условій и вліяній, подъ которыми развивается историческая жизнь.

История — это драма, сцена которой географическія условія страны, а актеры народы, дѣйствующіе на этой сценѣ. Слѣдовательно историческая жизнь зависитъ отъ этой сцены — географическихъ условій, и актеровъ, т.е. дѣйствующихъ въ исторіи народовъ. Мысль о томъ, что историческая жизнь народовъ зависитъ отъ условій географическихъ, — не нова; она высказывалась еще древними писателями, но только въ XVIII вѣкѣ французскій писатель Монтескье высказалъ ее вполнѣ опредѣленно въ своемъ сочиненіи „Духъ законовъ". Онъ говоритъ, что законы каждаго государства и исторія государства обусловливаются внѣшними вліяніями и главнымъ образомъ климатомъ. Нѣсколько позднѣе эта мысль была высказана Гердеромъ въ его сочиненіи „Идеи по философіи исторіи" и наконецъ, вполнѣ развитой она является у англійскаго ученаго Бокля; онъ, указывая вліянія внѣшней природы на исторію человѣчества, не ограничивается вліяніемъ одного климата, но принимаетъ во вниманіе и другія условія, какъ то общее строеніе, почву, естественныя про=

В Цуриков

изведенія страны и общій видъ ея. Онъ проводитъ параллель между природой Греціи, которая воспитала эстетическій духъ Грековъ и природой Индіи съ ея потрясающими явленіями и дикими животными; вообще, природой вселяющей ужасъ и страхъ. Бокль указываетъ на различіе греческой миѳологіи и миѳологіи Индіи: греческіе боги имѣютъ человѣческій образъ и представляютъ идеалы, к.к. моральные, т.к. и физическіе; въ Индіи же это страшила и чудовища.

Такимъ образомъ та теорія, которая представляла изъ себя вначалѣ лишь теорію климатическаго вліянія, стала расширяться и обратилась въ теорію географической среды. Эта теорія имѣетъ въ числѣ своихъ представителей недавно умершаго профессора Мечникова, занимавшаго каѳедру въ Лозаннѣ. Онъ въ своемъ сочиненіи: „La civilisation et les grands fleuves historiques" проводитъ ту мысль, что исторія развитія человѣческихъ племенъ обусловливается географической средой. Географическая теорія встрѣчаетъ много противниковъ; критики ея указываютъ на то, что хотя въ ней много вѣрнаго, но что она сама по себѣ не объясняетъ всей исторіи. Они говорятъ, что географи-

ческія условія Востока, гдѣ когда-то процвѣта=ла образованность, остались тѣ же самыя, но цивилизація прекратилась. Слѣдовательно, развитіе цивилизаціи нельзя объяснить одни=ми только географическими условіями. И вотъ на смѣну является другая теорія, тео=рія расы; она на первое мѣсто ставитъ не географическія условія, а происхожденіе самаго народа и его природныя способности. Ученые, сто=ящіе на сторонѣ этой теоріи, указываютъ между прочимъ на тотъ фактъ, что когда Гре=ки населили балканскій полуостровъ, они раз=вили тамъ блестящую цивилизацію, но когда пришли туда Турки, то ничего не могли сдѣ=лать при тѣхъ же самыхъ географическихъ условіяхъ. Эта теорія имѣетъ много предста=вителей, изъ числа которыхъ болѣе видное мѣсто занимаетъ французскій ученый Ре=нанъ, въ спеціальномъ сочиненіи по исторіи семитическихъ языковъ, онъ развиваетъ эту теорію.

Теорія эта заключаетъ много преувеличеній, для того, чтобы послѣдовательно проводить ее, необходимо признать нѣсколько положеній, ко=торыя на самомъ дѣлѣ не доказаны, да и врядъ ли могутъ быть доказаны. Св... [illegible]

1) Необходимо признать, что каждая отдѣльная раса состоитъ изъ совершенно однородныхъ особей, что всѣ представители ея сдѣланы по одному образцу. Но это положеніе легко опровергается дѣйствительностью.

2) Признаки расы постоянны и не измѣняются съ теченіемъ времени. Дѣйствительно нѣкоторые факты указываютъ, что существуютъ общія черты, передающіяся изъ рода въ родъ. Тк. описаніе Галловъ, найденное у Юлія Цезаря, сходно съ характеристикой современныхъ Французовъ.

Но есть также факты, которые указываютъ на совершенное перерожденіе народа. Напримѣръ, современные Греки совершенно непохожи на Грековъ древнихъ.

3) Но если мы даже и докажемъ постоянство расы, то нельзя объяснять все одной лишь наслѣдственностью, необходимо признать вліяніе воспитанія и жизни въ извѣстной обстановкѣ. Во всякомъ случаѣ теорія расы имѣетъ многое за себя, но нельзя, разумѣется, придавать ей исключительнаго значенія, кк. это дѣлаетъ Ренанъ, объясняющій всѣ особенности истор. семитическихъ народовъ только ихъ прирожденнымъ характеромъ и прирожденными способностями. Точно также нельзя

[illegible]

признавать одной только географической теоріи, потому что она будетъ объяснять историческія событія лишь только съ одной стороны. Необходимо, значитъ, признавать объ теоріи. Теперь мы разсмотримъ древнія цивилизаціи съ точки зрѣнія обѣихъ теорій.

Древнія цивилизаціи — это Египетская, развившаяся въ долинѣ рѣкъ Тигра и Евфрата, т. е. Ассиро-Вавилонская, въ третьихъ Индійская и наконецъ Китайская. Если мы будемъ сравнивать географическія условія, въ которыхъ были поставлены Египтяне, Ассиро-Вавилоняне, Индусы и Китайцы, то увидимъ много общихъ чертъ.

1) Они лежали приблизительно въ однѣхъ широтахъ.
2) благодаря одинаковымъ широтамъ, климатъ ихъ также приблизительно одинаковъ.
3) Одинаковы также мѣстныя условія этихъ территорій

Подобные факты нельзя считать случайными; слѣдовательно въ условіяхъ географическихъ мы должны искать объясненія, почему цивилизація началась въ тѣхъ, а не иныхъ странахъ. Такъ какъ для выхода народовъ изъ дикаго состоянія необходимы были благопріятныя условія, которыхъ

Желѣзн

не представляютъ, напримѣръ, дикая, пустынная Сахара или мѣстности, лежащія близь Ледовитаго океана, то мы должны заключить, что мѣстностями наиболѣе благопріятными для начала исторической жизни являются эти четыре территоріи.

Представителями исторической жизни являются поочередно Европейцы, Римляне, Греки и Персы; всѣ они принадлежатъ къ одной Арійской расѣ. До Арійской расы господствовала Семитическая въ лицѣ Ассиро-Вавилонянъ, Финикійцевъ и Евреевъ. Но если мы и различаемъ эти двѣ расы, то только на основаніи ихъ языка; въ смыслѣ же антропологическомъ обѣ эти расы принадлежатъ къ одному большому племени Кавказскому или Средиземно-морскому. Такимъ образомъ мы видимъ, что господствовало одно племя Кавказское, раздѣляющееся на двѣ части: Арійцевъ и Семитовъ. Но первоначально культурная жизнь зародилась у народовъ Туранской расы. Подобный переходъ исторической жизни отъ однихъ народовъ къ другимъ, мы объясняемъ себѣ приложивши теорію расъ. Семитическая раса была болѣе одарена, чѣмъ раса Ту=

ранская

ранская и потому первая вытѣснила вторую; будучи же одарена меньше Кавказской расы, Семитическая была въ свою очередь вытѣснена Кавказской.

Указавши такимъ образомъ общіе факты, перейдемъ къ частнымъ, къ особенностямъ географическимъ и этнографическимъ, благопріятствующимъ зарожденію исторической жизни на Востокѣ. Относительно этого Бокль въ одномъ мѣстѣ своего труда говоритъ: „Въ Азіи цивилизація всегда ограничивалась тою обширной полосой, гдѣ плодородная наносная почва обезпечивала человѣку необходимую долю богатства, безъ которой умственное развитіе не можетъ начаться. Эта громадная область простирается съ небольшими перерывами отъ восточной части южнаго Китая до западныхъ береговъ Малой Азіи, Финикіи и Палестины. Указавъ на неблагопріятныя условія для культурной жизни, представляемыя землями на сѣверъ отъ этой полосы, равно кк. Аравіей и всей сѣверной Африкой, англійскій историкъ продолжаетъ: „вся восточная часть африканской пустыни орошается водами Нила, илъ котораго покрываетъ песчаную почву плодородными полосами и такимъ образомъ, трудъ получаетъ обиль-

ное, чрезвычайное вознагражденіе," и въ этомъ Бокль и видитъ причину того, что „узкая долина Нила сдѣлалась мѣстомъ рожденія египетской цивилизаціи." Общій выводъ отсюда дѣлается такой: „въ Азіи, въ Африкѣ причиной цивилизаціи было плодородіе почвы, приносящей обильныя жатвы; въ Европѣ — болѣе счастливый климатъ, побуждающій къ болѣе усиленной работѣ. Въ первомъ случаѣ результатъ зависитъ отъ отношенія между почвой и ея произведеніями, словомъ, отъ простого дѣйствія одной части внѣшней природы на другую; въ послѣднемъ — отъ отношеній между климатомъ и работникомъ, т. е. отъ вліянія внѣшней природы не на самое себя, а на человѣка. Изъ этихъ двухъ разрядовъ отношеній первый, к. к. менѣе сложный, менѣе подлежитъ колебаніямъ и потому раньше проявляется. Вотъ почему въ движеніи цивилизаціи первые шаги несомнѣнно принадлежатъ болѣе плодоноснымъ странамъ, Азіи и Африкѣ." Въ этихъ словахъ Бокля отмѣчена дѣйствительно важная особенность возникновенія древнѣйшихъ цивилизацій: онѣ были всѣ порождены странами съ весьма плодородной почвой. Египетъ въ древности былъ настоящей „житницей міра," самъ будучи „даромъ Нила," который послѣ разлива оставлялъ жирные остатки тропической почвы.

Литогр. В. В. Комарова Невск. пр. 136-138.

Второй колыбелью цивилизаціи былъ Сенааръ (Ва-
вилонія), южная часть „Междурѣчья," образуемаго Тигромъ и Евфратомъ, которые своими разливами также утучняли почву; въ свое время здѣсь былъ настоящій „садъ Азіи," какимъ былъ нѣкогда и сосѣдній Эламъ; третья колыбель цивилизаціи — на ближайшемъ къ намъ Востокѣ. Извѣстно такъ же, что роскошная долина Инда и Ганга, гдѣ равнымъ образомъ развилась самостоятельная культура, относится къ числу плодоноснѣйшихъ странъ въ свѣтѣ. Наконецъ и Китай, также рано ставшій родиной весьма древней культуры, равнымъ образомъ славился своимъ плодородіемъ. Съ другой стороны, всѣ названныя страны лежатъ въ очень тепломъ климатѣ, южнѣе 40° с. ш., гдѣ всѣ человѣческія потребности легко удовлетворяются. Самостоятельное возникновеніе древнѣйшихъ цивилизацій въ земляхъ, лежащихъ приблизительно въ однѣхъ и тѣхъ же широтахъ и представляющихъ приблизительно одинаковыя условія относительно почвы, указываетъ на то, какую важную роль играла физическая природа при зарожденіи культурной жизни. Замѣчательно, что и въ Новомъ Свѣтѣ Мексика и Перу, имѣвшія нѣкоторую цивилизацію до прихода Европейцевъ въ Америку, относительно плодородія почвы и теплоты климата, а также мѣст-

ственныхъ произведеній очень легко подводятся подъ общія черты, характеризующія природу Египта, Месопотаміи, Индустана и Китая; — лишнее указаніе на тѣ географическія условія, которыя были наиболѣе благопріятны для возникновенія цивилизаціи: вмѣстѣ съ Бокклемъ мы можемъ принять, что эти условія — весьма плодородная почва и очень теплый климатъ, хотя бы мы и не приняли всѣхъ выводовъ, дѣлаемыхъ авторомъ „Исторіи цивилизаціи въ Англіи" изъ этихъ двухъ факторовъ для соціальной исторіи народовъ, населяющихъ названныя страны. Культурные оазисы среди варварской пустыни, прежде чѣмъ стать таковыми, уже были оазисами и въ физическомъ смыслѣ среди иногда колоссальной пустыни: собственно говоря, Египетъ и Месопотамія, напр. суть лишь два оазиса, прерывающіе колоссальную пустыню, частями которой представляются намъ даже Сахара и Гоби.

Приведемъ теперь еще нѣкоторые примѣры большого вліянія топографическихъ условій. Египтяне обязаны разлитію Нила плодородіемъ почвы; но вмѣстѣ съ тѣмъ каждый разъ послѣ разлитія Нила уничтожались всѣ знаки межъ; приходилось дѣлить снова землю — и вотъ, для

удовлетворенія этой потребности, зародилась и развилась геометрія. Точно также Вавилонъ, обладающій тыми же географическими условіями, является родоначальникомъ прикладныхъ математическихъ наукъ.

Кромѣ того, при разлитіи кк. Тигра, т.к. и Нила оставалась послѣ разлива вода, нужно было отводить ее. Въ Египтѣ и Вавилонѣ развилась канализація и гидравлическое искусство. Мало того, это обстоятельство имѣло вліяніе и на политическое устройство. Для производства работъ было слишкомъ недостаточно одиночныхъ силъ, а потому образовались обширныя общественныя организаціи, производившія ихъ.

Изъ этого видно, какое огромное вліяніе имѣли на бытъ географическія условія и что одинаковыя условія дѣйствуютъ одинаково и на различные народы.

Существуетъ новѣйшая географическая теорія; она разработана въ сочиненіи Мечникова: „La civilisation et les grands fleuves historiques.

Авторъ указываетъ, что развитіе цивилизаціи имѣетъ первоначально чисто рѣчной характеръ. За періодомъ рѣчнымъ авторъ признаетъ существованіе новаго

періодъ, т. е. сосредоточеніе цивилизаціи близъ моря. Такимъ моремъ является Средиземное. Третій періодъ, который начинается съ конца среднихъ вѣковъ, когда было открыто много морей, періодъ океаническій, главную роль играетъ Атлантическій океанъ. Я не буду останавливаться на разсмотрѣніи всей этой теоріи, остановлюсь только на той части, которая имѣетъ отношеніе къ нашему предмету и которая къ разъ, особенно полно развита у автора, слѣдовательно на рѣчной цивилизаціи.

„Если, говоритъ Мечниковъ, мы обратимъ вниманіе на географическія условія тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ проявляется впервые каждая изъ четырехъ древнѣйшихъ историческихъ цивилизацій, то мы тотчасъ же замѣтимъ, что онѣ представляютъ одну общую черту, а именно: всѣ четыре цивилизаціи проявляются на берегахъ нѣкоторыхъ рѣкъ, которыя (за единственнымъ исключеніемъ Нила) вовсе не числятся въ ряду большихъ рѣкъ земнаго шара и которыя (безъ всякаго исключенія) не поражаютъ ни своей пригодностью для внутреннихъ сообщеній, ни своимъ водообиліемъ."

Не указывая здѣсь на особенности, отли-

[illegible]

чающія эти большія историческія рѣки отъ другихъ водяныхъ гигантовъ Стараго и Новаго Свѣта, онъ отмѣчаетъ только слѣдующее сходство между этими рѣками. „Египетъ, — кк. говорилъ уже про него Геродотъ — есть даръ Нила; жизненными артеріями передней Азіи, гдѣ возникли и развились пышныя и могучія Ассиро-Вавилонскія цивилизаціи, являются Тигръ и Евфратъ; арійская цивилизація въ Индіи долгое время имѣла своимъ единственнымъ поприщемъ бассейнъ Инда и Ганга; наконецъ, древнѣйшую китайскую колонизацію мы можемъ прослѣдить на среднемъ Хоанг-хо, спускающемся по рѣчнымъ долинамъ на югъ и на юго-востокъ къ среднему и нижнему Янцзе-Дзяну (Янцзы-Кьяну)“. Это общее сопоставленіе находитъ дальнѣйшее развитіе въ слѣдующихъ краткихъ указаніяхъ на исторію каждой изъ названныхъ четырехъ цивилизацій въ отдѣльности. На первомъ мѣстѣ поставленъ Египетъ.

„Въ настоящее время, говоритъ Мечниковъ, спеціалистами признано, что древнѣйшимъ поприщемъ египетской цивилизаціи служила долина отъ Дельты до перваго порога, близъ Ассуана. Съ интересующей насъ точки

зрѣнія, чрезвычайно характернымъ являет-
ся выборъ древнѣйшей изъ египетскихъ сто-
лицъ въ Мемфисѣ, у самой вершины Дельты.
Египетская цивилизація исторически, такимъ
образомъ, является намъ въ первый разъ въ нѣ-
сколькихъ верстахъ отъ Средиземнаго моря;
но какъ будто для того, чтобы оттѣнить свой
рѣчной характеръ, она поворачивается къ мо-
рю спиною и направляется вверхъ по теченію
рѣки, на югъ, въ Ѳиваиду и дальше, до самаго
Мероэ. Многіе справедливо замѣчаютъ, что
перенесеніе фараоновой столицы ближе къ
морю, въ Саисъ является не только въ позд-
нѣйшую пору упадка, но что оно же само
ускоряетъ въ значительной мѣрѣ процессъ
разложенія этой древнѣйшей историче-
ской цивилизаціи и ея замѣщеніе другой.
Египтяне считали море проклятою, от-
верженной стихіей, входить въ общеніе съ
которой было бы грѣшно. Ихъ жрецамъ
строго воспрещалось сноситься съ мореxо-
дами и флотъ, который фараоны принуж-
дены были завести въ позднѣйшія време-
на, состоялъ изъ наемниковъ. Плутархъ
очень подробно излагаетъ тѣ мистическія
мотивы, которыми египтяне еще и въ его

[illegible]

времена объясняли самимъ себѣ это свое отвращеніе отъ моря. Дѣйствительныя же причины такой ихъ моребоязни вытекали довольно просто изъ сущности ихъ положенія. Пока теченіе Нила не было приведено въ порядокъ вѣковыми работами канализаціи, рѣка эта, тотчасъ же за Мемфисомъ, развѣтвлялась на множество болотистыхъ рукавовъ, нагромождавшихъ илъ и наносы у берега моря. Дельта въ окончательномъ своемъ видѣ является продуктомъ цивилизаціи больше, чѣмъ природы; первоначально же она представляла изъ себя необитаемую болотную мѣстность, испещренную во всѣхъ направленіяхъ затоками и застоями прѣсной и морской воды, заражавшими воздухъ своими тлетворными испареніями. Кк. народъ исключительно земледѣльческій, египтяне не имѣли повода интересоваться моремъ; да оно и дѣйствительно не имѣло для нихъ значенія до тѣхъ поръ, пока берега его оставались или совсѣмъ пустынными, или же были населены троглодитами. Когда же, значительно позднѣе, по синимъ волнамъ этого по преимуществу культурнаго изъ морей стали плавать лодки фи-

финикійскихъ, Критскихъ, Малоазіатскихъ и греческихъ пиратовъ, то они стали только новою грозою для поморскихъ египетскихъ народовъ и сел, богатство которыхъ служило для нихъ особенно лакомой приманкой. Появленіе этихъ морскихъ разбойниковъ произвело въ царствѣ фараоновъ совершенную панику. Скоро, продолжаетъ авторъ, пришлось откупаться отъ морскихъ разбойниковъ, нанимать ихъ же на фараонову службу, для охраненія морскаго берега отъ другихъ такихъ же пришельцевъ. Когда же на Средиземномъ морѣ прочно утвердились такіе могущественные соперники, кк. финикійскіе малоазіатскіе и греческіе республиканскіе союзы, то передъ <u>рѣчной</u> спокой-нъ-вѣка египетской цивилизацией открывалось только двѣ дороги: или превзойти своихъ противниковъ морскимъ могуществомъ, или же стушеваться. На первое у нея уже не хватало жизненности, а потому съ тѣхъ дальнихъ поръ и до настоящаго времени Египетъ уже не имѣетъ самостоятельнаго историческаго существованія, а только выноситъ на своихъ плечахъ непрерывный рядъ чуждыхъ завоеваній."

Тѣ же самыя явленія съ нѣкоторыми из-

Литогр. В. В. Комарова Невск. пр. 136-138.

Крестовъ.

ными особенностями представляетъ для Мечникова и исторія Месопотамской цивилизаціи, т.к. онъ находитъ замѣчательную аналогію географическаго положенія древнѣйшихъ столицъ Халдеи — отъ Эридуна до Ура и Вавилона съ положеніемъ Мемфиса и Ѳивъ. Вотъ к.к. развиваетъ онъ свою теорію. Близкіе на первый взглядъ къ внутреннему морю (Персидскій заливъ) города эти были въ дѣйствительности отдѣлены отъ него негостепріимной болотной полосой, которую образовывали устья Евфрата и Тигра, прежде чѣмъ трудъ и искусство многочисленныхъ поколѣній не вывели ихъ изъ природнаго хаоса и не вогнали въ одно русло Шатъ-Эль-Араба. Какъ въ Египтѣ, т.к. точно и въ Месопотаміи, цивилизація въ теченіи почти двадцати вѣковъ отворачивается отъ моря и устремляется вверхъ по рѣкамъ, породившимъ ее, къ Арарату, имѣя главными своими средоточіями внутренніе города: Ассуръ, Ниневію, Кархемышъ, т.е. и здѣсь точно также к.к. на Нильскихъ берегахъ, историческая цивилизація переживаетъ долгій первичный или рѣчной періодъ, прежде чѣмъ — не раньше VII ст. до Р.Х. — естественный ходъ времени ставитъ

и передъ ней въ свою очередь роковую дилемму: преобразиться въ морскую цивилизацію, т.е. вступить въ новый возрастъ своего развитія, или же стушеваться передъ болѣе высшими цивилизаціями, успѣвшими уже расцвѣсть на средиземноморскихъ берегахъ, усвоивъ себѣ наслѣдство семитской исторіи." Отъ этой аналогіи авторъ переходитъ къ изложенію судебъ второй изъ нихъ, взятой въ отдѣльности.

„Цивилизація эта, говоритъ онъ, к.к. египетская, развивается изрядно долго въ рѣчной, континентальной средѣ, сухимъ путемъ, распространяя свое историческое вліяніе на всю юго-западную Азію и проникая не раньше VIII столѣтія древней эры, въ Индію точно также сухимъ путемъ. Только со времени пышнѣйшаго расцвѣта ассирійскаго могущества, т.е. съ походовъ Салманасара, сношенія Месопотаміи съ Индіей становятся достовѣрными; индійскія животныя слоны, носороги начинаютъ изображаться на ассирійскихъ памятникахъ и торговля съ Индіей начинаетъ играть видную роль въ жизни западно-азіатскаго міра. Но затѣмъ очень скоро въ исторіи ассиро-вавилонской цивилизаціи обна-

руживается неожиданный очень рѣзкій переворотъ. Континентальная Ассирія, казалось, навсегда упрочившая свое владычество въ тогдашнемъ историческомъ мірѣ, падаетъ внезапно, и первенство снова возвращается въ забытый, столько разъ уже разрушенный Вавилонъ, едва сохранившій значеніе провинціальнаго города. Съ этихъ именно поръ, т.е. съ возникновенія т.к. называемой второй вавилонской монархіи, для месопотамской цивилизаціи наступаетъ рѣшительный морской или вторичный историческій періодъ. Въ этомъ мы убѣждаемся уже по тому усердію, съ которымъ Навуходоносоръ, главный зиждитель позднѣйшаго Вавилонскаго могущества старается открыть своей столицѣ доступъ къ морю и сдѣлать изъ нея главный центръ сношеній съ Индіей. Для этой цѣли онъ сооружаетъ тотъ громадный каналъ, который и теперь еще у мѣстныхъ жителей носитъ названіе царскаго. Политическое могущество ново-вавилонской монархіи продолжается всего нѣсколько десятковъ лѣтъ. Скоро персидское завоеваніе кладетъ конецъ месопотамской независимости и даже грозитъ повернуть исторію юго-западной Азіи назадъ къ открытымъ

В. Жуковскій

уже рѣчнымъ временамъ."

Только въ дѣятельности Александра Македонскаго усматриваетъ Мечниковъ „пресѣченіе реакціонной дѣятельности персидскихъ царей." Дальнѣйшей исторіи юго-западной Азіи онъ не пересказываетъ, т.к. к.к. его задачею было только показать, что и въ Месопотаміи, к.к. въ Египтѣ, исторія начинается съ того же первичнаго рѣчнаго періода, изъ котораго впослѣдствіи, к.к. естественное продолженіе его, развивается періодъ морской; хотя тутъ же отмѣчается и различіе. "Только Египетъ, не находя въ себѣ силъ пережить роковой кризисъ, ознаменовывающій переходъ изъ рѣчнаго цивилизаціоннаго періода во вторичный, морской, рано исчезаетъ со всемірно-историческаго поприща. Ассиро-Вавилонская цивилизація наоборотъ благополучно переживаетъ этотъ переломъ, а потому сохраняетъ еще въ теченіе долгихъ вѣковъ и жизненность и культурное значеніе, хотя средоточіе ея и передвигается: мѣсто Вавилона занимаетъ Селевкія на Тигрѣ, Ктузифонъ и Багдадъ съ портомъ Бассора."

Въ исторіи Индіи и Китая, Мечниковъ находитъ тотъ же неизбѣжный последова=

Чичаковъ

тельный переходъ отъ рѣчного историческаго періода къ слѣдующему, т.е. морскому, "только окрашенный своими мѣстными красками, усложненный иными подробностями, что, кк. онъ говоритъ, не лишаетъ подтвержденія и самъ общаго закона въ полной силѣ." Онъ даже утверждаетъ, что „Индія сравнительно скоро утрачиваетъ свое міровое культурно-историческое значеніе именно, потому что созидающія рѣки открываютъ ей довольно плохой доступъ къ двумъ очень невыгодно одареннымъ природой внутреннимъ морямъ. Къ тому же, замѣчаетъ онъ, вмѣстѣ съ Китаемъ, -кк. выше уже было замѣчено,- она и является уже нѣсколько запоздалою на всемірно-историческомъ поприщѣ. Вслѣдствіе этой запоздалости, по мнѣнію географа, исторія восточно исторической группы представляетъ болѣе спеціальный узкій интересъ, имѣя немного точекъ соприкосновенія съ міровой исторіей запада."

Эти общія соображенія ложатся въ основу даже цѣлаго построенія географической схемы всемірной исторіи, тк. кк. сдѣлавъ изъ рѣчного періода первый ея періодъ, авторъ географической теоріи двумя другими считаетъ періодъ

Ст—[illegible]

морской и океаническій. По его опредѣленію, «второричный, т.е. морской періодъ въ широкихъ размѣрахъ наступаетъ въ всемірной исторіи съ появленіемъ финикійскихъ республиканскихъ федерацій на берегахъ Средиземнаго моря," и на его взглядъ «главнѣйшая заслуга Финикіянъ заключается именно въ томъ, что они перенесли всемірную исторію изъ рѣчной географической среды въ среду средиземноморскую. Ближайшимъ послѣдствіемъ такого перемѣщенія онъ считаетъ то, что, цивилизаціи, жившія до сихъ поръ изолированно одна отъ другой, въ тѣсной зависимости отъ судьбы какого-нибудь народа, смѣнились цивилизацией, имѣющей уже общій, космополитическій характеръ. Съ этихъ поръ, продолжаетъ Мечниковъ, отдѣльныя націи хотя могутъ слабѣть, блѣднѣть, исчезать вовсе съ историческаго поприща, но свѣточъ всемірной культуры не гаснетъ уже никогда. Отъ Финикіянъ его перенимаютъ Эллины, вызывающіе къ исторической жизни Италію и Римъ, создающіе ту имперію, которую иначе и нельзя назвать, кк. средиземноморской, потому что въ ней не преобладалъ ни одинъ націоналистическій элементъ, а участвовали всѣ народы,

Италіи

живущіе вокругъ Средиземнаго моря." Правда, было время, когда „Европа погрузилась въ глубь мрака, но въ эту именно эпоху, кк. выражается Мечниковъ, всемірно-историческое развитіе нашло себѣ новыхъ подвижниковъ и борцовъ, въ лицѣ тѣхъ месопотамскихъ семитовъ, которые переживали въ это время свой вторичный историческій періодъ, имѣвшій своимъ средоточіемъ близкій отъ Вавилона Багдадъ, а своею географической средой - Персидскій заливъ, т.е. своего рода Средиземное море. Увлекаемыя мусульманскою пропагандою, покорныя волѣ багдадскаго калифа, эти несмѣтныя полчища арабскихъ кочевниковъ идутъ на западъ, увлекая съ собой народы африканскаго прибрежья и несутъ съ собой наслѣдіе вѣковъ уже отжитыхъ культуръ. Пріютомъ этого дорогого наслѣдія на долгія времена становятся мавританскія королевства въ Испаніи."

Вотъ съ этой-то точки зрѣнія то, что мы называемъ обыкновенно „древностью" распадется на два отдѣла: „первый періодъ изолированныхъ цивилизацій, имѣющихъ географическимъ своимъ поприщемъ извѣстную рѣчную среду, и второй періодъ цивилизаціи космо-

политической, имѣющей своимъ поприщемъ бас-
сейнъ какого нибудь Средиземнаго или внутрен-
няго моря."

Нѣкоторыя черты этой замѣчательной теоріи высказывались еще раньше Мечникова, но тк. полно сформированной она не являлась никогда. Для болѣе полной характеристики теоріи, выясненной Мечниковымъ, надо указать еще на одну черту распространенія цивилизаціи, на распространеніе ея параллельно движенію солнца; т.е. съ востока на западъ.

Изъ всего сказаннаго, относительно зарожденія и распространенія цивилизаціи, мы такимъ образомъ, можемъ сдѣлать два вывода.

1) Историческая жизнь возникаетъ въ жаркомъ климатѣ и въ плодородной мѣстности, отсюда она распространяется въ страны съ почвой менѣе плодородной и климатомъ менѣе теплымъ.

2) Цивилизація зарождается и развивается первоначально исключительно въ мѣстахъ, обмываемыхъ большими рѣками; далѣе она распространяется уже по континенту, къ берегамъ внутреннихъ морей, каковы Персидскій заливъ, Средиземное, Балтійское, Нѣмецкое.

Теперь перейдемъ къ вопросу, какія расы и въ ка-

Литогр. В. В. Комарова. Невск. пр. 136-138.

кая порода дѣйствовала въ исторіи. Для рѣшенія этого вопроса у насъ нѣтъ точныхъ и положительныхъ свѣдѣній, но нѣкоторые данные все таки позволяютъ судить о немъ. Такими данными являются

1) Найденные въ мѣстахъ, гдѣ когда-то развивалась цивилизація, кости мумій и черепа, позволяющіе судить о томъ, какая раса господствовала въ данной мѣстности.

2) Найденныя въ Египтѣ и Ассиро-Вавилонѣ изображенія. Напримѣръ, изображенія битвъ, на которыхъ, несмотря на незначительное развитіе живописи у Египтянъ, можно отличать Египтянъ отъ другихъ народовъ.

Сходство Евреевъ съ изображеніями этихъ народовъ заставляетъ думать, что эти изображенные Египтянами народы относятся къ семитической расѣ.

3) Языкъ. На основаніи языка можно соединять отдѣльныя племена въ цѣлыя семейства. Напр. сходство языковъ польскаго, болгарскаго, чешскаго, русскаго заставляетъ признать происхожденіе ихъ отъ одного языка славянскаго. (Итальянскій, Румынскій, Французскій отъ испорченнаго латинскаго языка, на которомъ говорили низ-

чія сословій провинцій.)

Когда европейцамъ сдѣлались извѣстными языки Санскритскій и Зендъ (Индія и Иранъ) то было положено Боппомъ основаніе цѣлой науки, называемой „сравнительной грамматикой." Благодаря ей, доказано, что Индусы, Персы, Греки, Римляне, Кельты, Германцы, Литовцы и Славяне — всѣ принадлежатъ къ одному племени — арійскому или индоевропейскому. Вотъ нѣсколько сходныхъ словъ на различныхъ языкахъ, взятыхъ соотвѣтственно.

Санск.	Греч.	Латин.	Герм.	Слав.
Питеръ	Патеръ	Pater	Vater	—
Матаръ	Метеръ	Mater	Mutter	Матерь
Бхратеръ	—	Frater	Bruder	Братъ
Свасаръ	—	Soror	Schwester	сестра
Дамо	домосъ	domus	—	домъ
Двара	Оюра	fores	Thür	дверь
Ависъ	оисъ (= овисъ)	ovis	—	овенъ, овца
хансa	хенъ	anser	—	гусь
Югамъ	зюгонъ (= югонъ)	—	Joch	иго
Два	дюо	duo	Zwei	два
три	трейсъ	тресъ	drei	три
чатваръ	—	quatuor	—	четыре
панчанъ	пенте	—	—	пять

Санскр.	Греч.	Латин.	Германск.	Слав.
шашъ	гексъ (=сексъ)	sex	sechs	шесть
саптанъ	гепта (=септа)	septem	—	седмь септмь
аштанъ	окто	octo	acht	—
Asmi	еими = есми	—	—	есмь
асти	—	est	ist	есть
аза́мъ = агамъ	его	ego	ich	азъ
твамъ = туамъ	тю = сю	tu	du	ты
Девасъ	Ѳеосъ	deus	—	(дивный)
Дьяусъ род.	Дзеусъ			
Дивасъ	род. Діосъ = Дивосъ			
Дьяушпиторъ т.е. небо отецъ		Jupiter = Djupiter		

На основаніи сравнительнаго изученія языковъ дѣлались попытки объяснить, въ какой степени одни народы родственны другимъ. Одна изъ наиболѣе удачныхъ попытокъ, это попытка Шлейхера; онъ представляетъ слѣдующее генеалогическое дерево. [illegible]

Наука старается на основаніи данныхъ языка узнать бытъ Арійцевъ до ихъ раздѣленія на разныя племена. Когда находятъ общія у всѣхъ народовъ, принадлежащихъ къ арійскому племени, слова, то заключаютъ, что эти слова существуютъ съ того времени, когда всѣ эти народы составляли одно цѣлое. Находя одинаковыя названія различныхъ орудій, положимъ, заключало, что эти названія, а слѣдовательно и самыя орудія существовали у арійцевъ еще во время единства ихъ. Такая попытка была сдѣлана Пикте. Много гадательнаго, но сущность вѣрна.

Кромѣ Пикте, еще Шрадеръ: „Языкознаніе и первобытная культура."

Много общаго въ миѳологіи и въ обществе=

Нѣмецкое

номъ быту также указываетъ на родствен-
ность всѣхъ этихъ народовъ. По этому послѣд-
нему вопросу работали Максъ Мюллеръ; сочи-
неніе его „Общественная жизнь," и Фриманъ
„Сравнительная политика."

Т.к. к.к. Семиты и Арійцы дѣйствуютъ по-
преимуществу въ исторіи, то Ренанъ дѣла-
етъ попытку объяснить всю всемірную исто-
рію на основаніи различія арійской расы и ра-
сы семитической. Изъ другихъ занимающих-
ся этими же изслѣдованіями замѣчатель-
ны: Морицъ Карьеръ въ соч. „Искусство въ
связи съ общимъ развитіемъ культуры"
и проф. Хвольсонъ, сдѣлавшій характери-
стики семитическихъ народовъ сравнитель-
но съ арійскими. Всѣ эти попытки неу-
дачны. (См. разборъ II т. Основныхъ вопросовъ
Философіи Исторіи проф. Карѣева.) Непра-
вильность ихъ происходитъ оттого, что
самое основаніе, принятое для сравненія,
неправильно. Для расы Семитической эти
ученые берутъ только Евреевъ, а иногда еще
Арабовъ, а для расы арійской, преимуществен-
но лишь Грековъ; характеристику отдѣль-
но тѣхъ и другихъ они принимаютъ за ха-
рактеристику цѣлыхъ расъ Курловъ

2) Они не принимаютъ во вниманіе различія ступеней развитія и сравниваютъ ихъ. Разумѣется, народы на низшей ступени развитія и народы, стоящіе на болѣе высокой, много отличаются другъ отъ друга даже и тогда, когда принадлежатъ къ одному племени.

3) Они выбираютъ для сравненія явленія и факты совершенно произвольно.

4) Также произвольно у нихъ и употребленіе терминовъ. Напр: Ренанъ говоритъ: „Духъ семитовъ болѣе субъективенъ, а духъ Арійцевъ болѣе объективенъ." Понятія эти у самаго же Ренана встрѣчаются въ значеніяхъ совершенно неодинаковыхъ.

5) Далѣе названные писатели забываютъ одно важное обстоятельство: въ исторіи мы никогда не имѣемъ дѣла съ совершенно чистой расой, всегда она представляетъ изъ себя смѣшеніе нѣсколькихъ расъ.

Еще въ древніе времена народы не оставались на одномъ мѣстѣ, а переходили изъ одной страны въ другую, т.е. происходили т.к. называемыя миграціи. Одни народы сталкивались съ другими. Иногда эти столкновенія были враждебны, происходила борьба, и народъ-побѣдитель старался искоренить

Чаусовъ.

всѣ слѣды побѣжденнаго. Тк. напримѣръ, евреи заняв обѣтованную землю, должны были вести упорную и жестокую борьбу съ туземцами. Иногда же два племени сживались мирно, и происходило смѣшеніе. Это обстоятельство не позволяетъ намъ сдѣлать общую характеристику какой нибудь расы. Нѣтъ, напр. чертъ, которыя характеризовали бы только народовъ арійской расы, тк. кк. въ нее входятъ много народовъ совершенно другихъ расъ. Арійцы, придя въ Индію, нашли тамъ туземное племя, съ которымъ и смѣшались; придя въ Европу, они нашли и тамъ различныя племена, съ которыми смѣшались тоже. Въ крови русскихъ, напримѣръ, также принадлежащихъ къ арійской расѣ, много крови финскихъ племенъ. Нельзя также утверждать, что Греки составляютъ чистое арійское племя, потому что Арійцы застали въ Греціи автохтоновъ, съ которыми и смѣшались.

Возвратимся къ нашему предмету и обратимъ вниманіе на то, что во всѣхъ 4 территоріяхъ дѣйствуютъ различныя расы: Китайской—Туранская, Индусской—арійская; Месопотамской—туранская семитическая; послѣдняя цивилизація представляетъ изъ

себя полнѣйшее смѣшеніе языковъ, и Египетская цивилизація, основанная отдѣльной Хамитической расой.

Неодинаковость степени развитія всѣхъ этихъ расъ и окончательное возвышеніе надъ ними арійской заставляетъ историковъ признавать особенную одаренность этой расы и ею одной объяснять господство арійцевъ. Они говорятъ, что Греки первый народъ, имѣвшій свободное государственное устройство, но это не совсѣмъ правда.

Грекамъ предшествовали Финикіяне, семиты, имѣвшіе свободное государственное устройство и развившие цивилизацію и огромную колонизацію еще въ то время, когда Греки не выступали на историческое поприще.

Слѣдовательно мы не можемъ признавать вліянія только расовыхъ особенностей, но должны дополнить это разсмотрѣніемъ тѣхъ благопріятныхъ условій, въ которыхъ развивалась Греческая жизнь. Приведемъ для этого выдержку изъ „Введенія въ курсъ исторіи древняго міра."

„Если вы найдете въ любомъ историческомъ атласѣ и т.д. (стр. II, отд. I)

Надо замѣтить, что Греки и Римляне были

Литогр. В. В. Комарова Невск. пр. 136-138.

родственны между собой; было время, когда они составляли одинъ народъ. Это доказывается многимъ: 1) У Грековъ и Римлянъ была одна и также миѳологія: боги Грековъ тѣже, что и боги Римлянъ, иногда даже съ тѣми же именами.

2) Масса одинаковыхъ словъ, относящихся къ земледѣлію и скотоводству, что доказываетъ, что народъ, отъ котораго произошли Греки и Римляне, занимался до распаденія своего на отдѣльныя племена земледѣліемъ.

3) Одинакова у нихъ была и одежда: римская туника соотвѣтствовала греческому хитону; тога — соотвѣтствовала — гиматіону.

4) Главное оружіе — копье вполнѣ сходно у нихъ и носитъ одинаковое названіе.

5) Много сходства и въ общественномъ устройствѣ. Все это позволяетъ изучать параллельно исторію этихъ народовъ. Fustel de Coulanges въ своемъ сочиненіи: La cité antique разсматриваетъ исторію внутренняго быта Грековъ и Римлянъ параллельно вслѣдствіе тѣсной связи идей и общихъ чертъ.

Средоточіемъ дома у обоихъ народовъ былъ священный очагъ, на которомъ приносились жертвы домашнимъ богамъ; покровитель-

[illegible]

ница огня имъла почти одно и тоже названіе у обоихъ народовъ: У Грековъ она называлась Гестія, а у Римлянъ Веста (Надо замътить при этомъ, что латинское V у Грековъ произносилось кк. простое придыханіе.)

И у Грековъ и у Римлянъ существовалъ культъ мертвыхъ, т.е. почитаніе умершихъ предковъ. Брачные обряды очень схожи. До начала государственнаго устройства и тъ и другіе дълились на роды; роды эти были одного происхожденія; иногда же нъсколько семействъ воображая, что у нихъ общій предокъ, соединялись и составляли родъ искуственный.

Указавши на то мъсто, которое занимаетъ Греція въ исторіи человъчества и съ отношеніемъ Греціи къ Востоку, обративъ вниманіе на географическія условія, въ которыхъ развилась древняя цивилизація, а также и на то, какія національности и расы выступали на сцену исторической жизни, мы перейдемъ теперь къ разсмотрънію исторіи Востока. Я не буду останавливаться на разсмотръніи фактовъ тк. называемой политической жизни и главное вниманіе обращу на вліяніе Востока на Грецію. (Изъ трудовъ по исторіи Востока были

[illegible]

указаны слѣдующіе: Ленормана, Дункера, Масперо, Эдуарда Мейера; для первоначальнаго ознакомленія — Краткая исторія Востока Ванденберга, написанная на французскомъ языкѣ; она имѣетъ нѣкоторыя достоинства: будучи весьма краткой, заключаетъ въ себѣ всѣ важнѣйшія данныя.

Текстъ ея очень умѣло соединенъ съ иллюстраціями, знакомящими насъ съ древнимъ бытомъ и письменностью. Книга эта существуетъ и въ русскомъ переводѣ, но въ немъ выпущены исторія Евреевъ и Индіи. Веберъ т. I)

Прежде чѣмъ приняться за изученіе исторіи древняго Востока, необходимо сдѣлать обзоръ источниковъ, существующихъ у насъ для ознакомленія съ древней исторіей.

У каждаго народа начало достовѣрной исторіи относится ко времени появленія того, что можно обобщить подъ названіемъ лѣтописей или записей, современныхъ событіямъ, о которыхъ онѣ повѣствуютъ. Напримѣръ исторія Египта при первыхъ трехъ династіяхъ основывается еще на преданіяхъ: первымъ документальнымъ фараономъ является лишь основатель IV династіи, Снефру. О времени царствованія Снефру намъ съ точ-

СМ...

ностяхъ ничего неизвѣстно. Одинъ египетскій жрецъ Манефонъ написалъ исторію Египта, въ которой сохранились только списки династій; онъ перечисляетъ болѣе 20 династій, но неизвѣстно, царствовали ли они послѣдовательно одна за другой, или же въ одно время, но въ различныхъ частяхъ Египта. На этомъ основаніи тѣ, которые думаютъ, что списки даны въ послѣдовательномъ порядкѣ, относятъ царствованіе Северу за 5000 лѣтъ до Р. Х. (Boeckh); другіе же, напр. Lepsius, относятъ за 3000 лѣтъ до Р. Х. Во всякомъ случаѣ — значитъ первое письменное свидѣтельство у Египтянъ идетъ съ очень отдаленнаго времени. Самыя древнія ассирійскія записи, дошедшія до насъ, написаны были за 12 вѣковъ до Р. Х. въ эпоху царя Тукиаттапаласара.

Вторымъ источникомъ, по которому мы можемъ знакомиться съ древней жизнью, служатъ надписи. Надписями были покрыты стѣны дворцовъ, храмовъ, гробницы, памятники; наконецъ онѣ были сдѣланы на каменныхъ или же глиняныхъ обожженыхъ доскахъ. Благодаря этимъ памятникамъ мы имѣемъ возможность судить о многихъ историческихъ событіяхъ

Времени

Востока. Прежде чѣмъ наука пользовалась этими памятниками, она пользовалась лѣтописями, хронографами истор. записками. Въ настоящ. время наука пользуется и народными преданіями, входящими въ лѣтописи и изъ нихъ старается добыть долю истины.

Все это представляетъ изъ себя то, что мы можемъ обобщить подъ названіемъ памятниковъ письменныхъ. Кромѣ нихъ существуютъ еще памятники вещественные, матеріальные предметы, сохранившіеся отъ древнихъ временъ. Изученіемъ ихъ занимается Археологія, раздѣляющаяся на восточную и античную; восточная въ свою очередь раздѣляется на Египетскую, Ассирійскую, Финикійскую и т. д.

Къ числу матеріальныхъ памятниковъ относятся монеты, изученіемъ которыхъ занимается наука — нумизматика; произведенія искусствъ: архитектуры, скульптуры, живописи; различные предметы домашней обстановки, свидѣтельствующіе о занятіяхъ, оружіе и т. д.

Кромѣ всѣхъ этихъ источниковъ мо-

гутъ еще служить народные обычаи, сохранившіеся до сихъ поръ. Изъ народныхъ обычаевъ мы часто можемъ заключить, что представляла изъ себя жизнь древнихъ. Для поясненія того, кк. мы можемъ пользоваться народными обычаями, можетъ служить слѣдующій примѣръ. У разныхъ народовъ мы встрѣчаемъ одинъ обрядъ, который кажется съ перваго взгляда непонятнымъ. Женихъ или притворно похищаетъ свою жену, или же, уже послѣ совершенія обряда вѣнчанія, входя въ комнату, схватываетъ ее и переноситъ черезъ порогъ. Этотъ обычай указываетъ на существованіе въ древности обычая похищенія себѣ невѣсты. (Это такъ называемыя переживанія). Наконецъ въ настоящее время пользуются еще данными языка; а какимъ образомъ — это было уже указано.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, перейдемъ къ разсмотрѣнію того, какіе существуютъ у насъ спеціальные источники для ознакомленія съ исторической жизнью Востока.

VI. Старые источники исторіи восточныхъ народовъ.

До великихъ открытій, произведенныхъ въ нашъ вѣкъ въ странахъ, гдѣ развивалась древнія

шая историческая жизнь, до первыхъ успѣховъ такъ называемыхъ египтологіи и ассирологіи и другихъ подобныхъ научныхъ дисциплинъ, всѣ наши знанія о народахъ древняго Востока въ тѣсномъ смыслѣ ограничивались тѣмъ, что можно было извлечь изъ библіи и греческихъ писателей, изъ коихъ въ данномъ случаѣ первое мѣсто принадлежитъ, конечно, Геродоту: и евреи, древнѣйшая исторія которыхъ находится въ извѣстномъ соприкосновеніи съ страною фараоновъ, а болѣе поздняя — съ судьбами персидской монархіи, и греки, бывшіе сначала учениками, а потомъ цивилизаторами Востока, оставили намъ въ своихъ историческихъ произведеніяхъ множество цѣнныхъ извѣстій о націяхъ, жившихъ на обширной территоріи, гдѣ происходила древнѣйшая исторія. Этими извѣстіями и долгое время приходилось довольствоваться европейской наукѣ, хотя ни отрывочны, ни недостаточны, а иногда и прямо недостовѣрны они были. Во-первыхъ, они дошли до насъ въ передачѣ иноземцевъ по отношенію къ тѣмъ странамъ, къ которымъ относятся, — за исключеніемъ, конечно, изъ библіи всего того, что касается исторіи самихъ евреевъ, — притомъ, иноземцевъ

цевъ, большею частью незнакомыхъ съ языками описываемыхъ народовъ, да и помимо всего этого, еще нерѣдко занимаютъ второстепенное мѣсто въ произведеніяхъ, не имѣвшихъ главною цѣлью знакомить съ исторіей и бытомъ чужеземныхъ націй. Во-вторыхъ, эти свѣдѣнія бываютъ и несовременны самымъ событіямъ, а потому, наряду съ дѣйствительными фактами, заключаютъ въ себѣ и значительное количество легендарнаго матеріала, хотя бы и не въ родѣ „историческаго романа" о Нинѣ и Семирамидѣ. Тѣмъ не менѣе, и при существованіи вновь открытыхъ источниковъ по исторіи Востока, библейскія и классическія данныя не утратили вполнѣ своего значенія, несмотря на то, что имъ въ настоящее время принадлежитъ далеко не первое мѣсто, исключая опять-таки Библію, какъ источникъ нашихъ знаній по исторіи еврейскаго народа.

Если библейскія извѣстія о другихъ народахъ теперь должны уступить мѣсто туземнымъ, то для исторіи Израиля, конечно, Библія останется навсегда главнымъ источникомъ[1]. Съ этихъ двухъ сто-

[1]) Кромѣ того, существуютъ іудейскія древности

Литогр. В. В. Комарова Невск. пр. 136-138.

ронъ и необходимо разсматривать значеніе книгъ Ветхаго Завѣта, какъ историческаго источника. Въ немъ мы находимъ данныя, касающіяся нѣсколькихъ странъ Востока. На первомъ планѣ нужно поставить Египетъ, о которомъ рѣчь идетъ главнымъ образомъ по поводу пребыванія въ немъ евреевъ (Быт., 39-50 и Исх., 1-14) а также по поводу сношеній съ нимъ евреевъ въ болѣе позднее время и участія его царей въ сирійскихъ дѣлахъ послѣ Соломона. Затѣмъ Ветхій Завѣтъ сохранилъ намъ цѣнныя извѣстія о ближайшихъ сосѣдяхъ евреевъ: особенно важны данныя относительно финикіянъ, съ коими сыны Израиля были въ постоянномъ соприкосновеніи съ самаго основанія своего въ Палестинѣ и состояли во времена Давида и Соломона въ тѣсномъ союзѣ, открывшемъ путь весьма значительному финикійскому вліянію на народъ въ эпоху раздѣленія царствъ. Въ виду крайней скудости чисто финикійскихъ памят-

---

1) Іосифа Флавія, написанныя въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. Онъ сохранилъ намъ нѣсколько отрывковъ изъ вавилонской исторіи халдейскаго жреца Бероза.

никовъ, данныя, заключающіяся въ „Книгахъ царствъ,“ „Лѣтописяхъ“ (Паралипоменa) и „Пророкахъ,“ представляютъ большой интересъ. Новѣйшія открытія въ долинѣ Тигра и Евфрата и успѣхи ассирологіи уже не дозволяютъ выдвигать на значительное мѣсто библейскія извѣстія о возникшихъ въ этой области царствахъ, тѣмъ болѣе, что эти извѣстія касаются, главнымъ образомъ, сравнительно поздней поры въ исторіи Ассиріи и Вавилона, къ каковой относится сирійская политика обоихъ государствъ, имѣвшая столь гибельное значеніе и для израильскаго, и для іудейскаго царствъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ассирійскія лѣтописи даже пополняютъ и поясняютъ слишкомъ краткій разсказъ библіи о дѣлахъ собственно еврейскихъ.[2] Эпоха „вавилонскаго плѣненія“ іудеевъ (кн. прор. Езекіиля и Даніила) непосредственно примыкаетъ уже къ мидо-персидскому періоду исторіи Востока, и такъ какъ Киръ дозволилъ евреямъ возвратиться изъ плѣна на родину и дальнѣйшая ихъ исторія стоитъ въ связи съ исторіей Персіи, то Ветхій Завѣтъ представляетъ нѣкоторыя

---

2) См. Н. А. Астафьевъ. Древности вавилоно-ассирійскія, 160–161.

данныя и для послѣдней,—данныя, впрочемъ, уступающія по своей важности Геродоту и вообще греческимъ писателямъ. Что касается до самой еврейской исторіи, то нужно замѣтить вообще, что въ этомъ отношеніи Библія давнымъ давно сдѣлалась предметомъ научныхъ изслѣдованій, имѣвшихъ цѣлью рѣшить вопросъ объ источникахъ ея историческихъ свѣдѣній, о составѣ ея отдѣльныхъ частей, о времени ихъ появленія и окончательной редакціи и т.п.[3] Не подлежитъ сомнѣнію, что (кромѣ устныхъ преданій), легшихъ въ основу весьма многаго въ содержаніи историческихъ книгъ Ветхаго Завѣта), начиная съ „Книгъ царствъ", являются въ основѣ историческаго содержанія Библіи и придворныя лѣтописи царей іудейскихъ и израильскихъ, и фамильные мемуары, и древнія записанныя пѣсни. Изъ такихъ же лѣтописей заимствовалъ свои данныя и авторъ „Книги..

---

[3] Съ исторіей этой научной работы и ея результатами можно познакомиться вкратцѣ у Георга Вебера, 1, 486-489 (новѣйшія изслѣдованія о Пятикнижіи) и 804-831 (обзоръ еврейской литературы). Ср. 731 и слѣд. (о Второзаконіи).

Васильевъ

тописей" которому принадлежитъ также редакція книгъ Эздры и Нееміи, на основаніи отчасти разныхъ документовъ и отчасти мемуаровъ самихъ Эздры и Нееміи. Признано также, что одна изъ частей Пятикнижія ("Второзаконіе") имѣетъ болѣе позднее, сравнительно съ другими, происхожденіе, — обстоятельство, весьма важное для пониманія внутренняго развитія еврейскаго народа. Равнымъ образомъ и пророческія книги, драгоцѣнныя своею современностью событіямъ, о которыхъ упоминаютъ, подвергались обстоятельнымъ изслѣдованіямъ, имѣвшимъ цѣлью опредѣлить время ихъ написанія, ихъ составъ и отношеніе ихъ содержанія къ другимъ источникамъ. Такія изслѣдованія были необходимы для того, чтобы могли появиться вполнѣ обстоятельныя и строго научныя сочиненія по исторіи еврейскаго народа[4]. Такія изслѣдованія въ цѣляхъ пользованія литературными произведеніями, какъ историческими источни-

---

4) H. Ewald: Geschichte des Volkes Israel. — Die Alterthümer des Volkes Israel. — Grätz. Geschichte der Juden von des aeltesten Zeiten. [illegible]

ками, конечно были предприняты давно и по
отношенію къ другой категоріи книгъ, заклю=
чающихъ въ себѣ извѣстія о древнихъ народахъ
Востока, т.е. по отношенію къ греческимъ сочи=
неніямъ, долгое время служившимъ вмѣстѣ
съ библіей единственными источниками
для исторіи Востока.

Греческіе авторы, которыхъ здѣсь слѣду=
етъ назвать, суть слѣдующіе: Геродотъ, Ксе=
нофонтъ, Ктезій, Діодоръ Сицилійскій, Стра=
бонъ, не считая другихъ, имена коихъ будутъ
приведены ниже, и не упоминая о такомъ, на=
примѣръ, латинскомъ авторѣ, какъ Плиній
оставившій намъ цѣнныя свѣдѣнія объ Еги=
птѣ и другихъ земляхъ въ своей „Естественной
исторіи." Самый старый изъ указанныхъ ав=
торовъ жилъ въ эпоху греко-персидскихъ войнъ,
т.е., по отношенію къ исторіи Востока, въ по=
ру очень позднюю, а Страбонъ — при импера=
торѣ Августѣ, т.е. уже послѣ паденія древ=
няго персидскаго царства и завоеванія мно=
гихъ его частей римлянами, а потому всѣ
эти писатели, какъ современники, могли го=
ворить только о событіяхъ послѣднихъ пя=
ти вѣковъ до Р.Х.; если же у нихъ мы нахо=
димъ извѣстія о болѣе древнихъ событіяхъ,

что они основаны на разсказахъ, не всегда вѣрно даже понятыхъ. Тѣмъ не менѣе, греки важны, какъ повѣствователи о томъ, что видѣли собственными глазами, и въ этомъ заключается, главнымъ образомъ, ихъ значеніе для современной науки о древнемъ Востокѣ. Менѣе уже важны они въ тѣхъ случаяхъ, когда передаютъ то, что слышали въ посѣщенныхъ ими странахъ, хотя многое изъ этого оправдывается, но за то и иначе, нежели прежде, уже понимается, благодаря новѣйшимъ открытіямъ. Совершенно неудовлетворительными у такихъ историковъ, какъ Геродотъ и Діодоръ, являются разсказы о прошломъ, напримѣръ, Египта и Ассиріи. Разсказы эти, приводя слова Фр. Ленормана, столь же суть мало реальная исторія, какъ та, которая изъ прошлаго Франціи выкинула бы вторженіе варваровъ, феодализмъ, Возрожденіе, которая изъ Филиппа-Августа сдѣлала бы предшественника Карла Великаго, а изъ Наполеона-сына Людовика XIV, и которая объясняла бы финансовыя затрудненія Филиппа-Красиваго воздѣйствіемъ битвы при Павіи», [5] т. е. представляла бы такую нелѣпую

5. Fr. Lenormant. Manuel. I. preface, p. XVII.

[illegible]

путаницу именъ и событій, что въ ней послѣ самой элементарной критики не осталось бы живаго мѣста. Напримѣръ, Геродотъ помѣщаетъ Хеопса, Хеффрена и Микерина, египетскихъ царей IV династіи, непосредственно передъ царями XXIV и XXV династій: ошибка, по меньшей мѣрѣ, вѣковъ на двадцать. Если, однако, новѣйшія открытія разрушили подобные разсказы, то, съ другой стороны, открытіями этими многое, наоборотъ, было и подтверждено, въ чемъ прежде сомнѣвались: въ нѣкоторыхъ описаніяхъ Геродота видѣли прежде росказни, не заслуживающія довѣрія, пока они не подтвердились современными путешественниками по Египту,[6] какъ и, напримѣръ, ассирологи встрѣтили въ клинообразныхъ лѣтописяхъ имена городовъ Ура, Калаха, Эреха,

[6] Ср. статью Ѳ. Г. Мищенка „Не въ мѣру строгій судъ надъ Геродотомъ", помѣщенную вмѣсто предисловія ко второму тому его перевода исторіи Геродота (М. 1886). Эта статья написана по поводу отношенія къ греческому историку англійскаго ученаго Сейса (Sayce. The ancient empires o the East. London. 1883). См. также въ предисловіи къ I тому этого перевода стр. LXIII sq.

упоминаемыя только въ Библіи, а потому долго вызывавшія къ себѣ сомнѣнія со стороны историковъ.

Не входя здѣсь въ общую оцѣнку отдѣльныхъ греческихъ авторовъ, писавшихъ о восточныхъ народахъ, я ограничусь простымъ перечисленіемъ этихъ авторовъ съ самыми краткими о нихъ замѣчаніями. Этотъ обзоръ я сдѣлаю по странамъ, а не по писателямъ.

Относительно Египта на первое мѣсто и по времени, и по значенію нужно поставить Геродота, который лично наблюдалъ все то, что описываетъ въ части своего труда, посвященной странѣ фараоновъ (II книга). Послѣднюю онъ посѣтилъ въ V вѣкѣ до Р. Х. при персидскомъ владычествѣ. Черезъ четыре столѣтія послѣ Геродота ѣздилъ туда Діодоръ Сицилійскій, чтобы набрать свѣдѣній для отдѣла объ Египтѣ въ своей „Исторической библіотекѣ". Это было уже при послѣднемъ египетскомъ царѣ изъ греческой династіи Птоломеевъ, т. е. незадолго до покоренія страны римлянами. Наконецъ, когда Египетъ сдѣлался римскою провинціей, при императорѣ Августѣ, былъ здѣсь Страбонъ, который въ своемъ обширномъ географическомъ трудѣ отвелъ мѣсто и Египту.

Нѣкоторыя цѣнныя свѣдѣнія находимъ мы еще у Плинія, въ его „Естественной исторіи," а также и у Плутарха, писателя II вѣка по Р. Х. имѣющаго въ числѣ своихъ сочиненій особый трактатъ объ Изидѣ и Озирисѣ. Къ числу греческихъ источниковъ нужно отнести еще одинъ, къ которому прежде относились съ недовѣріемъ, но теперь, наоборотъ, его авторитетъ возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ дѣлаются новыя открытія въ египтологіи. Въ III вѣкѣ до Р. Х. при Птолемеѣ Филадельфѣ, египетскій жрецъ Манеѳонъ написалъ по гречески исторію Египта, на основаніи храмовыхъ архивовъ, но отъ этого труда дошли до насъ лишь отрывки и списокъ всѣхъ царей по династіямъ съ краткими замѣчаніями.[1] Къ сожалѣнію, и эти важные остатки труда Манеѳона значительно были попорчены греческими переписчиками, переврававшими имена нѣкоторыхъ фараоновъ.

---

[1] Другой списокъ былъ составленъ директоромъ Александрійской библіотеки Эратосѳеномъ, и оба попали позднѣе въ синхронистическія таблицы константинопольскаго монаха, Григорія Синкелла.

Тѣ же Геродотъ, Діодоръ Сицилійскій и Страбонъ являются авторами, у коихъ мы находимъ извѣстія о Вавилонѣ и Ассиріи въ данномъ случаѣ, какъ и по отношенію къ Египту, къ этимъ писателямъ нужно прибавить еще другихъ, менѣе значительныхъ, а также и одного халдейскаго жреца, подобно египтянину Манефону, писавшаго по гречески. Геродотъ весьма интересно описалъ Вавилонъ, который посѣтилъ во время своего путешествія, но его сочиненіе объ Ассиріи (Ἀσσύριοι λόγοι) до насъ не дошло. Впрочемъ, греческій историкъ безразлично употребляетъ названія Ассиріи и Вавилоніи. Послѣ Геродота слѣдуетъ назвать извѣстнаго историка Ксенофонта, который въ своемъ Анабазисѣ знакомитъ насъ и съ долиною Евфрата, греческаго врача Ктезія, жившаго при дворѣ персидскаго царя, Артаксеркса Мнемона. Свои свѣдѣнія объ исторіи Ассиріи и Вавилоніи Діодоръ Сицилійскій заимствовалъ именно изъ книгъ Ктезія, послѣдній, однако, является наименѣе достовѣрнымъ писателемъ, собирая разныя поэтическія преданія и выдавая ихъ за дѣйствительность, хотя онъ пользовался и экбатанскимъ архивомъ. Какъ невѣрны и

свѣдѣнія самого Діодора, видно изъ того, что онъ помѣщаетъ Ниневію на берегахъ Евфрата. Что касается до халдейскаго жреца, написавшаго по гречески вавилонскую исторію, то звали его Берозомъ, и жилъ онъ въ III вѣкѣ до Р.Х. Сохраненіемъ изъ него отрывковъ мы обязаны іудейскому историку Іосифу Флавію, весьма многимъ воспользовавшемуся изъ Бероза для своихъ Іудейскихъ древностей.

Особенно мало греческихъ извѣстій имѣемъ мы о сирійскихъ народахъ. Съ этими народами вообще и въ особенности съ Израилемъ греки вообще познакомились поздно. Исключеніе составляютъ финикіяне, но и о нихъ мы, сравнительно, мало имѣемъ свѣдѣній у главныхъ авторовъ, у которыхъ должны были бы ожидать встрѣтить историческій матеріалъ о Финикіи. Очерка послѣдней, который можно было бы поставить рядомъ съ очерками Египта, Лидіи и т.д. у Геродота нѣтъ. Большее значеніе въ данномъ случаѣ принадлежитъ Діодору и Страбону. Сохранилось еще у Іосифа Флавія нѣсколько цитатъ изъ исторій, написанныхъ Менандромъ Эфесскимъ и Діемъ. Наконецъ, до насъ дошелъ еще подъ име-

[illegible]

нею Санхоніафона одинъ отрывокъ, относящійся къ финикійской религіи, именно къ космогоніи. Въ связи съ этимъ Порфирій, Евсевій и другіе писатели христіанскаго времени приводятъ отрывки изъ недошедшей до насъ финикійской исторіи Геренніа Филона Библосскаго, которымъ, однако, современные ученые большаго значенія не приписываютъ.

По исторіи Мидіи и Персіи греческая литература даетъ сравнительно много, что и понятно, въ виду той роли, какую играла въ судьбахъ эллиновъ монархія, основанная Киромъ. Имена всѣхъ названныхъ уже главныхъ авторовъ должны быть повторены и здѣсь. Геродотъ даетъ намъ почти все, что мы только знаемъ о мидянахъ, и исторію Персіи съ древнѣйшихъ временъ до Ксеркса, а Діодоръ доставляетъ намъ данныя персидской исторіи за періодъ времени отъ Ксеркса до Дарія Кодомана. Ктезій, у коего черпалъ Плутархъ для своей біографіи Артаксеркса Мнемона, Ксенофонтъ, какъ авторъ Киропедіи и Анабазиса и Страбонъ по вопросамъ географическимъ - дополняютъ названныхъ двухъ историковъ; въ сущности новѣйшія открытія сравнительно мало прибавили новаго отно-

сительно собственно историческихъ временъ Персіи. Въ общемъ то же слѣдуетъ сказать и по отношенію къ греческимъ извѣстіямъ о Малой Азіи, по берегамъ которой такъ пышно развилась греческая колонизація.

Индію древніе писатели знали весьма мало, больше, если не исключительно, по наслышкѣ и притомъ по слухамъ, часто совершенно превратнымъ. Это общее замѣчаніе относится и къ Геродоту, и къ Ктезію (въ уцѣлѣвшихъ отрывкахъ), и къ Арріану, и къ Страбону. За предѣлами Инда для грековъ начинался уже невѣдомый міръ: хотя и туда проникли, но его мало знали.

Весьма важное значеніе имѣютъ греческіе писатели для географіи древняго Востока. Геродотъ тщательно собиралъ свѣдѣнія о странахъ, коихъ лично посѣтить ему не удалось, каковы Эѳіопія, Киренаика и сѣверная Африка, страна Инда и значительная часть Скиѳіи, а перечисленіе племенъ и сатрапій персидскаго царства, имъ сдѣланное, можетъ считаться однимъ изъ важныхъ источниковъ вообще для древней географіи. Геродота дополняли послѣдовавшіе за нимъ писатели, но особенно рас=

ширился географическій кругозоръ грековъ, благодаря походамъ Александра Македонскаго въ области Окса и Яксарта и въ отдаленную Индію, и послѣ него, особенно съ того времени, какъ ученикъ Аристотеля Дикеархъ начертилъ первую карту земли, дѣло географіи было поставлено у грековъ на надлежащія основанія.

Таковы старые источники исторіи Востока, традиція коихъ сохранялась непрерывно до нашихъ дней со временъ написанія отдѣльныхъ частей Библіи и появленія всѣхъ сочиненій, названныхъ греческихъ авторовъ. Къ числу старыхъ же источниковъ, хотя ихъ традиція до прошлаго столѣтія поддерживалась не у насъ, необходимо отнести тѣ, которые представляютъ изъ себя памятники индусской и иранской литературы. Это были источники, не изчезавшіе изъ людской памяти, но только долго остававшіяся неизвѣстными европейцамъ: ихъ хранили брамины и персидскіе жрецы, и ихъ нечего было открывать въ томъ смыслѣ, какъ это пришлось въ XIX вѣкѣ дѣлать съ тѣми документами, которые были написаны на неизвѣстныхъ языкахъ

Курсъ

и такими трудными знаками, какъ іероглифы и клинопись, т. е. для чтенія которыхъ не имѣлось никакого ключа.

Съ богатою индусскою литературой и ея священнымъ языкомъ, санскритомъ, европейцы стали знакомиться со времени утвержденія въ Индіи англичанъ, но серьезныя занятія европейскихъ ученыхъ языкомъ и литературой индусовъ ведутъ свое начало только съ основанія калькуттскаго „Азіатскаго общества" (1783), въ коемъ видная роль принадлежала Вильяму Джонсу, а затѣмъ Генри Кольбруку: ихъ труды возбудили обширную литературную дѣятельность, дали начало подробнымъ изслѣдованіямъ въ области индусскихъ древностей и привели къ важнымъ результатамъ. Начиная съ Ведъ, сборниковъ гимновъ, изъ коихъ нѣкоторые гимны восходятъ къ XIV в. до Р. Х., мы имѣемъ теперь богатый матеріалъ для возстановленія какъ всего хода, такъ и отдѣльныхъ эпохъ культурной жизни индусовъ со времени ихъ поселенія въ „Семирѣчьѣ" до позднѣйшихъ эпохъ. Въ Индостанѣ же сохранилась и Авеста, священная книга иранцевъ, написанная на языкѣ

близкомъ къ санскриту-зендъ. Община последователей зороастровой религіи переселилось, спасаясь отъ магометанскихъ притѣсненій, въ Индію, и въ этой-то, парсійской общинѣ хранились рукописи Авесты, пока съ ними во второй половинѣ XVIII вѣка, не познакомился французъ Анкетиль Дюперронъ, который первый изъ европейцевъ и обучился зенду. Такимъ образомъ, съ конца XVIII вѣка началось для насъ ознакомленіе со старыми источниками по исторіи азіатскихъ арійцевъ, которая въ настоящее время имѣетъ уже весьма обширную литературу, занимающуюся изслѣдованіями по языку, мифологіи, религіи, философіи, литературѣ и вообще по исторіи Индіи и Персіи[8].

---

[8]) По исторіи Индіи см. сочиненія Bohlen (Das alte Indien). Benfey (въ XVII т. Энциклопедіи Эрша и Грубера), Lassen (Indische Alterthumskunde); Alb. Weber (Indische Literaturgeschichte), Max Müller (History of ancient sanscrit literature), Burnouf (Introduction à l'étude du Bouddhisme indien), Köppen (Die Religion des Bouddha), Ольденберга (Будда) и т. д., не считая болѣе спеціальныхъ моно-

Литогр. В. В. Комарова Невск.-пр. 136-138.

VII. Новое открытіе древняго Востока въ XIX вѣкѣ.

Ознакомленіе европейцевъ съ санскритскою литературою и съ Зендъ-Авестой уже было открытіемъ цѣлаго міра для исторической науки. Извѣстно, какое сильное впечатлѣніе произвела на нѣмцевъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, индусская „мудрость" (Fr. Schlegel, Sprache und Weisheit der Inder 1808), возбудившая въ Германіи весьма значительный интересъ къ занятію санскритскою литературою. Къ тому самому времени, когда началось озна=

8) продолженіе.

графіи и того, что вошло въ болѣе обширные труды (см. особенно Max Duncker. Geschichte des Alterthums, въ извѣстномъ изданіи Онкена трудъ Lefmann'a Geschichte des alten Indiens.) По исторіи иранцевъ — Rhode (Die heilige sage und das Religionssystem des Zendvolks), Spiegel (Eranische Alterthumskunde), Justi (Geschichte des alten Persiens въ изд. Онкена, а также въ отдѣлахъ его же Geschichte der orientalischen Völker im Alterthum, составляющей первый томъ Allgemeine Weltgeschichte, издаваемой Flathe, Herzberg'омъ, Justi, Pflugk-Harttung'омъ и Philippson'омъ)

Чуйкевичъ

комленіе европейцевъ съ Индіей, относятся и первыя значительныя открытія въ той области нашихъ знаній о древнемъ мірѣ, которая получила впослѣдствіи названіе „египтологіи." Въ годы, близкіе къ основанію англійскаго „Азіатскаго общества," произошло событіе, съ коего открывается новая эпоха въ исторіи нашихъ знаній о древнемъ Египтѣ: въ страну фараоновъ, облекшуюся таинственнымъ мракомъ послѣ побѣды христіанства и пришедшую въ совершенное запустѣніе съ мусульманскимъ завоеваніемъ, предпринята была въ 1798 г. экспедиція французскимъ генераломъ Наполеономъ Бонапарте. Съ войскомъ въ Египетъ отправились и ученые разныхъ спеціальностей, равно какъ и артисты, и вотъ въ началѣ XIX вѣка, какъ результатъ ихъ изысканій, явилось капитальное „Описаніе Египта" (Description de l'Égypte), въ коемъ были собраны громадные научные матеріалы. Французы въ Каирѣ, основали во время своего пребыванія въ Египтѣ, даже особый „институтъ" и собрали небольшой музей египетскихъ древностей, доставшійся впрочемъ, въ 1801 году англичанамъ, хотя часть его и была спасена французами. Еги-

ск[illegible]

петскій музей этотъ не былъ первымъ: съ конца XVIII вѣка уже существовало въ Римѣ небольшое собраніе египетскихъ древностей; теперь въ Европѣ явилось второе собраніе, когда англичане помѣстили свои пріобрѣтенія въ Британскомъ музеѣ. Позднѣе, главнымъ образомъ въ двадцатыхъ годахъ, стали образовываться египетскіе музеи въ другихъ европейскихъ столицахъ.

Египетскіе памятники, съ коими ближайшее знакомство началось съ экспедиціи 1798 г. оказались покрытыми разными изображеніями, особыми письменами, о существованіи коихъ знали раньше не изъ однихъ извѣстій древнихъ писателей. Послѣдніе, какъ извѣстно, различали два вида египетскихъ письменъ: священныя (іероглифы) и народныя (демотическія), а Климентъ Александрійскій подраздѣляетъ еще первыя на іероглифы въ собственномъ смыслѣ и письмена іератическія. Эти извѣстія долгое время толковались въ томъ смыслѣ, что іератическія и демотическія письмена суть настоящее письмо фонетическаго характера, тогда какъ іероглифы, состоящіе изъ изображеній

внѣшнихъ

людей, звѣрей, птицъ, насѣкомыхъ, частей тѣла, неодушевленныхъ предметовъ и т. п. не что иное, какъ идеограммы, т. е. нѣчто въ родѣ ребусовъ. Уже въ XVII вѣкѣ существовали попытки разбирать немногія извѣстныя въ Европѣ іероглифическія надписи съ этой точки зрѣнія, но эти попытки ни къ чему не повели, такъ какъ въ основѣ ихъ лежалъ чистѣйшій произволъ. Въ 1799 г., французскій инженеръ, Буссаръ, нашелъ около Розетты камень съ тремя надписями - іероглифическою, демотическою и греческою; изъ послѣдней явствовало, что это торжественный декретъ жрецовъ въ честь царя Птолемея Эпифана. Изученіемъ камня занялись французъ Сильвестръ-де-Саси, шведъ Акербладъ и англичанинъ Томасъ Юнгъ. Первые двое (особенно Акербладъ) разобрали демотическую часть и способствовали установленію знаковъ демотической азбуки, а Юнгъ пошелъ далѣе. Еще ранѣе высказывалось предположеніе, что на обелискахъ имена царей, написанныя алфавитнымъ способомъ, заключены въ такъ называемыхъ картушахъ, — а потому Юнгъ задумалъ установить алфавитъ картушей, для чего онъ разложилъ

знаки

на составныя части группы іероглифовъ на розеттскомъ камнѣ, соотвѣтствующія именамъ Птолемея и Вероники въ греческомъ текстѣ. Его дешифровка не была, однако, особенно удачною, хотя онъ точно опредѣлилъ іероглифическіе знаки для пяти звуковъ (p, t, i, n. и v или f.) Въ остальномъ онъ ошибался, читая имя Arsinoe, гдѣ было слово autocrator, и Evergetes, вмѣсто Kaesar.

Честь разбора іероглифовъ принадлежитъ Жану-Франсуа Шампольону младшему (род. 1790), который еще мальчикомъ, наслушавшись разсказовъ объ Египтѣ, рѣшилъ разгадать тайну „священнаго письма". На четырнадцатомъ году онъ засѣлъ за изученіе коптскаго языка, господствовавшаго въ Египтѣ въ христіанскія времена и имѣвшаго свою письменность въ видѣ переводовъ Библіи, отцовъ церкви и нѣкоторыхъ церковныхъ книгъ. Знаніе этого языка, связь котораго съ языкомъ древняго Египта высказывалась давно въ видѣ догадки, облегчило задачу Шампольона, когда онъ взялся за дѣло, не доведенное Юнгомъ до конца. Исходя изъ той идеи, что іератическое и демотическое письмо лишь курсивное по отношенію къ іерогли=

Курси=

фамъ, т.е. отвергнувъ рѣшительно идеогра=
фичность послѣднихъ на основаніи сличе-
нія курсивныхъ текстовъ съ іероглифиче=
скими, Шампольонъ занялся розетт=
скимъ камнемъ, и разобралъ на немъ
картуши Птоломея, Вероники, Клеопа=
тры и Александра, что ему дало 18 буквъ.
Затѣмъ онъ сталъ читать картуши на
другихъ памятникахъ и съ помощью уже
извѣстныхъ буквъ разобралъ нѣкоторыя
еще имена. Дѣло было, однако, не въ этомъ
только: Шампольонъ доказалъ, что буква=
ми писались не одни имена царей, но и
вообще весь іероглифическій текстъ, кото=
рый, будучи прочитанъ съ помощью найден=
ной азбуки, оказался въ лексическомъ и грам=
матическомъ отношеніи близкимъ къ
коптскому языку. Такимъ образомъ, бы=
ли открыты въ двадцатыхъ годахъ теку=
щаго столѣтія алфавитъ и языкъ іеро=
глифическаго письма (только въ послѣднемъ
были найдены еще и силлабическіе и иде=
ографическіе знаки.) Сначала Шампольо=
ну не вѣрили, но уже въ 1831 г. для него была
создана въ Collège de France особая каѳедра,
съ которой Шампольону удалось прочесть

Ежитев.

лишь вступительную лекцію. Въ 1832 году онъ скончался только что приведши въ порядокъ свою египетскую грамматику. Передавая ее друзьямъ, онъ просилъ ихъ беречь эту его „визитную карточку къ потомству.“ У Шампольона, дѣйствительно, оказалось цѣлое потомство и въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, „египтологовъ,“ которые теперь существуютъ во всѣхъ главныхъ европейскихъ государствахъ и, благодаря ихъ трудамъ, „черезъ нѣсколько лѣтъ, какъ говоритъ Масперо, ученые будутъ разбирать историческіе и литературные тексты съ такою же достовѣрностью, съ какою латинисты читаютъ творенія Цицерона и Тита Ливія.“ [1]

Шампольонъ самъ ѣздилъ въ Египетъ, командированный туда французскимъ пра-

---

[1] Maspero, 588. См. тамъ же (стр. 584-599) иллюстрированное описаніе открытія Шампольона и изложеніе самой системы іероглифовъ, равно какъ имена египтологовъ. У насъ въ Россіи этою отраслью знанія занимаются гг. Голенищевъ и Лемми; съ января 1887 года, открывшій курсъ египтологіи въ петербургскомъ университетѣ.

Сои.

вительствомъ въ 1828–1829 г. Его важное открытіе оживило интересъ къ древней исторической странѣ, и начался цѣлый рядъ ученыхъ пилигримствъ на берега Нила. Важны, по своимъ результатамъ, путешествія особенно Лепсіуса и Маріетта. Первый, недавно умершій прусскій ученый, былъ главою экспедиціи, отправленной въ сороковыхъ годахъ Фридрихомъ Вильгельмомъ IV въ Египетъ, Эфіопію и на Синайскій полуостровъ: послѣ египетской экспедиціи и поѣздки Шампольона это было самое плодотворное путешествіе, тѣмъ болѣе, что во главѣ новой экспедиціи стоялъ такой первоклассный ученый, какъ Лепсіусъ, одинъ изъ самыхъ видныхъ египтологовъ своего времени, авторъ такихъ сочиненій, — кромѣ Briefe aus Aegypten, — какъ „Хронологія египтянъ", „Памятники Египта и Эфіопіи", „Todtenbuch", „Königsbuch" и др. Еще значительнѣе были результаты изслѣдованій Маріетта. Въ 1850 г. онъ былъ командированъ въ Египетъ французскимъ правительствомъ для обозрѣнія коптскихъ рукописей, но его заинтересовали сфинксы, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ нихъ въ песчаной пустынѣ

напомнилъ ему одно мѣсто у Страбона, гдѣ говорится о мемфисскомъ храмѣ Сераписа въ мѣстности, изобилующей сыпучими песками. Страбонъ самъ видѣлъ тамъ сфинксовъ, цѣликомъ или на половину засыпанныхъ пескомъ. Забывъ порученіе своего правительства, Маріеттъ началъ откапывать найденныхъ имъ сфинксовъ, цѣлою аллеей стоявшихъ передъ Серапеумомъ, въ коемъ хоронились муміи аписовъ въ теченіе болѣе полутора тысячи лѣтъ. Получивъ разрѣшеніе изъ Франціи продолжать работу, Маріеттъ четыре года прожилъ въ пустынѣ, борясь съ мѣстною администраціей и скрывая отъ нея свои находки. Серапеумъ былъ открытъ, но это было только началомъ новыхъ раскопокъ и открытій, а въ 1858 г. Маріеттъ перешелъ на службу къ хедиву, въ качествѣ главнаго археолога и устроителя громаднаго древнехранилища въ Булакѣ (предмѣстье Каира). Онъ и умеръ на этой службѣ (1881 г.) Прахъ его покоится въ гранитномъ саркофагѣ въ преддверіи булакскаго музея. Имя Маріетта-паши — одно изъ наиболѣе славныхъ въ еще очень короткой исторіи египт.

В. Курс—

тологіи.[2])

Благодаря научной работѣ египтологовъ, исторія страны фараоновъ была совершенно перестроена, сравнительно съ тѣмъ, какъ она воспроизводилась на основаніи библейскихъ и классическихъ извѣстій: былъ открытъ настоящій Египетъ, древнѣйшія времена коего въ греко-римскую эпоху были уже, по словамъ одного историка Египта, книгою за семью печатями. Кромѣ надписей на памятникахъ, розысканы были въ древнихъ гробницахъ и папирусные свитки, заключающіе въ себѣ цѣлую литературу: наукѣ теперь извѣстно уже весьма значительное количество ея произведеній, и историкъ, благодаря имъ, уже проникаетъ въ духовную жизнь самаго древняго культурнаго народа на землѣ.[3])

---

[2]) Страннымъ образомъ поражаетъ отсутствіе имени Маріетта въ обзорѣ источниковъ и литературы по Египту у Георга Вебера (I, 72 – 75), хотя онъ упоминаетъ о булакскомъ музеѣ.

[3]) Для исторіи Египта, кромѣ общихъ сочиненій по исторіи Востока (см. преимущественно Maspero и Duncker'а) а также и болѣе

частныхъ

Конечно, безъ основнаго египтологическаго открытія, сдѣланнаго Шампольономъ, сокровища египетской письменности остались бы, равнымъ образомъ, и для насъ книгою за семью печатями. Совершенно такое же значеніе, какъ открытіе Шампольона, по отношенію къ многочисленнымъ клинообразнымъ надписямъ, находимымъ въ Азіи, имѣетъ изобрѣтеніе способа читать то, что скрывается подъ рядами странныхъ клиньевъ, одно время принимавшихся за простую даже орнаментику. Клинообразныхъ надписей извѣстно громадное количество: ими покрыты стѣны, статуи, барельефы, кирпичи, многогранныя призмы и другіе остатки древнеазіатскаго зодчества и изваянія, открытые, главнымъ образомъ, въ XIX столѣтіи.

Съ клинописью европейскіе ученые познакомились впервые по тѣмъ ея образцамъ, которые относятся къ древней Персіи, т. к.

спеціальныхъ трактатовъ, можно назвать указанныя соч. Lepsius'а, далѣе Bunsen'а (Aegyptens Stelle in der Weltgeschichte), Brugsch'а (Geschichte Aegyptens), Dümichen'а (въ сборникѣ Onkena) и т. д.

Слѣд. стр.

какъ ассиро-вавилонскіе памятники, наиболѣе важные изъ всѣхъ, покрытыхъ этимъ видомъ письма, были найдены только около полустолѣтія тому назадъ. Самая дешифровка клинописи была начата съ персидскихъ надписей, и только при помощи чтенія послѣднихъ сдѣлалось возможнымъ найти ключъ къ чтенію памятниковъ письменности ассирійской[4].

Еще въ XVII столѣтіи разные путешественники — испанскій Гарсіа де-Сильва де-Фигуэроа, итальянскій Пьетро делла-Валле, позднѣе французскій Шарденъ и англійскій торговый агентъ Флоуеръ (Flower), посѣтившіе развалины древнихъ персидскихъ городовъ, обратили вниманіе на найденныя тамъ клинообразныя надписи, но что это были за знаки и на какомъ языкѣ такъ писали, никто, разумѣется, не зналъ. Въ Европѣ первое время извѣстіямъ путешественниковъ и доставленнымъ ими образцамъ клинописи недовѣряли, а англійскій оріенталистъ, Томасъ Гайдъ (Hyde), даже принялъ эти образцы за простые узоры, за орнаментику, не находя въ нихъ повторенія одинаковыхъ зна-

[4]) Для дальнѣйшаго см. подробнѣе въ вышеуказанной книгѣ проф. Астафьева, стр. 19-34.

[illegible]

ковъ. Въ 1765 г., побывавъ на развалинахъ Персеполя датскій путешественникъ Карстенъ Нибуръ, отецъ извѣстнаго историка: онъ разсмотрѣлъ множество клинообразныхъ надписей и, сличая ихъ между собою, нашелъ, что нѣкоторыя изъ нихъ были тройныя, такъ какъ обнаруживалось на нихъ три разные шрифта, изъ коихъ одинъ казался менѣе сложнымъ, чѣмъ два другіе: въ немъ Нибуръ сумѣлъ различить 42 знака, которые потомъ были найдены и въ другихъ надписяхъ. Въ 1798 г. оріенталистъ Тихсенъ (Tychsen) нашелъ, что въ этой болѣе простой системѣ клинописи встрѣчается часто діагональный клинъ, и высказалъ ту мысль, что послѣдній, можетъ быть, отдѣляетъ слова одно отъ другаго, такъ что группы знаковъ, отдѣленныя одна отъ другой діагональными клиньями, могли быть слова, а самые знаки въ такомъ случаѣ — буквы. Въ 1800 г. датчанинъ Мюнтеръ, подтвердивъ это предположеніе, замѣтилъ, что предполагаемыя слова иногда повторяются въ надписяхъ, но нерѣдко съ нѣкоторыми измѣненіями въ знакахъ, что могло относиться къ грамматическимъ окончаніямъ. Онъ и сдѣлалъ

женсанв.

попытку опредѣлить буквы, исходя изъ той мысли, что предполагаемыя окончанія тождественны съ грамматическими флексіями въ знакомыхъ ему языкахъ зендскомъ и пехлевійскомъ (персидскомъ литературномъ языкѣ въ эпоху Сассанидовъ), но эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ. Черезъ два года, однако, нѣмецкимъ ученымъ Георгомъ Фридрихомъ Гротефендомъ былъ сдѣланъ вѣрный шагъ къ чтенію клинописи.

Гротефендъ началъ съ гипотезы, что тройственныя персепольскія надписи, скопированныя Нибуромъ, заключаютъ въ себѣ одинъ и тотъ же текстъ, но на трехъ различныхъ языкахъ. Первую изъ нихъ онъ подвергъ изслѣдованію, принявъ предположенія Тихсена и Мюнтера: среди повторявшихся сочетаній онъ нашелъ одно, состоявшее изъ семи знаковъ, и принялъ его, по аналогіи съ сассанидскими надписями, за царскій титулъ — „царь царей", а такъ какъ въ послѣднихъ встрѣчается формула — „NN, царь царей, сынъ MM. царя," то Гротефендъ представилъ себѣ, что такая формула могла быть и въ клинообразныхъ надписяхъ. Руководимый такими соображе-

ніями,

нія, онъ сталъ сличать двѣ нибуровскія надписи и въ началѣ ихъ нашелъ группы знаковъ, которые обозначилъ буквами A, B и C. Начальныя слова надписей Гротефендъ прочелъ такъ:

"A, царь царей, сынъ B, царя.
B, царей царей, сынъ C."

Группы A, B и C оказались собственными именами внука (A), сына (B) и отца (C), причемъ послѣдній не былъ названъ царемъ. B. такимъ образомъ, былъ основатель династіи, но такъ какъ персепольскія сооруженія относятся къ эпохѣ Ахеменидовъ, то подъ группой знаковъ B могъ скрываться или Киръ, или Дарій. Если бы это былъ Киръ, то группы A и C были бы тождественны, такъ какъ и отецъ, и сынъ Кира назывался Камбизъ; притомъ же для имени Кира группа B. заключала слишкомъ много знаковъ, а потому эта группа была принята за имя Дарія, двѣ же другія — за имена Ксеркса и Гистаспа. Оставалось узнать, какъ произносились эти имена у персовъ. Для имени Дарія было нѣкоторое указаніе у Страбона, который говоритъ, что персы произносили это

Джавахъ. Ф.С.

имя Δαριαύης, что навело Гротефенда на слѣдъ, какъ въ самомъ дѣлѣ „по персидски" должно было звучать это имя; для произношенія же именъ Ксеркса и Гистаспа онъ обратился къ зенду и рядомъ остроумныхъ предположеній пришелъ къ чтенію, которое и теперь принято съ немногими поправками: Дарій — Дараявусъ, Гистаспъ — Вишташпа, Ксерксъ — Хшаяршá. Благодаря этому найдены были 12 буквъ клинообразнаго алфавита, а въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ датскимъ ученымъ Раскомъ, особенно же нѣмецкимъ санскритологомъ Лассеномъ и французскимъ Бюрнуфомъ, основателемъ научнаго изслѣдованія языка Авесты, были найдены новыя 14 буквъ, а потомъ и остальныя. Замѣчательно, что путешествовавшій по Азіи въ тридцатыхъ годахъ англійскій ученый Генри Роулинсонъ, слышавшій только о способѣ Гротефенда, „этого Шамполіона клинописи," самъ на мѣстѣ добрался до обозначенія 18 буквъ первой системы клинописи. Въ концѣ концевъ языкъ этой системы былъ опредѣленъ, какъ древне-персидскій;

Литогр. В. В. Комарова Невск. пр. 136-138.

В. Кузн...

онъ оказался родственнымъ зенду и перво=образомъ нынѣшняго персидскаго языка.

Оставалось найти значеніе двухъ другихъ системъ клинообразнаго письма на трехъ-язычныхъ надписяхъ. Важную услугу въ этомъ отношеніи оказала большая надпись, заключающая въ себѣ болѣе ста собственныхъ именъ, извѣстная подъ названіемъ Бегистанской. Въ восточной части нынѣшняго Курдистана, которая соотвѣтствуетъ древней Мидіи, возлѣ города Керманшаха, стоитъ отвѣсная скала, возвышаясь почти на 1700 футовъ надъ равниной. На этой скалѣ, бегистанѣ, Дарій Гистаспъ начерталъ повѣсть о своихъ дѣяніяхъ на трехъ языкахъ, какъ „волею Аурамазды," царь Парсы, Мады и Ассура, т. е. Персіи, Мидіи и Ассиріи. Сначала была прочтена персидская надпись, что дало возможность, по встрѣчающимся здѣсь собственнымъ именамъ, отдѣленнымъ въ двухъ другихъ системахъ перпендикулярными клиньями, опредѣлить значеніе отдѣльныхъ сочетаній клиньевъ въ надписяхъ двухъ другихъ системъ: персидскій текстъ получалъ здѣсь такое же значеніе,

Чупятов

какъ греческій на розеттскомъ камнѣ. Прежде была разобрана (особенно Вестергардомъ и Оппертомъ) вторая система, -менѣе сложная, чѣмъ третья, - и было дознано, что она силлабическая, а иногда и идеографическая; языкъ же, пользовавшійся этою системою (мидійскій), оказался принадлежащимъ къ туранскому (урало-алтайскому или татаро-финскому) семейству. Съ помощью этихъ двухъ системъ была разобрана главнымъ образомъ Раулинсономъ и Оппертомъ третья система. Послѣдняя получила особое значеніе, когда найдена была масса вавилоно-ассирійскихъ надписей, на которыхъ встрѣчалась клинопись именно третьей системы. Независимо отъ помощи, оказанной персидскимъ текстомъ Бегистана, еще Гротефендъ на вавилонскихъ кирпичахъ, на коихъ были оттиснуты какіе-то знаки, угадалъ имя Навуходоносора, и его догадка подтвердилась. Ассирійская клинопись - самая сложная; она силлабическая съ идеографическими элементами, и въ ней замѣченъ былъ въ сильной степени полифонизмъ, т.е. одо=

Ст—саки

значеніе однимъ и тѣмъ же сочетаніемъ клиньевъ разныхъ звуковъ. Дальнѣйшія из=слѣдованія обнаружили въ этой клинописи различные вавилонскій и ассирійскій шриф=ты, съ древнѣйшею и новѣйшею формою для каждаго, причемъ найдено было, что большая часть надписей сдѣлана по этой системѣ на языкѣ семитическаго семей=ства, родственномъ еврейскому и арабско=му, а меньшая, хотя заключающая древ=нѣйшія надписи, — на халдейскомъ, при=надлежащемъ къ туранской группѣ[5]. Сначала попытки разбора вавилоно-асси=рійскихъ надписей были крайне неудачны, но съ теченіемъ времени главныя затруд=ненія были побѣждены. Въ 1857 году „Азіат=ское общество" въ Лондонѣ предложило четыремъ ученымъ — Тальботу, Роулин=сону, Опперту и Гинксу перевести, незави=симо другъ отъ друга, одну большую ас=сирійскую надпись и переводы получились

---

5) Ср. выше стр. 37. Халдейскіе туранцы и счи=таются изобрѣтателями системы, которая была принята въ Ассиріи и распро=странилась на сѣверъ и востокъ, въ Арменію, Мидію, Сузіану и Персію. (Цельнеръ

вполнѣ подходящіе одинъ къ другому: это была лѣтопись Тиглатпаласара I, царствовавшаго въ срединѣ XII в. до Р. Х. Но этого еще мало. Въ лѣтописи Ассурбанипала Роулинсонъ вычиталъ, что царь этотъ у истоковъ Тигра велѣлъ высѣчь въ скалѣ свое изображеніе, рядомъ съ бывшимъ уже тамъ изображеніемъ Тиглатпаласара, и англійскій ученый написалъ одному своему соотечественнику, путешествовавшему въ тѣхъ мѣстахъ, чтобы онъ розыскалъ эти изображенія. Просьба его была исполнена и изображенія съ подходящими надписями найдены. Наконецъ, египтологъ Бругшъ, сначала не довѣрявшій чтенію ассирійской клинописи, самъ подтвердилъ его истинность, когда вздумалъ провѣрить по египетскимъ источникамъ имена вассальныхъ царей и городовъ египетскихъ, упоминаемыхъ въ отрывкѣ лѣтописи Ассурбанипала о походѣ этого царя въ страну фараоновъ: и это испытаніе ассиріологія выдержала съ честью [6].

---

[6] О клинописи ср. Maspero, 576—584. Желескинъ.

Параллельно съ дешифровкой ассирійской клинописи, шло открытіе матеріала, который могъ сдѣлаться предметомъ этой дешифровки. Развалины Вавилона посѣщались еще въ XVII столѣтіи (Пьетро делла Валле) и въ XVIII (Карстенъ Нибуръ и Оливье), равно какъ и въ первой половинѣ текущаго, но безъ особыхъ результатовъ для науки, пока въ 1851 г. не побывалъ здѣсь съ французскою ученою экспедиціей Оппертъ, который изслѣдовалъ здѣшнія клинообразныя надписи на кирпичахъ, найденныхъ въ мусорѣ. Важнѣе было открытіе развалинъ Ниневіи въ окрестностяхъ Моссула, на Тигрѣ [7]: наука этимъ обязана французскому консулу въ Моссулѣ – Ботта въ 1843 году. Этотъ предпріимчивый человѣкъ послѣ безуспѣшныхъ раскопокъ на Куюнджикскомъ холмѣ напалъ, наконецъ, на слѣды Ниневіи у деревни Хорсабада, гдѣ отрыты были стѣны, покрытыя барельефами и надписями; французское правительство скоро дало средства на продолженіе этихъ работъ и опубликованіе

7) Проф. Астафьевъ, 7 sq., 35 sq. [illegible]

ихъ результатовъ. Къ Ботта въ 1845 г. присоединился англичанинъ Генри Леярдъ (Layard), который и былъ „Маріеттомъ Месопотаміи:" онъ открылъ развалины двухъ дворцовъ библейскаго города Калака и развалины города Ресена (между Калахомъ и Ниневіей), не считая того, что явилось результатомъ его раскопокъ на мѣстѣ самой Ниневіи, а также въ Вавилонѣ. За Ботта и Леярдомъ послѣдовали сюда другіе ученые (Оппертъ, Роулинсонъ, Джорджъ Смитъ и т. д.), коимъ удалось сдѣлать еще новыя открытія стѣнъ, скульптурныхъ и живописныхъ изображеній и надписей. Найдена была Леярдомъ даже цѣлая библіотека въ остаткахъ дворца Ассурбанипала IV (VII в. до Р. Х.) Она состояла изъ четырехъ-угольныхъ глиняныхъ или кирпичныхъ плитокъ, длиною maximum въ девять, шириною въ шесть дюймовъ, а толщиною въ дюймъ, и покрытыхъ съ обѣихъ сторонъ мелкою и сжатою клинописью. Къ сожалѣнію, во время раскопокъ масса ихъ была перебита, а уцѣлѣвшія были сложены въ безпорядкѣ для отправки въ Британскій музей. Полагаютъ, что всѣхъ такихъ

плитокъ было здѣсь до десяти тысячъ. Сдѣлались также извѣстными въ большомъ количествѣ ассирійскія царскія лѣтописи, проливающія новый свѣтъ на исторію передней Азіи. Въ настоящее время, благодаря ассиріологіи, явилась возможность, на основаніи совершенно новаго матеріала, довольно подробно разсказать прошлое не только Месопотаміи, но и другихъ странъ, гдѣ появлялись арміи ассирійскихъ царей [8].

Египетскія и ассирійскія открытія дали нѣсколько важныхъ результатовъ и для финикійской исторіи, которые были, кромѣ того, дополнены изслѣдованіями, произведенными и на мѣстѣ древнихъ финикійскихъ городовъ, особенно, благодаря французской экспедиціи подъ руководствомъ Ренана, въ шестидесятыхъ годахъ [9].

---

8) Rawlinson. The five great monarchies of ancient eastern world. — I. Oppert. Histoire des empires de Chaldée et d'Assyrie. — Thiele. Babylonisch-assyrische Geschichte. Указанныя выше (стр. 37) соч. Ленормана. См. также общія соч. по исторіи Востока.

9) Movers. Phönicier. Особенно общія руководства по исторіи Востока. Финикійскій алфавитъ, повидимому, происходитъ отъ египетскаго іератическаго. Maspero, 600.

См.

II. Исторія Востока съ точки зрѣнія условій прогресса.

Изъ историческихъ міровъ, уже давно существовавшихъ передъ эпохой полнаго разцвѣта греческой цивилизаціи, родоначальницы европейскаго историческаго движенія, тотъ міръ, которому принадлежитъ несомнѣнное старшинство и въ которомъ положено было начало всемірной исторіи, можно назвать совершенно исчезнувшимъ съ лица земли, не въ томъ только смыслѣ, что всякое прошедшее есть для настоящаго нѣчто переставшее существовать, но главнымъ образомъ въ томъ, что въ данномъ случаѣ прошедшее не имѣетъ въ настоящемъ своего непосредственнаго продолженія. Въ послѣднемъ отношеніи не то наблюдаемъ мы въ исторіи Китая или Индіи: между тѣмъ, какъ отъ древняго Востока въ болѣе тѣсномъ смыслѣ остались одни, если можно такъ выразиться, археологическіе слѣды, древніе Китай и Индія продолжаютъ жить еще до сихъ поръ въ Китаѣ и Индіи современныхъ. Другими словами, цивилизаціи древняго Востока, за исключеніемъ китайской и индусской, въ

сов.

Лит. К. Жомарова Невск. пр. 130-132.

настоящее время не существуютъ даже въ измѣненныхъ формахъ: это — цивилизаціи погибшія, уступившія мѣсто историческимъ явленіямъ совсѣмъ другаго происхожденія. Въ сравненіи съ гибелью культуръ египетской, халдейской, финикійской и т.д. не можетъ идти въ полное сравненіе даже то крушеніе греко-римской образованности, которое произошло въ началѣ такъ называемыхъ среднихъ вѣковъ европейской исторіи: не сохранись извѣстій о народахъ передней Азіи и Египта въ священномъ писаніи и у классическихъ авторовъ и не оставь эти народы сами о себѣ вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ, которые, однако, стали открываться и изучаться только въ текущемъ столѣтіи, мы имѣли бы право говорить даже о совершенно безслѣдномъ исчезновеніи для насъ всей исторіи Востока въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Не въ такомъ положеніи, повторяю, находятся Китай и Индія: древнѣйшая ихъ исторія продолжается досель, не испытавъ ничего такого, что напоминало бы гибель культуръ египетской, халдейской и т.д. — Но здѣсь мы имѣемъ дѣло уже съ другимъ явленіемъ, весьма характернымъ вообще для самыхъ раннихъ цивилизаціи

Въ кругѣ

цій, лишь только онѣ достигаютъ нѣкоторой высоты: я говорю объ извѣстномъ культурномъ застоѣ и Китая и Индіи. Въ этихъ странахъ историческая жизнь зародилась, какъ было уже сказано, еще передъ эпохой полнаго разцвѣта греческой цивилизаціи, а между тѣмъ, и китайцы, и индусы, довольно рано выработавъ свою культуру, отстали отъ европейскихъ націй, хотя предки послѣднихъ только-что готовились вступить въ историческую жизнь, когда сама античная цивилизація уже успѣла отцвѣсти. Это явленіе, т. е. отсталость китайцевъ и индусовъ въ сравненіи съ европейцами можетъ объясниться либо тѣмъ, что оба азіатскіе народа находились въ болѣе медленномъ, хотя и непрерывномъ движеніи, либо тѣмъ, что, сравнительно быстро достигнувъ сначала значительной культурной высоты, они впослѣдствіи остановились въ своемъ поступательномъ движеніи. Извѣстно, что въ исторической наукѣ — и не безъ основанія — составилось представленіе о застоѣ, какъ о характерной особенности исторіи двухъ названныхъ странъ за нѣсколько послѣднихъ столѣтій: застой обоз=

начаетъ едва замѣтное, крайне медленное движеніе, - такъ какъ абсолютнаго застоя не бываетъ, - обозначаетъ также косныя недавно достигнутыхъ ступеняхъ быта, предполагающихъ болѣе быстрое движеніе въ болѣе отдаленномъ прошломъ.» Китайцы, - говоритъ Морицъ Каррьеръ въ своемъ обширномъ историко-философскомъ трудѣ «Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры», - китайцы неподвижны не въ томъ довольно общепринятомъ смыслѣ, что будто бы все спокойно остается у нихъ неизмѣнным; напротивъ, культуры своей добились они кропотливымъ, настойчивымъ трудомъ, и государство ихъ испытало на себѣ много потрясеній, - но они консервативны въ томъ значеніи, что крѣпко держатся за все, что успѣли разъ себѣ добыть, и за первичную форму своего жизненнаго начала, такъ что все развитіе ихъ совершается въ предѣлахъ послѣдняго, не переходя за его завѣтную черту; у нихъ не возникаетъ ничего существенно новаго, ни черезъ усвоеніе со стороны, ни благодаря процессу внутренняго самораскрытія... Китайцы были малыми дѣтьми, какъ и все человѣчество той

отдаленной эпохи, но дѣтьми же они и остались, дѣтьми же состарились, такъ что символомъ цѣлого народа является герой сказанія, Лао-цзе, который будто бы родился на свѣтъ сѣдовласымъ старцемъ [1]." Конечно, исторія Индіи не подойдетъ подъ эту характеристику, но именно здѣсь-то мы съ особенною ясностью, весьма пригодною для частной иллюстраціи общаго явленія, и наблюдаемъ быстрое и богатое развитіе исторической жизни, за которымъ слѣдуютъ вѣка застоя. „Съ устойчивостью, принадлежащею характеру восточныхъ народовъ, — говоритъ Георгъ Веберъ, — индусы продолжали съ той поры (съ македонской и александрійской эпохи) держаться, какъ держатся еще и теперь, своего фантастическаго вѣроученія, своего стѣснительнаго кастоваго устройства, строгаго аскетизма, вѣры въ долгій рядъ возрожденій, — словомъ, всѣхъ тѣхъ ученій и теорій, которыми была парализована и подавлена ихъ нравственная энергія". Много было завоевателей, становившихся желѣзною ногою на выю ин-

---

1) Морицъ Каррьеръ. "Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры." М. 1870. I, 113.

[illegible]

[и]ндусскаго народа; много было военныхъ нашествій, вторгавшихся опустошительными бурями въ благодатную страну и заливавшихъ ее кровью; но старыя основы индусской жизни пережили всѣ перевороты, выдержали всѣ угнетенія, всѣ преслѣдованія; устояли противъ всѣхъ попытокъ передѣлать понятія индусовъ[2]." „Въ теченіи слѣдующихъ вѣковъ, — говоритъ тотъ же писатель въ другомъ мѣстѣ, — произошло, правда, много измѣненій въ религіозныхъ понятіяхъ и богослужебныхъ обрядахъ индусовъ, обогатилась ихъ наука, явились у нихъ великія произведенія поэзіи, другихъ искусствъ, — но творческая сила націи была уже истощена; основныя черты индусской жизни неизмѣнно сохранили тотъ видъ, въ какомъ существовали раньше[3]."

Гибель цивилизаціи въ одномъ случаѣ и культурный застой въ двухъ другихъ — вотъ какая судьба постигла народы, раньше другихъ выступившіе на историческое поприще, — народы, исторію которыхъ мы имѣемъ право разсматривать, какъ

---

2) Георгъ Веберъ. I, 217. 3) Ibid, I, 328.

первый фазисъ исторіи общечеловѣческаго прогресса. Обобщая эти и подобные имъ факты (особенно паденіе греко-римской цивилизаціи въ эпоху германскаго варварства на западѣ Европы и византійскаго коснѣнія на Востокѣ), многіе историки готовы были объяснить себѣ гибель цивилизацій и случаи культурнаго застоя, встрѣчающіеся въ исторіи, по аналогіи съ жизнью индивидуума, естественно и необходимо приводящей къ старости и оканчивающейся смертью: нація такъ же исчерпываетъ свои силы, какъ индивидуумъ, и, старѣя, дѣлается неспособной къ дальнѣйшему движенію. Какъ ни удобна эта аналогія для общихъ объясненій, она, во-первыхъ, не можетъ устранить необходимости въ частныхъ объясненіяхъ для каждаго отдѣльнаго случая, когда только мы имѣемъ дѣло съ прекращеніемъ историческаго движенія, а во вторыхъ, сама по себѣ она основывается на гипотезѣ, доказательства которой весьма шатки и противъ которой, наоборотъ, можно привести не мало вѣскихъ доводовъ[4]. Не разбирая

---

4) См. разборъ этой теоріи въ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи," II, 220-236.

Курсовъ

здѣсь самыхъ основаній теоріи, что завлек=
ло бы насъ слишкомъ далеко отъ главнаго
предмета, я не могу, однако, не указать
на то, что гибель цивилизацій происходитъ
всегда преимущественно отъ причинъ внѣш=
нихъ, коихъ можетъ и не быть налицо, тог=
да какъ культурный застой бываетъ ре=
зультатомъ хотя и внутреннихъ усло=
вій жизни народа, но такихъ, которыя
лежатъ не „въ крови" послѣдняго, якобы вы=
рождающейся въ силу самого прогресса, а
въ понятіяхъ и формахъ жизни народа,
способныхъ принимать характеръ неблаго=
пріятный и даже прямо враждебный вся=
кому поступательному движенію. Я да=
же думаю, что именно въ началѣ всемір=
ной исторіи внѣшнія условія существо=
ванія культурныхъ народовъ постоянно
грозили цивилизаціи послѣднихъ гибелью,
а внутренняя ихъ жизнь необходимо скла=
дывалась такимъ образомъ, что при из=
вѣстныхъ обстоятельствахъ сама обу=
словливала неизбѣжность застоя послѣ
болѣе или менѣе продолжительнаго
движенія. Не приводя здѣсь подробно тео=
ретическихъ доказательствъ въ пользу

Чит... Сл. Сл.

такого взгляда [5]), я попытаюсь иллюстрировать свою мысль на нѣсколькихъ обобщенныхъ примѣрахъ, заимствованныхъ изъ исторіи древняго Востока, что позволитъ мнѣ также выдвинуть и одну изъ тѣхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ я намѣреваюсь освѣтить какъ отдѣльные факты, такъ и общее построеніе исторіи древняго Востока.

Первая мысль, невольно приходящая въ голову при вопросѣ о гибели восточныхъ цивилизацій, заключается вотъ въ чемъ: народамъ, среди коихъ онѣ развивались, а вмѣстѣ съ тѣмъ и имъ самимъ постоянно грозили варварскія нашествія, весьма опасныя по своимъ послѣдствіямъ. Если для античной образованности на Западѣ весьма печальныя послѣдствія имѣло „великое переселеніе народовъ" въ началѣ среднихъ вѣковъ, то цивилизація должна была считать себя еще менѣе прочною, когда ей

---

5) Здѣсь я имѣю въ виду тѣ отдѣлы своей историко-философской теоріи, которые изложены въ „Основн. вопр. философіи исторіи", II, 249 sq, 330 sq и 367 sq.

Лит. М. Камерова Невск. пр. 130-138.

принадлежали только нѣкоторые оазисы среди совсѣмъ некультурныхъ народовъ. Возьмите одинъ Египетъ: съ древнѣйшихъ временъ фараонамъ приходилось оберегать Суэзскій перешеекъ отъ вторженій азіатскихъ номадовъ, не говоря уже о почти постоянной, въ теченіи долгаго времени, опасности со стороны нубійцевъ и ливійцевъ [6]; тѣмъ не менѣе, номады (гиксы или шасу) прорвались-таки въ Египетъ и на весьма долгое время (2200-1700 до Р.Х.) имъ завладѣли. По мѣстному преданію, они разрушили храмы боговъ, перебили много народа, обратили оставшихся въ живыхъ въ рабство и наложили дань на всю страну, да и имъ самимъ потомъ приходилось оберегать завоеванную землю отъ новыхъ нашествій изъ-за Суэзскаго перешейка. Послѣ освобожденія Египта отъ „гиксовъ," онъ подвергался еще нашествіямъ со стороны мало-азіатскихъ народовъ, соединявшихся съ ливійцами, которые всегда готовы были нападать на Египетъ съ запада, какъ семиты нападали съ востока [7], и если бы въ очень

---

6) Ср., напр. Maspero, 66-67, 72, 88, 102, 106-107, 130.

7) Ibid., 217, 250-252, 263. Кратк. очеркъ отношеній

ранния эпохи своей исторіи Египетъ не распространилъ образованность свою на югъ, въ Эѳіопію, то временное владычество послѣдней надъ страною фараоновъ имѣло бы для египетской цивилизаціи результаты столь же плачевные, какъ и господство гиксовъ. Другой примѣръ — „скиѳскія" нашествія на Азію. Съ незапамятныхъ временъ изъ-за Кавказа, отъ поры до поры, на Малую Азію нападали киммерійцы, которые впослѣдствіи стали совершать набѣги на ассирійскія владѣнія, встрѣчая здѣсь, впрочемъ, отпоръ. Около 632 г. до Р. Х. скиѳамъ удалось, однако, разграбить Мидію, опустошить

семитовъ, ливійцевъ и нубійцевъ къ Египту см. въ брошюрѣ проф. И. Н. Смирнова „Развитіе отношеній завоевателей къ покореннымъ на древ. Востокѣ." Казань. 1887. Стр. 6 и слѣд. Cf. стр. 21: „исторія этихъ отношеній (т. е. со стороны сосѣдей къ Египту) — исторія тысячелѣтней борьбы земледѣльческаго народа съ кочевниками. Первою заботой государства было обезпечить трудъ египетскаго земледѣльца отъ опасностей, угрожавшихъ ему съ востока, съ запада, съ юга. На одно это дѣло могли уйти всѣ силы населенія нильской долины." —

Ассирію, истребить половину населенія въ Месопотаміи, напасть на Сирію и даже дойти до Египта, отъ котораго отвратили ихъ только богатые дары Псамметиха. По словамъ Геродота, скифы господствовали въ Азіи 28 лѣтъ, но даже семивосьми лѣтъ, принимаемыхъ для этого періода въ книгѣ Масперо, достаточно для объясненія быстро послѣдовавшаго за этимъ паденія Ассиріи[8]. Не накопляя другихъ примѣровъ варварскихъ вторженій въ культурныя страны, мы можемъ видѣть въ подобныхъ событіяхъ одну изъ причинъ непрочности древнѣйшихъ цивилизацій: это были оазисы среди пустыни, которымъ грозила опасность быть засыпанными песками. Извѣстно, что многія, нѣкогда культурныя страны, именно въ силу такихъ причинъ, дѣлались достояніемъ пустыни и чѣмъ далѣе мы идемъ въ глубь вѣковъ, тѣмъ все болѣе и болѣе уменьшается число и величина такихъ оазисовъ и, слѣдовательно, тѣмъ все менѣе и менѣе прочности имѣла

---

8) Maspero. 476. Cf. Ванъ-денъ-Бергъ, 88 и 116.

Введенская

сама цивилизація. Прогрессъ въ первомъ своемъ фазисѣ, — на каковой и приходится исторія древняго Востока, — съ этой стороны былъ поставленъ въ крайне неблагопріятныя условія, особенно если мы примемъ еще въ расчетъ, что сами „историческіе народы" поступали одинъ съ другимъ нелучше гиксовъ и скиѳовъ, хотя, кажется, никто не превзошелъ въ безцѣльной жестокости и страсти къ разрушенію самаго завоевательнаго изъ восточныхъ народовъ древности, — ассирійцевъ. Международная исторія Востока есть исторія разрушенія городовъ, разоренія странъ, истребленія, порабощенія, увода въ плѣнъ цѣлыхъ населеній. Война сама по себѣ есть явленіе варварское, но въ исторіи древняго Востока уже невозможно провести границы между вторженіемъ варваровъ въ культурную страну и завоевательнымъ походомъ культурнаго народа на варваровъ. „Я пронесся, какъ опустошительный ураганъ," говоритъ о себѣ ассирійскій царь, Сеннахерибъ; „я призвалъ (въ завоеванный Эламъ), — объявляетъ о себѣ другой царь, Ассурбанипалъ, — дикихъ звѣрей,

женщинъ

земный, животныхъ пустыни и газелей,"
— вотъ содержаніе всей военной исторіи
не одной Ассиріи, но и другихъ культур-
ныхъ народовъ древняго Востока [9].

Это — почасти внѣшнихъ условій суще-
ствованія отдѣльныхъ историческихъ на-
родовъ Востока, которымъ, съ эпохи под-
чиненія ихъ всѣхъ персамъ, было какъ бы
на роду написано подвергаться новымъ и
новымъ иноземнымъ завоеваніямъ. Но не
этимъ условіямъ придаю я особенно важ-
ное значеніе въ объясненіи судебъ, какія пре-
терпѣвали восточныя цивилизаціи: наше-
ствія и завоеванія — сами по себѣ, и сами
по себѣ — внутреннія условія исторической
жизни восточныхъ народовъ въ древности,
да и по сіе время.

Если на первыхъ порахъ цивилизаціи
могли принадлежать только, говоря фигу-
рально, оазисы, то сама она могла возник-
нуть лишь въ крупныхъ политическихъ
организаціяхъ, которыя, въ свою очередь, скла-

---

9) Ср. множество подобныхъ заявленій ассирійскихъ
царей въ книгѣ проф. Астафьева „Древности вави-
лоно-ассирійскія по новѣйшимъ открытіямъ".
Спб. 1882. Стр. 71 и слѣд.

Кулов

дываются и поддерживаются сначала путемъ одного принужденія: безъ образованія въ Египтѣ могущественнаго царства, номады, стремившіеся въ благодатную долину Нила, не дали бы развиться въ ней зародышамъ культуры, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы ей уже не такъ были страшны нашествія варваровъ, а съ другой стороны, только на большой территоріи, подчинявшейся одной власти, могла прекратиться вѣчная война между мелкими соціальными группами, на какія распадались будущіе народы въ доисторическомъ своемъ существованіи, тогда какъ война съ внѣшними врагами уже переставала занимать всѣхъ свободныхъ людей, что дозволило значительному количеству населенія предаться главнымъ образомъ мирнымъ занятіямъ. Но сами организаціи эти возникли путемъ принужденія, путемъ подчиненія однѣхъ группъ другимъ, путемъ подчиненія всѣхъ единой власти, главною задачею коей было не давать государству разсыпаться на составныя части и понуждать его жителей къ дѣйствіямъ, имѣвшимъ цѣлью поддержку этого цѣлаго противъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Древнія восточныя государства были деспотіи.

Самодерж

въ нихъ все больше и больше развивались произволъ власти у правителей и инстинктъ повиновенія въ населеніяхъ, поглощеніе личности государствомъ и ослабленіе личной инціативы въ единицахъ, не смотря на частыя вспышки анархіи и своекорыстное поведеніе людей въ ихъ частномъ быту. Такимъ образомъ, если для развитія цивилизаціи необходимы были крупныя политическія организаціи, то организаціи эти съ такою же необходимостью возникали только путемъ принужденія, въ чемъ, какъ въ зародышѣ, лежалъ весь политическій бытъ восточныхъ народовъ, т. е. все больше и больше усиливавшійся деспотизмъ, съ одной стороны, и порабощеніе массъ, съ другой, - условія, крайне неблагопріятныя для историческаго движенія, тѣмъ болѣе, что деспотизмъ все яснѣе и яснѣе сознавалъ интересъ свой - силою поддерживать statum quo, а сами народы подконецъ уже и не могли представить себѣ иного порядка вещей. Въ одномъ лишь отношеніи народы время отъ времени успѣвали наносить ударъ искусственному соединенію подъ одною деспотическою властью: исторія Египта насчи-

Сни.

тываетъ нѣсколько распаденій единаго царства на отдѣльныя княжества, происходившихъ путемъ возмущеній противъ центральной власти, а Ассирія постоянно вновь должна была завоевывать свои владѣнія, подавляя возстанія подвластныхъ народовъ. Исторія еврейскаго царства въ этомъ отношеніи есть сколокъ съ исторіи египетской и ассирійской монархій: соединеніе „колѣнъ" происходитъ въ виду опасностей отъ сосѣдей и путемъ принужденія; вновь основанное царство немедленно принимаетъ форму восточной деспотіи и устремляется на путь завоеваній, которыя, однако, не остаются прочными пріобрѣтеніями, тѣмъ болѣе, что сами „колѣна" находятся въ антагонизмѣ между собою.

Политическій деспотизмъ восточныхъ монархій находитъ естественное свое дополненіе въ соціальномъ порабощеніи массъ. Послѣднее, будучи до извѣстной степени однимъ изъ условій зарожденія культурной жизни среди меньшинства, поставленнаго въ болѣе благопріятное положеніе, съ другой стороны, однако, при новыхъ и новыхъ

Лит. В. Комарова. Невск. пр. 135-138.

успѣхахъ цивилизаціи, не сопровождавшихся соотвѣтственными улучшеніями въ жизни этихъ массъ, было одною изъ причинъ печальной судьбы восточныхъ цивилизацій. Каждый новый шагъ, сдѣланный народомъ по пути историческаго прогресса, увеличивалъ пропасть между культурнымъ меньшинствомъ и рабочею массой, причемъ первое весьма скоро начинало обнаруживать еще и склонность къ „изнѣженности", а вторая все больше и больше тупѣла. Для начала развитія культуры, конечно, нужны были и крупная политическая организація, при которой можно было бы населенію извѣстной территоріи предаваться мирнымъ занятіямъ, и извѣстный классъ общества, который выдѣлялся бы изъ массы, занятой исключительно добываніемъ средствъ къ существованію, но какъ самыя раннія государства складываются путемъ голаго принужденія, влекущаго за собою политическій деспотизмъ, такъ выдѣленіе культурнаго класса изъ народной массы все больше и больше принимаетъ характеръ установленія сословія господъ надъ массой рабовъ, тѣмъ больше еще, что различіе между господиномъ и рабомъ складывалось и благодаря одолѣніямъ и пора-

женіемъ на полѣ битвы со всевозможными формами мученія.

Не говоря обо всѣхъ отрицательныхъ для прогрессивнаго движенія культуры слѣдствіяхъ, принадлежащихъ политическому деспотизму и соціальному порабощенію массъ, весьма понятныхъ изъ того способа, какимъ складывались древнѣйшія государства и происходило разчлененіе общества на отдѣльные классы, именно въ этомъ деспотизмѣ и этомъ порабощеніи, безъ коихъ — надо въ этомъ сознаться — не могло бы начаться исторической жизни, но которые сами заключали въ себѣ сильную помѣху для дальнѣйшаго развитія, мы должны видѣть еще одинъ изъ результатовъ вообще слабаго развитія личнаго начала въ древнѣйшихъ обществахъ. На Востокѣ, говоря словами Гегеля, духъ не сознавалъ своей сущности, каковая заключается въ свободѣ, т. е. личность легко подчинялась всему внѣшнему, цѣлямъ, для нея постороннимъ, — въ своей дѣятельности, и понятіямъ, пришедшимъ къ ней извнѣ, — въ своей мысли. Разъ безсознательною, коллективною, съ традиціонными пріемами дѣятельностью народа выработаны извѣстныя формы мысли и жизни, извѣстныя понятія

[illegible]

и порядки, отдѣльная личность подчиняется имъ въ силу того, что находитъ все это готовымъ, когда сама является на свѣтъ божій, а такое подчиненіе вѣкъ неминуемо влечетъ за собою застой, при коемъ личности не вносятъ въ мысль и жизнь ничего новаго, оригинальнаго. Культурно-соціальная среда, бывающая, конечно, всегда на первыхъ ступеняхъ историческаго развитія продуктомъ безсознательной и коллективной работы надъ такимъ же путемъ сложившимися традиціями, имѣетъ тенденцію подчинить себѣ личность, и чѣмъ личность менѣе развита, - а такова она на раннихъ ступеняхъ общественнаго быта, - тѣмъ легче она подчиняется средѣ, т.е. тѣмъ большее господство получаетъ послѣдняя въ жизни народа и тѣмъ труднѣе дѣлается для него выйти изъ заколдованнаго круга традиціонныхъ понятій и порядковъ. На Востокѣ такъ и случилось, пока складывалась культурно-соціальная среда того или другаго народа, мы еще наблюдаемъ историческое движеніе, но, въ виду слабости личнаго элемента въ начальныхъ періодахъ общественной жизни, эта культурно-соціальная среда сама рано или поздно начинала принимать характеръ

Стесиц

враждебный развитію личнаго элемента. Какъ необходимый въ обществѣ элементъ власти, развившись на счетъ другихъ силъ народа, крайне слабыхъ въ началѣ исторіи, далъ восточнымъ государствамъ деспотическій строй, приводившій ихъ въ упадокъ, какъ, съ другой стороны, не менѣе необходимое расчлененіе общества на классы, получивъ уродливое направленіе, вслѣдствіе естественнаго господства грубой, матеріальной силы въ первобытныхъ общественныхъ отношеніяхъ, сдѣлалось одною изъ причинъ внутренняго безсилія восточныхъ монархій, — совершенно такъ же и соціально-культурная среда получила въ этихъ государствахъ одностороннее развитіе именно въ силу слабости личнаго элемента на первыхъ ступеняхъ прогресса, подавивъ личность, подчинивъ ее всему, имѣющему происхожденіе въ безсознательной, коллективной, традиціонной сторонѣ исторіи.

Лишь кажется, что самыми условіями перваго фазиса въ исторіи прогресса, какъ внѣшними, такъ и внутренними, объясняется непрочность древнихъ восточныхъ государствъ, съ одной стороны, и крайняя устойчивость разъ утвердившихся въ этихъ

Классахъ

обществахъ понятій и порядковъ, съ другой: политическія организаціи, основанныя на принужденіи и порабощеніи, не могутъ имѣть внутренней крѣпости, а культурно-соціальная среда, не дающая простора личному началу въ области мысли и въ области жизни, тѣмъ самымъ обречена на застой, на традиціонное повтореніе традиціонныхъ мыслей и отношеній. Тѣмъ больше нельзя сваливать причины восточной спячки (съ нашей точки зрѣнія) на климатъ восточныхъ странъ и на расовыя особенности населяющихъ эти страны народовъ, что когда-то и тотъ же климатъ, и тѣ же расы не только не мѣшали развитію цивилизаціи, но даже являлись главными условіями для ея зарожденія.

Восточныя цивилизаціи.

Приступимъ къ историческому обозрѣнію Востока, которое необходимо предпослать изученію исторіи Греціи. Не будемъ останавливаться на т.к. называемыхъ политическихъ фактахъ, а разсмотримъ главнымъ образомъ внутреннюю исторію, исторію цивилизаціи. Въ исторіи мы

Теперь

должны всегда различать два рода фактовъ: прагматическіе, которые заключаютъ въ себѣ различныя происшествія и событія и культурные, составляющіе бытъ матеріальный, духовный и общественный. Вотъ на культурныхъ то фактахъ и необходимо остановиться. Правда, что здѣсь придется сдѣлать одно исключеніе: мы не будемъ разсматривать матеріальнаго быта, мы не будемъ разсматривать вещественныхъ памятниковъ зданій, дворцовъ, и произведеній скульптуры, потому что просто описывать не иллюстрируя не имѣетъ значенія и потому что это войдетъ въ курсъ исторіи искусствъ. Но за то остановимся главнымъ образомъ на разсмотрѣніи культуры духовной и общественной. Духовную культуру составляетъ совокупность идей, общественную — совокупность учрежденій. Изъ всѣхъ отдѣльныхъ сферъ, на которыя раздѣляются идеи народа, мы остановимся на религіи по двумъ причинамъ: во первыхъ, религія представляетъ сосредоточіе всѣхъ идей народа, во вторыхъ ею связаны всѣ члены общества. По отношенію къ Востоку это разсмотрѣніе имѣетъ еще боль-

шое

шее значеніе, потому что у восточныхъ народовъ религія была основаніемъ всей культуры. Религія Востока представляетъ изъ себя вещь сложную: здѣсь мы должны различать два рода представленій, съ одной стороны народныя вѣрованія, въ коихъ тутъ главную роль играютъ <u>миѳы</u>, т.е. сказанія о богахъ, съ другой — <u>жреческое</u> умозрѣніе, мало проникавшее въ народъ, а если и проникавшее, то смѣшивающееся съ народными представленіями.

Въ жреческомъ умозрѣніи мы встрѣчаемся съ высшими идеями. Мораль принимаетъ у нихъ особенный оттѣнокъ, который возвышаетъ ее надъ народными представленіями. На Востокѣ религія проникала всю культуру. Архитектура здѣсь была преимущественно храмовая; правда строились дворцы, но главнымъ образомъ храмы и различныя постройки, относящіяся также къ религіи (Пирамиды). Скульптура — тоже самое, потому что главнымъ образомъ кромѣ царей, изображались божества и гробницы, служившія также религіознымъ цѣлямъ. Самыя учрежденія имѣли религіозную окраску: общественные порядки разсматривались не кк. порядокъ, созданный люд=

Ученикъ С. С.

а кк. учрежденія божества. Нѣкоторые сборники законовъ, напр. Ману въ Индіи, считались созданіемъ божества. Итакъ въ исторіи Востока религія занимаетъ центральное положеніе.

Общественная культура есть совокупность учрежденій; учрежденія подраздѣляются на политическія, юридическія и экономическія; политическія — это государственная власть и строеніе общества; юридическія — область права; экономическія — это учрежденія хозяйственныя. Остановимся на разсмотрѣніи всѣхъ этихъ фактовъ на Востокѣ ввиду слѣдующихъ соображеній: 1) Исторія Востока первый фазисъ въ исторіи развитія человѣчества. 2) Греція начала свою историческую жизнь подъ вліяніемъ культуры Востока 3) Легче понять культуру Греціи по сопоставленію съ культурой Востока 4) Религіозныя воззрѣнія Востока очень рано начали вліять на религію Греціи; многіе мифы у Грековъ, которые имѣли значеніе національныхъ, были собственно говоря заимствованы съ Востока. Впослѣдствіи особенно сильно сказалось вліяніе Востока на Грецію въ религіозномъ отношеніи въ эпоху упадка.

Лит. В. Немирова Кіевъ Ун. 130-133.

[illegible]

классическаго міра, во время смѣшенія религій (синкретизмъ).

Религіи Востока

Долгое время главными источниками для ознакомленія съ религіей древняго Востока были сочиненія греческихъ писателей, между прочимъ Геродота. Мы находимъ у него описаніе культовъ Египтянъ и другихъ народовъ Востока. Но этотъ источникъ далеко несовершененъ. Сами писавшіе не имѣли яснаго представленія о религіи народовъ древняго Востока, они называли обыкновенно боговъ этихъ народовъ тѣми же именами, какія носили ихъ греческіе боги. Геродотъ, напр. говоритъ, что въ Тирѣ поклонялись Гераклу, на самомъ же дѣлѣ божество это называлось Мелькартомъ. Затѣмъ они не могли знать хорошенько значенія того или иного божества и вносили свои собственныя мысли, т. к. напримѣръ, Плутархъ (II вѣкъ) египетскому мифу объ Озирисѣ и Изидѣ приписываетъ такое философское значеніе, какого онъ совсѣмъ не имѣлъ. Если бы не были сдѣланы тѣ великія открытія, мы не имѣли бы вѣрныхъ извѣстій о религіи древняго Востока. Большая часть

открытій были храмы, покрытые надписями, имѣющими, разумѣется, религіозное значеніе; древняя восточная литература также была по преимуществу религіозная; но все это представляетъ изъ себя одинъ сырой матеріалъ, требующій научной разработки; разработка же неизбѣжно предполагаетъ нѣкоторыя теоретическія положенія. На помощь явились: 1) сравнительная миѳологія, возникшая по образцу сравнительнаго языкознанія; она имѣетъ цѣлью уяснить, какія религіозныя воззрѣнія существовали до раздѣленія единаго народа на отдѣльныя племена; 2) изученіе т.к. называемой первобытной культуры (Тайлоръ. Основная мысль его труда: „Первобытная культура народовъ" та, что современные дикари имѣютъ такой же бытъ, какой имѣли первобытные народы). Всѣ изслѣдованія приводятъ насъ къ слѣдующему выводу: какимъ образомъ первобытный человѣкъ понималъ всѣ явленія природы и жизни? Оказалось, что онъ объяснялъ себѣ все по аналогіи съ самимъ собой. Видя движущійся предметъ, онъ считалъ его такимъ же живымъ, способнымъ по движенію, какъ самъ онъ. Онъ одухотворялъ предметъ. Движу=

Сп. Танѣевъ

щіяся тучи, звѣзды, и луну онъ представлялъ себѣ живыми, могущими дѣлать добро и зло. Это высшія существа, т.е. боги (многобожіе, политеизмъ.)

Явленія своей собственной жизни онъ понималъ своеобразно. Онъ представлялъ себѣ сонъ, кк. временное удаленіе души изъ тѣла; душа его во время сна странствуетъ и то, что видитъ онъ во снѣ, это то, что встрѣчается на пути его душѣ. Иначе онъ объяснялъ себѣ сновидѣнія тѣмъ, что души другихъ людей приходятъ къ его душѣ. Онъ представлялъ себѣ весь міръ, наполненный духами, часто враждебными человѣку. Болѣзни объяснялъ тѣмъ, что враждебный духъ входитъ въ человѣка и мучитъ его. Такое представленіе называется анимизмомъ, демонологіей, шаманизмомъ. (Фетишизмъ такое состояніе человѣческой мысли, когда думаютъ, что каждый отдѣльный предметъ заключаетъ въ себѣ духа.) На первобытной ступени развитія является мысль о необходимости умилостивлять или застращивать этихъ духовъ, и у всѣхъ первобытныхъ народовъ является вѣра въ искуство заклинанія), магія, колдовство. Весьма естественно

Высшихъ

что, когда все одухотворялось, большимъ поче-
томъ пользовались души умершихъ. Въ Египтѣ вся религія сосредоточивалась около культа мертвыхъ; у Грековъ и Римлянъ культъ предковъ игралъ важную роль и даже опредѣлялъ собой условія семейнаго и общественнаго быта. Вотъ тѣ общія представленія, которыя необходимо предпосылать разсмотрѣнію религіи древняго Востока. Теперь же перейдемъ къ ея обзору. Религія древняго Востока стоитъ очень близко къ грубымъ первоначальнымъ воззрѣніямъ. Нѣкоторые писатели стараются доказать, что въ религіи древняго Востока существовали зачатки единобожія, но это не оправдывается и мы видимъ, что она вышла изъ грубыхъ политеческихъ представленій; вѣра въ духовъ играла большую роль въ представленіяхъ восточныхъ народовъ, магія и колдовство были развиты въ высшей степени. Если среди восточныхъ религій и можно указать на монотеистическую, то это исключеніе, напр. Евреи и отчасти Иранцы. Да и всѣмъ извѣстно, кк. часто уклонялись въ политеизмъ. Иранское же единобожіе представляетъ продуктъ позднѣйшаго историческаго развитія. Остальныя религіи натура-

листическія, т. е. онѣ обращаются къ явленіямъ природы, а не моральнымъ понятіямъ; послѣднія, если и являются, то какъ результатъ позднѣйшаго развитія. Культъ соединялся у нихъ съ безнравственными обрядами и кровавыми жертвами. Даже у греческаго народа въ первоначальныя времена мы находимъ весьма грубые обряды и воззрѣнія. И такъ вотъ, что мы должны принять въ разсчетъ при разсмотрѣніи религіи Востока: должны обратить вниманіе на аналогическое явленіе, встрѣчающееся у всѣхъ народовъ Востока, на пріобрѣтеніе жрецами все большаго и большаго значенія (теократія); затѣмъ на то, что всѣ учрежденія на Востокѣ носили религіозный характеръ; власть царей обожествлялась; всѣ законы разсматривались кк. божественное предписаніе.

Древнія восточныя цивилизаціи въ сравненіи съ греческой являются цивилизаціями по преимуществу религіозными.

Въ Индіи даже цари не могутъ исполнять обязанностей брамана: для этого нужно родиться браманомъ; въ Иліадѣ и Одиссеѣ цари приносятъ жертвы; позднѣе жрецовъ выбираетъ народъ на время, какъ обыкно=

Курновъ

венныхъ сановниковъ, и исполненіе ими своихъ обязанностей не снимаетъ съ нихъ общихъ обязанностей гражданина: они не только не каста, но и не сословіе. У грека и римлянина при всей ихъ религіозности не было вѣры въ божественное происхожденіе ихъ политическихъ учрежденій, которая такъ прочно уживалась на Востокѣ рядомъ съ деспотизмомъ царей. Государство ихъ не созданіе боговъ, а дѣло рукъ человѣческихъ, нѣчто такое, что, слѣдовательно, и можно передѣлывать человѣческими же руками. Религія здѣсь поэтому не играла той роли, какую играла на Востокѣ: она не развивалась въ цѣлую догматическую систему подобно индусскому браманизму, освящавшему кастическое устройство общества, иранскому маздеизму, опутывавшему личную жизнь цѣлою сѣтью мертваго формализма и подчинявшему ее рабскому игу неподвижнаго закона: она непохожа была и на религію египтянъ, которые, по свидѣтельству Геродота, были религіознѣе всѣхъ людей: тутъ религія, дѣйствительно, играла первенствующую роль во всѣхъ подробностяхъ частной и общественной жизни, и самые

Тайная

фараоны были постоянно, такъ сказать, подъ надзоромъ сильнаго жречества, одно время, послѣ паденія 20 династіи, даже первенствовавшаго въ политикѣ. Съ корпораціей египетскаго духовенства Діодоръ Сицилійскій сравниваетъ корпорацію халдейскихъ жрецовъ въ Вавилонѣ. Извѣстно смиреніе, съ какимъ относились ассирійскіе цари къ своимъ богамъ, называя себя ихъ служителями и намѣстниками, именемъ ихъ объявляя войну, приписывая имъ свои побѣды. Религіозный строй жизни Израиля можетъ также служить примѣромъ этой особенности восточной цивилизаціи. Нигдѣ религія не подчиняла себѣ всей жизни въ такой степени, какъ на Востокѣ, тогда какъ классическіе народы являются въ сравненіи съ народами Азіи и Египта людьми свѣтской культуры, хотя въ древнѣйшій періодъ ихъ исторіи и у нихъ замѣчается господство сакральнаго принципа. Величайшимъ продуктомъ умственной жизни Востока было созданіе, такъ сказать, ученыхъ религіозныхъ системъ, какія мы находимъ у египетскихъ жрецовъ, иранскихъ маговъ, халдеевъ и браминовъ. Вся философія Востока

имѣетъ тотъ же характеръ и только на европейской почвѣ развилась впервые свѣтская философія. За то ни отъ грековъ, ни отъ римлянъ не сохранилось ни одной книги, которую можно бы сопоставить съ такими произведеніями религіознаго творчества, каковы Законы Ману у индусовъ, иранская Зендъ-Авеста и еврейская Библія. Классическія религіи были продуктомъ чисто народнаго творчества и подвергались, главнымъ образомъ, только поэтической обработкѣ: испытующая мысль обращалась не къ народнымъ вѣрованіямъ, а къ изученію внѣшняго міра и человѣческаго духа. Только въ эпоху паденія классической цивилизаціи въ греко-египетской Александріи, гдѣ столкнулись идеи Востока и идеи Запада, возникла такъ называемая неоплатоническая философія, имѣвшая много общаго съ теософіей азіатскихъ культурныхъ народовъ. Мысль античнаго человѣка была свободна отъ догматизма сакральной традиціи, застывшей въ неизмѣнной формѣ и охватившей собою всѣ подробности политической, соціальной и частной жизни. Если, повторяемъ, восточная цивилизація про=

Лит. В. Комарова Невск. пр. 136-138.

никнута во всѣхъ своихъ частностяхъ религіознымъ элементомъ, то цивилизація классическихъ народовъ была свѣтской: греческая философія не считалась откровеніемъ, даннымъ свыше богами, а пріобрѣтеніемъ испытующаго ума человѣка; это была не готовая мудрость, полученная сверхъестественнымъ путемъ, а только исканіе истины, стремленіе къ мудрости, въ чемъ и заключается смыслъ греческаго слова φιλοσοφία; равнымъ образомъ римское право не было кодексомъ юридическихъ и моральныхъ предписаній, продиктованныхъ человѣку свыше, подобно еврейскому закону или законодательству Ману въ Индіи: это былъ, какъ извѣстно, „писанный разумъ" (ratio scripta), созданіе римскаго народа — словомъ, это было свѣтское право.

При общихъ основахъ было большое разнообразіе. Были, напримѣръ, такіе народы, которые придавали большое значеніе душамъ умершихъ предковъ; нѣкоторые народы по преимуществу поклонялись богамъ свѣта, другіе богамъ производительныхъ силъ. Почему существовало такое различіе мы не можемъ объяснить

себѣ. Отношеніе человѣка къ божеству также мыслилось совершенно различно: нѣкоторые признавали безусловную покорность, другіе находили, что можно умилостивить божество, склонить его на свою сторону; нѣкоторые мыслили божества, весьма отдаленно отъ человѣка, другіе представляли его себѣ весьма близко; были народы, которые мыслили его болѣе отвлеченно, другіе могли мыслить только въ конкретномъ образѣ. Прежде мы разсмотримъ религіозныя воззрѣнія древнихъ Египтянъ. Геродотъ во 2-ой книгѣ, 37 главѣ говоритъ, что египетскій народъ является наиболѣе богобоязненнымъ, наиболѣе религіознымъ. Изъ описанія различныхъ обрядовъ мы видимъ, что богобоязненность эта была чисто внѣшняя. Это подтверждаетъ и Діодоръ Сицилійскій, описывавшій египет. религію долго спустя послѣ Геродота; это подтверждаютъ и открытія въ области новѣйшей египтологіи. Масперо въ первыхъ изданіяхъ своей Исторіи Востока представляетъ себѣ египетскую религію, какъ религію философскую, возвышенную, заключающую въ себѣ догматъ единобожія. Тоже самое даетъ Ванъ-

[illegible]

денъ-Бергъ, онъ говоритъ: „основой египетскорелигіи было познаніе единаго бога. Онъ опредѣляетъ его такимъ образомъ: единый, имѣющій бытіе сущностью; единый, который живетъ, какъ субстанція; единый производитель на небѣ и на землѣ; единый, живущій въ истинѣ; единый, существующій отъ начала, который все сотворилъ, а самъ не былъ сотворенъ." Этотъ богъ, подобно богу Моисея опредѣлялъ себя такъ: „Я тотъ, который есмь". Египетскіе жрецы понимали его, какъ единаго по существу, но троичнаго въ лицахъ. Божественную троицу составляли: отецъ, мать и сынъ. Таково было религіозное ученіе Египта, которое преподавалось избраннымъ въ духовныхъ коллегіяхъ, находившихся при храмѣ. Во главѣ каждой коллегіи стоялъ наслѣдственный верховный жрецъ, и не подлежитъ сомнѣнію, что въ этихъ коллегіяхъ принципъ единаго бога сохранился во всей чистотѣ. Но ввиду различныхъ атрибутовъ бога, ему поклонялись подъ различными именами. Такимъ образомъ явился цѣлый рядъ мѣстныхъ Троицъ, въ каждомъ Номѣ была своя особая Троица."

Времинъ

Это представленіе совершенно не соотвѣт=ствуетъ дѣйствительности; правда, было такое представленіе, но оно явилось впослѣд=ствіи у жрецовъ; вначалѣ же египетскія религіозныя вѣрованія были совершенно не таковы. Мейеръ указываетъ на необходи=мость при сужденіи объ египетской религіи обращать вниманіе на слѣдующее: 1) рели=гія древняго Египта выходила не изъ фило=софскихъ мыслей или мыслей космогониче=скихъ, а изъ созерцанія солнца, изъ того, кк. оно восходитъ, кк. движется по небу, кк. оно заходитъ. 2) Если мы и замѣчаемъ, что еги=петскіе боги сведены въ извѣстную систему и опредѣлены родственныя отношенія ихъ, то это представляетъ явленіе позднѣйшее, результатъ жреческаго умозрѣнія. Жре=цы представили боговъ въ ихъ родственныхъ отношеніяхъ, т. е. представили ихъ генеа=логію. 3) Поклоненіе звѣздамъ не играло никакой роли у Египтянъ. Это замѣча=ніе направлено противъ того ученія, что въ жизни каждаго народа существуетъ пері=одъ поклоненія звѣздамъ, тогда кк. на Восто=кѣ поклоненіе звѣздамъ было только у Ва=вилонянъ. 4) Мифы о солнечныхъ божествахъ

меняют

имѣютъ ввиду изображеніе перемѣнъ су=
точныхъ, а не годовыхъ. 5) Египетская рели=
гія развилась на своихъ собственныхъ основа=
ніяхъ, не дѣлая заимствованій у другихъ на=
родовъ.

Главныя египетскія божества - боги
свѣта, преимущественно солнечный богъ.
Различные мифы, которые относились къ не=
му, касаются главнымъ образомъ суточныхъ
перемѣнъ. Египтяне представляли восходъ
солнца, кк. рожденіе божества; шествіе по не=
бу, кк. побѣдный тріумфъ его; закатъ солн=
ца — гибель божества, удалившагося въ недо=
ступную область. Когда на другой день явля=
лось солнце, то оно не казалось тѣмъ же бо=
гомъ, а они думали, что это сынъ ушедша=
го божества явился отмстить за отца.
Божество солнца носило различныя назва=
нія; оно называлось Ра, царь боговъ, владыка
обоихъ міровъ, Горусъ, которому особенно
поклонялись въ нижнемъ Египтѣ, въ Мем=
фисѣ, и „городѣ Солнца." По египетски этотъ
городъ назывался Ану, по еврейски Онъ и по
гречески Геліополисъ) Египтяне предста=
вляли его себѣ ввидѣ кончика - птицы, ко=
торая быстро летаетъ; ввидѣ льва съ челов.

ческой головой. Сфинксы, значитъ, представляли ничто иное кк. изображеніе солнечнаго божества); обелиски, 4^хъ гранныя колонны изображали солнечные лучи. Весьма любопытно, что къ городу Геліополису былъ пріуроченъ миѳъ объ птицѣ Фениксѣ, которая прилетаетъ съ Востока, сгораетъ въ пламени и снова возраждается изъ пепла. Верховнымъ божествомъ считалось солнце, Ра. У Ра главное враждебное божество Сетъ, богъ тьмы. Когда солнце скрывалось, Египтянамъ казалось, что Сетъ погубилъ Ра. Рядомъ съ этими богами мы видимъ богинь, которыя обозначаютъ — небо. Нутъ — супруга солнца и супруга Кеба, бога земли. Самый знаменитый изъ боговъ есть Озирисъ или Азаръ, кк. называли его Египтяне. Здѣсь мы имѣемъ весьма рѣдкій примѣръ, когда Греки не переводили на свой языкъ имени египетскаго бога. Озирисъ является сыномъ Нутъ и Кеба и въ тоже время братомъ Сета; у него двѣ сестры, въ тоже время супруги, Изида и Нефтисъ; онѣ плачутъ, когда Сетъ убиваетъ Озириса. Отъ Озириса и Изиды — сынъ Горусъ, который является мстителемъ

тайны

за отца. Озирисъ первоначально былъ мѣстнымъ божествомъ, возвысившимся впослѣдствіи на степень всеегипетскаго божества. Совершивъ свой денной путь, Озирисъ является царемъ подземнаго царства. Эта исторія все осложняется и наконецъ у египетскихъ жрецовъ является представленіе, что Озирисъ и Изида были нѣкогда царями Египта. Миѳъ разросся въ цѣлую длинную исторію, которая извѣстна намъ въ греческой передачѣ. У Вебера она передается тк: „Озириса, благодѣтеля всей страны убиваетъ завистливый братъ, Тифонъ (Сетъ) при содѣйствіи 72 помощниковъ и опускаетъ тѣло убитаго въ ящикѣ въ Нилъ. Воды рѣки и затѣмъ море приносятъ тѣло убитаго къ Библосу, оставляютъ его тамъ на берегу и надъ гробомъ выростаетъ высокій тамариндъ. Въ печали, со стонами ищетъ Изида исчезнувшаго мужа, сопровождаемая сыномъ Озириса и богини Нефтисъ, Анубисомъ, богомъ съ головой шакала. Нашедши наконецъ тѣло, Изида похоронила его на священномъ островѣ Нила, Филэ. Изъ царства мертвыхъ, надъ которымъ Озирисъ власту=

сов.

етъ послѣ смерти, онъ является Горусу и
возбуждаетъ его къ мщенію. Сынъ созываетъ
своихъ вѣрныхъ сподвижниковъ, побѣжда-
етъ и убиваетъ Тифона, восходитъ на пре-
толъ отца, и царствуетъ надъ Египтомъ
послѣдній богъ царь. Этотъ затѣйливый
миѳъ символически изображаетъ ходъ жиз-
ни природы въ Египтѣ. Товарищи Тифо-
на 72 дня зноя и засухи. Изида, египетская
земля, скорбитъ и плачетъ объ исчезнувшей
водѣ, давшей счастье ей. Озирисъ, оплодотво-
ряющая сила природы, проявленіемъ кото-
рой служитъ Нилъ, удаляется во время вла-
дычества враждебнаго ему брата на сѣверъ,
къ Финикіанамъ, или скитается между
скалами, порогами рѣки и Филэ и Эле-
фантины. Но его сынъ Горусъ, новая весна,
юной энергіей жизни прогоняетъ враж-
дебнаго Тифона и возвращаетъ египет-
ской землѣ плодородіе. Смерть Озириса
мнимая кажущаяся; онъ живетъ и дѣй-
ствуетъ на землѣ въ своемъ сынѣ Горусѣ
„мститель за своего отца,“ — живетъ въ
подземномъ царствѣ мертвыхъ, судитъ
тамъ и пробуждаетъ къ новой жизни
души усопшихъ. Въ миѳѣ о немъ выраже-

лось глубочайшее вѣрованіе египетскаго народа: догматъ безсмертія души въ соединеніи съ догматомъ переселенія душъ.

Кромѣ перечисленныхъ боговъ, въ Египтѣ существуетъ масса другихъ божествъ. Весь Египетъ раздѣлялся на Номы; въ каждомъ Номѣ было свое отдѣльное, мѣстное божество. Когда всѣ Номы соединились, то ихъ прежде отдѣльныя божества стали божествами всего Египта. Среди такихъ божествъ, воплощеніе которыхъ видѣли въ звѣряхъ, на первое мѣсто слѣдуетъ поставить бога Пта (или Фта), у котораго былъ свой храмъ въ Мемфисѣ; въ немъ находился быкъ Аписъ (по египетски Апи); быкъ этотъ долженъ былъ быть съ особенными примѣтами. Когда онъ умиралъ, налагался трауръ до тѣхъ поръ, пока не находили другого быка. Впослѣдствіи мы встрѣчаемъ въ Египтѣ вѣрованіе въ Сераписа (Азаръ + Апи) это есть сліяніе Озириса и Аписа. Самый храмъ сталъ съ этихъ поръ называться Серапеумъ. Въ то время, какъ жреческая религія принимаетъ все болѣе и болѣе сложный характеръ, въ народной массѣ господствуютъ низшія, грубыя предста-

вленія; особенно развито у нихъ поклоненіе различнымъ звѣрямъ, кошкѣ, ибису, крокодилу и др. Это обожествленіе звѣрей перешло и въ жреческую религію, примѣромъ чего служитъ поклоненіе Апису.

Египтяне особенно развили у себя ученіе о загробной жизни; они вѣрили, что душа человѣка опять соединяется съ тѣломъ. Этимъ вѣрованіемъ объясняется бальзамированіе, служившее для сохраненія тѣлъ умершихъ. Чтобы сохранить тѣла во время разлитія рѣкъ, строили пирамиды, въ которыхъ тѣла и содержались. По изображеніямъ, бывшимъ на гробницахъ и пирамидахъ, мы можемъ судить о нѣкоторыхъ сторонахъ жизни Египтянъ. На почвѣ этихъ религіозныхъ вѣрованій, въ связи съ вѣрованіемъ въ безсмертіе души, явилось особое тайное ученіе. Жрецы особенно занялись разработкой представленія о загробной жизни. Позднѣе у жрецовъ составилось воззрѣніе, что всѣ ихъ боги есть ничто иное, кк. различныя проявленія единаго божества. Это единое божество имѣло особенное развитіе своего культа въ Ѳивахъ, оно чествовалось тамъ подъ именемъ

С. М—ский

Амма-на-Ра; въ другихъ мѣстностяхъ оно называлось иначе. Ученіе о загробной судьбѣ, какъ ее представляли жрецы себѣ, мы находимъ въ книгѣ, называемой нѣмцами Тодтенбухъ; книга эта клалась въ гробницу вмѣстѣ съ умершимъ. Вотъ какъ описывается Веберомъ, заимствовавшимъ описаніе изъ этой книги, загробная судьба: „У входа сидитъ на возвышеніи „поглощатель," чудовище, похожее на гиппопотама; пасть его широко раскрыта, какъ у греческаго цербера. За входомъ черезъ богато-украшенные (пилоны) находится аванзалъ дворца мертвыхъ; потолки его покоятся на колоннахъ. Въ аванзалѣ сидитъ на тронѣ судья мертвыхъ, Озирисъ въ видѣ муміи съ короной на головѣ, съ бичемъ и изогнутымъ вверху въ рукахъ посохомъ; по сторонамъ его у стѣны залы сидятъ 42 духа; фигуры нѣкоторыхъ изъ нихъ вполнѣ человѣческія; другіе изображены имѣющими головы разныхъ животныхъ; это члены суда, произносящіе приговоры по вопросамъ о 42 запрещенныхъ египетской религіей смертныхъ грѣхахъ, невиновными въ которыхъ называютъ себя умершіе." Ванъ-денъ-Бергъ приводитъ

[illegible]

ихъ оправданія передъ судомъ. Я не богохульствовалъ, я не обманывалъ, я не кралъ, я никого не убивалъ предательски, я ни съ кѣмъ не обращался жестоко, я не возбуждалъ смутъ, я не лънился, я не упивался виномъ, я не давалъ несправедливыхъ повелѣній, я не предавался болтливости, я никого не билъ, я никого не стращалъ, я не клеветалъ на ближняго; зависть не грызла моего сердца; я не отзывался съ хулой ни о царѣ, ни объ отцѣ, я никого не обвинялъ ложно, я не отнималъ молоко у младенцевъ, я не дѣлалъ вреда моему рабу, я не забывалъ дѣлать должныхъ приношеній богамъ, я кормилъ голодныхъ, давалъ пить жаждущимъ, одѣвалъ нагихъ. Не забывались при этомъ и полицейскія правила. Я не обвѣшивалъ, я не отгонялъ воду во время разливаря не отрѣзалъ путь рукаву воды.

Продолжимъ описаніе суда по Веберу. „Престолъ судьи окружаетъ вода, но цвѣтахъ лотуса, надъ нею изображены четыре „духа царства мертвыхъ" съ головами человѣка, обезьяны, копчика и шакала; этимъ духамъ были посвящены внутренніе органы человѣка каждому особый.

Съ другого конца залы входитъ умершій; Маатъ богиня истины и справедливости, украшенная своимъ символомъ, страусовымъ перомъ, встрѣчаетъ его и ведетъ къ вѣсамъ правосудія, на которыхъ взвѣшивается его сердце; на одну чашу кладется оно, на другую страусовое перо или маленькая статуя самой богини. Дѣломъ взвѣшиванія занимается Горусъ, изображенный съ головой копчика и проводникъ умершихъ Анубисъ, у котораго голова шакала. Богъ письма и науки — Тотъ съ головой ибиса, стоитъ съ письменной тросточкой и дощечкой, чтобы записать результатъ взвѣшиванія „приговоръ." Въ допросѣ и исповѣди грѣховъ судимаго нѣтъ возвышенного нравственнаго чувства. Судимый не проникнутъ смиренной скорбью о своей грѣховности, а ссылается на сообразность своей жизни съ законами.

Разсмотрѣвъ религію египетскую, перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію другихъ религіозныхъ системъ бывшихъ на востокѣ, прежде всего религіи Вавилонской. Указывая на этногра-

фическія условія, мы обратили вниманіе на то, что въ странѣ Вавилонской происходило настоящее смѣшеніе языковъ. Первымъ слоемъ были народы Туранской расы, затѣмъ Семитической. Первоначальный слой населенія носилъ названіе Аккадійскаго или Сумерскаго; у этихъ народовъ господствовали демонологія и колдовство. Молитва, жертвоприношеніе и колдовство — все было направлено къ тому, чтобы отвратить злыхъ духовъ приносящихъ человѣку несчастіе. Эти духи были коллективны; нѣкоторые изъ нихъ имѣли человѣческій образъ, другіе звѣриный. Если въ античномъ мірѣ мы встрѣчаемся съ изображеніемъ необыкновенныхъ чудовищъ, то эти чудовища переняли отъ Вавилонянъ. Кромѣ духовъ мы встрѣчаемся съ великими божествами, которыя имѣютъ индивидуальный образъ и собственныя имена. Во главѣ стоитъ Ану, богъ неба и Эа — божество бездны, мудрый правитель міра; Раманъ дѣйствуетъ въ воздушномъ пространствѣ, такъ что всѣ атмосферическія явленія предписываются

[illegible]

агу. Нергалъ и Нининъ — боги битвы; они изображаются въ видѣ львовъ и быковъ съ человѣческими головами, они ставились впослѣдствіи, въ эпоху Ассирійскую при входахъ въ дворцы. Энъ, Мулу, Бель — верховный богъ. Боги луны, и солнца. Можно было бы еще продолжить это перечисленіе, если бы перечислять мѣстныя божества. Рядомъ съ богами являются богини: Иштаръ — богиня жизни и производительныхъ силъ природы; у Грековъ она называлась Астартой; кромѣ того ее называли еще Баалатъ, это, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, было нарицательное имя всѣхъ богинь у семитическихъ народовъ. Вотъ главныя божества въ которыхъ вѣровали Вавилоняне, боги эти должны были охранять людей; имъ приносились жертвы. На памятникахъ сохранились молитвы, которыя совсѣмъ не показываютъ на покаяніе и сознаніе въ грѣхахъ, онѣ указываютъ только на страхъ передъ божествомъ и желаніе его умилостивить. Характерную черту въ вавилонской религіи представляетъ поклоненіе звѣздамъ.

даль. До какой степени оно было развито, видно изъ того, что когда Вавилоняне изобрѣли клинопись, то слово богъ стали изображать звѣздой. Вавилонскіе жрецы впервые нашли, что среди неподвижныхъ звѣздъ есть мѣняющіея свое положеніе; такимъ образомъ они впервые отличили планеты. Они знали пять планетъ и къ нимъ прибавили еще луну и солнце. Этимъ семи планетамъ они посвятили отдѣльные цвѣта. Была башня и храмъ въ тоже время, служившая обсерваторіей; она была окрашена семью цвѣтами. Имъ даваемы были различныя названія боговъ. Недѣля вела свое начало отъ Вавилонянъ; каждый день у нихъ былъ посвященъ какому нибудь божеству. И теперь у нѣкоторыхъ народовъ существуютъ названія, заимствованныя отъ Вавилонянъ. Напр: Пятница—по нѣмецки Freitag—названіе богини Фреи, которой былъ посвященъ этотъ день. Четвергъ—Donnerstag—день Доннара, обозначаетъ божество, соотвѣтствующее Юпитеру, Jeudi—Jovis dies, lundi=dies lunae. Жрецы вави-

ВКуш—

лонскіе, обративъ вниманіе на планеты, должны были заниматься наблюденіемъ за движеніемъ свѣтилъ; у нихъ составилось то суевѣрное представленіе, которое проникло потомъ и въ Европу. Кромѣ того жрецы вавилонскіе занимались вопросомъ о происхожденіи міра; у нихъ составилось цѣлое воззрѣніе, съ которымъ мы знакомимся, благодаря сохранившемуся отрывку. Эти отрывки представляютъ большое затрудненіе для чтенія. Кромѣ извѣстія о сотвореніи міра, мы имѣемъ еще сказаніе о потопѣ; это сказаніе сохранилось у древнихъ писателей и кромѣ того въ разобранныхъ теперь клинообразныхъ надписяхъ нашли тоже самое. Веберъ приводитъ это сказаніе. Богъ Белъ, творецъ неба и земли и хранитель вселенной, животворящій свѣтомъ солнца — такъ говоритъ вавилонское сказаніе, открылъ благочестивому царю Ксисутру, что погрязшій въ нечестіи и порокахъ родъ человѣческій будетъ истребленъ потопомъ, повелѣлъ ему зарыть священныя книги Оанна и другихъ чудесныхъ существъ, бывшихъ

учителями

на половину рыбами, на половину людь-
ми, которыя отъ времени до времени
являлись въ обильной водой Вавилонской
странѣ и научили жителей ея воз-
дѣлыванію полей, другимъ искусствамъ,
знанію событій прошлыхъ временъ и
почитанію боговъ; и повелѣлъ ему богъ
войти съ семействомъ и родными бли-
жними, друзьями и съ парой животныхъ
каждой породы въ большой корабль, что-
бы спастись. Ксисутръ исполнилъ, какъ
ему было повелѣно и тогда насталъ въ
странѣ Вавилонской великій потопъ.
Когда вода стала сбывать, корабль остано-
вился на Гордіэскихъ (Халдейскихъ) го-
рахъ. Благочестивый царь и бывшіе съ нимъ
вышли изъ корабля, Ксисутръ принесъ бо-
гамъ жертву благодаренія и вскорѣ послѣ
того былъ взятъ ими на небо." Такъ раз-
сказываетъ Берозъ, халдейскій жрецъ.
Кромѣ этого существуетъ еще цѣлая
вавилонская поэма, написанная кли-
нописью и теперь разобранная; разсказъ
ведется отъ лица безсмертнаго Хаси-
садра (Древности Астафьва). И такъ
мы видимъ, что у древнихъ жрецовъ суще-

С. Танее[illegible]

ствовало цѣлое разработанное ученіе о небесныхъ явленіяхъ и о происхожденіи міра. Нужно замѣтить, что у Вавилонянъ ученіе о загробной жизни было разработано очень мало: у древнихъ халдейскихъ жрецовъ существованіе души послѣ смерти казалось существованіемъ какихъ то тѣней. Такія же воззрѣнія мы видимъ у Грековъ. Впослѣдствіи на религію вавил. оказала вліяніе семитическая религія, такъ что трудно судить, что представляютъ древнія вѣрованія и что явилось въ болѣе позднія времена.

Перейдемъ теперь къ религіи семитическихъ народовъ. У нихъ была несложная религія и большую роль играла демонологія; по ихъ вѣрованію духи заключались въ камняхъ; они вѣрили также, что въ каждой мѣстности есть богъ, являющійся господиномъ ея; также, что и въ каждомъ племени свое божество (женскаго или мужскаго рода); поклонялись солнцу, лунѣ и небу. Верховнымъ божествомъ у нихъ былъ Илъ; онъ представлялся имъ очень отдаленнымъ, находящимся на какой то неподвижности; ему поклонялись

Въ всемъ

собственно говоря мало; гораздо больше поклонения вызывали различныя второстепенныя божества. Соответствующей ему богиней была Илата; ему посвящен был Вавилон (баб-илъ, ворота бога). Баал — бог солнца; баалата — богиня природы. Особенностями семитических религий является: 1) для поклонений они выбирали возвышенныя места 2) отношение человека к божеству мыслилось, как отношение раба к господину. Отсюда мы видим какую-то исключительность семитических религий; им мало было свойственно делать какия-либо заимствования из других религий. У семит. народов существовали жертвоприношения; они приносили в жертву даже собственных детей. Бог Молох требовал человеческой жертвы; статуя его имела внутри печь, в которую и клали приносимых в жертву детей. Одни только евреи возвысились до монотеизма.

Относительно религии арийцев или индоевропейцев мы находимся в довольно счастливом положении, с одной стороны потому, что для разработки религии

гіи арійцевъ было сдѣлано очень много; съ другой потому, что существуютъ весьма важные памятники, по которымъ можно познакомиться съ арійской религіей; памятникъ этотъ индусскія Веды; въ нихъ мы встрѣчаемся съ первобытнымъ міросозерцаніемъ арійцевъ. Веды это сборникъ религіозныхъ гимновъ и обрядовъ; они давно служили предметами изученія, между прочимъ наука сравнительная миѳологія, старающаяся представить религію арійцевъ до раздѣленія ихъ на отдѣльныя племена, возникла на почвѣ ихъ. Наконецъ потому, что къ арійскому племени принадлежали и греки съ очень выработанной миѳологіей. Какъ у другихъ древнихъ народовъ, такъ и у арійцевъ была развита демонологія, т. е. вѣра въ то, что весь міръ населенъ духами, иногда враждебными человѣку. Арійцы признавали не только коллективныхъ духовъ, но и индивидуальныхъ боговъ, которые были благодѣтельны для человѣка; эти божества относились главнымъ образомъ къ свѣту, какъ къ такому явленію, которое связываетъ и даетъ тепло

Курсовъ

Самымъ ближайшимъ божествомъ былъ огонь. Въ Индіи существовалъ культъ особеннаго божества Агни, т.е. огонь по-латыни Ignis. Почему существовало такое поклоненіе огню, весьма понятно. Огонь являлся для первобытнаго человѣка весьма важнымъ, т.к. сказать вспомогательнымъ орудіемъ при всѣхъ его дѣйствіяхъ, прежде же чѣмъ человѣкъ сталъ утилизировать огонь, онъ смотрѣлъ на него, какъ на дающій свѣтъ и тепло, отгоняющій духовъ тьмы. Это поклоненіе огню является весьма характерной чертой въ религіи арійцевъ. Разсматривая впослѣдствіи бытъ Грековъ, обратимъ вниманіе на то, какимъ поклоненіемъ пользовался у Грековъ домашній очагъ. Богиней домашняго очага у Грековъ была Гестія и Римлянъ Веста. Огонь является какъ бы посредствующимъ звѣномъ между приносящимъ жертву и самымъ божествомъ: устремляясь вверхъ при жертвоприношеніи, онъ какъ бы возноситъ къ небу молитвы человѣка. Огонь сходитъ съ неба по представленію арійцевъ въ видѣ молніи.

существуютъ цѣлые миѳы о нисхожденіи огня съ неба и что замѣчательно, такъ это то, что миѳы эти сходны съ миѳами о Прометеѣ, развившимися уже позднѣе у Грековъ. Кромѣ огня, мы встрѣчаемъ у арійцевъ цѣлый сонмъ боговъ свѣта; для обозначенія ихъ всѣхъ существуютъ общія названія: Дайва, въ древнемъ арійскомъ произношеніи, Дева — въ латинскомъ, Деусъ — божество; корень всѣхъ этихъ названій „диво", что значитъ блестящій, свѣтлый. Другое названіе Бхага, податель блага, главное божество неба, солнца и земли. Небо — Дьяусъ по гречески Дзевсъ, по латыни Юпитеръ, соотвѣтствующимъ на санскритскомъ языкѣ является Дьяушпитаръ. Другое божество неба Варуна по гречески Ураносъ. Небу поклонялись какъ отцу, землѣ какъ матери всего существующаго. Въ греческомъ и санскритскомъ языкахъ земля называлась матерью, бог. Деметра. Точно также и въ нашей народной поэзіи земля названа „матерью сырой землей." Солнцу арійцы поклонялись подъ именемъ Митры. У арійцевъ мы уже встрѣчаемся съ зародышами миѳовъ,

соб.

т. е. сказаній о дѣяніяхъ боговъ. Главное содержаніе этихъ миѳовъ вращается около атмосферическаго явленія грозы. У арійцевъ составилось такое представленіе, что облака это коровы верховнаго бога, похищенныя демонами; божество начинаетъ войну съ демонами; выраженіемъ этой то войны и служитъ гроза. Славянскій Перунъ — божество грома и молніи и теперь еще служитъ у поляковъ для обозначенія грозы. Отношеніе человѣка къ божеству у арійцевъ мыслилось совершенно иначе, чѣмъ у семитовъ, оно мыслилось какъ отношеніе взаимное, т. е. божество дѣлаетъ человѣку извѣстныя благодѣянія, въ тоже самое время и человѣкъ своими жертвами дѣлаетъ многое для божества. Жертва была не покорность, а одолженіе. Оригинально представленіе арійцевъ относительно жертвоприношенія; они клали жертву въ огонь и огонь, благодаря прибавленію топлива, вспыхивалъ ярче и сильнѣе, это представлялось имъ какъ питаніе божества, пріобрѣтеніе имъ новыхъ силъ. Чтобы еще болѣе усилить огонь, они лили на него сокъ одного растенія, Сома. Такое же представленіе

В. Ку...

ыло и у древнихъ Иранцевъ, у нихъ соотвѣтствующимъ питьемъ было Haoma, слово почти одинаковое въ санскритскомъ и зендскомъ языкахъ. Весьма естественно, что при такомъ представленіи арійцевъ, слово съ которымъ человѣкъ обращался къ божеству, имѣло особенное значеніе. Позднѣйшее развитіе религіи у индусовъ и основывается главнымъ образомъ на той силѣ, которая приписывалась молитвѣ. Молитва называлась Брахма; изъ этого впослѣдствіи сдѣлали божество Брахму, жрецы этого божества стали называться брахманами, а сама религія браманизмомъ. У древнихъ арійцевъ существовала вѣра въ вѣщее слово, посредствомъ котораго можно творить всевозможныя чудеса. Если арійскіе народы разсматривали отношенія человѣка къ богу какъ взаимныя, то въ этихъ отношеніяхъ не могло конечно быть нравственнаго элемента; божество мыслилось только, какъ болѣе сильное. Если человѣкъ приноситъ богу жертву и требовалъ отъ него себѣ различныхъ милостей, то значитъ, жертва была ничто иное, какъ простая сдѣлка. Естественно, что впослѣдствіи съ развитіемъ народа въ рели

Ескрлелинъ

ію сталъ проникать нравственный элементъ. Что касается воззрѣнія арійцевъ на загробную жизнь, то оно было слѣдующее: души умершихъ отправлялись въ царство, гдѣ господствовалъ первый человѣкъ Яма и тамъ становились на сторону благихъ, помогая имъ въ борьбѣ съ демонами. Весьма естественно, что при такомъ воззрѣніи долженъ былъ выработаться культъ предковъ. Культъ предковъ у Грековъ и Римлянъ соединился къ культамъ домашняго очага. Вѣра въ домавѣрку указываетъ на отголосокъ очень древнихъ религіозныхъ воззрѣній. Къ сожалѣнію у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы прослѣдить постепенное развитіе религіи древнихъ арійцевъ. Исключеніе составляютъ Индусы, благодаря тому, что у нихъ существуетъ почти непрерывный рядъ письменныхъ извѣстій. Для древняго Ирана мы не имѣемъ такихъ послѣдовательныхъ ступеней развитія, знакомимся съ ихъ религіей уже во время позднѣйшаго ея развитія. Въ Иранѣ особенно развито было поклоненіе свѣту. Санскритское Асура (богъ), по зендски Агура-Мазда. Агура - владыко, божество свѣта, правды

[illegible]

и чистоты, Мазда — мудрый, много дающій, благой. Агура-Мазда является верховнымъ божествомъ, всѣ другія божества превраща-ются въ геніевъ, служащихъ у верховнаго бо-жества или у враждебныхъ духовъ. Девы обоз-начавшія сначала боговъ, въ Иранѣ ста-ли обозначать демоновъ. Рядомъ съ благими божествами, существуютъ божества имъ враждебныя; главное изъ нихъ Ангро-Май-нія — божество тьмы, божество зла, кото-рое находится во враждѣ съ божествомъ свѣ-та; въ этой борьбѣ долженъ принимать участіе человѣкъ и долженъ стать на сто-рону божества свѣта. Агура-Мазда посте-пенно все теряетъ и теряетъ [свое] натуралисти-ческое значеніе и становится существомъ нравственнымъ.

У грековъ эти иранскіе боги назывались Ормуздъ и Ариманъ. Основателемъ мо-нотеизма является Зароастръ (по гречески) или Заратуштра (по зендски). Отъ него сохранилась книга Зендъ-Авеста, разра-ботка ея даетъ возможность познакомить-ся съ первоначальной религіей. Современ-ная наука приводитъ насъ къ слѣдующе-му: во первыхъ Зароастра никогда не суще-

[illegible]

ствовало; во вторыхъ эта религія не была народной; для него она была слишкомъ возвышенна. Простой народъ поклонялся старымъ политеистическимъ богамъ; народныя вѣрованія мало по малу проникали и въ высшую религію т.е. въ самый маздеизмъ. У народа было поклоненіе Митрѣ, богу солнца. Кромѣ Иранцевъ къ арійскому племени принадлежали народы Малой Азіи (Фригійцы и Лидійцы). Эти народы съ одной стороны жили близко къ Египту, съ другой къ Сиріи, вслѣдствіе этого на ихъ религію и оказали вліяніе Египтяне и Сирійцы, народы семитическаго племени. Воззрѣнія этихъ Малоазійскихъ народовъ тѣмъ болѣе дорого для насъ, что они оказали вліяніе на воззрѣніе Грековъ. Греческіе мифы происхожденія арійскаго, но черезъ Малую Азію въ нихъ рано началъ проникать чуждый имъ семитическій элементъ. Собственно говоря религію Малоазійцевъ мы знаемъ очень мало, она сохранилась въ греческихъ источникахъ. Трудно по этимъ

источникамъ судить, что принадлежало малоазійцамъ и что самимъ Грекамъ. Въ Малой Азіи поклонялись богинѣ Ма или Аммасъ — матери боговъ (по гречески Деметра) Кибела, Цибела, нашедшая впослѣдствіи себѣ поклоненіе въ Римѣ. Затѣмъ божество неба Багайосъ, это несомнѣнно тоже, что и Бхага. Одинъ древній писатель говоритъ, что Багайосъ - это Фригійскій Зевсъ. Лидійцы имѣли божество солнца, первообразъ Гераклія или Геркулеса; такъ 12 подвиговъ, которые совершаетъ Геркулесъ это 12 знаковъ зодіака. Въ этомъ божествѣ нельзя не видѣть вліянія болѣе отдаленнаго Востока. Вотъ первоначальныя религіозныя воззрѣнія древняго Востока. Мнѣ постоянно приходилось указывать на то, что народы мѣнялись своими богами. Этотъ религіозный синкретизмъ получилъ особенное распространеніе въ эпоху развитія греческой образованности

[illegible]

въ Александріи развилась даже цѣлая философія, представлявшая смѣшеніе философскихъ воззрѣній Грековъ съ религіозными и философскими воззрѣ=ніями Востока. Первоначальныя ре=лигіозныя вѣрованія имѣли харак=теръ національный, но затѣмъ онѣ стали, такъ сказать, отторгаться отъ національности и наконецъ со=вершенно утратили ее.

Оканчивая очеркъ религій Востока, укажемъ на ту двоякую роль, которую играла религія въ исторіи развитія Востока. 1) Она заключала въ себѣ все то, что человѣкъ могъ мыслить въ мірѣ идеальномъ; боги у нихъ являлись идеа=лами и по мѣрѣ развитія нравствен=ныхъ понятій измѣнялся и характеръ боговъ. 2) Религія древняго Востока пове=ла за собой развитіе крайняго формализ=ма, она установила рамки, незыблемыя для жизни и мысли. Это-то и послу=жило одной изъ причинъ культурнаго за=стоя. Чтобы иллюстрировать эту общую мысль, приведемъ выдержку изъ Эдуарда Мейера.

„Во всѣхъ областяхъ жизни, говоритъ Эд. Мейеръ объ Египтѣ временъ гиксовъ, результаты тысячелѣтняго опыта сложились въ прочную схему, получающую значеніе правомѣрной и обязательной нормы и весьма естественно принимаемую за божественное откровеніе. На долю слѣдующихъ поколѣній остается главнымъ образомъ одна дальнѣйшая разработка подробностей. Весьма понятно, что прежде всего этому ритуалу вполнѣ подчинена религіозная жизнь: въ области религіи раньше всего развилась самая схема и самымъ рѣшительнымъ образомъ ея выработкѣ содѣйствовало стремленіе расположить въ свою пользу боговъ во времена бѣдствій точнѣйшимъ исполненіемъ ихъ повелѣній. Отсюда все въ этой области дѣлается стереотипнымъ: каждый гимнъ, каждая храмовая надпись составляются по опредѣленной схемѣ, и мы до безконечности встрѣчаемся съ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же формулъ и воззваній. Весьма естественно и то, что церемоніалъ культа предписанъ въ мельчайшихъ подробностяхъ, и до насъ дошли многочисленные ритуалы отдѣльныхъ храмовъ и т. п."[1] Но то же самое происходило и въ дру-

[1] Ed. Meyer. I, 138.

гихъ

гихъ областяхъ.„ Особая каноническая книга до мельчайшихъ подробностей опредѣляла, какъ долженъ жить царь, чѣмъ заниматься въ такой-то часъ, и если онъ въ дѣйствительности отъ этого освобождался, то во всѣхъ оффиціальныхъ изображеніяхъ онъ является намъ все въ томъ-же строго и точно опредѣленномъ церемоніалѣ. Совершенно такъ-же постановленія книгъ, содержащихъ въ себѣ право народа, принимаются за священный, богами установленный порядокъ. Отношенія къ научнымъ даннымъ совершенно такого-же характера и стремленіе упрочить добытые результаты съ уваженіемъ къ мудрости предковъ, приводитъ къ совершенному косненію. Въ священныхъ писаніяхъ содержится: ученіе о вселенной, о географіи Египта, о солнцѣ и звѣздахъ. Вся совокупность медицинскихъ знаній укладывается въ шести книгахъ, и врачи обязаны лѣчить своихъ больныхъ по предписаніямъ, въ нихъ заключающимся."[1]

Указавъ на полное проведеніе въ религіи раньше развившихся идей и на подробную разработку представленій о загробномъ мірѣ, Эд. Мейеръ дѣлаетъ тотъ выводъ изъ этого изображенія египетскаго застоя, что съ тѣхъ поръ „суевѣріе"

1) Ibid., 139.

Сов.

господствуетъ во всѣхъ представленіяхъ, всякій смыслъ къ естественному пониманію отношеній исчезаетъ и надъ всею жизнью царитъ вѣчная тревога по поводу разныхъ примѣтъ, предписаній относительно вещей, которыхъ слѣдуетъ избѣгать и т. п. Самой важной наукой дѣлается наука о томъ, что можно дѣлать и чего дѣлать не слѣдуетъ въ извѣстные часы, какой день счастливый, какой несчастный, какая формула въ такомъ-то предпріятіи ведетъ къ успѣху и т. д.[2]) Разумѣется, политическая роль жрецовъ усиливается. „Будучи обладателями издревле унаслѣдованной священной мудрости, они руководятъ и распоряжаются жизнью и царя, и его подданныхъ, и государство дѣлается вполнѣ къ ихъ услугамъ и къ услугамъ боговъ. Всю славу свою фараоны новаго царства (полагали) въ постройкѣ громадныхъ храмовъ и въ богатыхъ приношеніяхъ богамъ... Такимъ образомъ, заключаетъ историкъ, хотя Египетъ въ эпоху новаго царства и обладаетъ высокоразвитой и весьма выработанной матеріальной культурой, въ своей духовной жизни онъ далеко отстоитъ позади древняго. Египетъ

[1] Ibid., 142-143.

прибавляетъ онъ, представляетъ намъ не единственную страну, въ которой появленіе высшихъ идей, болѣе глубокаго религіознаго развитія приводило въ концѣ все-таки къ регрессу, къ совершенному застою." И даже въ слѣдующій періодъ внѣшнихъ завоеваній, "внутри страны жизненная сила, на которой основывается бытіе народа, все болѣе и болѣе изнываетъ подъ гнетомъ традицій, и религія, со всѣмъ тѣмъ, что имѣло къ ней прикосновеніе, заступаетъ мѣсто національнаго чувства".[2]

Благодаря такому направленію религіи, въ древнемъ Востокѣ не могла развиться наука; она не могла развиться еще потому, что этому препятствовала затруднительная система письменности. Тѣмъ не менѣе древне-восточные народы являются первыми піонерами науки; наука здѣсь развивается, хотя главнымъ образомъ практически. Изъ системъ письменности намъ извѣстны прежде всего идеографія, т. е. изображеніе всего предмета; затѣмъ для обозначенія какого-либо понятія стали изобра-

1). Ibid. I. 143-144.
2). Ibid. I. 144. Cf. 291, 321 sq.

Ѳирсовъ

жать не весь предметъ, а только часть его, или же изображали символически; подобный знакъ ⊙ изображалъ солнце, оно же символически изображало день; наконецъ слово стали раздѣлять на слоги, и каждый предметъ изображалъ отдѣльный слогъ; напр. ⊙ – со; Отъ слоговъ перешли къ буквенному изображенію. Всѣ эти послѣдовательныя ступени развитія письменности часто смѣшивались: въ одномъ и томъ же памятникѣ встрѣчались и слоговыя и буквенныя, и идеографическія изображенія. Изъ Египта буквенная система перешла въ Финикію и усовершенствовалась тамъ. Сами Финикіяне не были изобрѣтателями, они заимствовали азбучные знаки у Египтянъ. Названіе буквъ финикійское: Алефъ, бетъ, гимель, Далетъ; изъ чего Греки сдѣлали: Альфа, Бета, Гамма, Дельта. Буква Алефъ, положимъ, у Финикіянъ изображалась такъ ∡, у Грековъ она была измѣнена А. Подобному измѣненію способствовало то обстоятельство, что Греки писали отъ правой руки къ лѣвой. [illegible] = В, ˥ = Г, [illegible] = Δ. Не перечисляя остальныхъ буквъ, остановимся только на К. У Финикійцевъ копье изобр. так. обр. Ӈ, у грековъ каппа К. Существуетъ еще буква, которая писалась

[illegible] саин.

такъ: Ϙ ϙ, ея нѣтъ въ греческой азбукѣ, хотя въ греческомъ языкѣ она и употреблялась, что мы находимъ ее въ латинской азбукѣ, гдѣ она обозначается Q. Изъ этихъ сопоставленій ясно видно, что финикійскій алфавитъ былъ родоначальникомъ всѣхъ другихъ алфавитовъ. Кромѣ алфавита у древне-восточныхъ народовъ были заимствованы многія другія знанія. Т.к. родоначальникомъ астрономіи являются Халдеи, они первые обратили вниманіе на существованіе планетъ. Халдеи знали пять планетъ, къ нимъ прибавили еще солнце и луну. Тѣ же самые Халдеи установили 12 знаковъ зодіака. Эти свѣдѣнія весьма много пригодились финикіянамъ какъ народу мореплавателю; имъ важно было наблюдать за свѣтилами, чтобы оріентироваться,- куда плыть и знать время. Геометрія стала развиваться въ Египтѣ, вслѣдствіе практической потребности при раздѣленіи земель. Медицина имѣла первоначально суевѣрный характеръ, но несомнѣнно она оказала вліяніе на развитіе медицины у Грековъ.

Укажемъ еще на нѣкоторыя техническія знанія. Старые учебники исторіи начинаютъ обыкновен[illegible] исторію Финикіи съ того, какъ -

[illegible]

-ни изобрѣли стекло и открыли пурпуровую краску. Въ Ассиріи и Вавилоніи развилось гидравлическое искусство: здѣсь цѣлыя сооруженія въ видѣ каналовъ и искусственныхъ озеръ. Но вся эта восточная наука имѣла особенный, чисто практическій характеръ. Если и занимаются изслѣдованіемъ чего-либо, то совсѣмъ не изъ за любознательности, а изъ за практической пользы. Хотя греки являются учениками восточн. народовъ, однако они первый народъ, у котораго развилась настоящая наука, т. е. та наука, кот. не служитъ практическимъ цѣлямъ. Но то, что греки заимствовали у народовъ Египта и Азіи, были зачатки, элементы цивилизаціи, дальнѣйшее развитіе было дѣломъ ихъ собственнаго генія: ихъ обучили азбукѣ другіе, писателями они сдѣлались сами; имъ показали первые пріемы ариѳметическихъ вычисленій и геометрическихъ построеній, но математика была создана ими самими, такъ и во всемъ остальномъ. Они умѣли самобытно переработать все заимствованное и пойти дальше своихъ учителей. Они обогнали ихъ и сами сдѣлались ихъ наставниками. Въ то время, какъ Востокъ перестаетъ подвигаться впередъ,

Эллины[illegible]

и его цивилизація пришла въ упадокъ, оставивъ самые ничтожные слѣды; эллинизмъ широко распространился по древнему міру, такъ что ему обязаны и мы своею образованностью. Настоящая наука - дочь греческого духа. Торгашъ финикіанинъ нуждался въ ариѳметическихъ правилахъ для своихъ торговыхъ счетовъ, землемѣръ и архитекторъ египтянинъ зналъ кое какіе геометрическіе пріемы, которые ему были нужны для его гигантскихъ сооруженій и для опредѣленія границъ своего поля, ежегодно скрывавшагося подъ волнами нильскаго наводненія. Греку мало этой науки. Платонъ въ своемъ Государствѣ отмѣтилъ, какъ основную черту греческой расы, любопытство и страсть къ знанію. Грекъ хочетъ знать причину явленій, когда Геродотъ спрашивалъ Египтянъ о причинѣ періодическихъ разливовъ Нила, то оказалось, что ни у жрецовъ, ни у свѣтскихъ людей не было никакой гипотезы для объясненія явленія, столь близко касающагося жителей Египта; между тѣмъ Греки придумали три объясненія и Геродотъ, разсматривая ихъ, даетъ четвертое отъ себя. Итакъ, вотъ главныя отличія культуры Востока отъ куль-

туры

-пурьгрюсской. Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію другихъ сторонъ исторической жизни восточныхъ народовъ. Исторія обыкновенно занимается народами въ ту эпоху, когда устанавливается болѣе или менѣе развитое государственное устройство. Новѣйшія изысканія приводятъ насъ къ тому выводу, что всѣ народы первоначально живутъ родовымъ бытомъ. О родовомъ бытѣ было очень много споровъ, но всѣ они касались опредѣленія значенія его и хронологическихъ предѣловъ, но самое существованіе его никогда не подвергалось сомнѣнію. На существованіе его указываютъ многіе остатки, укажемъ напр. хотя бы на слова нашего лѣтописца Нестора, который говоритъ о древнихъ славянахъ: „живя каждый съ родомъ своимъ". Но отдѣльные роды сливались въ болѣе обширные союзы, которые наука обозначала различными именами, наприм. племенами. Когда перейдемъ къ греческой исторіи, придется указать, какимъ образомъ сложились древнія государства въ Греціи и какое значеніе имѣли родовыя отношенія. По образцу этихъ родовыхъ союзовъ образовались впослѣдствіи болѣе крупныя монархическія государства. Такія патріар-

лальныя монархіи превратились въ военныя царства, и на почвѣ ихъ развился деспотизмъ, который характеризуетъ народовъ древняго Востока. Первоначально думали, что народы Востока предназначены были для того, чтобы жить въ деспотической монархіи, но предположеніе это не оправдывается. Греки были одного племени съ Персами и выступили въ одно время съ ними, однако же Греки выработали у себя свободное устройство, тогда какъ Персы — деспотическое. Точно также Ассирійцы имѣли деспотическую монархію, а Финикіяне, имъ родственные — свободное устройство. Въ этомъ отношеніи существуетъ большая разница между политическимъ бытомъ Востока и Греціи. Для большаго развитія этой мысли, приведемъ выдержку изъ того же Введенія въ курсъ Исторіи древняго міра.

„Народы Востока жили въ деспотіи. Египтяне поклонялись основателю своей монархіи Менесу, какъ божеству, и послѣ него цари называли себя сынами солнца: фараонъ былъ лицомъ безотвѣтственнымъ. Цари ассирійскіе считались также божественнаго происхожденія и пользовались неограниченной властью. Не иное было и политическое

устройство Вавилона. Персидская монархія управлялась также деспотически. Въ понятіе, которое составилъ себѣ грекъ о варварахъ, входила не только культурная грубость, но и подчиненіе деспотическому правительству. «У варваровъ, говоритъ Аристотель, нѣтъ никого, кто имѣлъ бы власть по самой природѣ; общество ихъ состоитъ изъ рабынь и рабовъ; потому выраженіе поэтовъ: эллинамъ прилично властвовать надъ варварами, — нужно понимать въ томъ смыслѣ, что варваръ и рабъ по своей природѣ одно и тоже.» Въ Греціи и въ Римѣ государство установляетъ не единая особа деспота и не божеская воля, какъ въ теократіяхъ, а вся совокупность гражданъ. Подъ вліяніемъ политической свободы на почвѣ Эллады и Италіи впервые развивается гражданское равенство свободныхъ людей. Въ браманской Индіи общество дѣлится на касты, имѣющія божественное происхожденіе: переходъ изъ одной касты въ другую невозможенъ. Греція и Римъ не знаютъ этого устройства, ибо здѣсь нѣтъ кастъ, пользующихся политическими привилегіями по праву рожденія, а зародыши ихъ скоро исчезаютъ въ демократическомъ равенствѣ, ибо здѣсь не развиваются отдѣль-

Лекціи по Древ. Исторіи л. 12.
Курсъ I

[illegible]

ныя сословія воиновъ жрецовъ какъ въ Египтѣ; ибо здѣсь не развивается наслѣдственное жречество, подобное тому, какое существовало у Персовъ; Греція и Римъ не похожи на тѣ ѳеократіи, въ которыхъ господствовало отъ имени божества сословіе жрецовъ."

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію политическаго быта древняго Востока. До насъ почти не дошло подлинныхъ извѣстій о тѣхъ временахъ, которыя предшествовали образованію царства. Исключеніе составляютъ тѣ изъ народовъ, которые не могли образовать національнаго государства. Напр. Финикіане; у нихъ каждый городъ представлялъ отдѣльное государство. Но эти отдѣльныя государства иногда начинаютъ между собой сливаться и интересно то, что Исторія, такъ сказать, присутствуетъ иногда при этомъ сліяніи. У Евреевъ напр. мы видимъ также сліяніе 12 колѣнъ (племенъ) въ одно царство, но насколько это сліяніе было непрочно, видно изъ того, что Евреи раздѣлились на двѣ части: 2 колѣна образовали одно царство, 10 колѣнъ — другое. Египтяне раздѣлялись сначала на 36 номовъ. Номы первоначально были племенныя государства, которыя имѣли наслѣдственныхъ пра-

вителей и свои религіозные обряды. Впослѣдствіи произошло объединеніе Египта, причемъ владѣтелями сдѣлались наслѣдственные намѣстники царя. Было время, когда въ Египтѣ существовало 2 царства: верхній и нижній Египетъ, слившіеся потомъ въ одно царство. Въ титулѣ фараона между прочимъ мы встрѣчаемъ объединителя обѣихъ странъ. Это объединеніе, происходившее въ той именно странѣ, не могло остановиться какъ объединеніе національное. Страсть къ завоеваніямъ сдѣлала то, что объединеніе вышло изъ предѣловъ національности и стало происходить соединеніе съ народами иноплеменными. Но не всѣмъ удалось основать обширную монархію на продолжительное время. Первыми образовавшими такую монархію были Египтяне, затѣмъ Ассирійцы и наконецъ Персы, соединившіе всѣхъ народовъ древняго Востока не считая болѣе отдаленного Востока — Индіи и Китая. Разсматривая какимъ образомъ происходило образованіе этихъ монархій, мы замѣчаемъ постепенный прогрессъ. Первые завоеватели, фараоны 18 династіи, отправившіеся завоевать Сирію; они грабили покоренныхъ, брали съ собою добычу и удалялись. Въ слѣдующую эпоху

завоеватели стали налагать дань на покоренныхъ, но оставляютъ имъ собственныхъ правителей и собственные законы. Покоренные народы часто возмущаются, тогда побѣдители прибѣгаютъ къ самымъ ужаснымъ, жестокимъ мѣрамъ. Благодаря подобной системѣ Египтянамъ не удалось слить съ собою ни одного народа. Ассирійскіе цари пошли дальше, они уже мечтали о томъ, чтобы сдѣлать соединеніе болѣе тѣсное. Средствами для этого были: захватъ боговъ, существовало тогда убѣжденіе, что разъ боги увезены, народъ не можетъ существовать самостоятельно, потому что онъ лишается своихъ покровителей. 2) Побѣдители лишали правителей власти и назначали своихъ чиновниковъ. Отношенія сдѣлались гораздо тѣснѣе, сила сопротивленія слабѣе. Вавилонскій царь Навуходоносоръ еще болѣе усложнилъ эти отношенія; онъ уже думалъ о томъ, чтобы создать симпатію въ нѣкоторыхъ частяхъ покоренныхъ. Когда онъ завоевалъ Іудею, онъ выселилъ оттуда высшій классъ, а низшій оставилъ и раздѣлилъ между членами его землю. Персы пошли еще дальше. Ассирійское владычество уже подготовило путь для владычества Персовъ: многіе народы потеря-

ми уже свою самобытность; Киру легко было подчинить уже разъ покоренныхъ народовъ и излить на нихъ свои милости. Онъ позволилъ Іудеямъ возвратиться въ ихъ отечество и возстановить храмы. Дарій уже желалъ, чтобы новые подданные его благоденствовали: онъ далъ имъ правильное устройство, благодаря чему Персидская монархія просуществовала болѣе 200 лѣтъ и пала только тогда, когда возвысилась болѣе могущественная монархія Александра.

Теперь обратимся къ разсмотрѣнію внутренняго быта, причемъ главнымъ образомъ остановимся на государственномъ строѣ и соціальномъ, т. е. общественномъ устройствѣ. Восточныя государства, за исключеніемъ Финикіи, имѣли деспотію: она характеризуетъ и древнюю Ассирію, и Египетъ, и Персію, на разсмотрѣніи которой впослѣдствіи мы остановимся подробнѣе, теперь же обратимся къ устройству Египта. Царская власть представляетъ деспотію, фараоны являются потомками боговъ, сынами солнца. Слово фараонъ не есть собственное имя, а нарицательное; оно происходитъ отъ слова Per āа, что значитъ „великій домъ." Имя фараона, такимъ образомъ происходитъ отъ наз-

вания дворца. Египтяне вѣрили, что первоначально надъ Египтомъ царствовали божества, и затѣмъ уже люди, происходившіе отъ боговъ. Естественно, что при такомъ возвеличеніи царь считался деспотомъ. На землю Египтяне смотрѣли, какъ на собственность царя; царю по ихъ мнѣнію, принадлежала и духовная власть, хотя въ этомъ отношеніи на царей оказывали большое вліяніе жрецы.

Жизнь царя, какъ мы видимъ по греческимъ извѣстіямъ и собственнымъ египетскимъ памятникамъ, была обставлена различными формальностями. Вотъ заимствованное у Діодора, Сицилійскаго, описаніе того, какъ царь проводилъ день. „Утромъ, вставъ съ постели, царь долженъ былъ прочитывать письма, приходившія къ нему со всѣхъ сторонъ, которыя, сообщая ему точныя свѣдѣнія о всемъ что случилось, давали ему возможность дѣлать правильныя рѣшенія. Потомъ онъ долженъ былъ купаться, надѣвать бѣлую одежду и знаки царскаго достоинства и приносить жертвы богамъ. Обыкновенно, когда подводились къ алтарю кровныя жертвы, рядомъ съ царемъ становился верховный жрецъ и передъ собравшимся египетскимъ народомъ, молилъ громкимъ голосомъ о нис-

Курсовъ

посланіи царю здоровья и всѣхъ другихъ благъ, если онъ исполняетъ свои обязанности въ отношеніи къ подданнымъ. При этомъ исчислялись и превозглашались также его добродѣтели, именно: что онъ богобоязливъ, человѣколюбивъ, воздерженъ, правосуденъ, великодушенъ и проч., далѣе, что онъ бѣгая лжи, охотно подаетъ милостыню бѣднымъ, что вообще онъ выше всякой страсти; если наказываетъ проступки, то наказаніе всегда меньше вины и когда награждаетъ добрыя дѣла, то награда превосходитъ заслугу. Между тѣмъ, какъ царь осматривалъ жертву, чтобы открыть счастливыя предзнаменованія, храмовый канцлеръ читалъ изъ священныхъ книгъ полезные совѣты и дѣла знаменитѣйшихъ мужей съ тою цѣлью, чтобы мысли государя, въ рукахъ котораго вся власть, направить къ благороднѣйшимъ цѣлямъ, когда бы предстояло ему исполнять какое-либо закономъ предписанное дѣло. Ибо не только было опредѣлено время для общественныхъ занятій и судовъ, но также для прогулки, купанья и всѣхъ вообще отправленій жизни. Пища царей была проста: подавали имъ на столъ телятину и жареннаго гуся; вина онъ не пилъ болѣе опредѣленной мѣры, такъ

такой

что излишество и объяденіе пища были невозможны."
Вообще весь образъ жизни ихъ былъ до того пра-
виленъ, что можно думать будто бы онъ пред-
писанъ не законодателемъ, но врачемъ искус-
нѣйшимъ, разсчитано по правиламъ діэтики.
И если странно то, что цари не могли не
могли съ полной свободой распоряжаться дѣ-
ломъ своимъ, то тѣмъ удивительнѣе, если они
не могли по своей волѣ давать отвѣтовъ и
произносить рѣшеній и не смѣли никого на-
казывать изъ досады или въ гнѣвѣ, или по ка-
кому либо другому неблагородному побужде-
нію, но обязывались во всякомъ случаѣ держать-
ся опредѣленій закона. И съ этимъ обыкновені-
емъ они сообразовались безъ всякаго неудоволь-
ствія или отвращенія, напротивъ, они были
убѣждены въ томъ, что проводятъ счастли-
вѣйшую жизнь. Поступки опрометчивости
у нихъ весьма рѣдки, потому что они слѣду-
ютъ правиламъ жизни, преподаваемымъ ум-
нѣйшими людьми. Такъ какъ цари съ та-
кой справедливостью поступали со своими
подданными, то привязанность народовъ къ
своимъ государямъ была даже сильнѣе любви
между ближайшими родственниками. Не
только сословіе жрецовъ, но и вообще весь Египт-

Лит. В. Комарова Невск. пр. 136-138.

тяне гораздо меньше заботились о своихъ женахъ, дѣтяхъ и другихъ благахъ, чѣмъ о благосостояніи царя. Поэтому большая часть извѣстныхъ царей охраняла общественные порядки и всегда считали себя счастливыми, пока существовалъ вышеприведенный законъ." Діодоръ Сицилійскій конечно идеализируетъ этотъ порядокъ; но во всякомъ случаѣ жизнь царей была обставлена разными формальностями, недопускающими никакихъ отступленій отъ разъ установленнаго порядка. Административная власть находилась въ рукахъ цѣлаго штата чиновниковъ, которые управляли отдѣльными частями государства; всѣ дѣла велись письменно, такъ что существовали отдѣльныя канцеляріи. Все же это получало распоряженія отъ царя. Царь былъ средоточіемъ всего политическаго быта. На барельефахъ царей изображали величественно, окружающихъ ихъ лицъ въ раболѣпной позѣ, даже жрецы изображались преклоняющими колѣна. На ассирійскихъ памятникахъ цари часто изображаются приносящими жертвы. Любопытно, что жилища божества и царя у ассирійцевъ было одно и то же, раздѣленное только корридоромъ. Одѣяніе ассирійскихъ царей

В. Кур[illegible]

имѣетъ религіозное значеніе, оно все было покрыто рисунками и надписями, имѣющими религіозный характеръ. Такой религіозный характеръ ассирійскихъ царей виденъ еще и изъ того, что они всегда изображались съ летающимъ надъ ихъ головами крылатымъ существомъ. Если изображалась битва, то существо это рисовалось кидающимъ стрѣлы. Евреи, не имѣвшіе вначалѣ царей, по примѣру другихъ народовъ пожелали имѣть ихъ, и цари ихъ скоро усвоили себѣ привычки восточныхъ деспотовъ. Такъ сдѣлалъ Соломонъ, такъ сдѣлалъ и Ровоамъ, который своимъ обѣщаніемъ украшать подданныхъ скорпіонами сдѣлалъ то, что десять колѣнъ отдѣлились и образовали отдѣльное царство. Единственное исключеніе изъ всѣхъ восточныхъ государствъ представляетъ Финикія, гдѣ развилось аристократическое устройство. Финикія никогда не составляла одного государства, она представляла союзъ городовъ, каждый изъ которыхъ имѣлъ своего царя и свое самостоятельное правительство; во главѣ всѣхъ городовъ стоялъ одинъ, вначалѣ Сидонъ, а затѣмъ Тиръ.

Здѣсь возвысилось аристократическое сосло-

віе, оно рѣшало, кому изъ царскаго рода быть царемъ. При такомъ устройствѣ цари сдѣлались только самыми крупными землевладѣльцами. Бывало даже то, что власть царя совершенно уничтожалась; такъ Карѳагенъ, выдержавшій столь продолжительную войну съ Римомъ, не имѣлъ царя, а двухъ суфетовъ, напоминающихъ римскихъ консуловъ. Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію соціальнаго быта; здѣсь прежде всего придется остановиться на рабствѣ. Изученіе первобытной культуры указываетъ намъ, какимъ образомъ оно могло образоваться и развиться. Дѣло въ томъ, что когда господствовали дикіе, они плѣнныхъ убивали и пользовались ихъ мясомъ, затѣмъ ихъ убивали, но мясо не ѣли, и только впослѣдствіи пришли къ мысли, что ихъ можно утилизировать для домашнихъ работъ. Но скоро нельзя было уже обращать всѣхъ въ рабовъ, тогда покоренные составили низшее сословіе.

Другимъ характернымъ явленіемъ была наслѣдственность занятій. Если отецъ занимался какимъ либо ремесломъ, то тѣмъ же ремесломъ занимался и сынъ. Это было весьма понятно, потому что при отсутствіи

какихъ бы то ни было учебныхъ заведеній ребенокъ тотъ научиться только у своего отца. На наслѣдственность занятій влекла за собой образованіе кастъ; ихъ находимъ мы въ Индіи. Въ Индіи, до прихода Арійцевъ было племя темнокожихъ; Арійцы покорили его, захватили въ свои руки власть и образовали высшія сословія жрецовъ или браминовъ и воиновъ; изъ смѣшенія же Арійцевъ съ темнокожими образовалась каста земледѣльцевъ и ремесленниковъ. Что же касается до племени темнокожихъ, раньше здѣсь жившаго, то оно составило самый низшій классъ. Этотъ примѣръ, взятый изъ Индіи, которой, какъ не принимавшей никакого участія въ общемъ ходѣ исторической жизни, мы обыкновенно не касаемся, даетъ намъ возможность рѣшить одинъ вопросъ, именно вопросъ о существованіи кастъ въ Египтѣ.

У Египтянъ не было кастическаго устройства, потому что не было полной изолированности между сословіями. Съ одной стороны мы встрѣчаемся съ такимъ фактомъ, что учителя говорятъ своимъ ученикамъ о возможности при старательномъ отношеніи къ дѣлу достичь высокаго положенія и наоборотъ при дурномъ отношеніи быть наступившими сче-

[illegible]

-тившимися особенно презрѣннымъ сословіемъ у Еги-
птянъ; съ другой стороны, мы видимъ такой
примѣръ, что архитекторъ говоритъ, что у
него и отецъ и дѣдъ, и прадѣдъ были архи-
текторами. Здѣсь значитъ мы не имѣемъ
права говорить о кастахъ, такъ какъ допус-
кался переходъ изъ одного сословія въ другое, чего
нельзя было дѣлать въ Индіи, а только с на-
слѣдственности занятій. Относительно со-
словій мы можемъ говорить, такъ какъ су-
ществованіе ихъ неоспоримо, мы не знаемъ
только какія онѣ были и сколько ихъ. Геродотъ
говоритъ, что въ Египтѣ было пять сословій,
Діодоръ Сицилійскій, что три, Страбонъ соеди-
няетъ весь промышленный и рабочій народъ
въ одно сословіе. Но всѣ они единогласно утвер-
ждаютъ, что существовало два высшихъ со-
словія: жрецы и воины. Земля египетская, к[а]к
уже было говорено, вся принадлежала царю, но
она, по словамъ Діодора Сицилійскаго, дѣли-
лась на три части: первая принадлежала
царю, вторая — жрецамъ, третья — воинамъ.
Что же касается до народа, то онъ жилъ на
земляхъ воиновъ и жрецовъ въ качествѣ крѣ-
постного. Геродотъ же говоритъ, что каждый
Египтянинъ получалъ четырехъугольный уча-

Жемац

отъ земли, за который платилъ извѣстный оброкъ. Эти два мнѣнія легко согласовить, допустивъ что земли жрецовъ и воиновъ были раздѣлены на участки, отдававшіеся за извѣстную плату. Существовало въ наукѣ мнѣніе, что воины имѣли много земли и потому въ Египтѣ не произошло особеннаго возвышенія аристократіи. Жрецы были освобождены отъ какихъ бы то ни было налоговъ; они имѣли очень большое значеніе; во время правленія двадцатой династіи одному жрецу Аммону-Эль-Герь-Гору удалось произвести переворотъ и установить совершенно теократическое устройство. Когда была возстановлена свѣтская власть, потомки его удалились въ Эѳіопію, гдѣ и основали теократическое государство. Памятники изображаютъ намъ полную картину быта Египтянъ, они изображаютъ не только бытъ царя, жрецовъ, воиновъ, не только походы, военные тріумфы, но и мирный земледѣльческій трудъ. Положеніе народной массы было очень печально; народъ былъ презираемъ и находился въ бѣдственномъ экономическомъ положеніи, и теперь еще потомки египетскихъ поселянъ. Фелла-

хи, представляютъ самый обширный матеріалъ въ матеріальномъ отношеніи. Перейдемъ къ разсмотрѣнію быта Ассирійцевъ; онъ мало знакомъ намъ, но и изъ того, что мы знаемъ, мы можемъ заключить, что онъ не имѣетъ рѣзкихъ отличій отъ египетскаго. У Финикіанъ мы видимъ рѣзкое раздѣленіе общества на господствующихъ финикійскихъ аристократовъ и на остальную массу народа, являющуюся или рабами, или же крѣпостными. Финикіане отличались особенно развитымъ духомъ наживы; сельское населеніе у нихъ постоянно эксплоатировалось; этому еще способствовало то обстоятельство, что сельское и городское населеніе принадлежали не къ одному племени и не было между ними религіозной связи. Тамъ, гдѣ высшіе и низшіе сословія принадлежали къ одной національности, отношенія были все таки [illegible]. Что же касается до соціальныхъ отношеній, то на Востокѣ они основывались на обоготвореніи царской власти, на рѣзкомъ различіи сословій, причемъ низшія сословія были рабы. Рабство сохранилось и въ классическомъ мірѣ, а затѣмъ и въ мірѣ христіанскомъ

также

и только въ XVIII и XIX вѣкахъ оно было вполнѣ уничтожено. На этомъ можно было бы и окончить, если бы у насъ не было цѣли познакомиться ближе съ однимъ государствомъ древняго міра, именно съ Персіей.

Приступимъ къ обзору исторіи Персіи; причемъ обзоръ этотъ сдѣлаемъ болѣе подробно, чѣмъ дѣлали обзоръ другихъ странъ древняго Востока, во-первыхъ, потому, что Персидская монархія представляетъ въ политическомъ отношеніи послѣднее слово, сказанное древнимъ Востокомъ. Египтяне не съумѣли установить прочной связи съ покоренными народами, Ассиріяне соединились прочнѣе. Персы же образовали правильную организацію. 2) Персидская монархія просуществовала сравнительно долго безъ всякаго переворота. 3) Содержаніе греческой исторіи въ блестящій періодъ ея развитія, во все время IV и V столѣтіи, заключается во внѣшней войнѣ съ Персіей. Эти войны занимали видное мѣсто; онѣ оказывали вліяніе на внутреннюю жизнь Греціи. Тѣ побѣды, которыя маленькій греческій народъ одерживалъ надъ огромной персидской монархіей окрыляли, такъ сказать, греческій

Сов.

Лит. л. Козлова а. Невск. пр. 136-138.

духъ; онъ послужилъ толчкомъ для развитія культурной жизни у Грековъ. // Такъ какъ мы будемъ разсматривать греческую исторію и въ то время, когда Греція утратила свою самостоятельность и на мѣстѣ ея образовалось нѣсколько эллинистическихъ государствъ, то необходимо ближе знакомиться съ Персіей, вошедшей также въ составъ этихъ государствъ. Можно указать еще на пятую причину, заставившую насъ остановиться подробнѣе на исторіи Персіи, это именно то обстоятельство, что моментъ начала достовѣрной жизни у Грековъ и основанія монархіи у Персовъ приблизительно одинъ и тотъ же. Любопытно еще и другое совпаденіе, заключающееся въ томъ, что и Персы и Греки одновременно вступаютъ въ общую историческую жизнь. Когда Камбизъ предпринялъ походъ на Египетъ съ цѣлью подчинить его, Греки тоже приняли участіе въ этой борьбѣ стараго владыки древняго Египта съ новымъ, они приняли участіе въ качествѣ наемниковъ съ той и другой стороны. Вотъ тѣ причины, которыя заставляютъ остановиться на исторіи Персіи болѣе подробно. Относительно Персіи много извѣстій оставилъ Ге-

В. Кудрявцевъ

родотъ, усивший въ эпоху грандiозной греко-Персидской войны. Разсказы Геродота сдѣлались такъ популярны, что на нихъ основываются до сихъ поръ всѣ учебники исторiи. Основываясь на нихъ относительно временъ, предшествовавшихъ образованiю персидскаго царства, будемъ останавливаться не на нихъ самихъ, и лишь на тѣхъ историческихъ фактахъ, которые подъ ними скрываются.

Обзоръ Персидской исторiи.

По Геродоту, первымъ мидiйскимъ царемъ является Дiокъ; онъ построилъ городъ Экбатанъ. У Дiока сынъ Фраортъ, который подчинилъ Персовъ и ихъ царя Ахемнея сдѣлалъ своимъ данникомъ; соединивъ Персовъ и Мидянъ, онъ завоевалъ весь Иранъ и предпринялъ походъ противъ Ниневiи. Новѣйшiе историки относятся съ сомнѣнiемъ ко всей этой исторiи, разсказанной Геродотомъ; достовѣрнымъ вполнѣ считаютъ только то, что Фраортъ дѣйствительно существовалъ. У Фраорта былъ сынъ Кiаксаръ, который попытался завоевать Ниневiю, но ему это не удалось, потому что какъ разъ въ это время начался перiодъ совершенно особенный: на Ассирiйскую монархiю

дѣлаютъ нападенія кочевники-скиѳы; они проникаютъ и въ Мидію. Скиѳы не были первыми кочевниками, сдѣлавшими нападеніе на Ассирійское царство, были и раньше, напр. Киммерійцы, но нападеніе Скиѳовъ было особенно страшно, они опустошили не только сѣверо-восточную, но и западную часть; они дѣлаютъ даже попытку завладѣть Египтомъ. Геродотъ говоритъ, что господство Скиѳовъ въ передней Азіи продолжалось 28 лѣтъ, новѣйшіе же ученые, напр. авторъ „Исторіи Востока" Масперо, находятъ, что Скиѳы господствовали не болѣе 8 лѣтъ. Далѣе Геродотъ передаетъ, какъ Мидія освободилась изъ подъ власти Скиѳовъ; но и этотъ разсказъ носитъ совершенно легендарный характеръ. Послѣ ухода Скиѳовъ, совершился фактъ паденія Ассирійскаго царства. Ученые находятъ, что потрясеніе, оказанное Скиѳами было главной причиной паденія Ассиріи. Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что ассирійская монархія состояла изъ отдѣльныхъ частей, слабо-связанныхъ между собой и часто возмущающихся, желая получить независимость. Нападеніе Скиѳовъ при такихъ обстоятельствахъ легко могло

[illegible]

послужить поводомъ къ возмущенію отдѣльныхъ частей. Мидія менѣе пострадала отъ скиѳскихъ ордъ. Освободившись отъ нихъ, Кіаксаръ въ союзѣ съ Набополассаромъ Вавилонскимъ царемъ разрушилъ столицу Ассирійской монархіи Ниневію; послѣ того Ассирія была раздѣлена: Кіаксаръ получилъ сѣверную часть, Набополассаръ — южную. Кіаксаръ этимъ не ограничился, онъ предпринялъ завоеваніе Малой Азіи, здѣсь ему пришлось столкнуться съ Лидіей; между Мидійскимъ и Лидійскимъ царствомъ загорѣлась война, окончившаяся договоромъ, по которому рѣка Галисъ была назначена границей между этими двумя государствами. Результатомъ было то, что на развалинахъ ассирійскаго царства образовались три равносильныя государства: Лидія, Мидія и Вавилонъ. Дальнѣйшая исторія этихъ трехъ государствъ, разсказывается такимъ образомъ: У Кіаксара былъ сынъ Астіагъ, который женился на дочери Лидійскаго царя Аліатта, а сестра Астіага вышла замужъ за Навуходоносора, сына Набополассара. Астіагъ, значитъ, съ одной стороны былъ зятемъ Креза, наслѣдника

Вавил

Аліатта, а съ другой- вавилонскаго царя Навуходоноссора. Въ это время преобладаютъ надъ всѣми иранскими народами Мидяне. Киръ, о происхожденіи котораго разсказывается много различныхъ исторій, возбудилъ возстаніе у Персовъ; свергъ съ престола Астіага и вступилъ самъ. Въ эту пору первенство перешло къ Персамъ, Мидяне подчиняются этимъ. Годъ этого событія, 560 г.; обыкновенно въ учебникахъ считаютъ годомъ основанія персидскаго государства, но это несправедливо, это былъ годъ перехода власти отъ Мидянъ къ Персамъ. Относительно этого переворота существуетъ много сказаній у греческихъ писателей, но всѣ они носятъ чисто легендарный характеръ. Послѣ Кира, по персидскимъ памятникамъ, Куруса, завладѣваетъ Лидіей, Мидіей и Вавилономъ сынъ его Камбизъ, завоевавшій Египетъ; затѣмъ Дарій изъ царскаго рода Ахеменидовъ, покорившій отдаленную область Инда и сдѣлавшій завоеванія и въ Европѣ. Важна организація, которую онъ далъ своей огромной монархіи. Послѣ него Ксерксъ, при которомъ начались Греко-Персидскія войны. Вотъ

значеніе,

тотъ остовъ, который представляетъ изъ себя исторія Персіи. Всѣ перечисленные факты достовѣрны, потому что они подтверждаются надписями; греческіе писатели украсили ихъ только различными разсказами. Относительно рожденія Кира, напр. Геродотъ говоритъ, что онъ былъ сынъ Манданы, дочери Астіага и одного перса Камбиза, значитъ былъ внукомъ Астіага; Ктезій говоритъ, что онъ совсѣмъ не былъ родственникомъ Астіага; Николай Дамаскій говоритъ, что онъ былъ сынъ разбойника, который сдѣлался потомъ приближеннымъ царя. Трудно конечно рѣшить, который изъ этихъ разсказовъ вѣренъ, нужно кажется признать, что Киръ происходилъ изъ царскаго рода Ахеменидовъ. Самъ онъ говоритъ о себѣ, первый разъ, что онъ сынъ могущественнаго царя Камбиза, въ другой разъ говоритъ: „Я — Куруш, царь изъ рода Ахеменидовъ." Вотъ что говоритъ относительно этого вопроса Веберъ:

„Исторически достовѣрнымъ должно считать то, что Киръ происходилъ отъ династіи, со времени Фраорта правившей Персіей подъ верховной властью Лидійских царей, что успѣшными возстаніями онъ,

Куруш

храбрый и счастливый воинъ, избавилъ свою родину отъ Мидійскаго владычества, покорилъ Лидію, а послѣ того оружіемъ и мирными договорами подчинилъ своей власти и другіе народы на востокъ отъ Ирана и на западъ отъ него, и такимъ образомъ сдѣлался основателемъ персидскаго царства. Важнѣйшія свѣдѣнія о паденіи Мидійскаго царства сообщаетъ недавно найденная лѣтопись Набонеты: войско Испувегу (Астіага) возмутилось противъ него, взяло его въ плѣнъ и отдало Курасу (Киру). Курасъ пошелъ въ страну царской столицы Агаматану (Экбатану). Онъ взялъ золото, серебро, утварь, драгоцѣнныя вещи; изъ Агаматану все увезъ онъ и отвезъ въ Ансань (Сузіану), сокровища, утварь, которыми овладѣлъ." Это извѣстіе драгоцѣнно въ томъ отношеніи, что представляетъ не позднѣйшій разсказъ, основанный часто на вымыслѣ, а разсказъ современника, пораженнаго такимъ важнымъ .. событіемъ, какъ паденіе Мидійскаго царства. Вотъ какимъ образомъ мы должны представлять себѣ образованіе Персидскаго царства. Посмотримъ теперь дальнѣйшіе шаги Кира.

Тайкб

Преемникомъ Аліатта въ Лидіи былъ Крезъ; онъ испугался такого быстраго расширенія персидскаго царства и вступилъ въ борьбу съ Киромъ. Геродотъ объ этой борьбѣ разсказываетъ довольно подробно. Задумавъ остановить дальнѣйшія завоеванія Кира, Крезъ нашелъ себѣ союзниковъ въ лицѣ грековъ, славившихся уже тогда своими войсками, затѣмъ въ лицѣ вавилонскаго царя Набонита и египетскаго фараона Амазиса. Онъ обращался также и къ Лакедемонянамъ. Въ этой войнѣ такимъ образомъ выступили и Лидійцы, и Персы, и Греки, до того времени не принимавшіе участія въ общей исторической судьбѣ. Произошло сраженіе не имѣвшее рѣшительнаго значенія. Крезъ распустилъ свою армію не думая, что Киръ сдѣлаетъ нападеніе на самое Лидійское царство; но Киръ пошелъ. Наскоро собралъ Крезъ свои войска. Произошла новая битва. Конница Креза, испуганная верблюдами Кира бросилась въ стороны. Крезъ отступилъ въ столицу свою Сарды. Киръ подступилъ къ нимъ и взялъ ихъ. Дальнѣйшія событія разсказываются у Геродота съ большими подробностями. Разсказывается, что Киръ хотѣлъ

Сов.

сжечь Креза на костръ. Когда все уже было готово, Крезъ воскликнулъ: „О Солонъ, Солонъ!" На вопросъ Кира просящаго объясненія этихъ словъ, Крезъ разсказалъ о томъ, какъ Солонъ однажды сказалъ ему, считавшему себя счастливѣйшимъ въ мірѣ, что „никто не можетъ назвать себя счастливымъ до смерти." Растроганный этимъ разсказомъ, Киръ отмѣнилъ будто бы казнь. Все это имѣетъ видъ народной легенды. Послѣ этой рѣшительной битвы Киръ поручилъ одному изъ полководцевъ подчинить всѣ области, входящія въ составъ Лидійскаго царства и многіе греческіе города, лежащіе по берегу Малой Азіи. Это обстоятельство послужило впослѣдствіи, когда греческія колоніи захотѣли освободиться отъ Персовъ и Греки подали свою помощь, поводомъ къ Греко-Персидскимъ войнамъ. Самъ же Киръ въ это время предпринялъ завоеваніе Вавилонскаго царства. При этомъ онъ выказалъ большую сообразительность. Трудно было взять хорошо укрѣпленный Вавилонъ, тогда Киръ отвелъ изъ рѣкъ воду и вошелъ въ городъ посуху дну. Паденіе Вавилона было концомъ вавилонскаго или халдейскаго царства;

С. Кушни

теперь Киру оставалось только подчинить отдѣльныя племена, входившія въ составъ этого царства. Среди нихъ были Евреи. Покоривъ Евреевъ, Киръ позволилъ имъ вернуться на родину, въ Іерусалимъ и достроить тамъ нашъ храмъ. Финикіане были уполномочены дать имъ матеріалъ. Черта эта была любопытна, потому что въ ней мы видимъ характерное явленіе: Киръ хотѣлъ въ числѣ подданныхъ создать себѣ симпатію. Любопытно еще и другое явленіе: Персы были вѣротерпимы; они всѣмъ покореннымъ оставляли прежнихъ боговъ, тогда какъ ассирійцы всѣмъ подчиненнымъ навязывали своихъ божества, ихъ походы даже часто имѣли своей цѣлью распространять поклоненіе божеству Белу. Дальнѣйшая исторія Кира мало извѣстна; относительно смерти его существуютъ различные разсказы. Геродотъ говоритъ, что онъ погибъ въ сраженіи противъ массагетовъ; царица массагетовъ, Томирисъ вложила его голову въ мѣхъ, наполненный кровью. Ктезій говоритъ, что Киръ погибъ въ борьбѣ съ дербиками. Ксенофонтъ же говоритъ, что Киръ умеръ въ глубокой старости, окруженный свое-

ми друзьями и родными; онъ говоритъ, что передъ смертью Киру было даже предчувствіе. Согласіе первыхъ двухъ историковъ насчетъ того, что Киръ погибъ на полѣ битвы, дѣлаетъ это преданіе болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ всякое другое.

О Персіи послѣ Кира, мы имѣемъ свѣдѣнія греческихъ писателей, по преимуществу Геродота и надписи. Надписи подтверждаютъ намъ въ существенныхъ чертахъ то, что даетъ Геродотъ; онѣ говорятъ намъ о томъ, что у Кира было два сына: Камбизъ или Курудзія и Смердисъ. Камбизъ получилъ царство, Смердисъ долженъ былъ быть правителемъ отдѣльныхъ областей. Желая совершенно освободиться отъ брата, Камбизъ убилъ его. Оставшись одинъ, онъ предпринялъ завоеваніе царства Египетскаго. Египетскій фараонъ долженъ былъ пригласить греческихъ наемниковъ, въ войскѣ Камбиза они были также, такъ что въ завоеваніи Египта Греки принимали участіе съ обѣихъ сторонъ. Завоеваніе Египта тогда представляло задачу легкую; для Египта это была эпоха, когда внутренняя жизнь совершенно ослабѣла. Царь египет-

[illegible]

скій былъ убитъ и Камбизъ принялъ титулъ и гербъ фараона. Онъ задумалъ совершить еще дальнѣйшее завоеваніе финикійской колоніи Карѳагена, но это ему не удалось, такъ какъ финикіяне не хотѣли помогать ему въ завоеваніи Карѳагена, основаннаго финикійскими выходцами. Точно также неудаченъ былъ его походъ въ Эфіопію. Эти неудачи раздражили его и сдѣлали жестокимъ. Убіеніе Аписа, расправа его со жрецами — все указываетъ на ненормальность его состоянія. Онъ отправился назадъ и по дорогѣ получилъ извѣстіе о томъ, что престолъ захваченъ братомъ его Смердисомъ. Камбизъ объявилъ, что Смердисъ, провозгласившій себя царемъ, былъ не братъ его, Камбиза, а братъ одного мага; но ничего не помогло, Персы признали Смердиса царемъ. Камбизъ въ это время умеръ. Дальнѣйшая исторія Лже-Смердиса разсказывается у Геродота очень подробно; подробно у него разсказывается и то, какъ семь сатраповъ составили заговоръ, убили Лже-Смердиса, его брата и многихъ маговъ; впослѣдствіи въ память этого событія былъ установленъ праздникъ, называемый

Избіеніе

Магофонія. Послѣ сверженія мага, царемъ былъ провозглашенъ одинъ изъ вельможъ Дарій".

Всѣ эти подробности, разсказанныя Геродотомъ, въ основѣ имѣютъ дѣйствительный фактъ; о немъ сообщаетъ одна огромная надпись, сдѣланная на Бехистунской скалѣ. Эта надпись была переведена въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія; изъ нея мы узнаемъ, что Геродотъ разсказываетъ исторію вѣрную, но только истолкованную и украшенную различными подробностями. Вотъ что гласитъ эта надпись относительно вступленія на престолъ Дарія.

„Царь Дарій объявляетъ: вотъ что я сдѣлалъ, прежде чѣмъ сталъ царемъ. Камбизъ, сынъ Кира, царя изъ нашего рода, царствовалъ здѣсь до меня. У этого Камбиза былъ братъ по имени Смердисъ (Барзія), происходившій отъ однихъ съ нимъ отца и матери. Однажды Камбизъ убилъ Смердиса, но народъ ничего не зналъ о смерти Смердиса. Послѣ того Камбизъ ушелъ въ Египетъ. Пока онъ находился тамъ, народъ его взбунтовался. Обманъ распространился повсе-

[illegible]

странѣ, по Персіи, Мидіи и по всѣмъ провинціямъ.

„— Царь Дарій объявляетъ: одинъ человѣкъ, магъ, по имени Гауматъ возмутился въ Пасаргадѣ. Онъ обманулъ народъ сказавши ему: „Я Смердисъ, сынъ Кира, братъ Камбиза," и весь народъ возмутился и обратился къ нему, покинувъ Камбиза; и Персія, и Мидія, и всѣ провинціи возстали. Онъ захватилъ власть. Послѣ того Камбизъ умеръ.

„Царь Дарій объявляетъ: царство, похищенное у Камбиза Гауматомъ Магомъ, издавна принадлежало нашему роду, но когда Гауматъ Магъ похитилъ его у Камбиза, а также Персію, и Мидію, и всѣ другія страны, то сталъ распоряжаться ими по своей волѣ: онъ былъ царь.

„Царь Дарій объявляетъ: „не было ни одного человѣка, ни въ Персіи, ни въ Мидіи и никого изъ нашего рода, кто осмѣлился бы отнять корону у этого Гаумата-Мага. Народъ боялся его. Онъ убилъ бы народъ для того, чтобы никто не узналъ, что онъ не Смердисъ, сынъ Кира. Тогда явился я. Я умолилъ Ормузда, Ормуздъ даровалъ

мнѣ свое покровительство. … Съ помощью преданныхъ мнѣ людей, я убилъ Гаумата-Мага и его главныхъ сообщниковъ. Въ странѣ Нисея въ Мидіи есть крѣпость, называемая Сикайяуватишъ. Тамъ я и убилъ его и отнялъ у него царство. Волею Ормузда я сталъ царемъ: Ормуздъ вручилъ мнѣ власть."

Если мы возьмемъ это свидѣтельство, являющееся, такъ сказать, оффиціальнымъ извѣстіемъ и сравнимъ его съ разсказомъ Геродота, то увидимъ, что эта надпись вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что узнаемъ у Геродота. Геродотъ истолковываетъ всю эту исторію нѣсколько иначе, у него она получаетъ такой характеръ, будто бы Лже-Смердисъ, происходившій отъ мидійскихъ маговъ, хотѣлъ вернуть прежнее главенство; но объ этомъ надпись ничего не говоритъ. Мы объясняемъ себѣ это иначе: продолжительнымъ отсутствіемъ Камбиза и утомленіемъ народа долгими войнами. Эта же надпись говоритъ намъ о томъ, какъ трудно было Дарію заставить признать свою власть; ему пришлось подавить нѣсколько возстаній, между прочимъ возстаніе

Вавилонянъ. Геродотъ описываетъ только возстаніе Вавилонянъ, продолжавшееся 20 лѣтъ. Надпись упоминаетъ даже о двухъ возстаніяхъ въ Вавилонѣ; затѣмъ о возстаніи въ Персіи, Мидіи, Сузіанѣ и Арменіи. „Все, что я сдѣлалъ, говоритъ Дарій, сдѣлалось волей Ормузда. Я далъ 19 сраженій и побѣдилъ девятерыхъ царей." Дарій хотѣлъ расширить свои завоеванія, какъ это сдѣлали его предшественники; но ему оставалось только или двинуться на востокъ, въ область Инда, или же въ Европу. Объ этихъ предпріятіяхъ Дарія, Геродотъ разсказываетъ много подробностей, въ связи съ этими описаніями, мы находимъ у Геродота и описаніе быта Скиѳовъ. Эти походы очень интересны, потому что Дарій не ограничивался лишь одними завоеваніями; онъ хотѣлъ открыть новые пути, новыя страны для торговли. Одинъ грекъ Скилакъ спустился по Инду до самаго устья его и предпринялъ плаваніе по Индійскому морю. Дарію удалось завоевать только часть Индіи; въ завоеванной части, Пенджабѣ он основалъ сатрапію. Послѣ этого Дарій предпринялъ походъ во Ѳра-

ціи.

кію, (находившуюся) къ сѣверу отъ Греціи и Македоніи. Потомъ Дарію остался путь на Сѣверъ черезъ Дунай. Чтобы перебраться такимъ образомъ, нужно было основать флотъ; въ этомъ, Персамъ помогли Малоазійцы.

Флотъ изъ Средиземнаго моря прошелъ въ Черное, по плавучему мосту, устроенному однимъ самосскимъ инженеромъ; армія же прибыла черезъ Босфоръ; такимъ (же) образомъ переправилась она и черезъ Дунай. Скиѳы же по мѣрѣ приближенія непріятеля, удалялись въ глубь страны, сжигая по дорогѣ свои жилища.

Если походъ этотъ былъ неудаченъ, все таки Дарію удалось завоевать Ѳракію и такимъ образомъ придти въ тѣсное соприкосновеніе съ Греціей. Это объясняетъ даже намъ отчасти возникновеніе Греко-Персидскихъ войнъ. Грекамъ грозила опасность быть подчиненными Персами, съ покореніемъ Ѳракіи придвинувшимися тк. близко къ Греціи. Въ это время какъ разъ возстаютъ малоазійскіе Греки; Греки европейскіе помогаютъ имъ, отчасти охраняя и себя. Не останавливаясь на этомъ и упомянувъ мимоходомъ еще о возстаніи Егип-

[illegible]

тянъ, перейдемъ къ организаціи, данной Персіи Даріемъ. Конечно съ современной точки зрѣнія, его монархія была грубой и деспотической. Объ этой организаціи сохранилось много извѣстій, между прочимъ у Геродота, который на этотъ разъ даетъ свѣдѣнія болѣе достовѣрныя, потому что былъ современникомъ этихъ событій. На основаніи Геродота и современные историки представляютъ намъ организацію Персіи; тѣ же писатели говорятъ намъ и о замѣчательной способности Персовъ легко усваивать себѣ обычаи другихъ народовъ. Они скоро усвоили себѣ, напр. тотъ роскошный, пышный образъ жизни, который существовалъ у древне-восточныхъ народовъ. Объ роскоши и изнѣженности мы находимъ у Ксенофонта слѣдующій разсказъ: „Имъ недовольно того, что на ихъ кроватяхъ мягкія перины, они и ножки кроватей ставятъ на ковры, чтобы не слышно было жесткости пола. Имъ не довольно того, чтобы покрывать голову, тѣло и ноги; они носятъ и на рукахъ мѣховыя муфты и перчатки. А лѣтомъ они не довольствуются тѣнью де-

ревьевъ и скалъ, а подлѣ нихъ стоятъ люди съ зонтиками. Они очень любятъ имѣть множество драгоцѣнныхъ кубковъ. При ѣздѣ верхомъ они кладутъ на лошадей больше толстыхъ подушекъ, чѣмъ сколько у нихъ на кроватяхъ, чтобы мягко было сидѣть; и до такой роскоши и изнѣженности дошли персидскіе вельможи, что держатъ привратниковъ, пекарей, поваровъ, кравчихъ, хлѣбодаровъ, слугъ, подающихъ на столъ и снимающихъ со стола блюда, слугъ, которые убаюкиваютъ ихъ, слугъ, которые будятъ ихъ, людей, кот. одѣваютъ ихъ, подкрашиваютъ, румянятъ и натираютъ благовонными маслами." По словамъ Ксенофонта (I, 3, 2), уже во времена Астіага мидійскіе цари носили пурпурную одежду, ожерелья, браслеты, румянились, подрисовывали себѣ глаза и носили на головѣ фальшивые волосы (т. е. парики). Во времена Ксеркса знатные персы, какъ мы видимъ по разсказамъ Геродота, брали съ собой въ походы въ крытыхъ экипажахъ женъ и наложницъ и многочисленную, богато одѣтую прислугу, а на верблюдахъ и другихъ вьючныхъ животныхъ везли за ними съѣстные припасы и драгоцѣнную посуду. Въ купаньяхъ и въ ви-

[illegible]

нахъ за столомъ у нихъ-то же господствовала роскошь, особенно въ праздничныхъ случаяхъ, наприм. въ день рожденія, который былъ самымъ праздничнымъ днемъ у Персовъ. „Тогда богатые люди, говоритъ Геродотъ, жарятъ въ печахъ цѣлыхъ быковъ и лошадей, верблюдовъ и ословъ, а бѣдные мелкій скотъ. Кушаній у нихъ не много, но очень много лакомствъ по окончаніи обѣда. Персы говорятъ, что эллины встаютъ изъ-за стола голодные, потому что имъ не подаютъ ничего хорошаго, когда они кончили обѣдъ. Пить вино Персы очень любятъ и, когда напьются, совѣщаются о самыхъ важныхъ дѣлахъ, но о томъ, что рѣшили они въ этомъ состояніи, они разсуждаютъ еще разъ, когда протрезвятся." Судя по тому, что разсказываетъ Геродотъ (V, 18 и слѣд.) о сценѣ, происшедшей у царя македонскаго Аминта, персы имѣли обычай приводить женщинъ для гостей, приглашенныхъ на пиръ.

Итакъ Персы, которые до Кира представляли грубый народъ скоро изнѣжились. Персидская область представляла страну привилегированную и цари, живя въ Персидѣ, раздавали деньги; особенно привилегированное положеніе занимало при дворѣ такъ

[illegible]

называемые сотрапезники и родственники царя; они получали воспитаніе „при дворѣ у дверей царскихъ." Обратимся къ разсмотрѣнію организаціи Дарія, благодаря которой персидская монархія при Даріи не представляла уже того чисто-механическаго соединенія государствъ, какое было при Кирѣ и Камбизѣ. Все государство Дарій раздѣлилъ на 20 сатрапій, въ каждой изъ которыхъ былъ управитель сатрапъ, обязанный слѣдить за правильнымъ взносомъ податей и налоговъ. Сатрапами обыкновенно назначались люди изъ числа царскихъ „сотрапезниковъ" и „родственниковъ" или знатнѣйшихъ родовъ. Сатрапъ (Kshathra-pavan-господинъ области) правилъ порученной ему областью съ неограниченной властью. Онъ былъ верховный правитель и верховный судья; онъ завѣдывалъ сборомъ податей и натуральныхъ повинностей, наборомъ войска, въ приморскихъ областяхъ также и снаряженіемъ военныхъ кораблей; кажется даже онъ имѣлъ право чеканить монету. Въ сущности монархія Дарія представляла чисто восточную деспотію. Съ одна стороны только являлся шагомъ впередъ,

женщину

это то, что Персы не вмѣшивались въ религію подчиненныхъ народовъ и даже покровительствовали нѣкоторымъ изъ нихъ, напр. Евреямъ, Финикіянамъ, кот. благодаря этому покровительству достигли процвѣтанія. Надписи указываютъ на заботу Персовъ о благосостояніи подчиненныхъ народовъ. Случай съ Камбизомъ оскорбившимъ египтянъ, такимъ образомъ долженъ считаться исключеніемъ. Со времени Дарія, персидскіе правители особенно покровительствуютъ торговлѣ; для болѣе успѣшнаго развитія ея, они уничтожили пошлины, провели дороги, устроили гостинницы и учредили почты; на разстояніи 20 верстъ вездѣ были особенныя станціи, существовали и особые царскіе гонцы. Весьма естественно, что въ ту эпоху было много разбойниковъ; персидское правительство устроило особенныя укрѣпленія, въ кот. находились гарнизоны. Дарій позаботился и о томъ, чтобы была одна монетная единица; такой единицей былъ признанъ талантъ. Не смотря на такія заботы, персидская монархія клонилась къ упадку, потому что злоупотребленія сатраповъ и деспотическое правленіе не

[illegible]

позволяли развиваться народнымъ силамъ. Тогда какъ въ Греціи мы встрѣчаемся съ свободными учрежденіями и свободнымъ народомъ, благодаря этому, вскорѣ сдѣлавшимся цивилизаторомъ Востока. Кромѣ сообщенія о персидской организаціи, Геродотъ говоритъ еще намъ о жизни персидскихъ царей.

Въ Индіи и въ Египтѣ духовенство своимъ могуществомъ ограничивало деспотизмъ; но персидскіе цари съумѣли отнять у маговъ самостоятельность, такъ что духовное сословіе въ Персіи только служило царю и придавало его власти священный авторитетъ; жрецы были такими же рабами царя, какъ и другіе подданные; они приносили жертвы, прорицали, истолковывали знаменія, совершали торжественные обряды и т.д. въ службѣ у царя, потому съ патріархальнымъ всемогуществомъ, какимъ пользуется племенной царь у пастушескихъ и охотническихъ народовъ, персидскій царь имѣлъ и религіозную святость, какая принадлежитъ государю въ царствахъ, имѣющихъ кастовое устройство, и деспотизмъ въ Персіи достигъ самого неограниченнаго самовластія. Жизнь и собственность

[illegible]

каждого зависѣло отъ воли царя, кот. былъ выше всѣхъ человѣческихъ законовъ, отвѣчалъ за свои поступки только передъ своею совѣстью; закономъ для государства былъ его произволъ. Онъ былъ намѣстникомъ Аурамазды на землѣ; подобный Аурамаздѣ могуществомъ и величіемъ, онъ уподоблялся ему и мудростью, святостью, справедливостью; какъ Аурамазда возсѣдаетъ въ свѣтлой высотѣ престола, сіяя солнечнымъ блескомъ своего величія, окруженный сонмами свѣтлыхъ духовъ, такъ возсѣдалъ въ золотоукрашенномъ дворцѣ на своемъ престолѣ царь, окруженный шестью князьями персидскихъ племенъ, пышной придворной аристократіей, сановниками государства и двора. Чтобы впечатлѣніе, производимое его личностью было сильнѣе, онъ показывался народу рѣдко и не иначе, какъ въ полномъ блескѣ своего сана, облеченный въ пурпурную одежду, вышитую бѣлыми узорами, съ золотымъ поясомъ, у кот. висѣла сабля въ ножнахъ усыпанныхъ драгоцѣнными камнями въ высокой тіарѣ, въ сапогахъ шафрановаго цвѣта. Входить къ нему безъ доклада, кромѣ немногихъ, точно опредѣленныхъ случаевъ, было запрещено подъ смертною казнью; тотъ, кто онъ до-

са.

пускали къ себѣ, шелъ къ нему сквозь длинные ряды придворныхъ служителей, привратниковъ, стражей, герольдовъ; и когда онъ подходилъ къ царю, онъ долженъ былъ падать ницъ во прахъ. Когда царь шелъ по пріемнымъ покоямъ дворца, подъ ноги ему подстилали драгоцѣнные ковры; выходя изъ экипажа, онъ ставилъ ногу на золотую скамью; первые вельможи соперничали между собой изъ-за чести поддержать его подъ локоть, когда онъ садился на лошадь. При торжественныхъ въѣздахъ его въ городъ, улицы по которымъ ѣхалъ онъ, благоухали куреньями. Впереди процессіи и по сторонамъ ѣхали биченосцы, отстраняя народъ; кругомъ царя шли въ золотыхъ одеждахъ и въ украшенныхъ вышками тіарахъ тѣлохранители, жезлоносцы и копьеносцы. Впереди ѣхала колесница бога солнца, запряженная восемью бѣлыми конями; передъ нею шли маги, неся священный огонь; за колесницею Солнца слѣдовала колесница царя, запряженная нисейскими конями, вскормленными на горныхъ пастбищахъ Экбатаны. За царемъ ѣхали верхами знатные персы, приближенные его, въ накинутыхъ на панцыри пурпурныхъ мантіяхъ, опоясанные кривыми саблями

В. Кузмин

съ золотой рукояткой въ золотыхъ ножнахъ, украшенные золотыми ожерельями и браслетами; у ихъ коней были золотые узды и поводья; — все это были подарки персидского царя вѣрнымъ его соплеменникамъ.

Придворный штатъ царя, образуемый его „родственниками" и „сотрапезниками" и множествомъ придворныхъ сановниковъ, тѣлохранителями, толпою евнуховъ и множествомъ прислуги, былъ такъ великъ, что каждый день во дворцѣ обѣдали 15,000 человѣкъ. Всѣ высшія придворныя должности занимали персидскіе вельможи; подъ вѣдомствомъ ихъ находилось безчисленное множество низшихъ должностныхъ людей и придворныхъ служителей. Высшихъ придворныхъ сановниковъ было тоже много: первый царскій кравчій, первый жезлоносецъ, церемоніймейстеръ, начальникъ привратниковъ и т. д. — все это были знатнѣйшіе вельможи. Только тотъ, кто часто являлся къ двору, могъ надѣяться получить высокій санъ, быть награждаемъ. — Царь обыкновенно обѣдалъ одинъ, въ особомъ залѣ; его сотрапезники обѣдали въ сосѣднемъ залѣ, такъ что ему было видно ихъ. Обѣдъ царя состоялъ изъ самыхъ изысканныхъ блюдъ, самыхъ дорогихъ

вин; все привозилось изъ тѣхъ мѣстъ, какія чѣмъ славились; такъ напр. пшеницу для царскаго привозили изъ Эолiи, соль изъ ливiйскаго Аммонiума, вино изъ сирiйского города Халиба (Алеппо). Воду брали изъ Хоаспа, рѣки, текущей у Сузы; воду Хоаспа въ серебряныхъ сосудахъ возили за царемъ и въ его путешествiяхъ. Каждая область давала царю въ день то, чѣмъ славилась; такъ Аравiя давала ежегодно 1,000 фунтовъ ѳимiама; Эѳiопiя черное дерево и слоновую кость; Мидiя, Арменiя, Киликiя лошадей; Колхида — мальчиковъ и дѣвушекъ (стр. 389); Вавилонiя 500 евнуховъ и т. д. На продовольствiе царскаго двора нужено было каждый день 1,000 головъ разнаго скота и множество птицы. На большiе праздники, особенно въ день рожденiя царя, который праздновался по всему государству, обѣдали за царскимъ столомъ и женщины; онѣ получали, какъ и другiе гости, богатые подарки. Царь ѣлъ, какъ и всѣ персы, одинъ разъ въ день. Во время стола и по окончанiи его царскiя наложницы развлекали царя пѣнiемъ и музыкой.

Исторiю Грецiи обыкновенно начинаютъ съ разсмотрѣнiя географическихъ условiй страны,

К. Ш. Щуре

затѣмъ разсматриваютъ происхожденіе народа, или этнографическія условія и наконецъ доисторическія времена. Мы будемъ держаться того же плана, но не будемъ подробно останавливаться на разсмотрѣніи первыхъ двухъ вопросовъ; вопервыхъ, потому, что разсмотрѣніе ихъ можно найти въ любомъ учебникѣ и во вторыхъ, потому, что этнографія древней Греціи представляетъ весьма много невполнѣ опредѣленнаго и много спорнаго. Что же касается до третьяго вопроса, доисторической эпохи Греціи, то должно сказать, что обзоры ея въ большихъ исторіяхъ Греціи занимаютъ цѣлыя десятки страницъ, но несмотря на это, говорить о доисторическомъ времени сколько-нибудь подробно и основательно весьма трудно. Въ этомъ отношеніи Греція занимаетъ правда болѣе счастливое положеніе, для древней исторіи ея существуетъ громадный матеріалъ, сказанія самихъ Грековъ, но сказанія эти носятъ характеръ чисто легендарный. Потому разсматривая этотъ вопросъ, мы должны были бы перечислить только различныя событія, отнесенныя легендой по времени доисторическому и

украшенныя ею же различными баснословными подробностями, и приведя мнѣнія различныхъ ученыхъ относительно этого вопроса. Останавливаясь лишь на достовѣрныхъ фактахъ, мы обойдемъ древнѣйшую доисторическую эпоху Греціи, теперь же перейдемъ къ разсмотрѣнію первыхъ двухъ вопросовъ. Разсмотрѣніе географическихъ условій страны возможно двоякое: возможно перечислить названія областей и городовъ, входящихъ въ составъ древней Греціи, ея рѣки, горы, озера и т. д. и возможно представить общую картину греческой природы, оказавшей такое громадное вліяніе на греческую жизнь. Такъ какъ разсмотрѣніе перваго рода встрѣчается въ каждомъ учебникѣ, то мы остановимся только на второмъ; при этомъ мы должны будемъ нѣсколько отступить отъ обычнаго пріема изложенія географіи Греціи. Именно, мы будемъ давать описаніе не только Европейской Греціи, гдѣ были расположены такія области какъ Аттика, Беотія и др., но и описаніе Малоазійскаго берега, гдѣ были расположены греческія колоніи. Если разсматривать географію Греціи, какъ цѣлой страны, то подобное отступленіе неизбѣж-

[illegible]

ни, потому что Малоазійскіе берега предста-
вляли часть греческой территоріи. Такъ
именно и сдѣлалъ Курціусъ. „Къ югу отъ Пон-
та, говоритъ онъ, природа нигдѣ не отдѣли-
ла востока отъ запада; напротивъ того, она
скорѣе сдѣлала все возможное, чтобы тѣсно и
неразрывно соединить ихъ между собой. Тѣ-
же горные хребты тянутся въ видѣ непреры-
вного ряда островов и въ Пропонтидѣ и Ар-
хипелагѣ; противолежащіе берега составля-
ютъ какъ бы двѣ части одной и той же стра-
ны и такія гавани, какъ Смирна и Милетъ,
издавна были несравненно важнѣе для іони-
ческихъ приморскихъ городовъ, нежели для вну-
треннихъ областей, и тѣмъ болѣе для запад-
наго прибрежья ихъ собственнаго материка,
отъ кот. ихъ отдѣляли обширныя простран-
ства земли и затруднительное морское пла-
ваніе. Море и воздухъ соединяютъ брега Архи-
пелага въ одно цѣлое; тѣ же періодическіе вѣ-
тры дуютъ отъ Геллеспонта до Крита, удоб-
но и то же направленіе мореплаванію и
производятъ одинаковыя климатическія
измѣненія. Между Азіей и Европой едва
ли найдется такое мѣсто, гдѣ бы во врем-
ясной погоды мореплаватель могъ почувство-

вать,

вить себя одинокимъ между небомъ и водой; взору представляется островъ за островомъ; удобные дневные переѣзды приводятъ изъ одной бухты въ другую. Поэтому во всѣ эпохи тѣ же племена жили на обоихъ берегахъ и со времени Пріама тѣ же нарѣчія и нравы господствовали по ту и другую сторону моря. Обитатель греческихъ острововъ чувствовалъ себя настолько же дома въ Смирнѣ какъ и въ Навпліи; Солоники находятся въ Европѣ, но тѣмъ не менѣе является левантскимъ торговымъ городомъ; несмотря на всѣ перемѣны въ государственной жизни, Византія и понынѣ считается метрополіей по ту и другую сторону моря и, подобно тому, какъ тотъ же прибой волнъ идетъ отъ іоническаго берега къ Саламину, никогда ни одно передвиженіе народовъ не коснулось одного берега, чтобы не перенестись и на противоположный. И въ древнія и въ новыя времена произволъ политики нерѣдко разъединялъ два противулежащіе берега и признавалъ наиболѣе широкія полосы моря, отдѣляющія острова границами, но всѣ подобныя дѣленія оставались чисто внѣшними и не могли никогда разъединить того, что такъ ясно предназначалось

Н. Курмо

природой для совмѣстной исторической жизни".

Это весьма важное указаніе на то, что Европейская Греція и Малоазійскій берегъ составляютъ одно цѣлое и имѣютъ одинаковыя физическія условія. Греки, придя въ Европу поселились не только въ Европейской Греціи, но и по Малоазійскому берегу. Страны эти тѣсно связаны и въ отношеніи политическомъ; когда Турки завладѣли Малой Азіей, имъ легко было завладѣть и противоположной частью Европейской Греціи. Кромѣ указанія на тѣсную связь этихъ странъ въ отношеніяхъ физическомъ и политическомъ, приведенное мѣсто изъ греческой исторіи Курціуса имѣетъ и другой интересъ. Мы раньше видѣли, что древнія цивилизаціи были удалены отъ моря, были рѣчныя цивилизаціи, какъ говоритъ Мечниковъ; Греки селятся уже по морскому берегу, и греческая цивилизація морская. Правда Греки не были первыми поселившимися по морскому берегу. Первыми были Финикіяне, но Финикіянамъ не удалось образовать прочной цивилизаціи. Въ другомъ мѣстѣ своего труда Курціусъ говоритъ, что само море и природа способствовали сближенію береговъ. „Эллада, читаемъ мы, не только замкнутая и хорошо охраняемая земля — она въ то же время больше открыта для международныхъ сношеній,

[illegible]

чѣмъ какая либо другая страна древняго міра. Со всѣхъ сторонъ въ нее проникаетъ море, направляясь къ ней отъ трехъ разныхъ частей свѣта, изощряя въ народѣ зрѣніе, развивая мужество, неутомимо возбуждая воображеніе, — море, кот. тамъ, гдѣ оно открыто весь годъ, несравненно болѣе сближаетъ между собой страны, чѣмъ негостепріимныя моря сѣвера." Далѣе Куртіусъ указываетъ на слѣдующія особенности греческой природы, способствующія сближенію береговъ. 1). На необыкновенную прозрачность воздуха, позволяющую съ одного острова видѣть горныя вершины другаго. 2). На то, что всѣ Эгеострова снабжены прекрасными бухтами, дающими мореплавателямъ возможность укрыться во время бури. 3). На правильность вѣтровъ, благодаря которой легко ими пользоваться. Въ извѣстное время года, въ извѣстные часы даже дуютъ опредѣленные, хорошо извѣстные морякамъ вѣтры. Правильность вѣтровъ и спокойствіе Эгейского моря способствовали тому, что Греки предавались морю съ полнымъ довѣріемъ; оно служило имъ столбовой дорогой. Греки называли море Πόντος, соотвѣтственное слово на латинскомъ языкѣ pons (pontis), на славянскомъ путь. У насъ

это слово означаетъ дорогу, у Римлянъ чрезъ-дорогу, мостъ, а у Грековъ оно обозначало морскую дорогу, а затѣмъ и самое море. Изъ всего только что сказаннаго видно, что, передвигаясь съ востока на западъ, съ Малоазійскаго полуострова на Балканскій, мы не замѣтимъ никакихъ перемѣнъ ни въ климатѣ, ни въ населеніи. Совсѣмъ иное дѣло, если мы двинемся съ сѣвера Балканскаго полуострова къ югу его. Здѣсь мы встрѣтимъ безконечное разнообразіе природы и ея обитателей. Относительно этого вопроса, въ „Введеніи въ курсъ исторіи древняго міра" мы находимъ слѣдующее: „На сѣверѣ отъ Эгейскаго моря климатъ напоминаетъ среднюю Германію; въ Өессаліи уже вѣчно зеленыя деревья, градусомъ южнѣе произростаютъ оливковыя деревья, на островѣ Эвбеѣ и въ Аттикѣ попадается уже пальма, въ Арголидѣ цѣлые лѣса лимонныхъ и апельсинныхъ деревьевъ, на Критѣ финиковая пальма Африки. Во всѣхъ направленіяхъ пересѣкаютъ Грецію горы, которыя разнообразятъ мѣстность и дѣлаютъ полуостровъ на несхожіе между собою кантоны. Въ Аттикѣ почва была плохого качества, въ сосѣдней Беотіи наоборотъ, почва весьма жирная; въ то время, какъ въ при-

морскихъ частяхъ восточной части полуострова была развита цивилизація, на западѣ, напримѣръ, въ Италіи, жители еще во время римскаго завоеванія находились въ варварскомъ состояніи. Это отразилось и на рѣзкомъ различіи въ характерѣ двухъ главныхъ племенъ Греціи іонянъ и дорянъ." Далье относительно географическихъ условій Греціи мы находимъ у Курціуса слѣдующія указанія: Внутреннія части Малоазійскаго полуострова представляютъ возвышенную страну, берега же ее низменныя и изобилуютъ многими долинами и удобными бухтами. Берега его гораздо больше связаны не съ внутренними частями, а съ берегами противолежащей Европейской Греціи. Вотъ что говоритъ онъ относительно этого вопроса: „ Нигдѣ эта обширная плоская возвышенность не подходитъ къ морю; напротивъ того, она всюду опоясана горными хребтами. Могущественнѣйшій изъ нихъ — Тавръ, каменная стѣна съ высокими зубцами и крутыми откосами, отдѣляющая южныя земли отъ центра страны. На сѣверѣ, по направленію къ Понту, террасы расширяются, гористыя страны получаютъ волнообразную форму съ постепенно развивающимися склонами. На западѣ видъ

страны наибольшее разнообразіе. По направленію къ Пропонтидѣ и Геллеспонту окраина внутренняго нагорья даетъ начало значительнымъ, богатымъ водой и пастбищами горнымъ хребтамъ, именно Мизійскому Олимпу и Троянской Идѣ; по направленію къ Архипелагу переходъ отъ внутренней части страны къ береговой весьма рѣзокъ. Поперечная линія, проведенная отъ Константинополя черезъ Малую Азію вплоть до Ликійскаго моря, приблизительно обозначаетъ тотъ градусъ долготы, гдѣ плоская возвышенность внезапно обрывается, гдѣ земля всюду взрывается и образуетъ обширныя, плодородныя рѣчныя долины, открытыя къ морю, которое съ своей стороны встрѣчаетъ ихъ своими многочисленными заливами. Здѣсь какъ бы начинается новый міръ, иная земля; это точно кайма другой ткани и, еслибъ мы хотѣли по внутреннему образованію почвы различать части свѣта, то слѣдовало бы воздвигнуть пограничные столбы между Европой и Азіей на рубежѣ, отдѣляющемъ береговыя земли Греціи отъ внутреннихъ. Это дѣйствительно весьма вѣрное замѣчаніе. Горы препятствовали сближенію внутреннихъ частей страны съ бе-

[illegible]

речный пылью, тогда какъ спокойное Эгейское море представляло всѣ удобства для сообщенія съ Европейской Греціей. Тоже самое нужно сказать относительно Балканскаго полуострова; высокія горы отдѣляютъ внутреннія части его, отъ болѣе низменныхъ береговъ. Какъ на особенности Балканскаго полуострова Курціусъ указываетъ еще на то 1), что восточный берегъ имѣетъ гораздо больше гаваней, чѣмъ западный, вслѣдствіе чего и жизнь является болѣе развитой на восточномъ, именно юговосточномъ берегу. Онъ говоритъ слѣдующее: „Всѣ западно-греческія земли отдѣлены посредствомъ цѣпи высокихъ горъ, тянущихся большой дугой отъ Адріатическаго къ Черному морю, отъ всѣхъ земель, принадлежащихъ къ дунайскому бассейну и развивающихся, тяготѣя къ югу, какъ отдѣльный міръ, повинующійся собственнымъ законамъ. Оракійскій Гемусъ со своимъ непроходимымъ хребтомъ образуетъ по направленію къ дунайскимъ землямъ неприступную естественную границу, препятствующую установленію международныхъ сношеній, между тѣмъ, какъ со стороны Азіи доступъ легкій и открытый. Точно также въ развитіи

Шуров

всей южной части страны, лежащей между Адріатическимъ и Эгейскимъ морями, можно подмѣтить тотъ основной законъ, что всѣ преимущества находятся всегда на восточной азіатской сторонѣ, т. е. что всѣ земли, лежащія на этой сторонѣ, особенно благопріятно организованы для правильной государственной жизни и благодаря своимъ многочисленнымъ гаваніямъ, въ особенности призваны къ морскимъ сношеніямъ." Второе на то, что указываетъ Курціусъ, повтореніе того же устройства поверхности во Ѳракіи и Македоніи. „Своими берегами, говоритъ онъ, подобными по очертаніямъ на берега Греціи, Македонія и Ѳракія связаны съ греческимъ міромъ, между тѣмъ, какъ внутренняя ихъ организація совершенно отлична отъ собственно эллинской. Это горныя страны, гдѣ народъ отрѣзанъ отъ моря и какъ бы заключенъ въ замкнутыя кругообразныя долины." Третья особенность, указанная Курціусомъ, заключается въ крайнемъ разнообразіи частей Греціи. Въ этомъ разнообразіи многіе видятъ причину того, что Греція не составляла никогда одного политическаго цѣлаго. Дѣлались не разъ попытки объединить греческія государства, но

тѣмъ

попытки эти всегда оставались неудачными. Самый греческій материкъ состоялъ какъ-бы изъ отдѣльныхъ кантоновъ, ограниченныхъ горами; каждый изъ кантоновъ представлялъ какую нибудь страну. У Курціуса, по поводу этого мы находимъ слѣдующее замѣчаніе: „Въ Азіи громадныя пространства земли имѣютъ часто одну общую исторію. Одинъ народъ возвышается надъ цѣлой массой другихъ и исторія всегда говоритъ объ испытаніяхъ, поражающихъ безразлично громадныя полосы земли съ милліонами жителей. Противъ подобнаго хода исторіи возстаетъ каждый клочокъ греческой земли. Здѣсь развѣтвленіе горныхъ хребтовъ образовало цѣлый рядъ кантоновъ, изъ кот. каждый какъ будто предназначенъ къ самостоятельности и имѣетъ право на нее. Въ необъятныхъ равнинахъ жители отдѣльныхъ общинъ не думаютъ защищать свои права и свое добро противъ превосходящихъ ихъ силами массъ войска; они переносятъ то, что ниспослано небомъ, и кто изъ нихъ уцѣлѣетъ, тотъ безропотно строитъ себѣ новую хижину около развалинъ старой. Тамъ же, гдѣ поля, трудно обрабатываемыя, опоясаны горами съ высокими гребнями и

сав-

узкими проходами, кот. могутъ быть защищены немногими противъ массы, такъ вмѣстѣ съ этими средствами къ оборонѣ, человѣку ученія и рѣшимость употреблять въ дѣло оружіе. Не одна только политическая самостоятельность, но и все разнообразіе въ развитіи, нравахъ и языкѣ, отличающее древнюю Грецію, немыслимо безъ многосложнаго разнообразія самой страны, ибо, если бы не было отдѣляющихъ одну мѣстность отъ другой горныхъ хребтовъ, то различія между составными частями народонаселенія сгладились бы съ раннихъ поръ. Это географическое положеніе объясняетъ намъ отчасти причину сильнаго сопротивленія Грековъ Персамъ. Это конечно не было единственной причиной того сильнаго сопротивленія, которое Персамъ было оказано. Кромѣ его имѣло еще конечно большое значеніе то обстоятельство, что Персы подчиняли различныхъ народовъ въ эпоху, когда тѣ уже отживали свою историческую жизнь, тогда какъ Греки достигли въ это время наибольшаго развитія своихъ силъ. Описаніе географіи Греціи, кромѣ Курціуса, мы находимъ у Тэна въ его небольшой книжкѣ „Философія искусства въ Греціи". Тэнъ обратилъ главное вниманіе

на-то, что Бокль называетъ общимъ устройствомъ страны; онъ обратилъ вниманіе на прозрачность воздуха, дающую массу свѣта, благодаря которой греческіе ландшафты отличаются не величіемъ, а необыкновенною красотой.

Одними географическими условіями мы конечно не можемъ объяснять себѣ всей исторіи Греціи, мы должны принять во вниманіе еще самый народъ, степень его одаренности. Греческій народъ принадлежитъ къ наиболѣе одареннымъ; эта одаренность заключается не только въ физическомъ совершенствѣ, но и въ красотѣ, не только въ способности греческаго народа, но и въ его превосходствѣ передъ другими націями. На эту сторону обращали вниманіе многіе историки, такъ что это сдѣлалось даже общимъ мѣстомъ. Не упоминая о мнѣніяхъ другихъ историковъ, приведемъ только нѣсколько словъ изъ „Исторіи Курціуса“: Тѣлесное сложеніе эллиновъ можно узнать изъ произведеній ихъ искусства, которое возникнувъ въ народѣ, могло только изъ самаго народа почерпнуть своеобразное воззрѣніе на формы человѣка. Аполлонъ и Гермесъ, Ахиллесъ и Тезей, какими они представляются

[illegible]

нашему взору въ каменныхъ и бронзовыхъ изваяніяхъ или въ живописи - ничто иное, какъ просвѣтленные Греки, а благородная гармонія всѣхъ частей тѣла, мягкость и простота очертаній лица, большіе глаза, низкій лобъ, прямой носъ, тонко очерченный ротъ, принадлежали самому народу и были его отличительными признаками. Черепа, найденные въ греческихъ гробницахъ, также отличаются тонкимъ соразмѣрнымъ строеніемъ. Соразмѣрность - характерный признакъ физической природы Грековъ. Ростъ ихъ былъ рѣдко выше средняго. Также рѣдкостью было слишкомъ мясистое, жирное тѣло. Они болѣе другихъ смертныхъ были избавлены отъ всего, что замедляетъ и затрудняетъ умственное движеніе. Не подвергаясь тѣмъ же опасностямъ, они пользовались наравнѣ съ счастливыми обитателями юга всѣми разнообразными преимуществами климата, раннимъ и не подверженнымъ столькимъ опасностямъ тѣлеснымъ развитіемъ; болѣе легкимъ переходомъ отъ дѣтства къ возмужалости. Близость къ природѣ, кот. они могли предаваться безмятежнѣе и непосредственнѣе, чѣмъ дѣти сѣвера, болѣе свободная жизнь на открытомъ воздухѣ подъ луча-

ми солнца, укрѣпляли ихъ мышцы и дѣлали ихъ
здоровыми, придавали эластичность ихъ членамъ,
зоркость глазу; весь организмъ достигалъ (более) свобод-
наго развитія. Окруженные со всѣхъ сторонъ о-
вѣжающимъ морскимъ воздухомъ, Греки имѣ-
ли передъ всѣми народами, жившими съ ни-
ми подъ одной широтой, преимущество физи-
ческаго здоровья и красоты формъ. Казалось, что
тѣ изъ нихъ, которые имѣли отъ природы бо-
лѣзненное или искалеченное тѣло, должны были
по справедливости быть менѣе требовательны
и оставаться позади другихъ на пути къ поче-
стямъ. Изящное строеніе тѣла считалось
естественнымъ выраженіемъ здороваго и
правильно развитаго духа и ничто такъ не
удивляло Грековъ, какъ то, что въ такой небла-
годарной формѣ, какой отличался черепъ Сокра-
та, обиталъ духъ, стремящійся къ божествен-
ному. Какъ у другихъ народовъ красота, такъ
у Грековъ отсутствіе (ея) было исключеніемъ изъ
правила. Потому-то никогда ни одинъ на-
родъ не отдѣлялся отъ другихъ народовъ бо-
лѣе опредѣленно и рѣзко и не держалъ себя
въ отношеніи ихъ столь горделиво какъ Элли-
ны. Тѣлесныя формы были выраженіемъ ду-
ховнаго міра. Природная любовь къ свободѣ

[illegible]

и самостоятельности, живое сознаніе человѣческаго достоинства сказывались и въ статности осанки, отличавшей Эллиновъ отъ варваровъ, и какъ бы предопредѣлявшей однихъ къ господству, другихъ къ повиновенію." Я не видалъ никогда головы раба, обращенной кверху, говорится въ изреченіяхъ Ѳеогнида, и самъ Аристотель былъ того же мнѣнія, что иноземные народы вообще имѣли отъ природы болѣе рабскій характеръ, чѣмъ Эллины; азіатскіе варвары — болѣе чѣмъ варвары Европейскаго материка. Съ любовью къ свободѣ связана идеальная черта, проходящая черезъ весь характеръ Эллиновъ и выразившаяся въ любви къ искусству: неутомимая любознательность, удовольствіе, находимое ими въ дѣятельномъ творчествѣ и въ упражненіи всѣхъ духовныхъ и физическихъ силъ, общая всѣмъ бодрость и трудолюбіе, которыя даже у народовъ живущихъ въ сѣверной Греціи, поражали того, кто приходилъ къ нимъ изъ Азіи."

Такова характеристика древнихъ Грековъ; въ ней мы находимъ конечно много преувеличеній; но во всякомъ случаѣ она возникла на реальной почвѣ: Греческій народъ относится къ арійскому или индоевропейскому племени,

и представляютъ ближайшее родственное племя населявшимъ соседний Апенинскій полуостровъ, Италіотамъ. Ни Греки, ни Италіоты не составляли Автохтоновъ; а были пришельцами. Родиной ихъ, какъ и всего арійскаго племени, были Азія. Когда переселились они оттуда, мы не можемъ судить, не можемъ судить и о томъ, какимъ путемъ совершилось это переселеніе. Нѣкоторые, напр. Дункеръ и Генъ (Hehn) предполагаютъ, что они переселились черезъ сѣверную часть балканскаго полуострова. Курціусъ говоритъ, что Доряне пришли на югъ изъ ѳессалійскихъ горныхъ хребтовъ; Іоняне же совершили свой переходъ черезъ море; причемъ большая часть ихъ поселилась по берегамъ Малой Азіи и островамъ, лежащимъ между Малоазійскимъ полуостровомъ и Балканскимъ. Въ Малой Азіи, Іоняне, по мнѣнію Курціуса, образовали свои государства. Въ этомъ отношеніи Курціусъ не сходится съ остальными учеными, которые Малую Азію считаютъ за колонію Аттики. Фригійцевъ, Курціусъ считаетъ какъ бы звѣномъ связывающимъ Грековъ съ коренными народами Азіи. Господствующее мнѣніе въ наукѣ расходится съ мнѣніемъ Курціуса.

Кузлов

Сами Греки называли себя Эллинами; названіе же, которое мы имъ придаемъ, принадлежало вначалѣ одному племени. Это было первое племя съ которымъ встрѣтились Римляне, оно называлось Граики. Подобный фактъ распространенія имени одного племени на цѣлый народъ мы встрѣчаемъ нерѣдко. Французы называли всѣхъ Германцевъ Allemand, тогда какъ это было имя только одного Германскаго племени. Греки, какъ мы уже говорили были пришельцами; имъ предшествовали Пелазги, которымъ и приписывали первоначальную работу надъ страной. Происхожденіе Пелазговъ не разслѣдовано; нѣкоторые предполагаютъ, что Пелазги не одного происхожденія съ Греками, другіе же думаютъ, что Пелазги-тѣ же Греки, только на первой ступени развитія. Өукидидъ, у котораго всего яснѣе сказалось историческое сознаніе Эллиновъ, считаетъ Эллиновъ и Пелазговъ за одинъ народъ. Геродотъ считаетъ племя Эллиновъ вѣтвью лишь постепенно отдѣлившейся отъ общей народной массы Пелазговъ. Подобное заключеніе, по словамъ Курціуса, невозможно, потому что совершенно новая жизненная струя видимо исходитъ отъ Эллиновъ. Эллины и его

[illegible]

сыновья даютъ всему толчекъ и приводятъ все въ движеніе. Отъ его сыновей по преданію Грековъ: Эола, Ксута и Дора происходятъ всѣ греческія племена: Эоляне отъ Эола, Доряне отъ Дора, Іоняне и Ахеяне отъ Іона и Ахея — сыновей Ксута. Само собою разумѣется, что весь этотъ разсказъ является миѳомъ, возникшимъ изъ желанія указать родство греческихъ племенъ. Въ древнихъ извѣстіяхъ всѣ Греки носили имя Ахеянъ; на основаніи этого нѣкоторые ученые высказываютъ предположеніе, что первоначально между Греками господствовало племя Ахеянъ, имъ и приписываютъ созданіе циклопическихъ построекъ изъ громадныхъ неотесанныхъ камней. Предполагаютъ тоже, что Ахеяне создали нѣсколько могущественныхъ царствъ, главнымъ изъ которыхъ былъ городъ Микены, гдѣ сохранились такъ называемыя львиныя ворота. Ко времени господства Ахеянъ относятъ походъ Аргонавтовъ, походъ семи противъ Ѳивъ, Троянскія войны. Какое изъ этихъ событій представляетъ дѣйствительный фактъ и какое легенду, отличить очень трудно. Нѣкоторые видятъ въ этихъ разсказахъ чуть ли не всецѣло миѳы, другіе же во всемъ историческіе

Соб.

факты. Чтобы придти къ какому нибудь рѣшительному отвѣту, необходимо было бы разсмотрѣть эти событія весьма подробно. Вѣрно то, что на мѣстѣ, гдѣ по преданію былъ городъ Троя, одинъ археологъ Шлиманъ открылъ развалины; это заставляетъ убѣждаться въ вѣроятности Троянской войны.

Оставляя въ сторонѣ вопросы о происхожденіи Пелазговъ, о существованіи похода Аргонавтовъ, похода семи противъ Өивъ, мы пойдемъ дальше. На древнее населеніе Эллады со временъ очень отдаленныхъ оказывали большое вліяніе народы Востока. Финикіяне не обошли Эллады въ своихъ сношеніяхъ съ разными народами и уступили впослѣдствіи имъ, свое господство надъ моремъ. Доказательствомъ Финикійскаго вліянія можетъ служить то обстоятельство, что Финикіяне имѣли свои поселенія въ Греціи, изъ которыхъ впослѣдствіи были вытѣснены. Затѣмъ Геродотъ начинаетъ исторію Греціи съ разсказа о томъ, какъ Финикіяне похищали греческихъ дѣвушекъ; значитъ, такимъ образомъ, исторію Греціи онъ ставитъ въ связи съ Финикіянами. Нѣкоторые памятники свидѣтельствуютъ о томъ, что многія греческія религіозныя воззрѣнія бы-

Лит. В. Комарова Невск. пр. 136-138.

ми заимствованы отъ Финикіянъ; часть ми-ѳовъ была также финикійскаго происхожденія. Къ числу сказаній слѣдуетъ отнести сказаніе о финикіянинѣ Кадмѣ, считавшимся основателемъ Ѳивъ. Къ числу заимствованныхъ культовъ, слѣдуетъ отнести культъ Геракла и культъ богини Афродиты. У Грековъ сохранилось извѣстіе, что распространенію культа этихъ божествъ, во многихъ мѣстахъ оказывало сопротивленіе. Ясно значитъ, что культы эти были заимствованы. Далѣе, въ жертву этимъ божествамъ приносили виноградъ, маслину, гранаты, пальмы и другія растенія, свойственныя востоку.

Вліяніе Востока на Грецію распространялось черезъ Финикію, но въ весьма раннюю эпоху Греки и сами стали посѣщать чужеземныя страны, какъ воители, и какъ торговцы. Такъ напримѣръ они въ союзѣ съ другими народами дѣлали нападеніе на Египетъ. На египетскихъ памятникахъ встрѣчается названіе враждебнаго Египтянамъ народа Акайюаша или въ переводѣ Ахеянъ. Въ болѣе позднія времена, какъ было уже упомянуто, Греки являлись на службѣ у египетскихъ фараоновъ. Вся эта эпоха считается за время наиболѣе, такъ сказать доисторическое, ее относятъ за болѣе чѣмъ тысячелѣтіе до Р. Х. и думаютъ, наиболѣе достовѣрная эпо-

ха начинается съ вторженія Дорянъ въ Пелопонесъ и того переселенія народовъ, которое произошло вслѣдъ за этимъ. Греки въ своемъ преданіи это событіе связываютъ съ возвращеніемъ потомковъ Геракла. Это великое переселеніе народовъ повлекло разрушеніе Ахейскаго царства; съ этого времени начинается уже историческая эпоха. Но и здѣсь еще мы находимъ много такихъ преданій и извѣстій, которыя вызываютъ сомнѣніе. Пельманъ высказываетъ, что многое изъ того, что мы считаемъ достовѣрнымъ, на самомъ дѣлѣ приходится отнести къ области вымысла; онъ говоритъ слѣдующее:

„Мы думаемъ, что заимствовать изъ эпоса досель еще примѣняемымъ способомъ критеріи для оцѣнки этнографическаго и политическаго положенія этой отдаленной эпохи, значитъ совсѣмъ не понимать природы эпической поэзіи, на которой главнымъ образомъ основывается легендарная исторія. Употребленіе у Гомера имени Ахеевъ, также мало оправдываетъ ходячее заключеніе о распространеніи ахейскаго населенія въ дорійскомъ Пелопонесѣ, какъ эпическое царство Пелопидовъ въ Микенахъ и Аргосѣ доказываетъ историческое су-

Чирков

шествованіе додорійскаго государства въ родѣ царства Агамемнона, въ составъ котораго долженъ былъ входить не только весь полуостровъ, но и отдаленные и крупные острова Эгейскаго моря.

Та Греція, въ которой дѣйствуютъ герои Иліады и Одиссеи во всѣхъ существенныхъ чертахъ, какъ этнографическихъ, такъ и политическихъ, представляетъ картину отношеній, созданныхъ великими передвиженіями племенъ, особенно дорійскимъ вторженіемъ. „Ахейскій" Аргосъ, какъ и весь міръ „героическихъ" государствъ, представляется намъ чистымъ созданіемъ фантазіи, и смотря на массу мнимаго преданія, нагроможденную генеалогической работой и лжеисторическимъ умствованіемъ. Прообразомъ Гомеровскаго Аргоса послужилъ какъ разъ Аргосъ дорійскій, въ самомъ началѣ достовѣрной эллинской исторіи выступающій передъ нами какъ самое могущественное государство въ Пелопоннесѣ.

Какъ на документальныя въ извѣстной степени доказательства историчности традиціоннаго, изъ эпоса взятаго представленія о дорійскихъ государствахъ, указываютъ на величавые уцѣлѣвшіе еще памятники додо-

[illegible]

рической эпохи—на стены Тиринфа и открытый тамъ Шлиманомъ дворецъ, на кремль въ Микенахъ, на сводчатыя гробницы въ Орхоменѣ, Микенахъ, Лаконіи и близъ Аргоса, въ связи съ богатыми находками въ гробницахъ за Львиными воротами и у Спаты и Менидu въ Аттикѣ.

Но хотя памятники эти и указываютъ на существованіе сильнаго и располагавшаго значительными средствами княжья, а также и богатой аристократіи, тѣмъ не менѣе мы не находимъ въ нихъ никакихъ доказательствъ историчности обширныхъ политическихъ тѣлъ, какія въ духѣ легендарной исторіи были допущены для дорійской эпохи."

Дѣйствительно въ тѣхъ произведеніяхъ, кот. основываются на поэтическихъ преданіяхъ, строятъ самыя различныя предположенія. Совершенно аналогично было бы, если бъ кто-нибудь изъ ученыхъ вздумалъ на основаніи нашихъ поэтическихъ преданій, былинъ составлять русскую исторію. Какъ всѣ событія той отдаленной эпохи, переселеніе Дорянъ, мы можемъ представить одно лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Доряне, изъ сѣверныхъ

Вейсманъ

областей Греціи должны были передвинуться въ южныя; здѣсь они отчасти вытѣснили, отчасти покорили Ахеянъ; та часть Ахеянъ, которая не была покорена Дорянами, заняла сѣверную часть Пелопонесса и образовала тамъ область Ахаію; Іоняне же жившіе раньше въ сѣверной части Пелопонесса, поселились въ Аттикѣ, на берегахъ Эгейского моря и начали колонизацію. Доряне подчинили греческое населеніе тѣхъ областей, которыя они завоевали и обратили его въ крѣпостныхъ и рабовъ. Къ этому времени значитъ нужно отнести и образованіе рабства и начало колонизаціи. Развитіе колонизаціи относится къ началу VIII-го вѣка. Къ этой же эпохѣ, т. е. VIII вѣку, нужно отнести и внутренніе перевороты, къ которымъ между прочимъ слѣдуетъ причислить и уничтоженіе царской власти. Съ VII вѣка всѣ эти племена принимаютъ имя Эллиновъ и выступаютъ какъ одинъ народъ. Съ VI вѣка начинается уже болѣе достовѣрная исторія въ жизни греческаго народа. Правда существуютъ и до этого времени хронологическія даты, но онѣ въ большинствѣ случаевъ недостовѣрны и относятся одинъ отъ

Невѣдомъ

другаго на весьма продолжительныя времена. Такъ первое хронологическое указаніе относится къ 1104 г. до Р.Х., вторженіе Дорянъ въ Пелопонесъ; слѣдующее указаніе относится къ 860 г., правленіе Ликурга и устройство въ Спартѣ политическаго и общественнаго быта. Исторія Ликурга, какъ она передается въ греческихъ источникахъ относится къ области вымысла. Далѣе хронологическія указанія относятся къ слѣдующимъ годамъ: 810 г., возобновленіе Олимпійскихъ игръ; при этомъ очень можетъ быть, что Олимпійскія игры возникли въ это время, а совсѣмъ это не было годомъ ихъ возобновленія. Первая Олимпіада - 776 г., съ этого времени мы имѣемъ уже болѣе достовѣрныя свѣдѣнія. 762 г. - архонтъ избирается на 10 лѣтъ. 730 г. - первая Мессенская война; 650 г. - вторая Мессенская война. Какъ первая, такъ и вторая Мессенскія войны стоятъ все-таки на рубежѣ легенды и исторіи. 683 г. - появленіе девяти архонтовъ вмѣсто одного. 621 г. - законы Дракона. 594 г. - законодательство Солона и начало болѣе достовѣрной исторіи. Изъ этого перечисленія можно видѣть, какіе громадные промежутки отдѣляли одно указаніе отъ другаго и какъ

самыя указанія часто были невѣрны. Изучая лишь достовѣрные факты, мы должны бы были начать греческую исторію съ VI или VIII вѣка, если бы у насъ не было особаго способа, посредствомъ котораго возможно представить древній бытъ не въ смыслѣ фактовъ, а въ смыслѣ общей исторической картины. Возстановленіе греческой исторіи въ древнѣйшую эпоху въ смыслѣ возстановленія событій невозможно, но возстановленіе общей картины исторической жизни Грековъ вполнѣ возможно. Данными для этого могутъ служить 1) Языкъ. Роль, которую играетъ лексическое изслѣдованіе языка, была уже указана. 2) Вѣрованія и обряды. Многіе обряды весьма древняго происхожденія и такъ какъ первоначально они имѣли основаніемъ какое-либо вѣрованіе, то при помощи ихъ мы можемъ хорошо ознакомиться съ религіозными вѣрованіями древнихъ народовъ. 3) Такъ наз. переживанія, т. е. факты, являющіеся остатками быте глубокой старины, съ которой на основаніи ихъ мы и можемъ знакомиться. 4). Зная объ учрежденіяхъ одного народа въ древнѣйшую пору существованія, мы можемъ заключать о дру-

гихъ

гомъ, исходя изъ того предположенія, что первоначальныя учрежденія у всѣхъ народовъ были одинаковы.

На основаніи всего этого является возможнымъ представить древній бытъ Грековъ. Руководствомъ будетъ служить Fustel de Coulanges, написавшій „La cité antique." Теорія Fustel de Coulanges, выясненная въ этомъ сочиненіи исходнымъ пунктомъ своимъ имѣетъ слѣдующее: въ древности религія и политика были гораздо тѣснѣе связаны, чѣмъ впослѣдствіи; почему у древнихъ народовъ, въ частности у Грековъ и Римлянъ, мы не наблюдаемъ раздѣленія политики и религіи. Основываясь на этомъ воззрѣніи Fustel de Coulanges излагаетъ то общественное устройство, которое характеризуетъ древній бытъ.

Древній бытъ.
(Теорія Фюстель де Куланжа.)

I. Семейныя отношенія. Въ раннюю жизнь народовъ семейная жизнь преобладала надъ другими отношеніями. При первобытной разрозненности, человѣкъ ищетъ точки опоры среди ближайшихъ родственниковъ.

ников, которые вмѣстѣ взятые составляютъ семью. Но первобытная семья не представляла собой такой малой единицы, какою мы ее видимъ въ теперешнее цивилизованное время; подъ древнею семьею надо разумѣть не только отца съ дѣтьми, но и дѣда съ внуками и т. д. Такая семья все больше и больше разростаясь постепенно переходитъ въ родъ, члены котораго живутъ вмѣстѣ и подчиняются во всемъ старшему, главѣ рода; мало того даже со смертью главы родъ не прекращаетъ своего существованія, ибо въ такихъ случаяхъ мѣсто прежняго начальника занимаетъ старшій въ родѣ или лицо избранное для этой цѣли.—

Въ семейномъ устройствѣ Грековъ и Римлянъ, мы замѣчаемъ большое сходство.— Народъ, какъ у Грековъ, такъ и у Римлянъ дѣлился на роды, которые носили общее обоимъ народамъ названіе — γένος и gens; дѣленіе это, значитъ возникло еще до времени ихъ разлученія и указываетъ на общее происхожденіе этихъ націй. Такое родовое устройство легло въ основаніе политическаго и повседневнаго быта Грековъ и Римлянъ.— Такъ, имя „nomen" у Римлянъ принадлежало не

не роду

никому нибудь отдѣльному лицу, а составляло имя цѣлаго рода; если напр. возьмемъ названіе — Publius Cornelius Scipio — то это надо понимать слѣд. образомъ: Publius — относилось къ одному лицу и называлось — praenomen — Cornelius — принадлежало цѣлому роду, т. е. дѣду, братьямъ, сыновьямъ и т. д. и это было собственно — nomen; Scipio представляло собою — agnomen — и служило простою приставкою. И у Грековъ и у Римлянъ родъ велъ свое начало отъ общаго родоначальника и, что самое важное, вполнѣ сознавалъ свое общее происхожденіе. Размѣръ родовъ, носящихъ общее имя — достигалъ иногда до громаднаго числа членовъ; такъ извѣстно, что въ Римѣ родъ Фабіевъ, хотя впрочемъ это явленіе исключительное, достигъ до 5000 — человѣкъ. Иногда имена этихъ родоначальниковъ были чисто фиктивны, но во всякомъ случаѣ имена родовъ часто обозначались по имени родоначальника: такъ напр. родъ Клавдіевъ выводился отъ имени Клавза (Clausus), такъ что — Claudius — значитъ — Клавзовичъ. —

Отдѣльные роды послужили образцомъ для составленія въ Греціи фратрій, тор-

дственныхъ съ такимъ же учрежденіемъ у Римлянъ — куріи, (сокращ. coиvіria), которыя имѣли своихъ родоначальниковъ. — Дальше въ Греціи нѣсколько фратрій составляли филу, а въ Римѣ нѣсколько курій — трибу. И тутъ тоже было сознаніе объ общемъ родоначальникѣ, и поэтому какъ филѣ, такъ и трибѣ, каждой давалось общее названіе. Къ исторіи какого бы государства Греціи мы не обратились, вездѣ находимъ то же самое дѣленіе; такъ, все населеніе Аѳинъ напр. дѣлилось на 4 филы дѣлящіяся въ свою очередь каждая на 3 фратріи; въ Римѣ видимъ тоже самое 3 трибы, раздѣленныя каждая на 10 курій, а тѣ на 10 декурій или родовъ, которыхъ было 300, а представители каждаго изъ нихъ, собираясь, составляли сенатъ въ 300 человѣкъ.

Каждая изъ упомянутыхъ формъ общественной жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ представляла собою отдѣльный союзъ религіозный, имѣвшій свой особый культъ, въ основаніи котораго лежала семейная религія. Мы и переходимъ къ ея разсмотрѣнію.

Семейная религія Грековъ и Римлянъ имѣла два предмета обожанія: 1) почита-

ніе предковъ родоначальниковъ. 2/ домашній очагъ, устройство котораго необходимо было у Грековъ и Римлянъ не только какъ культа, но и какъ мѣста приношенія жертвъ. Разсмотримъ это ближе.

1. Какимъ образомъ возникъ культъ предковъ? Распространено повсемѣстно представленіе, будто Греки и Римляне вѣрили въ загробную жизнь души въ подземномъ царствѣ. (Тартаръ, Елисейскія поля) Это однако на первыхъ порахъ во всемъ отсутствуетъ и появляется только гораздо позже. Въ началѣ Греки и Римляне представляли себѣ, что душа послѣ смерти не оставляетъ тѣла, и сопровождаетъ его въ гробъ, гдѣ ведетъ такую же матеріальную жизнь, какъ это было на землѣ. На этомъ основаніи они приготовляли для мертвецовъ кушанья, предполагая, что душа все это кушаетъ. Впрочемъ это вѣрованіе было общее всѣмъ Индо-Европейскимъ народамъ, такъ напр. славянскія тризны имѣли совершенно такое же значеніе. Мертвецы, зарытые въ кургахъ и мѣстахъ считались святыми и имѣли разныя торжественныя названія: демоны и герои у Грековъ и геніи, лары, маны и др. у Рим-

лянъ. На каждомъ членѣ семейства лежала обязанность почитанія мертвыхъ, что фактически выражалось въ точномъ приношеніи яствъ умершему, и поэтому сынъ, не приносившій кушанья отцу, считался мучившимъ его голодомъ и былъ по общественному мнѣнію нечестивымъ. – 2. Что касается второго предмета домашняго очага, то уже сама важность огня, к. удовлетвореніе ежедневной потребности, не подлежитъ сомнѣнію. Если мы поэтому обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что первобытному человѣку былъ извѣстенъ исключительно одинъ способъ добыванія огня, чрезъ треніе двухъ кусковъ дерева, то для насъ станетъ понятно, почему они старались поддерживать разъ разведенный огонь и почему возводили его въ санъ божества. Индусы чтили его подъ тѣмъ же названіемъ – именно „Агни". Притомъ олицетворенный огонь по понятіямъ древнихъ необходимо надо было питать, ибо наблюдая усиленіе его при вбрасываніи туда жирныхъ и горючихъ веществъ, думали, что божество питается въ самомъ дѣлѣ. Поэтому Греки, Римляне и Индусы садясь за трапезу, часть кушанья бросали

очагъ; по той же причинѣ они совершали и возліянія. Вслѣдствіе такой необходимости огня, главамъ семейства вмѣнялось въ обязанность поддерживать его до тѣхъ поръ пока оставалось хоть одно лицо въ живыхъ, могущее почитать мертвыхъ предковъ. Поэтому то слова „угасшій очагъ" у древнихъ обозначали, что вся семья вымерла. У Грековъ и Римлянъ домашній очагъ былъ обоготворенъ подъ именемъ „Гестіи" и „Весты", названія, которыя происходятъ отъ одного корня съ Санскритскимъ словомъ „vastia", что значитъ домъ. У Римлянъ былъ даже очагъ общій для цѣлаго города и назывался Храмомъ Весты, гдѣ была коллегія жрицъ, обязанныхъ поддерживать вѣчный огонь.—

Оба эти культа, т. е. почитаніе умершихъ и домашняго очага сливались съ собой до такой степени, что призывая предковъ, древніе вмѣстѣ съ тѣмъ всегда имѣли въ виду и домашній очагъ. Связь эту лучше всего доказываетъ греческое слово эфестіои (= эпи+Гестія), которое обозначало домашнихъ боговъ. Понятно поэтому, почему каждая семья у древнихъ народовъ, почитая только своихъ умершихъ предковъ, имѣла и своеоб-

Курлов

разный, различный отъ другихъ культъ. На близайшую связь понятія о божествѣ съ культомъ предковъ и даже полнаго отождествленія обоихъ этихъ представленій, указываетъ названіе дѣйствій, совершаемыхъ при почитаніи предковъ; у Грековъ это называлось патріадзеинъ — отчитъ — а у Римлянъ — parentare — родительничать. — Такого рода религія благопріятствовала тѣснѣйшей связи между членами рода, которая переносилась древними даже въ загробную жизнь, часто родъ имѣлъ свою особую гробницу, куда хоронились всѣ его умершіе члены. Этотъ обычай не былъ лишенъ нѣкотораго практическаго значенія; такъ ораторы, желая въ тяжбахъ доказать родство между кліентами и давно уже умершими, указывали, что отецъ истца покоился въ такой-то гробницѣ, слѣд. и самъ онъ принадлежитъ къ тому же роду. Такъ какъ обязанностью членовъ семейства и рода считалось приношеніе яствъ умершимъ, то на ихъ могилахъ были устраиваемы трапезы.

Принимая все это во вниманіе, намъ будетъ понятно выраженіе древнихъ: „suo quisque ritu sacrificat" (Всякій пусть совершаетъ

обряды по своему.)

Такъ какъ всѣ эти обряды переходили отъ отца къ сыну, то является вопросъ, были ли средства, способствовавшія распространенію культа какого либо рода внѣ его предѣловъ? Могъ ли человѣкъ, стоящій внѣ рода пріобщиться его культу? Мы видимъ, что такое распространеніе возможно было только путемъ размноженія семьи. У древнихъ выработалось представленіе, что только сынъ поддерживаетъ культъ отцовъ и онъ только былъ дѣйствительнымъ членомъ семьи, а дочь не пользовалась въ этомъ отношеніи никакимъ значеніемъ. Все это доказываетъ, что одно рожденіе не играло никакой роли въ организаціи семьи. Дочь, выходя замужъ, уже не считалась больше членомъ прежней семьи, а обязана была принимать вѣрованія семьи своего мужа. Сынъ могъ тоже посредствомъ эманципаціи отдѣлиться отъ семьи, но онъ въ такомъ случаѣ переставалъ быть сыномъ своего отца и въ глазахъ обычая разрывалось всякое родство между ними. И обратно: если нуждаясь въ наслѣдникѣ, кто либо усыновлялъ лицо стоящее внѣ семьи, несвязанное никакимъ сте—

Лит. В. Комарова Кiевъ. пр. 136-133.

Вязесе

ственнымъ съ нею родствомъ, что и называлось у Римлянъ arrogatio, то такъ какъ эта аррогація была сопряжена съ извѣстнаго рода религіозными обрядами, пріобщавшими новое лицо къ данному семейству, человѣкъ этотъ ничѣмъ не разнился въ глазахъ общества отъ дѣйствительнаго роднаго сына. Но для того, чтобы сынъ могъ поддерживать огонь домашняго очага, необходимо требовалось, чтобы онъ былъ рожденъ изъ религіознаго брака. Бракъ такой у Грековъ и Римлянъ состоялъ изъ трехъ частей: 1) Невѣста отрекалась отъ почитанія вѣры отца, который отдавалъ ее добровольно; 2.) родственники проводили ее изъ дома отца въ домъ жениха и 3) передъ домашнимъ очагомъ новаго дома совершался обрядъ, пріобщавшій ее домашнему культу мужа. Для насъ потому понятны такія выраженія, какъ: nuptiae sunt divini ac humani juris communicatio, — или римское опредѣленіе жены: uxor est socia humanae rei atque divinae. Такъ какъ дѣвушка, выходя замужъ получала какъ бы новую жизнь, то и говорилось — uxor est filiae loco. —

Необходимо теперь разсмотрѣть какъ

Римляне понимали цѣль брака? Такъ кк. нужно было почитать предковъ, то всѣ старанія были устремлены къ тому, чтобы родъ не вымиралъ; безбрачіе поэтому въ общественномъ мнѣніи считалось безчестнымъ и во многихъ мѣстахъ наказывалось закономъ, какъ преступленіе. Во многихъ государствахъ Греціи власти наблюдали, чтобы отдѣльныя семьи не вымирали, въ крайнемъ случаѣ онѣ должны были прибѣгать къ адоптаціи т. е. усыновленію. Главная значитъ цѣль брака была рожденіе дѣтей. Отсюда выраженіе: ducere uxorem liberorum quaerendorum causa. Послѣ рожденія ребенка, считалось необходимымъ, чтобы отецъ призналъ его своимъ сыномъ. Затѣмъ пріобщали ребенка при очагѣ семейному культу. Если жена была безплодна, мужъ былъ въ правѣ развестись съ нею и это даже требовалось отъ него. — Вотъ любопытный примѣръ: Нѣкто Карвилій Руга, страстно любившій свою жену, развелся съ нею только потому, что она была безплодна, и онъ самъ желалъ соблюсти клятву, данную во время бракосочетанія, что онъ взялъ жену для прижитія дѣтей.

Такъ какъ главною цѣлью брака было рожденіе наслѣдника, который могъ бы поддерживать религіозный культъ семьи, то по этой же причинѣ у Грековъ и Римлянъ существовала вышеприведенная адоптація. Замѣчательно, что это усыновленіе было не только юридическимъ актомъ, но и религіознымъ обрядомъ, совершаемымъ при домашнемъ очагѣ; и потому у Римлянъ объ усыновленномъ говорилось, что онъ — sacra transiit, — т. е. оставилъ культъ семейства къ которому прежде принадлежалъ и пріобщился новому. Это отреченіе отъ прежняго культа было сопряжено тоже съ религіознымъ обрядомъ, который назывался: sacrorum detestatio. Кромѣ того необходимо было, чтобы отецъ поступавшаго въ новую семью отрекся отъ правъ на своего сына и это собственно и называлось эмансипаціей. Послѣ этого акта отецъ переставалъ считаться родственникомъ своего родного сына, а сынъ съ этого момента ничѣмъ не былъ связанъ съ роднымъ отцомъ. Видимъ отсюда, что родство основывалось болѣе на религіозности, чѣмъ на естественномъ рожденіи. — Подтвержденіе этого встрѣчаемъ у Платона гдѣ онъ говоритъ:

„родство есть служеніе однимъ и тѣмъ же домашнимъ божествамъ." Родственниками значитъ, могли считаться только тѣ лица, которыя служили одному семейному божеству, но такъ какъ культъ божества могли поддерживать только мужчины, то родство считалось только по мужчинамъ и подъ словомъ agnatio — надо разумѣть исключительно такое родство. Агнатами назывались такія лица, кот. разбирая свою родословную, могли найти въ ней происхожденіе отъ однихъ и тѣхъ же отцовъ, если же при этомъ оказывалось, что происходятъ отъ разныхъ отцовъ, то хотя бы естественно родились отъ одной и той же матери, родственниками не считались. Единоутробные братья не были агнатами, эманципированный сынъ также не былъ агнатомъ своему отцу. Только впослѣдствіи выработалось болѣе гуманное воззрѣніе, по которому родство стали считать и по матери, и такое родство въ отличіе отъ настоящаго называлось — cognatio.

Собственность и наслѣдство.

Эти религіозно-юридическіе взгляды на семейныя отношенія легли и въ основаніе пониманія собственности. Собственность у

римлянъ

Грековъ и Римлянъ была не общинная, а частная, т. е. составляла принадлежность каждой отдѣльной семьи. Это можно видѣть изъ того, что у этихъ народовъ существовали межи, отдѣлявшія участки земли, которые принадлежали одному семейству, отъ тѣхъ же, составлявшихъ собственность другихъ семействъ. Границы эти считались неприкосновенными и на нихъ уставлялись священные камни. На каждомъ участкѣ находились семейныя гробницы, которыхъ нельзя было передвигать, даже при самыхъ важныхъ обстоятельствахъ. Когда пришлось, напр. Риму обхватить стѣною, которая по плану должна была пройти по тому же мѣсту, гдѣ лежавшей гробницы, то стѣну провели надъ гробницей, не разрушивъ послѣдней; или если кто продавалъ въ видѣ исключенія по какимъ либо важнымъ обстоятельствамъ свой участокъ земли, — то гробницы оставались за ним, и онъ имѣлъ право во всякое время посѣщать ее и совершать на ней религіозные обряды. Собственность до того срослась въ представленіи древнихъ съ семействомъ, что сначала запрещено было ее продавать, такъ какъ число семействъ должно было оставаться

всегда одно и то-же. Въ Аѳинахъ только со времени Солона дозволено было продавать свои участки, но притомъ лицо, терявшее свою собственность, переставало считаться гражданиномъ Аѳинъ. Въ Римѣ продажа разсматривалась не только, какъ юридическій, но и какъ религіозный актъ; ибо, какъ мы видѣли, собственность была тѣсно связана съ почитаніемъ предковъ покоившихся въ продаваемомъ участкѣ и притомъ въ этомъ актѣ принимали участіе жрецы. На основаніи той же связи конфискація имѣній въ древнихъ государствахъ допускалась въ тѣхъ только случаяхъ, когда изгоняли совсѣмъ гражданина изъ города. Неприкосновенность участковъ видна тоже въ одномъ изъ законовъ XIIти Таблицъ, по которому должникъ отвѣчалъ передъ заимодавцемъ не своимъ участкомъ, а собственною личностью. Древніе народы не знали сначала тоже духовнаго завѣщанія. Въ Аѳинахъ только Солонъ далъ это право бездѣтнымъ. Въ Римѣ, завѣщаніе было сопряжено съ такими трудностями, что первоначально весьма рѣдко прибѣгали къ нему. Послѣ смерти отца необходимо наслѣдникомъ долженъ быть фактически

сынъ, поэтому юридически назывался haeres necessarius, а всякій разъ, какъ умиравшій отецъ оставлялъ такого наслѣдника Римляне говорили: ipso jure haeres existit. Такъ какъ только сынъ могъ поддерживать религіозный культъ, то дочери устранялись отъ наслѣдства. Въ Греціи дочь никогда не была наслѣдницей отца; въ Римѣ желательно было, но только по естественно выработавшемуся представленію, чтобы дочерей надѣлять извѣстною частью имущества, если, однако дочь выходила замужъ, то она теряла это право собственности. Въ нѣкоторыхъ государствахъ былъ законъ, по которому дочери умершаго главы семейства должны были выходить замужъ за наслѣдника бездѣтнаго покойнаго, не смотря на то, что приходились обыкновенно естественными родственницами его. - Въ Аѳинахъ предписывалось выходить замужъ даже за роднаго брата. Теперь является вопросъ, какъ поступали древніе въ тѣхъ случаяхъ, если глава семейства умиралъ бездѣтнымъ, или если имѣлъ только дочерей? Тогда наслѣдникомъ дѣлался старшій агнатъ, т. е. человѣкъ, имѣвшій общаго съ умершимъ предка. Эманципированный сынъ не могъ сдѣлаться наслѣдни-

комъ, ибо въ такомъ случаѣ онъ исправлялъ бы два культа — чего не допускалось. Вслѣдствіе такой внутренней замкнутости семейства и вслѣдствіе стараній, направленныхъ къ постоянному поддерживанію ихъ существованія, мы видимъ, что число ихъ въ каждомъ городѣ одно и то-же. Это же обстоятельство влекло за собою все большее и большее разростаніе семействъ, причемъ одна семья считалась всегда старшей по отношенію къ другой младшей. Надобно замѣтить, что это старшинство имѣло у древнихъ большую силу.

Potestas patria.

Каждая семья должна была непремѣнно имѣть постоянно своего главу, который въ Римѣ носилъ почетное имя — pater familias; женщины въ томъ отношеніи считались ни во что, и если даже давалось имъ названіе mater familias, то это было не больше, какъ только почетный титулъ, который утрачивался со смертью мужа. — Женщины до смерти мужа были всегда въ опекѣ послѣдняго. Эта зависимость жены отъ мужа выражалась въ Римѣ выраженіемъ: in manu mariti. Особенно замѣчательна зависимость семьи, развившаяся въ Римѣ, гдѣ сынъ, хотя бы имѣлъ взрослыхъ дѣтей, не

могъ образовать отдъльное семейство, между тъмъ — pater familias, не всегда былъ дъйствительно отцомъ въ физическомъ смыслъ. Старшій въ семьъ могъ быть бездътнымъ. Власть и права главы семейства были весьма обширны: онъ былъ прежде всего верховнымъ жрецомъ, отъ котораго зависъло и которому вмънялось въ обязанность соблюденіе религіозныхъ обрядовъ, причемъ остальные члены могли быть только его помощниками при жертвоприношеніи; дальше онъ имълъ право признать или не признать ребенка, родившагося въ его семьъ; могъ развестись съ женой и жениться на другой, по своему собственному усмотрънію. Онъ выдавалъ замужъ дочерей, женилъ сыновей, эманципировалъ и усыновлялъ, назначалъ опекуна жены и дътей. Все имущество семейства считалось его собственностью — и даже если сынъ пріобрълъ въ свою пользу что либо внъ семейства, то это считалось принадлежностью отца. Имълъ онъ также право продавать на извъстное время своего сына въ услуженіе другимъ лицамъ. — Въ Римъ существовало право, по которому сынъ, проданный отцомъ три раза, получалъ послъ этого свободу и дълался личностью вполнъ независи-

Егоровъ

мою. Къ этому прибѣгали впослѣдствіи весьма часто, ради эманципаціи: отецъ желая эманципировать сына, продавалъ его фиктивно три раза и сынъ тогда являлся человѣкомъ sui juris. Отцу семейства принадлежала наконецъ исключительная судебная власть надъ семьею, а онъ въ свою очередь самъ лично отвѣчалъ за всѣ преступленія, совершаемыя членами семьи; кромѣ того эти послѣдніе не могли быть также ни свидѣтелями, ни истцами – во всемъ этомъ ихъ замѣнялъ собою отецъ семейства, но зато его власть въ самой семьѣ почти ничѣмъ не была ограничена: онъ могъ членовъ семьи приговаривать даже къ смерти. За участіе напр. въ вакханаліяхъ, безнравственныхъ обрядахъ, распространившихся въ Римѣ, въ которыхъ принимали участіе женщины, сенатъ самъ не наказывалъ смертью этихъ послѣднихъ, а поручалъ это главамъ семействъ, къ которымъ онѣ принадлежали.

Итакъ, мы видимъ, что семья въ Греціи и Римѣ была весьма исключительна: одна поклонялась однимъ божествамъ, другая инымъ, вслѣдствіе чего можно было принадлежать въ одно и то же время къ одной только изъ нихъ.

Ст—ій

Это соблюдалось до такой степени, что если лица посторонния приближались къ домашнему очагу, то это считалось оскорбленіемъ этого мѣста, поэтому никто чужой не могъ принимать участія въ религіозномъ культѣ данной семьи. Глава семейства молился только за себя и за свою семью. На этой строгости семейныхъ отношеній основана была и семейная нравственность: измѣна считалась самымъ большимъ оскорбленіемъ домашняго очага. Любовь дѣтей по отношенію къ родителямъ и родителей по отношенію къ дѣтямъ, такъ называемая pietas erga parentes и pietas erga liberos, разсматривалась не какъ естественное чувство, а какъ благочестіе, исполненіе религіозной обязанности.

Родовой бытъ.

Семья вела къ образованію болѣе обширнаго союза, называемаго въ Римѣ—gens, а въ Греціи генось. Причемъ подъ родами должно разумѣть значительно расширенную семью. Поэтому здѣсь мы видимъ тѣ же учрежденія, что въ семьѣ: члены рода, происходящіе отъ одного родоначальника имѣли названіе gentiles.— У каждаго рода были свои божества—dii gentiles, а нѣкоторые роды имѣли свои гробницы.

Вмѣстѣ

Отцевой связи родоваго начала съ семейнымъ, можно судить по одному изъ законовъ XII таблицъ, по которому за недостаткомъ агнатa, который могъ бы сдѣлаться наслѣдникомъ, наслѣдовали gentiles. Каждый родъ собиралъ на сходки для обсужденія дѣлъ, и имѣлъ своего главу, бывшаго жрецомъ, судьей и военачальникомъ (На войну древніе выступали по родамъ).

Главы родовъ назывались въ Римѣ patres; ихъ было согласно числу родовъ 300, и они составляли первоначальный римскій сенатъ. Наконецъ къ роду могли принадлежать и посторонніе лица; къ этому разряду принадлежали обыкновенно тѣ люди, которые, обѣднѣвши, должны были поступать въ услугу къ болѣе зажиточнымъ, но отъ нихъ непремѣнно требовалось пріобщаться культу ихъ господъ; они у Грековъ назывались Фетами, а у Римлянъ clientes, они не были рабами, а считались, чѣмъ то, въ родѣ низшихъ членовъ по отношенію къ обществу, куда поступали, на что указываетъ самое названіе по отношенію къ нимъ отца и матери рода: отецъ былъ для нихъ патрономъ, а мать матроной.

Трибы и Куріи.

Изъ родовъ общественное устройство Гре-

ковъ и Римлянъ не останавливалось еще.
Мы видѣли уже, что Греки дѣлились еще на фратріи, а Римляне на куріи; эти учрежденія имѣли отчасти одинъ характеръ. Каждая такая группа составляла какъ бы расширенный родъ. Въ Римѣ куріи имѣли свои народныя собранія, которыя назывались comitia curiata. Группы эти имѣли тоже своихъ представителей — въ Римѣ curiones — въ Греціи фратріархи. Каждая курія имѣла свой религіозный культъ. Затѣмъ нѣсколько курій составляли трибу, а нѣсколько фратрій филу, которыя представляли собою опять расширеніе первыхъ; имѣли свои сходки, свой судъ и своихъ представителей: tribunus (не слѣд. смѣшивать съ tribunus plebis) и филобазилевсъ.—

Въ подтвержденіе всего этого приводимъ устройство трехъ городовъ. Спарта имѣла 3 филы, каждая фила дѣлилась на 10 объ, (такъ наз. въ Спартѣ фратріи), каждая оба на 300 семействъ; всего 9000 семействъ, что видимъ у Плутарха, кот. говоритъ, что Ликургъ раздѣлилъ все имущество на 9000 равныхъ частей и роздалъ ихъ всѣмъ гражданамъ; впрочемъ это количество впослѣдствіи уменьши-

Курлов

лось. Аѳины 4 филы-фила = 3 фратріи, что вмѣстѣ составляло 12 фратрій; здѣсь въ связи съ этимъ дѣйствіемъ стоитъ преданіе, о первоначальномъ бытѣ Аѳинянъ, по которому будто существовало 12 общинъ, которыя Тезей соединилъ въ одинъ аѳинскій народъ, въ честь чего Аѳиняне праздновали Панаѳиней. Римъ имѣлъ 3 трибы, триба-10 курій, курія-10 декурій или всего родовъ-300. Замѣчательно, что каждая триба, нося свое особое названіе, имѣла своего родоначальника; первая называлась Ramnes-это Латины, вторая Tities-Сабины, третья Luceres -вѣроятно латинскаго, а можетъ быть и этрускаго происхожденія. Но какъ возникли изъ фратрій и филъ гражданскія общины -civitates, политейи) это намъ неизвѣстно. Можетъ быть, что это произошло по добровольному соглашенію нѣсколькихъ филъ; можно предполагать тоже, что болѣе сильныя филы подчинили себѣ болѣе слабыя, или, что энергичныя лица, какъ это мы видѣли въ образованіи аѳинскаго народа, заставили ихъ соединиться. Какъ бы то ни было, все же мы видимъ, что и по образованіи гражданской общины каждый изъ этихъ союзовъ со-

хранялъ

хранялъ свой особый культъ и гимнъ на войнѣ своихъ начальниковъ.

Религія гражданской общины.

Религія тоже была особая у каждаго союза. Въ Греціи кромѣ родовыхъ боговъ, которые назывались отчіе боги, что соотвѣтствовало римскимъ — dii gentiles, были еще боги фратріальные — у Римлянъ куріальные — dii curiales; и затѣмъ еще филіальные. Города тоже имѣли своихъ боговъ: у Грековъ городской богъ, у Римлянъ — penates publici (въ отличіе отъ простого penates — домашніе боги). Кромѣ того, каждая община имѣла свой алтарь, который у Грековъ назывался — пританей, у Римлянъ какъ мы видѣли такимъ учрежденіемъ былъ храмъ Весты. Въ чемъ же заключался этотъ общій культъ? 1. Мы замѣчаемъ, что городской культъ былъ сколкомъ семейныхъ религіозныхъ воззрѣній. Въ каждомъ городѣ граждане сходились въ извѣстное мѣсто, гдѣ устраивали трапезу, развитіе чего мы видимъ въ Спартѣ: здѣсь всѣ граждане должны были вмѣстѣ приступать къ обѣду. Тамъ-же, гдѣ не принято было собираться всѣмъ гражданамъ, устраивались — пританеи, въ кот. обѣдали, отъ имени общины передъ город-

ска

..свыми богами, специально избранныя для этого лица.

..2ое, Существовало всеобщее очищение граждан, которые могли оскверниться несоблюдением религиозных предписаний. У Римлян обряд очищения, называемый lustratio, совершался через каждые 5 лет, а в Афинах ежегодно. При совершении очищения требовалось соблюдение 2х условий: а/ чтобы в этом не участвовал никто посторонний, в/ чтобы присутствовали все свои. Это последнее обстоятельство повлекло за собой необходимость переписи, кр[а]я в Риме называлась census. Должность эту исправлял первоначально царь или консул — впоследствии же назначаем был для этой цели особый censor, который, в виду глубокаго всеобъемлющаго почитания богов пользовался громадной властью, ибо, отчуждая кого либо от религиознаго культа, он вместе с тем лишал его гражданских прав.

Сакральный характер древнейших учреждений.

Характеризуя во введении, которое мы предпослали настоящему курсу истории Греции и Рима, — культуру двух этих народов, в

ніе отъ всѣхъ остальныхъ дней, носившихъ названіе – dies nefasti. При томъ критеріумомъ различія однихъ дней отъ другихъ служили календари, въ которыхъ они обозначались различными красками. Такъ, день битвы при Алліи во время нашествія Галловъ на Римъ, былъ обозначенъ черной краской и въ этотъ день, какъ равно и ему подобные народныя сходки не совершались. Гаданіе у древнихъ было тоже весьма развито, и имѣло громадное значеніе какъ въ мелкихъ, такъ и въ важнѣйшихъ предпріятіяхъ Грековъ и Римлянъ. Нѣтъ потому ничего удивительнаго, что авгуры имѣли большее значеніе политическое, чѣмъ религіозное. Сама сходка сопровождалась исполненіемъ различныхъ обрядовъ религіознаго характера: въ Аѳинахъ мѣсто предназначенное для нея обводили кругомъ, который жрецы освящали священной – люстральной водой. Когда ораторъ вступалъ на каѳедру, онъ надѣвалъ на голову вѣнокъ, въ честь боговъ и передъ его рѣчью читались молитвы. Тоже самое касается и собранія сената: въ Римѣ, мѣстомъ сенатскихъ совѣщаній служили храмы и собраніе совершенное въ какомъ либо другомъ мѣстѣ не имѣло никакого политиче-

Чуреаръ

сравненіи съ культурой другихъ націй, мы указали, что Греки и Римляне выработали свѣтскую цивилизацію, отличную отъ цивилизаціи восточныхъ народовъ съ характеромъ религіознымъ. Но насколько это мнѣніе вѣрно по отношенію къ Грекамъ и Римлянамъ въ блестящемъ періодѣ ихъ развитія, настолько оно не касается ихъ быта въ древнѣйшемъ періодѣ; ибо тогда, подобно восточнымъ народамъ, въ Греціи и Римѣ точно также религіозный элементъ лежалъ въ основаніи домашняго и политическаго быта. Право было тоже проникнуто этимъ элементомъ: у Римлянъ въ продолженіи всего древнѣйшаго періода господствовало право съ такимъ именно характеромъ и носимъ названіе - сакральнаго права - jus sacrum. Точно также и всѣ политическія дѣйствія Грековъ и Римлянъ древнѣйшаго періода были обусловлены различными религіозными соображеніями. Въ самомъ дѣлѣ, что касается, во первыхъ, сходокъ, на которыхъ обществениыя дѣла, то онѣ могли быть равно какъ и судебныя засѣданія, назначаемы только на извѣстные, точно опредѣленные дни, кот. считались днями священными и назывались dies fasti, въ отли-

Сличенъ

скаго значенія. Въ Аѳинахъ совѣтъ (булэ) собирался въ Пританеѣ, гдѣ находился неугасаемый огонь, при которомъ до начала совѣщаній каждый изъ сенаторовъ молился и надѣвалъ вѣнокъ въ знакъ совершенія религіознаго дѣйствія. Въ международныхъ отношеніяхъ тоже видимъ преобладаніе религіознаго элемента. Такъ въ Римѣ была коллегія жрецовъ, называвшихся феціалами и греческіе глашатые (кēрюкесъ) также считались священными: они переговаривались съ непріятелемъ и объявляли войну. Объявленіе войны у Римлянъ состояло въ томъ, что жрецы эти выходили на границу отдѣлявшую ager romanus отъ владѣній непріятеля и бросали черезъ нее копье. Когда владѣнія Римлянъ значительно расширились и представляли вслѣдствіе этого затрудненіе въ совершеніи этого акта по значительной отдаленности границъ отъ города Рима, тогда этотъ обрядъ все таки сохранялся и устраивался искусственно: — въ окрестностяхъ Рима проводилась фиктивная граница, черезъ которую феціалы всякій разъ, когда нужно было объявить войну, бросали копье. Если теперь обратимся къ разсмотрѣнію правовыхъ семейныхъ отношеній, то и здѣсь по-

чно также найдемъ весьма много религіознаго. Въ самомъ дѣлѣ бракъ былъ сначала сопряженъ съ юридическими послѣдствіями въ томъ только случаѣ, если сопровождался общепринятыми религіозными обрядами; тоже самое касалось признанія ребенка, аррогаціи, эманципаціи и пр. Не что иное мы видимъ и въ судѣ. Договоръ у Римлянъ имѣлъ значеніе въ томъ только случаѣ, если сопровождался формулой, имѣвшей значеніе какъ бы религіознаго заклятія и состоящей въ томъ, что одно лицо, вступавшее въ договоръ, спрашивало dari spondes? - а другое должно было отвѣчать - spondeo, и тогда только актъ былъ юридически важенъ. Если жрецъ при заключеніи какой либо юридической сдѣлки случайно ошибался въ молитвѣ, такая сдѣлка не имѣла тоже никакого значенія. Само право первоначально развивалось подъ покровительствомъ жрецовъ, и можно сказать, что жрецы были первыми юристами, въ ихъ распоряженіи находились всѣ юридич. записи. Подобное смѣшеніе различныхъ началъ съ религіознымъ элементомъ представляетъ собой явленіе въ высшей степени обычное у многихъ народовъ на извѣстной степени ихъ развитія.

Инымъ

Такъ мы видимъ у Евреевъ смѣсь свѣтскаго съ религіознымъ въ законодательствѣ Моисея, тоже самое мы видимъ у Индусовъ въ ихъ правилахъ, составленіе которыхъ приписывается мудрецу Ману. Нѣчто иное находимъ у Грековъ и Римлянъ въ древнѣйшій періодъ ихъ развитія. Относительно Римлянъ мы можемъ судить объ этомъ изъ такъ называемыхъ — leges regiae, которые хотя до насъ и дошли только въ отрывкахъ, но знаемъ, что они носили на себѣ только сакральный характеръ — тоже самое касается и законовъ XII таблицъ. Разсматривая юридическія отношенія древнихъ Грековъ, мы находимъ такую же смѣсь въ законодательствѣ Солона.

Исключительность политическая.

Благодаря этому обстоятельству, мы замѣчаемъ, что политика древнихъ представляла нѣчто исключительное, въ томъ именно отношеніи, что участье въ ней могли принимать только лица, посвященныя къ этому. Въ Спартѣ тотъ только считался гражданиномъ, кто участвовалъ въ общественной трапезѣ, которая называлась — сисситія и представляла собой въ другихъ городахъ нѣчто въ родѣ обряда, совершае-

маго всѣми гражданами какъ бы въ честь боговъ. Точно также въ Аѳинахъ гражданами были только участвовавшіе въ общественныхъ праздникахъ. Въ Римѣ такимъ праздникомъ, когда должны были собираться всѣ граждане, была — lustratio, состоявшая въ томъ, что жрецы, окропляя собравшихся люстральной водой, будто смывали съ нихъ преступленія; и что всего важнѣе, этотъ только обрядъ давалъ право гражданства, кто не участвовалъ въ немъ — не былъ гражданиномъ. На этомъ основаніи „быть гражданиномъ" — было равносильно выраженію „участвовать въ религіозныхъ обрядахъ"; на это указываетъ глаголъ πολιτεύειν, который значитъ совершенствовать и быть чьимъ либо гражданиномъ. Мы видѣли уже до какой степени была исключительна религія, ничего поэтому нѣтъ удивительнаго, что политика, тѣсно связанная съ нею, была точно такою-же. Въ число гражданъ попасть было трудно и не всегда разрѣшалось допущеніе чужаго, ибо невозможно было рѣшить, будетъ ли онъ угоденъ богамъ при совершеніи обрядовъ, или нѣтъ; а въ этомъ послѣднемъ случаѣ наступило бы осквернение свя-

тыни. Чтобы пользоваться судомъ необходимо нужно было быть полноправнымъ гражданиномъ и имѣть право участвовать въ религіозныхъ обрядахъ при судебныхъ дѣйствіяхъ. Между членами различныхъ общинъ не было эпигаміи, jus connubii, — т. е. права жениться или выходить замужъ потому только, что при этомъ совершались религіозные обряды, въ кот. чужіе не могли принимать участія. По той же причинѣ между общинами не было и jus commercii, т. е. пріобрѣтенія имущества, ибо и этотъ актъ сопровождался извѣстными обрядами въ которыхъ могли принимать участіе только граждане. Эта исключительность доходила до того, что родной сынъ переставалъ считаться сыномъ отца, оставлявшаго свою общину и переходившаго въ другую. Если двѣ городскія общины находились въ союзѣ, то бракъ между ними допускался, но это опять поясняется тѣмъ, только, что въ случаѣ дружелюбныхъ отношеній болѣе или менѣе обобщался и ихъ религіозный культъ. Быть изгнаннымъ у древнихъ считалось большимъ наказаніемъ, почти равносильнымъ смерти, ибо приговоренный къ изгнанію лишался всѣхъ правъ

никими пользовался среди своей общины — и съ другой стороны не былъ принимаемъ въ число гражданъ другихъ городовъ, т. е. онъ живя самъ собою лишался общественной жизни. Этимъ объясняется, почему приговоренные къ смерти легко ее избѣгали. Замѣчательно, что у Римлянъ для обозначенія изгнанія существовало выраженіе — igni et aquae interdictio (лишеніе огня и воды), но подъ ignis — надо здѣсь разумѣть священный огонь домашняго очага, а подъ aqua — люстральную воду. — Хотя изъ всего этого ясно, что сакральный характеръ въ древнѣйшемъ періодѣ развитія Греціи и Рима обнималъ собой всѣ учрежденія, мы все таки увидимъ, что вся исторія Грековъ и Римлянъ, тѣмъ именно замѣчательна, что сакральный характеръ постепенно исчезаетъ и на мѣсто его является чисто свѣтская цивилизація.

Составъ гражданской общины.

Переходимъ теперь къ вопросу о составѣ древнѣйшей гражданской общины. Прежде всего придется намъ рѣшить, какой характеръ имѣли общины: демократическій или аристократическій? Сначала характеръ общины былъ чисто аристократическій. Такъ,

Лит. Б. Комарова Невск. пр. 135-138.

мы видимъ, что въ Аѳинахъ, все населеніе дѣлилось на два класса: 1) евпатриды - т.е. происходящіе отъ хорошихъ отцовъ. 2) ѳеты. Въ Спартѣ, несмотря на то, что многіе писатели представляютъ ее какъ образецъ равенства между гражданами, все же мы видимъ точно также два класса - равные и низшіе. На островѣ Евбеѣ - всадники и народъ. Въ Римѣ патриціи и плебеи. Вмѣстѣ съ тѣмъ видимъ, что на первыхъ порахъ вполнѣ господствующими являются первые классы, т.е. аристократическіе. Но теперь является интересный вопросъ, какимъ образомъ возникло неравенство членовъ одной и той же общины? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, разсмотримъ прежде всего родовой бытъ Грековъ и Римлянъ. У нихъ существовало родовое устройство, кот. представляло собою не что иное, какъ расширенную семью, со всѣми свойственными этой послѣдней характеристическими признаками. Каждый греческій родъ, сколько бы въ немъ семействъ ни было, представлялъ собой одно цѣлое и во главѣ его стоялъ родовладыка, происходящій всегда отъ старшаго сына прежняго представителя рода; вслѣдствіе того, въ каждомъ родѣ была семья старшая, кот. имѣ-

Фурсовъ

ла право поддерживать культъ предковъ, а кромѣ нея (было) много младшихъ семействъ. Въ Римѣ только родовладыки засѣдали въ сенатѣ и назывались patres gentis; младшія семьи не посылали сюда своихъ patres и изъ нихъ выходили только всадники. Дальше родъ состоялъ не только изъ членовъ, происходившихъ отъ общаго предка, въ него входили еще и постороннія лица, называемыя кліентами въ Римѣ - ѳеты - въ Аѳинахъ. Лица эти стояли по своимъ правамъ ниже младшихъ семействъ, ибо не были связаны никакимъ родствомъ съ родоначальникамъ; и между тѣмъ какъ старшія и младшія семьи считались эвпатридами; нельзя этого сказать о кліентахъ. Если поэтому всѣ члены старшей семьи вымирали, мѣсто ея занимала слѣдующая за нею младшая и т.д. - но если случалось, что вся семья угасала, то кліенты все также не могли поддерживать культа предковъ рода, къ кому принадлежали, и приписывались къ другимъ родамъ. Понятно, что кліенты не имѣя никакого родоваго значенія не пользовались и политическими правами. Только patres familias принимали участіе въ общественныхъ дѣлахъ, имѣя право являться въ народное собраніе; въ

[illegible]

Спартѣ младшіе сыновья не пользовались этимъ правомъ, а Аристотель въ своемъ сочиненіи „о Политикѣ" говоритъ, что во многихъ городахъ при жизни отцовъ ни старшіе, ни младшіе сыновья не принимали участія въ рѣшеніи общественныхъ дѣлъ. Въ Римѣ это касалось только высшаго учрежденія Сената, - куда являлись только patres gentium, а сначала вѣроятно на народныя сходки (comitia curiata) - сходились только одни patres familias. Если пойдемъ дальше, то увидимъ, что въ Римѣ былъ классъ людей, стоявшій еще ниже кліентовъ, который назывался plebs и не входилъ въ составъ того, что называлось - populus Romanus. Эта двойственность населенія замѣчается еще во время Пуническихъ войнъ, когда жрецъ молился за populus Romanus - и за plebs - отдѣльно. Плебеи въ началѣ Римской исторіи представляются какъ какая-то неорганизованная масса, нераздѣлявшаяся ни на какія части. Исключительность римскихъ гражданъ дошла до того, что мы видимъ Римъ какъ бы раздѣленнымъ на 2 города: одинъ изъ нихъ былъ основанъ Ромуломъ, съ совершеніемъ при этомъ основаніи религіозныхъ об-

Вмѣстѣ,

рядовъ — и въ немъ жили патриціи; другой не имѣвшій за собой никакой религіозной традиціи, былъ заселенъ плебеями; жители перваго могли называться — inquilini — втораго exquilini, — отсюда холмъ на которомъ стояли жилища плебеевъ — получилъ названіе — Эсквилинскаго.

Для насъ въ высшей степени важно знать мнѣніе самихъ патриціевъ о плебеяхъ, а имъ весьма часто представлялись случаи высказывать это мнѣніе при рѣшеніи спорныхъ вопросовъ между ними самими и плебеями во время многовѣковой борьбы двухъ этихъ классовъ. Видимъ отсюда, что патриціи укоряли плебеевъ въ томъ во первыхъ, что эти послѣдніе не имѣли родовыхъ гробницъ; далѣе въ томъ, что они gentem non habent, т. е. не имѣютъ родовыхъ отношеній, свойственныхъ патриціямъ, а въ связи съ этимъ стояло и отсутствіе всѣхъ правъ, доставляемыхъ этимъ учрежденіемъ. На первыхъ порахъ плебеи не имѣли тоже jus connubii, т. е. браки между ними и патриціями не допускались: во время спора о jus connubii, ставилось въ упрекъ плебеямъ со стороны патриціевъ, будто бы они (плебеи) — connubia promiscua habent то

re ferarum. Но нельзя принимать этого выраженія въ точномъ смыслѣ, ибо плебеи жили тоже въ моногаміи и при заключеніи браковъ играли роль consensus privatus, — и такой бракъ пользовался тоже юридическими послѣдствіями; дѣло только въ томъ, что онъ не связанъ былъ съ религіозными обрядами и потому патриціи называютъ его more ferarum — по звѣриному обычаю. Плебеи не пользовались также jure commercii. Имъ не дозволялось владѣть ни малѣйшимъ участкомъ того, что называлось ager Romanus, ибо территорія эта была раздѣлена только между гражданами по трибамъ, куріямъ и родамъ; на Авентинскомъ же холмѣ за ними признавалось право собственности только послѣ пустыннаго на немъ жительства. Изъ религіозно гражданскихъ, общественныхъ учрежденій плебеи точно также были исключены.

Мы можемъ значитъ смотрѣть на Грековъ и Римлянъ въ древнѣйшій періодъ ихъ развитія, какъ на общество чисто аристократическаго характера. Мы видимъ еще, что родовладыкъ — кліенты называли reges, — въ Греціи тоже царями; ниже представителей родовъ, стояли семейства младшихъ вѣтвей,

Куріи

еще ниже — кліенты и наконецъ плебеи. Теперь разсмотримъ, какъ управлялись эти аристократическія общины.

Царская власть.

Разсматривая древнѣйшіе союзы у Грековъ и Римлянъ, какъ семью, родъ, фратрію, филу, курію, трибу — мы замѣчаемъ, что всѣ эти союзы заключаютъ въ себѣ двоякій характеръ: юридическій и политическій — и религіозный. Если теперь примемъ во вниманіе, что каждая гражданская община представляла собой ничто иное, какъ расширеніе всѣхъ вышеприведенныхъ болѣе простыхъ союзовъ, то основываясь на аналогіи, мы въ правѣ будемъ искать въ общинѣ всѣхъ тѣхъ началъ, какія мы наблюдаемъ въ семьѣ, родѣ, фратріи и т. д. И дѣйствительно мы эту аналогію находимъ. Подобно тому, какъ patres familiarum, patres gentium — фратріархи, куріоны, трибуны и т. д. были политическими и религіозными представителями соціальныхъ группъ, во главѣ которыхъ стояли; точно также мы видимъ, что гражданская община имѣла своего представителя съ совершенно такимъ же характеромъ въ лицѣ римскаго rex, и греч. басилевсъ, ар

тайнъ

фонтъ или пританевсъ. Дальше какъ предстоятели низшихъ союзовъ имъли религіозное значеніе, такъ тоже самое относится и къ представителямъ гражданской общины. Rex-базилевсъ — былъ прежде всего жрецомъ, который долженъ былъ участвовать во всѣхъ религіозныхъ празднествахъ, какъ предсѣдатель, отсюда въ Греціи цари назывались еще пританеями, что имѣетъ связь со словомъ пританейонъ обозначавшимъ тотъ храмъ, гдѣ былъ городской жертвенникъ. У Гомера мы встрѣчаемъ много мѣстъ, указывающихъ, что цари приносили жертвы богамъ отъ имени цѣлой общины. Аристотель, въ сочин. „о Политикѣ" разсматривая много конституцій греч. общинъ, говоритъ, что вѣдать религіозные обряды и жертвоприношенія было поручено верховнымъ представителямъ общинъ, кот. въ однѣхъ мѣстахъ, назывались пританами, въ другихъ архонтами и или царями. Въ другомъ мѣстѣ Аристотель говоритъ, что цари заимствовали свое достоинство отъ алтаря и къ этому присоединялись война и судъ. Ясно поэтому, почему у Пиндара и друг. поэтовъ встрѣчаемъ

такіе эпитеты царей, какъ святые и богорожденные: въ этого религіозною властью соединялась затѣмъ власть политическая; видимъ потому, что царская власть заключала въ себѣ двоякій характеръ: религіозный и политическій, и что дѣятельность политическая соединялась съ исполненіемъ общественныхъ обрядовъ. Впослѣдствіи даже былъ сдѣланъ полный переворотъ въ этомъ отношеніи; именно у царей отнимаютъ политическую власть, но оставляютъ религіозную. Сопоставляя все вышесказанное, приходимъ къ заключенію, что этотъ переворотъ не былъ далеко исчерпъ, что въ учебникахъ называютъ полнымъ уничтоженіемъ царской власти; это было не больше, какъ только отнятіе у царей политическаго значенія. Что реформу эту надо понимать такъ, а не иначе, это мы видимъ изъ Арист. и Плутарха, которые прямо говорятъ, что у царей была только отнята политическая власть, религіозная за ними осталась.— Это обстоятельство является для насъ тѣмъ понятнѣе, что мы знаемъ убѣжденіе древнихъ, по которому между людьми и богами необходимы были посредники. И

Лит. В. Комарова Невск. пр. 135-138.

Кнцм

мы видимъ въ чувствіе того, что когда въ Риме была уничтожена царская власть въ политическомъ смыслѣ, и мѣсто царей заняли два консула, тогда для религіозныхъ цѣлей было выдвинуто все таки новое лицо, называвшееся rex sacrorum, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и высшимъ судьей по религіознымъ дѣламъ. — Тоже самое и въ Афинахъ: когда мѣсто царя заняли 9 архонтовъ, одинъ изъ нихъ носилъ названіе басилевсъ, кот. былъ главой всѣхъ общественныхъ жертвоприношеній и судилъ по религіознымъ вопросамъ. Мнѣніе потому, будто ненавидѣли этотъ царскій титулъ, не выдерживаетъ критики, тѣмъ болѣе что мы видимъ, что и тогда Греки и Римляне не перестаютъ называть своихъ боговъ царями. Когда въ Греціи было попытка возстановить царскую власть, то новые монархи были названы тиранами и не имѣли уже религіознаго характера; но сановники, происшедшіе отъ царской власти, его сохранили; быть сановникомъ выражалось у Грековъ — исполнять религіозные обряды, т. е. сановники эти въ то же самое время должны были быть и жрецами. — Обратимся теперь къ предъидущимъ

царской власти въ общинахъ. – Каждая об-
щина слагалась съ отдѣльныхъ союзовъ въ ко-
роды играли весьма важную роль, вслѣдствіе
чего и представителямъ ихъ patres gentium
пользовались большимъ уваженіемъ и имѣ-
ли громадное значеніе: мы видѣли, что кліенты
называли ихъ даже царями. Въ виду
этого царская власть не была деспотиче-
скою, она именно ограничивалась предста-
вителями родовъ, которые составляли пер-
вобытную аристократію. Мы видимъ, по-
тому, что эти цари полурелигіознаго и по-
лу политическаго характера желая поддер-
живать свою власть по необходимости не
могли обходиться безъ этой аристократіи
и вслѣдствіе этого во всѣхъ дѣлахъ долж-
ны были искать у нея совѣта. Первона-
чальный senatus и буле, были именно та-
кими мѣстами, гдѣ цари совѣтовались
съ представителями родовъ. Такимъ обра-
зомъ, управленіе общины на первыхъ порахъ
представляетъ собою чисто аристократи-
ческое устройство. Что касается низшаго
класса населенія, то онъ точно также имѣлъ
свои собранія, такъ называемыя – агоры, но
онъ не имѣлъ здѣсь никакого активнаго зна-

ченія

ченія, а исключительно пассивное: народъ выслушивалъ только волю царей, не принимая никакихъ участія въ совѣщаніяхъ надъ общественными дѣлами. Цари, замѣтивъ ту громадную вліятельность, какою пользовались представители родовъ, и желая удержать за собою единственную власть, часто опирались на простой народъ; аристократія въ такихъ случаяхъ всякій разъ оказывала сопротивленіе, полагая все свое могущество въ старинныхъ порядкахъ и постоянно ссылаясь на нихъ; здѣсь при этомъ на первый планъ выдвигалось религіозное значеніе; это можемъ видѣть изъ исторіи Рима. Когда послѣ перехода власти изъ рукъ царей въ руки двухъ консуловъ, началась борьба между плебеями и патриціями, за обладаніе верховною властью, мы видимъ, что патриціи, вынужденные дѣлать уступки плебеямъ, позже всего отказывались въ пользу плебеевъ, тѣхъ должностей, которыя были тѣсно связаны съ исполненіемъ религіозныхъ обязанностей. Допуская плебеевъ къ консульству (tribuni militares consulari potestate), аристократы удержали исключительно за собой <u>цензорство</u>, которое, какъ мы уже

Сл...

были сказали, имѣло громадное религiозное значенiе. Принужденные потомъ признать окончательно за плебеями право консульства, патрицiи опять оставляютъ только за собою право быть преторами, и удаляютъ это только потому, что praetor, какъ высшiй судья долженъ быть свѣдущъ въ правѣ и въ религiозныхъ обрядахъ, и кромѣ того и достоенъ участiя въ нихъ. По мнѣнiю аристократiи она только сама была посвящена свыше для исправленiя подобной [illegible]. Позже всего аристократiя допустила плебеевъ къ занятiю должностей высшихъ жрецовъ. Въ Римѣ полное господство аристократiи продолжалось мало времени, но въ Грецiи она затя-нулась. Такъ въ Аѳинахъ она продолжалась съ 1068 по 594 г. т. е. со смерти Кодра до законодательства Солона. Этотъ бытъ отразился въ Одиссеѣ, описывающей сѣверо-западный уголъ Грецiи: здѣсь роды подчинили землю, живя со своими клiентами, для коихъ родовладыки были цари. Въ маленькой Итакѣ, родинѣ Одиссея было много такихъ князьковъ; Алкиной — царь Феакiйцевъ созываетъ на соборъ феакiйскихъ родовладыкъ и называетъ ихъ въ рѣчи своей ца-

рями-скиптроносцами. Поэтому во многихъ городахъ Грецiи аристократiя носила названiе царственныхъ родовъ: т.к. въ городѣ Аскрѣ, родинѣ Гезiода, былъ цѣлый классъ общества, носившiй названiе басилевсы; то же самое видимъ въ Эритрахъ, гдѣ былъ особый классъ базиллидовъ, т. е. царевичей; и на островѣ Осрѣ были священные роды, очевидно такого же происхожденiя.

Разложенiе родоваго быта.

Наблюдая за ходомъ событiй въ Грецiи и Римѣ, мы замѣчаемъ, что аристократическiй родовой бытъ мало по малу разлагался раздѣленiемъ на отдѣльныя семьи: singuli singulas familias incipiunt. Первымъ факторомъ, благопрiятствовавшимъ этому разложенiю было то обстоятельство, что младшiя семьи, рода не охотно подчинялись старшимъ и съ завистью смотрѣли на возвышенiе ихъ власти.

Къ этому съ другой стороны присоединилось уничтоженiе царской власти; благодаря этому событiю родовладыки должны были иначе устраивать свои дѣла, ибо между ними явилось соперничество изъ за преобладанiя. Младшiя семьи въ свою оче-

перь хотѣли воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы выхлопотать для себя права, которыхъ прежде были лишены и вслѣдствіе этого возникаетъ антагонизмъ между ними и старшими семьями. Да и зависимая масса съ теченіемъ времени стала чувствовать свою силу. Что младшимъ семействамъ удалось пріобрѣсти нѣкоторыя права въ свою пользу, это можно видѣть изъ той перемѣны, какая замѣтна въ первоначальномъ римскомъ сенатѣ: — онъ сначала состоялъ изъ 300 членовъ, представителей только старшихъ семействъ въ родѣ, которые носили названіе — patres — (какъ сенаторы), но когда цари были изгнаны, они должны были подѣлиться властью съ представителями младшихъ семействъ, которые (и можетъ быть даже съ плебеями) съ той поры вошли въ составъ членовъ сената и стали называться conscripti (приглашенные). Теперь сенатъ состоялъ изъ patres и conscripti, и только потомъ, когда уничтожилось различіе между старшими и младшими семьями, всѣхъ членовъ сената безъ различія вмѣсто patres et conscripti стали называть — patres conscripti.

Вкушин

Международныя отношенія

Мы видѣли уже исключительность гражданской общины: тотъ только могъ пользоваться законами и другими учрежденіями, кто былъ дѣйствительнымъ членомъ общины, всѣ же лица стоящія внѣ союза не имѣли никакихъ правъ и назывались чужедыми. У Римлянъ слово hostis, собственно обозначало чужого, гостя, на что указываетъ смыслъ этого существительнаго въ другихъ Индо-Европейскихъ языкахъ:- гость Gast и пр. имѣютъ одинъ общій корень;- и затѣмъ только Римлянинъ согласно своимъ понятіямъ о непринадлежащихъ общинѣ его придаетъ этому слову значеніе - врагъ. Этотъ чужой человѣкъ, считавшійся всегда врагомъ не имѣлъ никакихъ правъ, о чемъ упоминается въ одномъ изъ законовъ XII таблицъ, гдѣ говорится: „adversus hostem aeterna auctoritas esto," - что значитъ: врагъ не пользуется никакими законами. Онъ не могъ жениться на дочери гражданина, не могъ пріобрѣтать собственности т. е. не имѣлъ ни jus connubii, ни jus commercii и на судѣ ничего не значилъ. И дѣйствительно эпоха эта очень удобно могла бы характеризоваться выра-

женіемъ

жнiямъ: „bellum omnium contra omnes." Такъ оно и было. Миръ между общинами самъ по себѣ существовать не могъ: для этого долженъ былъ существовать специальный договоръ, и таково было значенiе слова – pax. Цицеронъ поэтому говоритъ: „Nihil est aliud in foedere percutiendo, nisi ut pia et aeterna pax sit."

Заключенiе договора у древнихъ состояло въ томъ, что обязывались жить въ мирѣ, и такъ какъ для этого нужно было и религiозное общенiе, то заключенiе договора сопровождалось всегда исполненiемъ различныхъ обрядовъ, ради чего существовали всегда особые жрецы-фециалы. Кромѣ того, „заключить договоръ" по латыни выражалось – icere hedus (потомъ foedus), – что въ тоже время значило „убить козленка," т. е. принести его въ жертву богамъ. У Грековъ было аналогичное выраженiе: совершить возлiянiе въ честь боговъ – и тоже заключить миръ.

Спрашивается теперь, какъ поступала община вышедшая побѣдителемъ на войнѣ по отношенiю къ побѣжденнымъ? Сначала было принято убивать, потомъ стали обращать въ рабство. Рабы упоминаются еще у Гомера, но тогда еще ими не дор-

говали. По греческимъ преданіямъ, первые жители Хіоса начали продавать рабовъ на рынкѣ. Но съ другой стороны, послѣ окончанія войны трудно было всѣхъ жителей, особенно многолюдныхъ городовъ, обратить въ рабство; въ Римѣ въ такихъ случаяхъ принято было разрушать городъ, а жителей переводить въ Римъ, кот. увеличивали собою количество плебеевъ, лишенныхъ всѣхъ правъ. Въ Греціи чаще всего побѣжденные оставались на прежнемъ мѣстѣ и получали опредѣленные участки земли, правами однако никакими не пользовались; они закрѣплялись за полученными во владѣніе участками и не могли покидать ихъ; кромѣ того они платили съ этихъ участковъ оброкъ своимъ побѣдителямъ. Что въ Греціи дѣйствительно былъ такой классъ людей, это можно видѣть изъ того, что въ Лаконіи были періойки (свободные, но безправные), и илоты (крѣпостные); въ Өессаліи — пенесты; въ Сикіонѣ — коринефоры; въ Аргосѣ — гимнеты и гимнесіи; на островѣ Критѣ миноиты и клароты — и пр. Впрочемъ это крѣпостничество у древнихъ возникло не только вслѣдствіе войны, оно возникло также и благодаря мирному сожительству родового быта.

В. Ч[illegible]

Мы уже видели, что родъ состоялъ не только изъ gentiles (членовъ рода), но также изъ кліентовъ въ Римѣ и фетовъ въ Афинахъ, по отношенію къ которымъ родоначальники были царями, а отцы семейства патронами. Кліенты и феты, жили въ домѣ того семейства, къ которому добровольно приписывались, и потомъ только получали участки земли, изъ которыхъ платили оброкъ въ пользу семейства.—

Эта теорія весьма замѣчательна. Попытки подобной же теоріи была сдѣлана Фриманомъ въ его сочиненіи „Сравнительная политика". Онъ сравниваетъ бытъ Грековъ съ бытомъ Германцевъ, причемъ указываетъ, что у Германцевъ также существовало родовое устройство, съ тѣмъ только различіемъ, что въ греческихъ государствахъ община совпадала съ городомъ, тогда какъ въ Германскомъ государствѣ отдѣльныя общины являлись политически, но жили совершенно въ различныхъ мѣстахъ. Сравненія эти можно было бы расширить и дальше, на другихъ народовъ; и въ нашей исторіи можно было бы указать на слѣды родоваго быта. На эти слѣды указываетъ Несторъ, онъ го-

вѣритъ: „Гнѣвъ нашедшій съ родомъ своимъ" и-гонимы: „возстанетъ родъ на родъ." Есть извѣстіе, что Славяне поклонялись божеству рода. Обычай печь блины на похоронахъ первоначально былъ ничто иное, какъ угощеніе покойника. Обычай, бросать первый блинъ въ окно, какъ бы отдавая его всѣмъ раньше умершимъ родственникамъ, также указываетъ на почитаніе умершихъ предковъ, слѣдовательно и на слѣды родового устройства. Затѣмъ у Славянъ также, какъ у Грековъ и Римлянъ существовали домашніе боги, у Грековъ и Римлянъ лары и пенаты, у Славянъ „домовые" и „хозяева." Домовой не есть нечистая сила, а покровитель дома, его хозяинъ. Есть еще нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній, указывающихъ на сходство нашихъ древнихъ временъ съ отдаленными временами античнаго міра. Есть слово „чуръ", кот. находится въ словѣ пращуръ, предокъ. Есть выраженіе „чуръ меня." Это какъ бы остатокъ молитвы, въ которой обращались къ пращуру. Чуръ охранялъ границы цѣлаго рода. Выраженіе „черезъ чуръ" имѣло значеніе: черезъ границу.

Сочиненіе Fustel de Coulanges выясняетъ

Курсъ

тутѣсную связь религіи и политики, которая характеризуетъ античный міръ. Замкнутость общества, федеративный строй государства, сословная противоположность — все это имѣетъ свои основанія въ религіи. Юридическій бытъ также тѣсно съ ней связанъ. Но сочиненіе Fustel de Coulanges имѣетъ и нѣкоторые недостатки.

1). У него слишкомъ мало критики по отношенію къ греческимъ извѣстіямъ. О римскихъ царяхъ, начиная отъ Ромула, онъ говоритъ, какъ о лицахъ дѣйствительно существовавшихъ, тогда какъ Нибуръ и друг. историки указываютъ на чисто легендарный характеръ ихъ. Что царская эпоха существовала, нѣтъ никакого сомнѣнія, но существованіе многихъ изъ тѣхъ царей, кот. упоминаютъ греческія извѣстія, весьма сомнительно. 2) Не дѣлаетъ рѣзкихъ различій въ изображеніи быта, беря народъ на совершенно различныхъ ступеняхъ развитія въ X и V положимъ вѣкахъ. 3) Старается доказать, что греческія и римскія учрежденія были тождественны, такъ что изложеніи исторіи Греціи и Рима онъ сливаетъ почти въ одну картину. 4) Цѣлостность пого пре

ставленія, кот. мы находимъ у Fustel de Coulanges, вытекаетъ изъ того, что все объясняетъ одной религіей. Дѣйствительно много объясняется ею, но она совсѣмъ не имѣетъ исключительнаго значенія. 5) Разсматривая религію, онъ останавливается только на культѣ предковъ, оставляя въ сторонѣ всѣ другія воззрѣнія.

Къ болѣе частнымъ недостаткамъ относятся: 1) Представляетъ родовой бытъ какъ первоначальный. Дознано же, что родовому быту предшествовало существованіе другихъ союзовъ. 2) не указываетъ на то, что отчая власть не первичное явленіе, что въ болѣе древнее время родство считалось по матери и существуетъ цѣл. теорія, что прежде главой семьи была мать, а не отецъ. По этому вопросу существуетъ цѣлая литература, напримѣръ написанное на нѣмецкомъ языкѣ сочиненіе „Материнское право" Бахофена. 3). Вездѣ говоритъ о частной собственности, тогда какъ извѣстно, что въ очень древнія времена существовала общинная собственность. 4). Нѣкоторые обряды толкуетъ произвольно. Такъ объясненіе фиктивнаго похищенія невѣсты тѣмъ, что невѣста

свой былъ не можетъ отречься отъ своего культа, и должна быть отторгнута чьей нибудь властью, не вторно. Обычай этотъ ничто иное, какъ переживаніе и указъ своихъ на существованіе обычая похищенія невѣсты. Извѣстенъ напр. уже въ древности фактъ похищенія Сабинянокъ.

Вотъ тѣ замѣчанія, кот. необходимо сдѣлать относительно теоріи Fustel de Coulanges, но въ общемъ она представляетъ одну изъ нашихъ замѣчательныхъ теорій.

Если по представленію древнихъ Грековъ, двѣ гражданскія общины заключали мирный договоръ, между богами сейчасъ же устанавливались мирныя отношенія и жители одной общины позволяли присутствовать на своихъ религіозныхъ церемоніяхъ жителямъ другой. Эти мирныя отношенія часто символически изображались на монетахъ. На почвѣ подобныхъ религіозныхъ общеній возникли союзы, извѣстные подъ названіемъ амфиктіоній; главной цѣлью ихъ было принесеніе общей жертвы божествамъ. Иногда эти союзы дѣлались общеэллинскими. Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ союзъ, заключенный Өессалійцами. Өессалійцы не могли покорить одного горнаго племени, тогда они за-

Въ кул

ключилъ нимъ договоръ, въ силу кот. устанавливался общій праздникъ богинѣ Деметрѣ; общины, входящія въ союзы, давали такую клятву: не разрушать города, не отводить воды и совѣщаться о всѣхъ дѣлахъ. Члены амфиктіоніи должны были хоронить павшихъ, не ставить вѣчныхъ памятниковъ своей побѣды, не допускать постороннихъ на свои праздники. Въ связи съ этими амфиктіоніями находился храмъ бога Аполлона, при которомъ находился знаменитый Дельфійскій оракулъ. Храмъ бога Аполлона, какъ извѣстно, стоялъ надъ разсѣлиной скалы, откуда выходили одуряющіе пары; находившаяся всегда тутъ пиѳія въ изступленіи отъ этихъ паровъ произносила какія-то отрывочныя слова, изъ кот. оракулъ выводилъ пророчества. Оракулъ этотъ имѣлъ важное культурное значеніе. Веберъ говоритъ: „онъ укрощалъ дикость буйныхъ нравовъ силою гуманности, содѣйствовалъ отмѣнѣ приношенія людей въ жертву, обуздывалъ самоуправство, смягчалъ междоусобицы, кровомщеніе, другіе грубые обычаи, помогалъ развитію земледѣлія и всѣхъ мирныхъ занятій, требовалъ, чтобы виновные въ убійствѣ искупали свой грѣхъ покаяніемъ;

[illegible]

онъ пробуждалъ и укрѣплялъ чувство національного единства, поставивъ догматомъ вѣры общность происхожденія всѣхъ грековъ отъ Девкаліона и Геллена (стр. 103); онъ охранялъ выработавшіяся у Грековъ религіозныя понятія и богослужебные обряды отъ нововведеній и искаженій; придавалъ вѣрованіямъ и богослуженію общій національный характеръ; праздники, совершавшіеся при храмахъ оракула, давали основу для правильного счета времени; оракулъ содѣйствовалъ расширенію греческой культуры на страны варваровъ, посылая колоніи, указывая пути для торговаго мореплаванія, поддерживалъ связи колоній съ родиною и ея религіозными учрежденіями; онъ возвышалъ и освящалъ государственную жизнь, влагая религіозный элементъ во всѣ общественныя дѣла. Жреческая корпорація, органомъ которой служилъ оракулъ, обладала многосторонними знаніями, богатымъ запасомъ житейского опыта; къ ней шли свѣдѣнія со всѣхъ краевъ обширного греческого міра; потому она была въ состояніи давать разумные совѣты, которые были принимаемы съ уваженіемъ, какъ откровеніе Аполлона. Греческій народъ и въ счастьѣ и въ несчастьѣ со-

Злм. З. Комарова Невск. пр. 136-138.

С. Такъ

ранялъ полное довѣріе къ Дельфійскому ораку-
лу, исполнялъ его совѣты съ наибольшимъ послу-
шаніемъ. Уваженіе къ дельфійскому оракулу
стало уменьшаться у грековъ лишь въ позднія
времена, когда жреческая корпорація храма ста-
ла за золото служить орудіемъ интригъ." Одно
изъ подобныхъ общихъ празднествъ, какъ извѣстно,
послужило основаніемъ общей греческой эры.
Подъ вліяніемъ этихъ учрежденій у Грековъ и яви-
лось сознаніе своего единства.

Обыкновенно въ учебникахъ, руководствахъ
и общихъ сочиненіяхъ по греческой исторіи,
разсматривается гомерическая эпоха,
всецѣло основанная на Илліадѣ и Одиссеѣ,
представляющихъ дѣйствительно значитель-
ный матеріалъ. Не возстановляя этого
быта, на основаніи того, какъ его изобража-
ютъ историки, потому что такое изобра-
женіе можно найти въ каждомъ учебникѣ,
добавимъ только, что греческія общины, су-
ществующія въ гомеровскую эпоху, пред-
ставляютъ общины аристократическія.
Что-же касается до дальнѣйшихъ исто-
рическихъ временъ, то ихъ относятъ къ
эпохѣ, которая послѣдовала за Дорій-
скимъ переселеніемъ или завоеваніемъ

Пелопонеса. Это Дорійское переселеніе не внесло особаго измѣненія въ тотъ бытъ, который существовалъ раньше, за весьма немногими исключеніями. Уже было говорено, что это вторженіе Дорянъ повлекло за собой переселеніе народовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ было указано, что, когда Доряне завоевывали какія нибудь мѣстности, жители этихъ мѣстностей или обращались въ крѣпостныхъ (илоты въ Лаконіи), или сохраняли личную свободу, но не считались полноправными гражданами. Такъ было въ Лаконіи, гдѣ подобный классъ населенія составляли Періойки. И только въ исключительныхъ случаяхъ побѣдители принимали въ свой составъ побѣжденныхъ. Такъ въ нѣкоторыхъ Дорійскихъ городахъ было филы побѣдителей и филы побѣжденныхъ, составляющія одну общину. Такое явленіе носило названіе синойкизма. Многіе изъ числа покоренныхъ оставались на прежнемъ мѣстѣ, въ качествѣ ли гражданъ, или въ качествѣ людей, не утратившихъ своей личной свободы, но не пользующихся гражданскими правами; нѣкоторые же предпочитали уходить въ другія страны. Это и послужило причиной колонизаціи.

[illegible]

Весьма естественно, что ближе всего Грекамъ было селиться на противоположномъ берегу Егейскаго моря, Малоазійскомъ берегу. Сѣверную часть его заселили главнымъ образомъ Эоляне; среднюю Іоняне, южную же Доряне. Кромѣ того конечно были поселенія и въ другихъ мѣстахъ; но мы остановимся только на тѣхъ поселеніяхъ, которыя были въ Малой Азіи. Здѣсь Греки раньше всего подвергались вліянію Востока; это вліяніе было болѣе значительно тамъ, гдѣ греческимъ колонистамъ приходилось вытѣснять раньше основанныя Финикійскія колоніи. Съ этой точки зрѣнія колоніи до VIII вѣка имѣютъ большій интересъ, чѣмъ сама митрополія. Въ то время, какъ въ митрополіи господствуютъ старые традиціи, здѣсь на новой почвѣ возникаютъ нововведенія и преобразованія. Въ колоніяхъ гораздо раньше совершился тотъ переворотъ, который совершается во всѣхъ греческихъ государствахъ въ VIII вѣкѣ, — уничтоженіе царской власти и переходъ политической власти къ аристократіи. Въ колоніяхъ раньше происходили и демократическія движенія. Переходную ступень между, отъ аристократическаго правленія къ демократичес-

скому составляетъ тираннія. При каждомъ переворотѣ являлась необходимость обозначить вновь возникшія отношенія гражданъ, т. е. составить законы. Для этой цѣли часто избирались такъ наз. эсимнеты, т. е. такіе правители, которые получали временное полномочіе отъ народа. Иногда же, когда для добивающейся правъ партіи борьба становилась не подъ силу, партія эта выдвигала кого нибудь изъ тѣхъ же аристократовъ, особенно выдающагося своими личными качествами; онъ становится тираномъ, управляющимъ въ духѣ примиренія партій, а еще чаще въ интересахъ выдвинувшей его народной партіи. Подобный правитель былъ настоящимъ монархомъ; онъ не имѣлъ лишь религіознаго значенія. Правленіе тирановъ важно въ томъ отношеніи, что аристократы и демократы снова сливаются и происходитъ такъ называемая демократизація.

Иногда тираны греческихъ колоній имѣли цѣли весьма широкія: объединеніе нѣсколькихъ общинъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательна попытка объединенія Сициліи. Тираны Малой Азіи, опираясь часто на власть персидскихъ царей, были ту

подручниками. Греческія колоніи распространялись въ Малой Азіи все больше и больше; такъ что по выраженію Цицерона берега Средиземнаго моря представляли, какъ бы греческую каймy пришитую къ землямъ варваровъ. Единственное мѣсто на Средиземномъ морѣ, гдѣ Грекамъ не удалось утвердиться, это былъ Ливійскій берегъ, гдѣ находилась финикійская колонія Карѳагенъ. Но и тамъ они основали, хотя одну только колонію, извѣстную подъ названіемъ Кирены. Отношенія колоній къ Греціи мыслились, какъ отношенія дочери къ матери; отсюда и названіе метрополіи. Отдѣлившіяся колоніи дѣлаются совершенно независимыми. Отношенія колоній къ метрополіи совершенно не тѣ, которыя мы наблюдаемъ въ настоящее время, когда какое нибудь государство колонизируетъ отдѣльныя мѣста. Отношенія эти характеризуются Веберомъ слѣдующимъ образомъ: Греки называли колоніи „дочерьми," городъ основавшій колонію, „матерью" ея (метрополіею). Эти названія характеризуютъ отношенія колоній къ ихъ метрополіямъ. Колонія оставалась въ родственной связи съ метрополіею, но бы-

сов.

ла свободна, независима, и имѣла относительно метрополіи лишь тѣ обязанности, какія возлагаетъ на дочь дочернее уваженіе къ матери. Колонисты отплывали изъ родного города подъ покровительствомъ его боговъ, изображенія которыхъ брали съ собою, чтобы поставить ихъ въ новомъ своемъ городѣ и служить имъ по обрядамъ родины; съ колонистами шли жрецы и прорицатели, принадлежавшіе къ старымъ жреческимъ родамъ; вождями колонистовъ были люди знатныхъ родовъ. Священный огонь, зажженный отъ огня на государственномъ очагѣ родного города, неугасаемо горѣлъ во время переѣзда и продолжалъ неугасаемо горѣть на государственномъ очагѣ колоніи. Граждане колоніи давали ей то политическое устройство, какое имѣла метрополія, сохраняли въ ней религіозные обряды и праздники родины, оставались вѣрны обычаямъ метрополіи. Колонія всегда съ почетомъ принимала гражданъ метрополіи, выражала свое уваженіе, свою привязанность къ ней, отправляя посольства съ подарками на ея праздники. Жизнь колоніи считалась продолженіемъ жизни метрополіи; потому

не рѣдко бывало, что колонія просила метрополію прислать ей уполномоченнаго для устройства ея дѣлъ. Когда возникали раздоры между гражданами колоніи, она часто предоставляла споръ рѣшенію метрополіи, обращалась для примиренія несогласій къ ея материнскому авторитету." Но этотъ авторитетъ былъ больше религіозный и нравственный, чѣмъ политическій. Въ политическомъ отношеніи, колоніи представляютъ совершенно самостоятельныя части. Вотъ тѣ свѣдѣнія, которыя нужно было сообщить относительно греческихъ колоній. Теперь, перейдемъ къ разсмотрѣнію другихъ вопросовъ, которые имѣютъ весьма важное значеніе. Мы, знакомясь съ устройствомъ отдѣльныхъ общинъ видимъ, что каждая община представляетъ отдѣльное государство. Въ этомъ должны видѣть то стремленіе къ свободѣ, которое такъ рѣзко характеризуетъ Грековъ. Но въ этомъ явленіи мы находимъ, и дурную сторону, которая была очень печальна и погубила греческій народъ. Между отдѣльными маленькими общинами Грековъ, были постоянно раздоры, такъ что Греція можно сказать, жила

Чупаровъ

постоянными междоусобіями. Даже и тогда, когда Грекамъ грозила какая нибудь опасность, между ними не было настоящаго единодушія. Такъ, когда Персидскіе цари вздумали завоевать греческій народъ, греки только въ нѣкоторые моменты обнаруживали полное единодушіе, въ остальное же время между ними находились даже измѣнники. Второй разъ, когда Грекамъ грозила опасность со стороны Македонянъ, опасность, которая привела наконецъ ихъ къ потерѣ самостоятельности. Третій разъ, когда Греки должны были подчиниться еще болѣе грозной силѣ, римскому владычеству. Вражда эта не мѣшала однакожъ тому, что возникали нѣкоторыя попытки объединенія Греціи. Въ дополненіе ко всему сказанному приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ „Введенія въ курсъ исторіи древняго міра."

Первое дополненіе касается раздробленности Греціи „Греція никогда не составляла одного государства, подобно государствамъ новаго времени. Уже во второй пѣснѣ Гомеровой Иліады, гдѣ перечисляются воины и корабли, пошедшіе подъ Трою, можно насчитать около тридцати отдѣльныхъ го-

Лит. В. Комарова Невск. пр. 136-138.

См-ецъ

сударствъ; съ теченіемъ времени, при громадномъ развитіи колоній по островамъ и берегамъ Средиземнаго и Чернаго морей, число ихъ дошло до нѣсколькихъ сотъ. Конечно они были очень миніатюрны и самыя большія между ними представляли изъ себя нѣчто на нашъ взглядъ очень малое; обыкновенно все государство состояло изъ одного города съ небольшой территоріей. Съ акрополя одного города, можно было видѣть иногда акрополь или горы сосѣдняго. Моральное отечество Грека совпадало съ его родиной въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Число граждан такого государства не могло быть большимъ, и всѣ граждане легко могли сходиться на городской площади, чтобы рѣшать общественныя дѣла. Послѣднему Аѳинянину были понятны несложные интересы его роднаго города, и онъ зналъ, какой политики держаться, напр. съ Мегарой или Спартой, не занимаясь спеціально дипломатіей и не нуждаясь въ обширныхъ географическихъ, историческихъ, статистическихъ свѣдѣніяхъ. Жизнь въ такомъ государствѣ не была сложна и не требовалось спеціальнаго образованія, чтобы быть

латься администраторомъ, полководцемъ, судьей: гражданинъ легко могъ взять на себя всякую должность, которая была ему по способностямъ и безъ труда переходилъ отъ одной къ другой. Результатомъ было широкое развитіе политической жизни. Далѣе приведемъ еще нѣсколько словъ изъ того же „Введенія въ курсъ исторіи древняго міра", указывающихъ, что греческія государства представляли, по нашему современному возрѣнію, аристократію, а не демократію, потому что въ управленіи принималъ участіе далеко не весь народъ, а лишь незначительная часть его. Государство, говорится въ этомъ „Введеніи", составляло изъ себя только немногіе граждане, остальные жители стояли внѣ государства; признакомъ же гражданина было участіе въ судѣ и управленіи, какъ опредѣлялъ Аристотель, и въ пользованіи всѣми гражданскими правами, какъ понимали civitatem римляне. Такимъ образомъ, городъ, собственно говоря не совпадалъ съ гражданской общиной: въ городѣ могли жить люди, не принадлежащіе къ общинѣ, — разные пришельцы, переселенцы, бѣглецы безъ роду и племени, оба-

тки покоренныхъ жителей. Такъ въ первоначальной исторіи Рима, мы находимъ два класса населенія: патриціевъ и плебеевъ: первые и были cives, они только и составляли civitatem; они только и назывались populus romanus. Въ Лаконіи лишь лица потомки завоевателей Дорянъ, были гражданами государства, они одни назывались спартіанами; остальное населеніе состояло изъ періиковъ и илотовъ, изъ которыхъ первые считались лично свободными, но не были гражданами, а послѣдніе находились въ крѣпостномъ состояніи. Въ Аттикѣ характеръ гражданскаго населенія имѣли метеки: они также были лично свободны, т. е. не находились въ рабствѣ, но не входили въ составъ гражданской общины. Такимъ образомъ это было не простое соціальное неравенство двухъ классовъ одного государства, а полное исключеніе части населенія городовой республики изъ его состава, какъ какихъ-нибудь иностранцевъ. Слѣдующія строки удалые характеризуютъ положеніе личности въ античномъ государствѣ. „Древній Востокъ не зналъ человѣка самаго по себѣ: внѣ извѣстнаго, національнаго, политиче-

Курса

ческаго, религіознаго союза, личность была ничто. Также и въ началѣ греческой и римской исторіи, личность человѣка имѣла права, по скольку принадлежала къ извѣстному роду, къ извѣстной фратріи или филѣ, къ извѣстной общинѣ, къ извѣстной національности. Индивидуумъ получалъ свои права отъ того государства, къ которому принадлежалъ: внѣ его онъ былъ ничто. Отсюда, это полновластіе государства, характеризующее античный политическій бытъ и такъ рѣзко отличающее его отъ новаго европейскаго государства. Гражданинъ принадлежалъ не себѣ, а общинѣ. Въ Спартѣ только смерть освобождала его отъ военной службы; въ Аѳинахъ послѣдняя была обязательна до шестидесяти, въ Римѣ до пятидесяти лѣтъ. Имущество частнаго лица было какъ бы въ полномъ распоряженіи государства: послѣднее могло приказать женщинамъ выдать всѣ свои драгоцѣнности кредиторамъ — поступиться въ его пользу своими ссудами и т. д. Вступленіе гражданина въ бракъ не ускользало отъ государственнаго вмѣшательства: аѳинскій законъ не позволялъ человѣку оставаться

холостымъ, въ Спартѣ наказывали тѣхъ, которые отказывались жениться. „Римляне, говоритъ Плутархъ, въ біографіи Катона Старшаго, не думали, чтобы каждому надлежало предоставить на волю жениться, имѣть дѣтей, избирать родъ жизни, давать праздники, наконецъ вообще слѣдовать своимъ желаніямъ и вкусамъ, безъ предварительнаго разрѣшенія и надзора." Государство могло предписывать работу въ Аѳинахъ и праздность въ Спартѣ. Древніе уставы Спарты и Рима разрѣшали отцу умерщвлять уродливаго ребенка, и подобный же законъ внесли Платонъ и Аристотель въ свои идеальныя законодательства. Мелочи жизни регулировались закономъ; въ Локрахъ мужчины не имѣли права пить вино безъ примѣси воды; въ Римѣ, въ Милетѣ, Массиліи это запрещалось женщинамъ; въ Родосѣ и Византіи законъ не допускалъ бритья бороды; законодательство Спарты установляло женскій уборъ. Послѣ пораженія Спартанцевъ при Левктрахъ родители убитыхъ воиновъ должны были, по предписанію начальства, являться въ свѣтъ съ веселыми лицами. Въ одно время въ Аѳинахъ,

гражданинъ; не смѣлъ не принадлежать къ какой нибудь партіи: за политическій индифферентизмъ его могло постигнуть изгнаніе и конфискація имущества. Воспитаніе дѣтей было въ полной власти государства: „не должно, говоритъ Платонъ, въ сочиненіи о Законахъ, предоставлять родителямъ волю — посылать или не посылать дѣтей къ учителямъ, избраннымъ гражданской общиной: дѣти вѣдь не столько принадлежатъ родителямъ, сколько ей,“ и спартанцы особенно строго держались этого принципа. Можно было вѣрить или не вѣрить въ божества, общія и міровыя, каковы напр., Зевсъ небесный или Юнона; можно было ненавидѣть и презирать боговъ сосѣдняго города, но никто не смѣлъ усумниться въ государственныя святыни; Сократъ поплатился жизнью за преступленіе подобнаго рода. Это былъ какой-то культъ государства и государственность нерѣдко также опутывала жизнь греческаго и римскаго гражданина, какъ на Востокѣ религіозныя предписанія. Но верховнымъ предметомъ этого культа было здѣсь, не внѣмірное божество, а земное отечество въ предѣлахъ

В. Кузмин

гражданской общины. Это была религія патріотизма. Личность приносилась въ жертву этому богу. Въ своихъ интересахъ государство могло карать невиннаго: Аристидъ былъ изгнанъ изъ отечества не за какое нибудь преступленіе, а за то, что своими доблестями снискалъ чрезмѣрное вліяніе и могъ сдѣлаться опаснымъ, если бы лишь захотѣлъ. Остракизмъ существовалъ не въ одномъ только Аѳинахъ: его знали въ Аргосѣ, въ Мегарѣ, въ Сиракузахъ. Salus populi suprema lex — изрѣченіе древнихъ. Поэтому свободу античный человѣкъ понималъ въ иномъ смыслѣ, нежели мы: для него она состояла въ политическихъ правахъ, въ подачѣ голоса на вѣчѣ, въ назначеніи магистратовъ, въ доступѣ къ общественнымъ должностямъ, а не къ личной индивидуальной свободѣ. Платонъ написалъ книгу о государствѣ, представивъ его первообразъ, существующій въ мірѣ идей: это — государственная жизнь грековъ возвышенная на степень идеи, это — ученіе объ исключительномъ подчиненіи частнаго всеобщему, о пожертвованіи личностью интересамъ государства, объ обращеніи добродѣтели нравственной въ поли-

Чупров

тическую. Но тутъ же на почвѣ греческихъ и римскихъ государствъ, стало вырабатываться и начало личности, неизвѣстное Востоку: легче было освободиться отъ поглощенія государствомъ, чѣмъ отъ уничтоженія въ религіозной идеѣ. Раньше всего почувствовалъ значеніе своего личнаго я, подвижной іонянинъ, но и вообще вездѣ началъ мало-по-малу пробиваться индивидуалистическій духъ, древняя строгость стала смягчаться и достоинство человѣка, какъ таковаго, было признано и отвлеченною мыслью, и нравами, и закономъ."

Вотъ съ этихъ то точекъ зрѣнія исторія Греціи и представляетъ большой интересъ; здѣсь впервые мы видимъ проявленіе отдѣльной личности и новое государство, идеаломъ котораго является, способствовать развитію индивидуальнаго значенія человѣка; при разрозненности гражданскихъ общинъ (политій) было и явленіе объединенія. Политическое объединеніе не могло совершиться раньше объединенія религіознаго потому что въ античномъ мірѣ религія предшествовала политикѣ. Тамъ, если нѣсколько государствъ вступа-

Лит. В. Комарова 11-я л. гр. 136-138.

В. Кузмин

ми въ борьбу, предполагалось, что воевали и
ихъ боги. Отсюда похищеніе боговъ и рели-
гіозный характеръ войны. Вотъ какъ опи-
сываетъ войны, происходящія между отдѣль-
ными греческими государствами, Fustel
de Coulanges. Война представляла такимъ
образомъ чудное зрѣлище. Вообразите себѣ
двѣ небольшія рати другъ противъ друга;
среди каждой ея идолы, ея алтари, ея знаме-
на со священными эмблемами; у каждой
свои ора[illegible]лы, обѣщавшіе ей успѣхъ, свои гада-
тели и вѣдун[illegible], завѣряющіе ее въ побѣдѣ.
Передъ битвой любой воинъ въ обѣихъ рядахъ
думаетъ и говоритъ какъ одинъ Грекъ у Еври-
пида: „Боги, что стоятъ за насъ сильнѣе
непріятельскихъ." Каждая рать посылаетъ
на врага заклятіе, въ родѣ сохраненнаго намъ
Макробіемъ: „О боги, распространите ужасъ,
страхъ и всякое зло между непріятелями.
Лишите солнечнаго свѣта этихъ людей
и всѣхъ, кто живетъ на поляхъ ихъ и въ ихъ
городѣ. Да будутъ обречены вамъ и ихъ го-
родъ, и ихъ поля, и ихъ головы, и ихъ лица." По
произнесеніи этихъ словъ, начинается съ
обѣихъ сторонъ бой, тѣмъ болѣе ярый, что
обѣ увѣрены въ силѣ своихъ боговъ и въ [illegible]

[illegible]

что должны биться противъ боговъ враждебныхъ. Нѣтъ пощады непріятелю; война беззаконная въ полномъ смыслѣ слова; религія преобладаетъ въ битвѣ и возбуждаетъ бойцовъ. Тутъ не можетъ быть никакого высшаго начала, умѣряющаго кровожадность; дозволяется приканчивать плѣнныхъ, добивать на смерть раненыхъ". Мы видѣли, что характернымъ явленіемъ въ древней греческой исторіи были городовыя государства, т. е. государства составившія изъ одного города или города вмѣстѣ съ окружавшей его областью. Часто являлось желаніе объединить всѣ эти города въ одно цѣлое, но желаніе это всегда встрѣчало сопротивленіе со стороны Грековъ, любившихъ именно подобное правленіе. Самые эти города и общины представляли собою позднее явленіе. Раньше ихъ были неукрѣпленныя деревни или сельскія общины, остатки родовыхъ союзовъ. Аристотель говоритъ намъ о существованіи именно такихъ союзовъ. Ихъ названія, оканчивающіяся на „аде" или „иды", указываютъ на то, что они ведутъ свое происхожденіе отъ именъ героевъ, основавшихъ ихъ, или значитъ, отъ именъ родона-

[illegible]

чальниковъ. Изъ соединенія этихъ союзовъ образовались городовыя государства. Даже въ V вѣкѣ некоторыя отдѣльныя греческія племена жили еще подобными сельскими общинами, не имѣвшими городовъ, а составлявшими такъ называемыя комы. Геродотъ подтверждаетъ намъ существованіе такого факта. Далѣе нѣсколько комъ заключали союзы, но не имѣли еще общаго городового центра. Въ греческихъ мѣстахъ можно прослѣдить даже въ болѣе позднюю эпоху, ясно замѣчаемое соединеніе отдѣльныхъ комъ. Спарта представляетъ соединеніе или точнѣе сожительство, 5 деревень. Явленіе это носитъ названіе синойкизма, что значитъ сожительство. Вслѣдствіе этого, въ греческомъ языкѣ одно и тоже слово „полисъ" обозначало и территорію окружающую городъ и самый укрѣпленный центръ. Въ настоящемъ своемъ значеніи, слово полисъ употреблялось въ томъ смыслѣ, въ какомъ теперь употребляется въ Швейцаріи кантонъ, въ смыслѣ области, окружающей городъ. Городское же поселеніе обозначалось словомъ „Асты". Иногда жители цѣлой территоріи переселялись въ такой городъ, иногда

да переселялась только часть, другие же оставались въ деревняхъ, хотя и считались гражданами города. Такимъ образомъ, значитъ, образованію города, предшествовали родовые союзы, составляющіе Комы, нѣсколько позднѣе явилось соединеніе нѣсколькихъ Комъ безъ центра, наконецъ явился центръ, т. е. образовался городъ. Этотъ процессъ пошелъ и дальше: явилось соединеніе городовъ на чисто религіозной почвѣ, явились такъ наз. амфиктіоніи, о которыхъ уже было говорено. Кромѣ амфиктіоній, имѣвшихъ главнымъ образомъ религіозное значеніе, возникли еще союзы племенные. Въ Греціи существовало нѣсколько діалектовъ, отличающихъ одно племя отъ другаго. На основаніи этого различія, города, принадлежащіе къ одному племени, заключаютъ союзы, имѣющіе отчасти религіозный, отчасти политическій характеръ. Въ Малой Азіи 12 іонійскихъ городовъ, составили такой союзъ и въ знакъ принадлежности къ одному племени устроили общее Іонійское святилище богу Посейдону. Когда іонійскимъ городамъ грозила какая-нибудь опасность, эти религіозныя собранія станови-

жались

мы политическими; тамъ разсматривались болѣе важныя дѣла, касающіяся всего союза. Въ Беотіи, всѣ города представляли единъ союзъ съ городомъ Өивы во главѣ. Это не была столица, потому что ей не удалось слить съ собой всѣ другіе города. Въ Аттикѣ же произошло именно подобное сліяніе, тамъ отдѣльныя комы соединились въ города, города слились, такъ сказать въ единъ городъ Аѳины. Послѣ этого хотя и существовали отдѣльныя поселенія, но они считались лишь частью Аѳинскаго государства. Процессъ шелъ еще далѣе и, опираясь на почвѣ необходимости защищаться отъ общаго врага, Греки стали заключать различные союзы. Симмахіи, т. е. союзы для военныхъ цѣлей. Такія Симмахіи находились подъ предводительствомъ одного какого нибудь города, и предводительство это называлось Гегемоніей. Города входящіе въ союзъ должны были подчиняться господству того города, которому принадлежала Гегемонія. Существовала Спартанская Симмахія. Нѣсколько городовъ представляли союзъ, во главѣ котораго стояла Спарта. Условіями союза были: 1) Спарта

-ла могла предпринять никакого решенія касающагося всего союза, безъ согласія городовъ. 2) Она не должна была вмѣшиваться во внутреннее правленіе каждаго отдѣльнаго города. Слѣдовательно города продолжали существовать какъ отдѣльныя республики, а только входили въ союзъ для военныхъ цѣлей; они во время войны только подчинялись предводительству Спарты. Спарта, во время Греко-Персидскихъ войнъ должна была уступить гегемонію Аѳинамъ. Между Спартой и Аѳинами возникло соперничество, представляющее изъ себя весьма любопытную страницу въ греческой Исторіи. Кромѣ Симмахій, возникали Симполитіи, т. е. такіе союзы, когда два города, не теряя своей самостоятельности каждый, составляли одну гражданскую общину. Таковы были Коринѳъ и Аргосъ. Граница между ними была уничтожена и они представляли одну политію. Въ болѣе позднія времена образовались союзы-федераціи, о которыхъ теперь упоминаемъ только потому, что при дальнѣйшемъ изложеніи съ ними придется встрѣчаться. Итакъ мы видимъ, что у Грековъ всѣ-

таки

ствіе опасности отъ общихъ враговъ, возникало много союзовъ, но они никогда не могли привести Грецію къ единому государству и лишь внѣшняя сила сдѣлала это соединеніе.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію чисто исторической эпохи, которую нужно начать лишь съ VI вѣка, хотя и здѣсь еще не существуетъ вполнѣ достовѣрной исторіи. Здѣсь мы встрѣтимся съ двумя родами фактовъ: 1) касаются всѣхъ Грековъ, 2) исторіи отдѣльныхъ гражданскихъ общинъ. Каждый городъ въ Греціи имѣетъ свою лѣтопись и свою исторію. Изъ всѣхъ гражданскихъ общинъ, которыя существуютъ въ античномъ мірѣ, намъ лучше извѣстны Спарта и Аѳины. На исторіи этихъ то двухъ общинъ мы и остановимся, потому, 1), что исторія ихъ болѣе извѣстна и болѣе достовѣрна; 2) эти два государства въ историческую эпоху существованія Грековъ стоятъ во главѣ всѣхъ остальныхъ. Сначала во главѣ мы видимъ Спарту, затѣмъ Аѳины, затѣмъ опять Спарту. Соперничество между этими двумя государствами представляетъ одну изъ главныхъ сторонъ въ

сов.

исторіи Греціи. 3) Эти два государства принадлежатъ къ двумъ разнымъ типамъ. Спарта, происхожденія Дорійскаго, Аѳины — Іонійскаго; Дорійцы же по степени одаренности стоятъ гораздо ниже Іонійцевъ. Все великое, что совершили Греки, главнымъ образомъ принадлежитъ племени Іонійскому, жившему не въ однѣхъ только Аѳинахъ, но въ Малой Азіи и по островамъ. Спарта, государство сухопутное, Аѳины — морское. 4) Различіе Спарты и Аѳинъ касается и экономической стороны. Спарта, обращавшая главное вниманіе на пріобрѣтеніе земель, представляла государство земледѣльческое; Аѳины — государство промышленное и торговое. 5) Спарта, государство консервативное, тогда какъ Аѳины государство прогрессивное. Отсюда еще одинъ пунктъ различія. Спарта сохраняетъ старыя формы правленія и даже защищаетъ ихъ въ другихъ государствахъ. Этой старой формой правленія являлось аристократическое правленіе, которое, какъ мы увидимъ, долго держалось въ Спартѣ; она стояла всегда во главѣ государствъ аристократическихъ, тогда

нымъ Аѳины, во главѣ государствъ демократическихъ. Въ соперничествѣ этихъ двухъ городовъ выразилась борьба двухъ началъ, аристократическаго и демократическаго. На основаніи всего перечисленнаго, мы и остановимся болѣе подробно на разсмотрѣніи исторіи Спарты и исторіи Аѳинъ. Займемся сначала исторіею Спарты. Къ числу древнѣйшихъ фактовъ ея исторіи принадлежитъ Дорійское вторженіе въ Пелопонесъ и происшедшее послѣ того переселеніе народовъ. Легенда, сложившаяся впослѣдствіи, разсказываетъ, что вторженіе совершилось подъ предводительствомъ трехъ братьевъ: Темена, Кресфонта и Аристодема. Они завоевали Пелопонесъ и раздѣлили его такимъ образомъ, что старшій Теменъ получилъ Аргосъ, Кресфонтъ — Мессенію, Аристодемъ же умеръ во время дѣлежа и третья область Пелопонеса Лаконія была отдана его сыновьямъ: Проклу и Еврисѳену. Эта легенда объясняетъ намъ тотъ фактъ, что въ Спартѣ существовало два царя; объясненіе въ томъ, что ее завладѣли два брата. Царскія династіи въ Спартѣ назывались:

Агидъ и Эврипонтиды. Дѣйствительно для науки является загадкой, какимъ образомъ въ Спартѣ было двое царя. Для разрѣшенія этой загадки придумали разнаго рода гипотезами. Объясненіе легендой было отвергнуто на томъ основаніи, что 1) въ эпоху завоеваній власть всегда принадлежитъ одному лицу 2) самый характеръ древне-греческихъ учрежденій противорѣчитъ такого рода объясненію, потому что у Грековъ всегда былъ одинъ царь и если наслѣдниками являлось нѣсколько сыновей, то престолъ получалъ лишь одинъ изъ нихъ - старшій. Отвергая то объясненіе, которое даетъ легенда, нѣкоторые предполагаютъ, что Спарта образовалась изъ сліянія двухъ общинъ, подобно тому, какъ это мы видимъ въ исторіи Рима. Война между Римлянами и Сабинянами окончилась договоромъ, по которому Сабиняне переселились въ Римъ, и съ этого времени въ Римѣ явилось два царя: одинъ изъ Римлянъ, другой изъ Сабинянъ. При этомъ нѣкоторые предполагаютъ, что слившіяся общины были неодинаковаго происхожденія: одна - дорійская

ствіе, другія — туземнаго. Многіе объяс-няютъ фактъ появленія въ Спартѣ 2-хъ царей еще иначе, по аналогіи съ тѣмъ, какъ въ Римѣ послѣ отмѣны царской власти явилось два консула. Наконецъ существуетъ и еще одно предположеніе, заключающееся въ томъ, что въ Спартѣ аристократическія фамиліи раздѣлялись на два соперничающіе лагеря, примиреніе которыхъ состоялось на томъ, чтобы было два царя и одинъ изъ нихъ выбирался изъ одного рода, другой изъ другого. Всѣ эти гипотезы перечисляются для того, чтобы показать, какъ много изучалась исторія Спарты.

Теперь же обратимся снова къ нашему вопросу. Въ эпоху дорійскаго завоеванія въ Спартѣ, кромѣ полноправныхъ гражданъ Спартіатовъ, были еще Илоты, государственные рабы. Какъ образовалось въ Спартѣ сословіе Илотовъ, ясно изъ преданія и по аналогіи съ другими государствами. Рядомъ съ Илотами въ Лаконіи еще есть классъ, пользующійся личной свободой, но не входящій въ число гражданъ; это періойки (періэки) окружные жители. Они

образовались вѣроятно изъ первобытныхъ жителей Лаконіи, которые не были завоеваны, но подчинились добровольно. Опредѣленіе отношеній между сословіями и всѣ учрежденія Спарты, древнее преданіе приписываетъ Ликургу, бывшему опекуномъ одного изъ царей. Все то, что приписывается Ликургу преданіемъ и что повторяется затѣмъ въ учебникахъ исторіи, относится къ области вымысла. Ликургъ жилъ въ IX-мъ вѣкѣ, а отъ IX-го вѣка не осталось никакихъ извѣстій, значитъ сохранились лишь одни преданія. Замѣчательно, что чѣмъ ближе мы подходимъ къ тому времени, когда жилъ Ликургъ, тѣмъ кратче свѣдѣнія о немъ. Въ IV вѣкѣ спартанскій царь Павзаній составилъ сочиненіе о томъ, какъ возникъ настоящій порядокъ въ Спартѣ и приписывалъ все устройство его Ликургу. Въ III вѣкѣ два спартанскихъ царя, желавшіе произвести соціальный переворотъ, стали приписывать Ликургу такія вещи, кот. ему никогда не могли принадлежать. И такимъ образомъ легенда о Ликургѣ все расширялась и расширялась, и обратилась нако-

ницъ въ такую, какою мы находимъ ее у Плутарха (во II вѣкѣ по Р. Х.). Настоящее рѣшеніе этого вопроса заключается въ томъ, что Ликургъ лишь миѳъ, божество, которому поклонялись Спартанцы, и что только легенда создала изъ него царя и законодателя.

Кромѣ извѣстій, упавшихъ Плутархомъ, описаніе Спартанскаго устройства мы находимъ у многихъ греческихъ писателей. Особенности этого устройства сводятся къ слѣдующему: 1) полному подчиненію личной жизни общему интересу; 2) чисто аристократическому правленію. Спарта въ теченіи всей своей исторической жизни представляетъ ничто иное, какъ вооруженный лагерь. Съ момента своего появленія въ исторіи Спартанцы, какъ потомки Дорянъ завоевываютъ Пелопонесъ; дальше преобладаніе незначительной сравнительно части населенія надъ всѣми остальными, требуетъ непремѣнно военной организаціи государства; наконецъ, для поддержанія своего главенства передъ всѣми остальными греческими государствами, Спартанцы должны были сохранять и разви-

вать эту военную организацію. Спартанцы жили всѣ въ одномъ городѣ и потому слово Спартанецъ означало именно жителя города Спарты, а не все население, какъ это было въ Аѳинахъ; все население здѣсь носило имя Лакедемонянъ. Спартанскіе граждане прежде всего были воины, и все воспитаніе стремилось къ тому, чтобы создать воина, сильнаго духомъ и тѣломъ. Этотъ военный классъ, имѣлъ чисто аристократическое устройство, кот. Спартанцамъ было необходимо поддерживать для того, чтобы это сословіе удерживало всю власть. Всѣ остальныя условія жизни въ Спартѣ вытекаютъ именно изъ этихъ 2ухъ главныхъ: подчиненія личной жизни общему интересу и чисто аристократическаго устройства государства.

Такимъ образомъ рисуютъ намъ жизнь Спарты, древнѣйшіе писатели; затѣмъ долгое время о Спартѣ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій. Позднѣе Спарта является поддерживающей аристократію во всѣхъ другихъ государствахъ; она старается играть весьма выдающуюся роль и первый союзъ греческихъ государствъ образуется подъ ся-

тайско

гегемоній. Здѣсь мы находимъ и указаніе на Мессенскія войны. Спартанцы занимаясь постоянными упражненіями, необходимыми для того, чтобы создать изъ себя воиновъ, не могли заниматься ни земледѣліемъ, ни промышленностью; это находилось всецѣло ——— въ рукахъ Илотовъ. Главное богатство аристократіи давало конечно землевладѣніе, поэтому Спартанцы стремились къ пріобрѣтенію новыхъ земель и потому то они очень рано обратили свои взоры на плодородную Мессенію, и ихъ исторія говоритъ намъ о двухъ Мессенскихъ войнахъ: первой въ VIII вѣкѣ до Р. Х., второй въ VII вѣкѣ. Эти войны украшены различными подробностями, часто преувеличенными; результатомъ обѣихъ было подчиненіе всей Мессеніи и обращеніе жителей ея въ Илотовъ. Послѣ покоренія Мессеніи, Спарта расширила свои владѣнія еще насчетъ Аргоса и Аркадіи. Наконецъ они старались расширить вліяніе своего государства и посредствомъ союзовъ, образованныхъ подъ ихъ главенствомъ, такъ называемыхъ Симмахій. Въ эту эпоху Спар-

-танцы систематизировали свое воспитаніе и свое аристократическое, можно сказать олигархическое устройство. Благодаря отчасти этой привязанности къ аристократическому правленію Спартанцамъ удалось составить такой обширный союзъ. Такъ, когда въ другихъ государствахъ происходила борьба аристократіи съ демократіей, аристократы обращались за помощью къ Спартанамъ и послѣ этого они вошли въ составъ Спартанской симмахіи. Кромѣ того Спарту выдвинуло еще то обстоятельство, что она систематически преслѣдовала вездѣ тиранію, ненавидя ее именно за ея демократичность. Благодаря всему этому къ началу Греко-Персидскихъ войнъ почти весь Пелопоннесъ входилъ въ составъ Спартанскаго союза. Спарта имѣла некоторое значеніе и на морѣ, потому что Эгина принадлежала къ ея союзу. Для греческихъ государствъ образованіе подобнаго союза было очень выгодно потому, что для нихъ было необходимо имѣть какую нибудь значительную защиту отъ внѣшнихъ враговъ. Но весьма интересно то,

[illegible] 136-138.

въ к[illegible]

фактъ, что, когда пришлось оказать сильное сопротивленіе Персамъ, это сдѣлала не Спарта, а Аѳины, и послѣ того многія государства перешли подъ главенство Аѳинянъ, образовавшихъ новый союзъ, новую Симмахію подъ своей гегемоніей. Дѣло было такъ, что, когда возстали Малоазійскіе Греки, Спарта не подала имъ помощи. Нѣкоторые историки обвиняютъ за это Спарту въ своекорыстіи, черта дѣйствительно свойственной ей; но въ данном случаѣ было совершенно иное: Спарта ничего не могла бы сдѣлать одна, особенно противъ частыхъ возстаніяхъ Илотовъ, кот. происходили, а увлечь своимъ примѣромъ другія государства, входящія въ союзъ, не считала возможнымъ. Помощь Малоазійскимъ Грекамъ оказали Аѳиняне, и они возвысились съ этихъ поръ. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію внутренняго устройства Спарты. Когда Доряне завоевали Пелопонессъ, вся земля поступила въ общественное достояніе и была раздѣлена между спартіатами на равновеликіе участки. Легенда приписываетъ этотъ раздѣлъ Ликургу, но по-

вшіе ученые усумнились не только въ томъ, что раздѣлъ былъ произведенъ Ликургомъ, но и въ самомъ фактѣ существованія раздѣла. Гротъ утверждаетъ, что легенда о раздѣлѣ возникла въ III вѣкѣ при царяхъ Агисѣ III и Клеоменѣ III. Фактъ, что завоеванныя земли у Грековъ всегда дѣлились. Когда Доряне завоевали долину Еврота напр., они раздѣлили ее на равные участки между всѣми. Напр. участковъ было 6000, а потомъ было прибавлено еще 3000, всего значитъ ихъ было 9000 участковъ или клеровъ, и 9000 полноправныхъ гражданъ, удерживавшихъ въ зависимости остальное населеніе, Илотовъ. Закономъ запрещалось продавать эти участки, потому что каждый участокъ обезпечивалъ жизнь гражданина. Если владѣтель участка умиралъ безъ наслѣдниковъ, то участокъ переходилъ въ собственность государства. Сами Спартіаты не занимались обработкою ихъ, для этого существовали Илоты, платившіе оброкъ своему господину. Илоты не были частными крѣпостными, они считались собственностью всего государства. Спар-

Спар.

тіаты не имѣли право освободить Илота, онъ только могъ быть освобожденъ государствомъ. Случаи подобнаго освобожденія за услуги на войнѣ бывали въ Спартѣ и они доказываютъ, что Спартанцы часто нуждались въ людяхъ для пополненія войска. Освобожденные Илоты, называемые Неодамодами, не имѣли всѣхъ правъ гражданъ; къ сожалѣнію мы ничего не можемъ сказать объ ихъ правахъ. Положеніе Илотовъ было очень печально, они пользовались каждымъ случаемъ возможности освободиться отъ власти Спартіатовъ. Чтобы надзирать за Илотами, у Спартанцевъ существовала цѣлая служба, Криптія, заключающаяся въ томъ, что молодые люди были обязаны обходить все государство и если находили лицъ, могущихъ по ихъ мнѣнію возбудить возстаніе, могли даже убивать ихъ. Еще классъ свободныхъ періойки (періоки), населеніе отдѣльныхъ мѣстностей, управляемыхъ особыми лицами, посланными Спартой. Земли ихъ были плохи, и потому они занимались главнымъ обра-

[illegible]

зомъ, промышленностью и торговлей. Конечно небольшая кучка Спартіатовъ не могла бы имѣть такого важнаго военнаго значенія, еслибы опиралась на Періойковъ и Илотовъ. Полноправіе гражданъ давалось рожденіемъ, но у Спартанцевъ необходимо было еще извѣстное воспитаніе и участіе въ военной жизни, созданной для всѣхъ гражданъ. Внѣшнимъ признакомъ полноправія было участіе въ общественныхъ обѣдахъ, для которыхъ каждый гражданинъ вносилъ извѣстное количество продуктовъ и денегъ. Обѣдало человѣкъ по 10, по 15 вмѣстѣ; причемъ кружки эти составлялись по симпатіямъ. Тѣ, которые уклонялись отъ подобныхъ обязанностей, или не могли вносить опредѣленнаго количества денегъ и продуктовъ, лишались нѣкоторыхъ правъ; этимъ и можно объяснить существованіе двухъ классовъ: „равныхъ" и „нищихъ". Несмотря на то, что каждый Спартанецъ имѣлъ опредѣленный участокъ, имущественнаго равенства не было. Нѣкоторые пріобрѣтали себѣ земли, покупая ихъ

жител

у Періойковъ; земли другихъ дробились
на мелкіе участки. Между Спартан-
цами были и капиталисты, хотя дер-
жать у себя золота и серебра не позволялось.
Официальнымъ мѣриломъ цѣнности бы-
ли желѣзные кружки и полосы, но преду-
предить скопленіе серебра и золота было
невозможно. На существованіе въ Спартѣ
двухъ царей уже было указано, было указано
и на то, что одинъ изъ нихъ принадле-
жалъ къ роду Агидовъ, а другой Эврипидовъ.
По смерти царя наслѣдовалъ старшій
сынъ, если было нѣсколько сыновей, причемъ
нѣкоторые изъ нихъ родились въ то время,
когда отецъ еще не былъ царемъ, другіе же
уже во время царствованія, то наслѣдовалъ
старшій изъ порфирородныхъ. Если у ца-
ря не было сыновей, то наслѣдовалъ стар-
шій изъ агнатовъ. Цари имѣли значеніе
религіозное. Описывая бытъ жрецовъ, Fus-
tel de Coulanges, выдвигаетъ именно жре-
ческое достоинство царя. Кромѣ то-
го цари были полководцами; они могли
объявлять походъ и начинать войну, но
съ теченіемъ времени они лишились
этого права, они съ теченіемъ времени

Кургав.

(съ теченіемъ времени) и въ качествѣ полководцевъ не были полноправными, отдавая въ каждомъ своемъ поступкѣ отчетъ эфорамъ. Первоначально войсками предводительствовали оба царя, но это порождало ссоры, и было рѣшено, что предводительствовать долженъ одинъ царь. Который — рѣшалъ выборъ. Они получали свои доходы, потому что имъ были выдѣлены отдѣльные участки. Имъ принадлежали нѣкоторыя привилегіи, сравнительно съ остальными гражданами; такъ, они могли обѣдать дома и получали 2 порціи. Настоящая же власть сосредоточивалась въ другихъ учрежденіяхъ, и именно: въ Совѣтѣ старѣйшинъ Герусіи, состоящей изъ 28 членовъ стариковъ, имѣвшихъ больше 60 лѣтъ. Въ Герусіи имѣли право голоса и оба царя, такъ что число членовъ равнялось 30. Члены были выборные на всю жизнь. Выборъ рѣшался просто крикомъ. Спартанцы выкрикивали имена тѣхъ, которыхъ они желали видѣть членами Герусіи. Всѣ важныя дѣла рѣшались здѣсь; Герусія могла отклонить рѣшеніе народа, признанное ею неправильнымъ. Затѣмъ народное собраніе, собиравшееся каждый мѣ-

тайный

сяцъ; въ немъ принимало участіе граждане, достигшіе тридцатилѣтняго возраста; предсѣдательствовалъ царь. Съ теченіемъ времени въ народномъ собраніи предсѣдательствовалъ одинъ изъ эфоровъ. Вопросы здѣсь рѣшались простымъ крикомъ, возвѣщавшимъ, согласенъ ли народъ принять извѣстное рѣшеніе или нѣтъ. Если нельзя было разслышать отвѣта, то весь народъ раздѣлялся на 2 части: согласныхъ принять рѣшеніе и несогласныхъ. Этому собранію представлялось рѣшать вопросы войны, мира, заключенія союза, но эти вопросы обсуждались предварительно Герусіей. Предводитель на войну выбирался тоже здѣсь. Съ теченіемъ времени власть сосредоточилась въ рукахъ эфоровъ. Первое время это были вѣроятно чиновники, имѣвшіе право полицейскаго надзора; это видно изъ того, что при вступленіи на службу, они обращались къ гражданамъ съ требованіями брить усы и другими подобными же требованіями. Они, такимъ образомъ, слѣдили за дисциплиной гражданъ. Съ теченіемъ времени эта должность получила значеніе

сов.

устойчивости политической. Такъ какъ Спартанцы боялись, чтобы власть не захватилъ какой нибудь тиранъ, то естественно, что эфоры, наблюдавшіе за этимъ, получили громадное значеніе. Ихъ было пять, выбирались они на одинъ годъ, по большинству голосовъ. Власть ихъ была такъ значительна, что въ V вѣкѣ они фактически устранили царей и стали управлять вмѣстѣ съ Герусіей всѣмъ государствомъ; они наказывали преступниковъ какимъ либо образомъ отступившихъ отъ дисциплины, принимали отчетъ должностныхъ лицъ. Власть ихъ была ограничена необходимостью отчета по окончаніи срока службы.

Теперь придется заняться исторіей тѣхъ внутреннихъ переворотовъ, которые произошли въ Аѳинскомъ государствѣ въ VI вѣкѣ и которые изъ Аѳинскаго государства распространились по другимъ греческимъ государствамъ. Первый изъ такихъ переворотовъ относится къ началу VI вѣка и тѣсно связанъ съ именемъ Солона. Преданіе разсказываетъ намъ о томъ, какимъ образомъ совершился этотъ пере-

воротъ, но къ сожалѣнію у насъ нѣтъ данныхъ, идущихъ отъ самыхъ временъ Солона, которымъ мы могли бы все таки больше вѣрить; потому-то и существуютъ въ исторіи этого переворота нѣсколько неясныхъ пунктовъ, хотя вообще-то мы можемъ установить извѣстный историческій взглядъ на значеніе реформы, произведенной Солономъ. Первая мѣра, предпринятая имъ, носитъ названіе сейсахтіи, что значитъ снятіе бремени. Въ Аѳинскомъ государствѣ было масса должниковъ, многіе изъ которыхъ были даже лишены личной свободы. Солонъ и предпринялъ особыя мѣры, которыя должны были прекратить подобныя отношенія, но каковы именно были эти мѣры вполнѣ точно судить невозможно. Нѣкоторые говорятъ, что Солонъ только уменьшилъ долги, понизивъ цѣну монеты (100 драхмъ стало равняться 73 драхмамъ). Само собой разумѣется, что это было очень важно, но это облегчало лишь долги, но не уничтожало ихъ. Другіе говорятъ, что онъ произвелъ расплату по всѣмъ долгамъ, которые были обезпечены личностью. Каковы же были именно его мѣры намъ къ несчастію достовѣрно не-

извѣстно

извѣстно. Такъ какъ къ этому вопросу мы еще вернемся впослѣдствіи, то теперь пойдемъ далѣе. Все населеніе въ Аѳинскомъ государствѣ дѣлилось на сословія, и принципомъ дѣленія было рожденіе. Родившіеся отъ фамилій знатныхъ, аристократическихъ отъ фамилій неаристократическихъ и отъ рабовъ. Солонъ ввелъ новое дѣленіе гражданъ, основанное на количествѣ имущества; онъ раздѣлилъ все населеніе на 4 класса: первый, пентакозіомедимны, собирающіе съ своихъ полей не менѣе 500 медимновъ хлѣба; второй — всадники — люди менѣе зажиточные, однако же зажиточные на столько, чтобы получать 300 медимновъ; третій — Зевгиты; къ нему принадлежали тѣ, кот. имѣли достаточное количество земли, чтобы получать 150-200 медимновъ хлѣба; четвертый классъ — Тетовъ (Фетовъ), наиболѣе бѣдныхъ гражданъ получалъ меньше первыхъ трехъ классовъ и не платилъ ничего. Всѣ эти классы сообразно съ различіемъ платимыхъ податей имѣли различныя права и несли различныя обязанности. Первые три класса составляли тяжеловооруженныхъ воиновъ, чет-

СМ—[illegible]

вертый классъ мякововооруженныхъ. Когда было заведенъ флотъ, гребцовъ брали обыкновенно изъ четвертаго класса. Это обстоятельство послужило впослѣдствіи къ возвышенію и четвертаго класса и дарованію ему правъ. Въ эпоху же Солона, такимъ образомъ, только три класса имѣли доступъ къ государственнымъ должностямъ; они, обладая большимъ имуществомъ, должны были нести болѣе тяжелую службу, но зато имѣли и большія права. На основаніи этой классификаціи граждань организовано было и общественное управленіе. Во главѣ государства стояло 9 архонтовъ, завѣдывающихъ разными частями администраціи и руководившихъ судопроизводствомъ. Первый - Эпонимъ, предсѣдательствующій, завѣдывалъ главнымъ образомъ семейными дѣлами; онъ имѣлъ большое значеніе въ жизни Грековъ, потому что семья имѣла религіозное значеніе; второй Базилевсъ, царь, онъ долженъ былъ вѣдать дѣла религіозныя и чисто судебныя, именно уголовныя дѣла; третій - полемархъ - предводительствовалъ войсками; ему же принадле-

Жали

чало разсмотрѣнiе всѣхъ дѣлъ, касающихся иностранцевъ. Остальные шесть архонтовъ, называемые Фесмотетами, составляли коллегiю, занимающуюся преимущественно судебными дѣлами. Эфеты однакожъ не были уничтожены; они по прежнему занимались судебными дѣлами. Всѣ бывшiе архонты составляли ареопагъ. Такъ какъ въ архонты избирались одни лишь граждане I-го класса, то ареопагъ представлялъ оплотъ аристократiи; ему принадлежали дѣла большой важности: онъ судилъ за преступленiя противъ религiи и нравственности, каралъ злоупотребленiя, могъ требовать къ отвѣту чиновниковъ и даже имѣлъ право отмѣнять рѣшенiя народнаго собранiя, если находилъ ихъ несогласными съ благомъ и достоинствомъ государства. Власть каждаго архонта отдѣльно въ той области, которой онъ завѣдывалъ, была подъ контролемъ Совѣта четырехсотъ; членами этого совѣта (βουλή) могли быть граждане всѣхъ трехъ классовъ, имѣющихъ доступъ къ занятiю какой бы то ни было должности. Чтобы сдѣлаться членомъ

[illegible]

этого совѣта, нужно было имѣть не менѣе тридцати лѣтъ. Такъ какъ извѣстія, дошедшія до насъ о законодательствѣ Солона, довольно скудныя, то мы не можемъ сказать точно, какія права принадлежали этому Совѣту и какова была его компетенція. Число 400, число членовъ Совѣта, объясняется тѣмъ, что при Солонѣ удержалось раздѣленіе на 4 филы, каждая изъ которыхъ избирала 100 членовъ. Кромѣ того еще существовалъ судъ Геліастовъ; это было чисто демократическое учрежденіе и оно послужило такъ сказать, зерномъ изъ котораго развилось впослѣдствіи господство демократіи въ Аѳинахъ. Геліасты подъ предсѣдательствомъ Ѳесмотетовъ разсматривали гражданскія дѣла. Вотъ тѣ свѣдѣнія о законодательствѣ Солона, которыя можно признать достовѣрными.

Изъ нихъ мы видимъ, что Солонъ улучшилъ положеніе бѣдныхъ гражданъ; теперь это сдѣлались люди, экономически обезпеченные хоть сколько нибудь: онъ открылъ имъ путь къ участію въ управленіи. Само собой разумѣется, что Солонъ создалъ такимъ образомъ, только первую ступень

курса

перехода власти отъ аристократіи къ демократіи. Теперь правда, преимущество отдавалось не столько рожденію, сколько имуществу, но такъ какъ болѣе знатные роды были въ тоже время и болѣе богатые, то перевѣсъ все еще былъ на сторонѣ аристократіи. Весьма любопытно, что аналогичная реформа происходила въ Римѣ. Тамъ также существовали граждане, которые имѣли всѣ права, Патриціи и рядомъ съ ними другіе жители, которые не имѣли никакихъ правъ, Плебеи. Сервій Туллій дѣлитъ все населеніе на 5 классовъ по имуществу. Такимъ образомъ тимократическій принципъ онъ проводитъ и въ Римѣ. Въ сущности реформа Солона представляетъ смѣсь между различными началами. Инниціатива, такъ сказать государственной жизни принадлежитъ аристократіи, такъ какъ ни одинъ законъ не могъ обсуждаться народнымъ собраніемъ, если онъ не былъ предложенъ и предварительно одобренъ совѣтомъ 400; но въ то же время даны были довольно значительныя права и имуществу, такъ какъ не одно рожденіе давало входъ въ совѣтъ

тогда

400. Наконецъ народная масса точно также получала извѣстныя права и даже бѣдные классы могли принимать участіе хотя лишь въ томъ, что они производили выборы. Общепринятый взглядъ на реформу Солона заключался въ томъ, что Солонъ давалъ значеніе только имуществу, которое заключалось въ землѣ; тогда какъ могли быть люди очень богатые напр. купцы, но не имѣвшіе совершенно земли. Другіе предполагаютъ, что Солонъ далъ права и тѣмъ гражданамъ, имѣніе которыхъ заключалось, напр. въ товарѣ. Трудно рѣшить конечно этотъ вопросъ. Тѣ, кот. говорили, что Солонъ далъ права только землевладѣльцамъ, основываются на исчисленіи доходовъ хлѣбомъ, кот. было въ Аѳинахъ. Но такое исчисленіе могло существовать лишь ради удобства. Тотъ, кто получалъ доходовъ на столько, чтобы могъ купить 100 медимновъ хлѣба, говорилось, имѣлъ 100 медимновъ, и т. д. Во всякомъ случаѣ этотъ пунктъ въ законодательствѣ Солона неясенъ. Слѣдующая исторія переворотовъ въ Аѳинахъ отрывочна.

Недавно былъ найденъ папирусъ, на ко-

сов.

торымъ сохранились отрывки сочиненія Аристотеля о государствѣ Аѳинянъ; сочиненіе это не дошло до насъ цѣликомъ. Изъ отрывковъ его, мы узнаемъ, что вскорѣ послѣ законовъ Солона, вѣроятно около 590 г. произошелъ въ Аѳинахъ переворотъ. Произошли смуты, результатомъ которыхъ было то, что въ архонтатѣ 4 мѣста было отдано эвпатридамъ, 3 — землевладѣльцамъ, которые не были эвпатриды, 2 мѣста — городскимъ жителямъ. Изъ этого мы видим, что эвпатриды и землевладѣльцы представляютъ въ эту эпоху всетаки преобладающій элементъ. Дальнѣйшая исторія представляетъ внутренніе смуты, въ которыхъ принимаютъ участіе жители отдѣльныхъ мѣстностей Аѳинскаго государства. Борьба эта окончилась тѣмъ, что въ Аѳинахъ возникла тиранія. Ловкій и сильный Аѳинянинъ, Пизистратъ, захватилъ власть въ свои руки, хотя ему приходилось удаляться нѣсколько разъ изъ отечества, всетаки онъ твердо захватилъ власть и послѣ него тиранія перешла въ руки его сына. У насъ существуетъ очень подробный разсказъ Геродота о дѣя-

ить власти Пизистратомъ. Пизистратъ, который во время междоусобной распри между жителями прибрежья-паралами, и жителями равнины, педіэями, — первые съ Мегакломъ, сыномъ Алкмеона во главѣ, вторые съ Ликургомъ сыномъ Аристолаида, — замыслилъ сдѣлаться тираномъ и съ этою цѣлью образовалъ третью партію. Собравши около себя бунтовщиковъ и на словахъ выдавая себя за вождя горныхъ жителей, діакріевъ, онъ совершилъ слѣдующее: изранивши себя и муловъ своихъ, онъ въ повозкѣ отправился въ такомъ видѣ на площадь, какъ бы убѣгая отъ враговъ, которые будто бы желали убить его на пути за городъ и упрашивалъ народъ, дать ему для себя какую-либо стражу. Раньше этого Пизистратъ прославился въ войнѣ съ мегарянами тѣмъ, что взялъ Нисею и другими громкими подвигами. Аѳинскій народъ дался въ обманъ и выбралъ для Пизистрата изъ среды гражданъ нѣсколько человѣкъ; они были впрочемъ не копьеносцами Пизистрата, но дубиноносцами, потому что съ дубинами въ рукахъ слѣдовали за нимъ. Съ Пизистратомъ во главѣ они отпра-

нями щитъ и дубинами охранителями. Пи-
зистратъ такимъ образомъ достигъ вла-
сти надъ Аѳинянами; однако онъ оста-
вилъ неприкосновенными существующія госу-
дарственныя учрежденія, не измѣнилъ за-
коновъ и управлялъ государствомъ правиль-
но и честно согласно установившимся по-
рядкамъ. Царствовалъ онъ недолго: сторон-
ники Мегакла и Ликурга пришли къ со-
глашенію между собою и изгнали Пизи-
страта. Такъ онъ въ первый разъ овладѣлъ
Аѳинами и потерялъ власть, потому что
она не была еще упрочена. Впрочемъ изгнав-
шіе Пизистрата снова затѣяли между
собою распрю, и Мегаклъ, тѣснимый соб-
ственной партіей, предложилъ Пизистра-
ту, не желаетъ ли онъ жениться на его, Ме-
гакла, дочери, и получить за это власть.
Пизистратъ изъявилъ готовность согла-
ситься на предлагаемыя условія. Для возвра-
щенія въ Аѳины сообщниками его при-
думано, по моему мнѣнію, нелѣпѣйшее
средство; эллины издавна уже отдѣлились
отъ варваровъ, были сообразительнѣе
ихъ и болѣе свободны отъ глупой наивно-
сти и однако же эти люди употребили

[illegible]

въ то время противъ Аѳинянъ, которые считаются первыми по разсудительности среди эллиновъ, слѣдующую хитрость: въ деревнѣ Пеаніи была женщина по имени Фія, красивой наружности и четырехъ локтей безъ трехъ пальцевъ росту. Нарядивши эту женщину въ полное вооруженіе, они помѣстили ее на повозку, придали ей такое положеніе, въ какомъ она казалась бы наиболѣе представительной и такъ направились въ городъ. Впереди бѣжали герольды, которые, прибывши въ городъ, говорили согласно полученному ими приказанію, такія рѣчи: „аѳиняне, примите Пизистрата радушно, сама Аѳина почтила его больше чѣмъ кого-либо и теперь возвращаетъ его на свой акрополь." Непрерывно повторяли они это на пути къ городу; тотчасъ въ деревняхъ разнеслась молва, что Аѳина возвращаетъ Пизистрата, и горожане повѣрили, что женщина сама богиня; они молились ей и приняли Пизистрата."

„Съ Мегакломъ онъ разсорился".

„Пизистратъ узналъ о замыслахъ противъ него, со всѣмъ своимъ достояніемъ покинулъ

[illegible]

страну, удалился въ Еретрію и тамъ устроилъ совѣщаніе съ дѣтьми. Взяло верхъ мнѣніе Гиппія, именно, что власть они должны пріобрѣсти снова. Тогда они стали собирать приношенія отъ тѣхъ городовъ, которые были имъ чѣмъ-либо обязаны. Многіе города доставили имъ большія средства, ѳивяне превзошли въ этомъ отношеніи всѣхъ. Потомъ, говоря кратко, по прошествіи нѣкотораго времени, они приготовили все къ возвращенію въ Аѳины: изъ Пелопоннеса явились аргивскіе наемники, а изъ Наксоса присоединился къ нимъ по доброй волѣ нѣкто, по имени Лигдамисъ, доставившій съ собой денегъ и людей и обнаружившій величайшее усердіе къ дѣлу."

„Пизистратъ подходилъ; аѳиняне перестали сопротивляться."

„И Пизистратъ такимъ образомъ въ третій разъ овладѣлъ Аѳинами. На сей разъ онъ укрѣпилъ свою власть многочисленнымъ войскомъ и доходами; часть ихъ онъ получалъ изъ Аттики, часть отъ рѣки Стримона. Отъ оставшихся въ городѣ аѳинянъ, онъ взялъ въ качествѣ заложниковъ сыновей ихъ и помѣстилъ на Наксосѣ. Пизи-

[illegible]

странъ покорилъ и этотъ островъ, передавши его Лигдамису. Сверхъ этого, онъ, согласно изреченію оракула, очистилъ островъ Делъ слѣдующимъ образомъ: на всемъ пространствѣ, которое можно было видѣть отъ храма, онъ велѣлъ вырыть изъ могилъ трупы и перенести ихъ въ другую часть острова. Такъ Пизистратъ владычествовалъ надъ Аѳинянами; изъ Аѳинянъ одни пали въ сраженіи, другіе покинули родину вмѣстѣ съ алкмеонидами."

Это по всей вѣроятности народная легенда; самъ Геродотъ говоритъ, что едва-ли Аѳиняне были такъ наивны, чтобы принять эту женщину за Аѳину Палладу. Вотъ то представленіе, которое было записано у Геродота и которое въ существенныхъ чертахъ находимъ у другихъ древнихъ писателей. Пизистратъ былъ человѣкъ очень замѣчательный и правленіе его было благотворно для Аѳинъ; потому что онъ заботился о распространеніи просвѣщенія; при немъ были слиты во едино отдѣльныя пѣсни Иліады и Одиссеи, оказавшія такое громадное вліяніе на жизнь Грековъ. Тираннія при Гиппіи и Гиппархѣ пала и послѣ того бы-

Курак

ли установлена демократія.

Время установленія тираніи относится къ 560 году, возстановленіе вновь республики къ 510 году, такъ что тиранія просуществовала цѣлое полстолѣтіе. Словомъ „тираннъ", какъ извѣстно, Греки называли не человѣка жестокаго, а человѣка захватившаго власть въ свои руки, не имѣя на то права. Въ эпоху борьбы аристократіи и демократіи, отдѣльныя личности, опираясь на народъ, захватывали власть, и вездѣ, гдѣ только когда-нибудь существовала тираннія, она уступила мѣсто демократіи. Тоже самое было и въ Аѳинахъ. Правленіе Пизистратидовъ до убіенія Гиппарха ничѣмъ не отличалось отъ предъидущаго правленія. Въ 514 году Гиппархъ былъ убитъ изъ мести за то, что онъ оскорбилъ одну молодую аѳинянку, отнявъ у нея корзинку, которую та несла въ храмъ. Это событіе произвело сильное впечатлѣніе на Гиппія; онъ съ этого времени сталъ позволять себѣ различныя притѣсненія и жестокости, кромѣ того онъ вступилъ въ сношеніе съ персидскимъ царемъ Даріемъ, который въ это время былъ очень опасенъ для Греціи.

Кашин[?]

Тогда въ Аөинахъ противъ него создалась масса недовольныхъ, они подъ руководствомъ Алкмеонидовъ присоединились къ Спартѣ, недовольной тиранией въ Аөинахъ и все это было получило религіозное освященіе отъ Дельфійскаго оракула, расположеннаго къ Алкмеонидамъ за ихъ пожертвованія при возобновленіи сгорѣвшаго храма Аполлона въ Дельфахъ. Спартанскій царь Клеоменъ, съ союзниками осадилъ Аөины, Гиппій вынужденъ былъ запереться въ Акрополѣ, но ему пришлось сдаться, и онъ удалился въ Персію. Тиранія перестала существовать, но прежняя борьба партій продолжалась. На сторонѣ народа сталъ тогда Алкмеонидъ Клисөенъ, и, опираясь на него, произвелъ новую законодательную реформу, послужившую впослѣдствіи предметомъ столькихъ изслѣдованій. Аөинское государство раздѣлялось на 4 филы, каждая фила дѣлилась на 3 фратріи и т. д. Всѣ эти союзы, т. е. роды, фратріи и филы имѣли чисто религіозное значеніе. Вся сила Аөинскаго государства держалась до сихъ поръ на этихъ родовыхъ

устройство. Клисѳенъ раздѣлилъ Аттику на 10 демовъ; раздѣленіе демовъ касалось одинаково, какъ Аѳинъ, такъ и всей Аттики. Теперь далеко не въ каждой филѣ и фратріи преобладала родовитая знать. Это раздѣленіе должно было имѣть важное значеніе: куда-бы аѳинскій гражданинъ ни переселялся онъ считался членомъ того дема, въ кот. онъ находился во время распредѣленія. Аѳинское государство состояло теперь изъ 100 демовъ, и городъ Аѳинъ, какъ политическаго цѣлаго не существовало, такъ какъ онъ былъ раздѣленъ на нѣсколько демовъ. Въ составъ демъ входили и метэки. Каждый демъ долженъ былъ имѣть свой религіозный культъ; въ память же этой реформы былъ установленъ особый общій культъ: Зевса и Аѳины. Дальнѣйшее устройство Клисѳенъ далъ такое: каждые 10 демъ онъ соединилъ въ одну филу, всего филъ значитъ было 10. Отличіе новыхъ филъ отъ прежнихъ заключалось въ томъ, что прежнія филы чисто родовыя и основывались на родовомъ началѣ, чего совсѣмъ не было въ новыхъ филахъ.

Лит. В. Комарова Невск. пр. 130-135.

Вкуш

Каждая фила состояла изъ демовъ не расположенныхъ въ одномъ мѣстѣ. Этимъ Клисоенъ хотѣлъ предотвратить образованіе партій мѣстныхъ. Управленіе было организовано слѣдующимъ образомъ: Каждая фила должна была выбирать 50 человѣкъ-пританов; всѣ 500 пританов составляли центральное учрежденіе, извѣстное подъ названіемъ Буле. Каждая фила снаряжала свой отрядъ войска и должна была выбирать начальника надъ своимъ мѣстнымъ отрядомъ, такъ называемаго стратега. Все войско такимъ образомъ состояло изъ 10 отрядовъ. Начальники всѣхъ отдѣльныхъ отрядовъ, стратеги, подъ предсѣдательствомъ полемарха составляли военный совѣтъ. Полемархъ, такимъ образомъ былъ только председатель совѣта, а не начальникъ. Предводителемъ войска по очереди былъ одинъ изъ стратеговъ. Центральное учрежденіе было также измѣнено Клисоеномъ, по законодательству Солона совѣтъ состоялъ изъ 400 членовъ, теперь было 10 филъ, каждая фила избирала 50 человѣкъ, и, слѣдовательно членовъ было 500.

[illegible]

Булэ во внутренней организаціи полу-
чило важное измѣненіе; онъ былъ раздѣ-
ленъ на 10 частей; каждая часть, 50 членовъ,
составляла пританею. Весь годъ былъ раз-
дѣленъ на 50 частей и втеченіи каждой
части управляла одна изъ пританей
по очереди. Права архонтовъ, по законо-
дательству Клисѳена были ограничены
народнымъ собраніемъ. Слѣдовательно, де-
мократія при Клисѳенѣ получила еще
большія права. Для обезпеченія народа отъ
возможности снова подпасть тиранніи,
Клисѳенъ учредилъ остракизмъ. Разъ въ
годъ народное собраніе обсуждало не нуж-
но ли кого нибудь изъ гражданъ удалить
изъ отечества. По всей вѣроятности остра-
кизмъ во время Клисѳена былъ учрежденъ
противъ Пизистратидовъ, т. е. всей той
партіи, на кот. опиралась Пизистратъ.
Мы увидимъ, какое значеніе получилъ впослѣд-
ствіи остракизмъ при борьбѣ различныхъ
партій, бывшихъ въ Аѳинахъ. Далѣе Клис-
ѳенъ принялъ въ число гражданъ метэковъ.
Это были люди имѣющіе права собствен-
ности, но не принадлежащіе къ гражда-

[illegible]

намъ. Клисѳенъ распредѣлилъ ихъ по демамъ и далъ имъ гражданскія права. Но метэки существовали и послѣ Клисѳена. Объясняютъ это такимъ образомъ, что тѣ метэки, которые жили въ Аттикѣ при Клисѳенѣ, сдѣлались полноправными гражданами, на тѣхъ же, кот. переселились впослѣдствіи, законодательство Клисѳена не распространилось. Итакъ, мы видимъ, что при Клисѳенѣ внутреннее устройство Аѳинъ сдѣлало дальнѣйшій шагъ на пути къ развитію демократіи. Были конечно и недовольные реформой Клисѳена, главнымъ образомъ въ средѣ аристократіи и старый соперникъ Клисѳена, Исагоръ, обратился за помощью къ Спартѣ. Спарта недавно содѣйствовавшая удаленію Гиппія изъ Аѳинъ - перемѣнила теперь свою точку зрѣнія. Спартанцы, изгоняя Гиппія разсчитывали, что въ Аѳинахъ установится прежнее аристократическое устройство, но они ошиблись: тамъ основалась ненавистная имъ демократія. Тогда спартанскій царь Клеоменъ, явился съ войскомъ и потребовалъ изгнанія Алкмеонидовъ, къ которымъ

[illegible]

главнымъ образомъ народная масса. Аѳиняне, не приготовившіеся къ такому нападенію должны были согласиться. Но когда Клеоменъ потребовалъ измѣненія устройства въ выгодахъ аристократіи, Аѳиняне возстали и дѣло кончилось тѣмъ, что Спартанцы заперлись въ Акрополѣ. Началась осада, результатомъ кот. было то, что Спартанцы сдались на капитуляцію, выговоривъ себѣ свободный проходъ по Аттикѣ. Но Спартанцы не хотѣли такъ оставить это дѣло; они предприняли новый походъ, цѣлью кот. было установленіе въ Аѳинахъ тиранніи, которую они считали теперь уже болѣе выгодной для себя. Спартанцы не могли дѣйствовать одни, они опирались на своихъ союзниковъ, но когда тѣ узнали о цѣли похода, предпринимаемаго Спартанцами, они отказались отъ участія въ немъ. Дѣло было такъ. Клеоменъ, желая предпринять этотъ походъ, пригласилъ въ Спарту Гиппія, чтобы посовѣтоваться съ нимъ и заручиться его партіей. Въ этомъ совѣтѣ, гдѣ участвовали послы отъ различныхъ Пелопоннесскихъ государствъ входившихъ въ Спартанскій союзъ, дѣло не имѣло успѣха. Коринѳскій посланный, Сосиклъ, ста-

залъ рѣчь, въ которой называлъ этотъ походъ „дѣломъ нечестивымъ" и закончилъ словами, что Коринѳъ не приметъ участія въ этомъ походѣ. Эта рѣчь такъ подѣйствовала на союзниковъ, что они отказались отъ участія въ походѣ противъ Аѳинянъ. Такимъ образомъ теперь изложена исторія Спарты и Аѳинъ до той поры, когда между ними начался такъ сказать антагонизмъ. Прежде чѣмъ перейдти къ дальнѣйшему изложенію ихъ исторіи, остановимся на томъ, что говоритъ объ этомъ періодѣ Fustel de Coulanges. Fustel de Coulanges говоритъ о четырехъ переворотахъ, кот. происходили въ Греціи съ древнѣйшихъ временъ, съ того времени, когда въ отдѣльныхъ государствахъ существовала власть царя и до той эпохи, когда установилась демократія. Первый переворотъ заключался въ томъ, что цари теряютъ свою политическую власть; второй - заключался въ томъ, что родовое устройство стало разлагаться и наконецъ совершенно пало. Тѣ древнія учрежденія, которыя были уже описаны, основаны были на родовыхъ отношеніяхъ, но настала эпоха, когда эти родовыя отношенія рушились, а вмѣстѣ съ ними рушились и учрежденія на нихъ основанныя. Пре-

тій переворотъ, когда въ гражданскую общину вступаетъ то, что въ Римѣ носитъ названіе плебса, т.е. народной массы. Четвертый переворотъ, когда пытается сложиться аристократія богатства, но возвышается демократія и гражданскія общины вступаютъ въ совершенно новый періодъ существованія. И въ этихъ своихъ воззрѣніяхъ Fustel de Coulanges, также какъ и въ ранѣе указанныхъ, очень одностороненъ, т.к. онъ и здѣсь почти всецѣло основывается на религіи. Къ недостаткамъ его слѣдуетъ отнести и то обстоятельство, что онъ не относится критически къ тѣмъ извѣстіямъ, которыя даютъ ему древніе писатели, хотя бы эти свѣдѣнія и шли отъ II вѣка по Р.Х., отъ Плутарха, который смотрѣлъ на исторію съ точки зрѣнія моралиста. Оставляя въ сторонѣ эти недостатки сочиненія Fustel de Coulanges, мы должны признать его несомнѣнное достоинство и очень важное — цѣлостность всей его системы. Благодаря тому соображенію, что при подобной исторической системѣ, какова Fustel de Coulanges, важно не то, кто былъ царемъ, а то что царская власть существовала; не то, были ли Алкмеониды, а то, что родовыя

тѣми

отношенія существовали и съ теченіемъ времени уничтожились и т. д. — мы остановимся на воззрѣніяхъ Fustel de Coulanges болѣе подробно.

Первый переворотъ, который признаетъ Fustel de Coulanges, заключается въ отмѣнѣ царской власти; онъ ссылается на Аристотеля, который говоритъ: „Въ глубокой древности ——— ———— цари имѣли неограниченную власть въ мирѣ и войнѣ; но впослѣдствіи одни сами отреклись отъ этой власти, у другихъ отняли ее силой и предоставили царямъ только заботу о священнодѣйствіяхъ." Тоже говоритъ Плутархъ: „такъ какъ цари оказывали горделивость и жестокость въ своемъ господствѣ, то Греки большею частью отняли у нихъ власть и оставили за ними одно блюстительство религіи: „Геродотъ, повѣствуя о городѣ Киренѣ, говоритъ: „Потомку царей, Батту, предоставлено было попеченіе о культѣ и обладаніе священными землями; но у него отняли всю власть, какою пользовались его праотцы." Слѣдовательно уже древніе писатели указываютъ на то, что отмѣна царской власти заключалась въ отнятіи у царей

Сов.

политической власти и въ оставленіи имъ лишь религіознаго значенія. Вотъ почему въ другомъ мѣстѣ своего труда Фюстель говоритъ: „Справедливо сказали, что царская власть въ Спартѣ есть лишь наслѣдственное священство, не болѣе. Тотъ же самый переворотъ, который упразднилъ политическую власть царя во всѣхъ гражданскихъ общинахъ, упразднилъ ее и въ Спартѣ. Власть собственно принадлежитъ правительственному Сенату и исполнителямъ его рѣшеній, эфорамъ. Сами цари послушны эфорамъ во всемъ, что не касается религіи. Вотъ почему Геродотъ въ правѣ былъ сказать, что Спарта не знаетъ монархическаго правленія и Аристотель, что правленіе Спарты — просто аристократія".

Кромѣ этого, укажемъ на отдѣльныя мѣста въ сочиненіи Fustel de Coulanges, гдѣ онъ говоритъ, что переворотъ, описанный имъ, имѣлъ значеніе и для другихъ политическихъ обществъ.

„Переворотъ, отнявшій у царей политическую власть, совершился подъ разными видами во всѣхъ гражданскихъ общинахъ. Въ Аргосѣ, еще при второмъ поколѣніи дорійскихъ ца-

- тт. В. Фомирова Нов. ск. пр 130 136.

рей, власть ихъ ослаблена до такой степени, что „за потомками Тесея осталось одно имя царское, безъ всякой силы"; - впрочемъ санъ этотъ былъ по прежнему наслѣдственъ въ теченіе многихъ затѣмъ вѣковъ. Въ Киренѣ потомки Батта первоначально соединили въ своихъ рукахъ и священство и политическую власть, но, начиная съ четвертаго колѣна, за ними осталось только священство. Въ Коринѳѣ, царскій санъ переходилъ сперва наслѣдственно въ родѣ Вакхидовъ; переворотъ сдѣлалъ его погоднымъ, но не выходя изъ царской семьи, кот. члены по очереди обладали имъ въ теченіе одного вѣка."

Далѣе Fustel de Coulanges, кот. такимъ образомъ отмѣчаетъ общій характеръ отмѣны царской власти, относитъ къ числу такихъ государствъ и Аѳины и указываетъ на то, что послѣ отмѣны политической власти у царя, власть сосредоточивается въ рукахъ аристократіи; при этомъ онъ замѣчаетъ, что о періодѣ аристократическаго правленія въ Аѳинахъ сохранилось весьма мало извѣстій.

„Часто замѣчали, какъ нѣма исторія объ этомъ длинномъ періодѣ существованія Аѳинъ, да и всѣхъ другихъ греческихъ общинъ.

Дивимся, что, сохранивъ намъ память о многихъ событіяхъ временъ древнихъ царей, она не записала почти ни единаго изъ эпохи аристократическихъ правительствъ. Конечно, это потому, что тогда совершилось лишь очень мало дѣлъ, имѣвшихъ общее значеніе. Возвратъ къ патріархальному (родовому) порядку почти всюду пріостановилъ общенародную жизнь. Люди жили порознь и имѣли мало общихъ интересовъ. Кругозоръ каждаго ограничивался маленькою группою и маленькимъ селомъ, гдѣ онъ жилъ какъ эвпатридъ или какъ служитель."

То есть, съ точки зрѣнія Fustel de Coulanges отнятіе политической власти у царя повлекло за собой слѣдующее обстоятельство: раньше жили отдѣльными родами и эти роды управлялись отдѣльно своими родоначальниками, но когда установилась царская власть, она объединила отдѣльныя общины, и когда она была отмѣнена, греки снова возвратились къ аристократическому правленію, которое было правленіемъ отдѣльныхъ родовъ. Очень можетъ быть, что въ такомъ представленіи Fustel de Coulanges, заключается много преувеличеній. Царская власть объединяла до извѣстной степе-

ни всѣ отдѣльные роды и стало только быть ею уничтоженной, чтобы роды снова распались на самостоятельныя единицы. Во всякомъ случаѣ онъ преувеличиваетъ, потому что въ исторіи никогда не бываетъ полнаго возврата къ прежнему быту. Затѣмъ онъ переходитъ ко второму перевороту, заключающемуся въ разложеніи самого родоваго устройства. Переворотъ, низложившій царскую власть, измѣнилъ скорѣе только внѣшнюю форму правленія, нежели основы общественнаго строя. Онъ былъ не дѣломъ низшихъ классовъ, заинтересованныхъ разрушеніемъ древнихъ установленій, но дѣломъ аристократіи, желавшей ихъ поддержать. Онъ былъ слѣдственно произведенъ не для ниспроверженія стародавняго родоваго быта, но для того, чтобы сберечь его и охранить. Цари часто покушались поднять низшія сословія и ослабить роды, и за это именно цари были низложены. Аристократія произвела политическій переворотъ только для того, чтобы помѣшать перевороту бытовому. Она захватила въ руки власть не столько изъ-за удовольствія господствовать, сколько для того, чтобы отстоять противъ нападокъ свои древнія учрежденія, свои стародавнія начала, свой до-

машній

шній культъ, свою отеческую власть, родовое устройство и частное право, установленное первобытною религіей." Т. е. этотъ переворотъ мы можемъ назвать консервативнымъ въ томъ смыслѣ, что лица его произведшія, старались не ниспровергнуть существующій порядокъ, а наоборотъ, поддержать его. Вотъ, что говоритъ Fustel de Coulanges: „Какъ скоро люди соединились въ гражданскую общину, могущество древняго владыки поневолѣ умаляется: онъ державецъ у себя дома, но въ то-же время онъ и членъ общины; въ этомъ качествѣ, онъ обязанъ нести жертвы для общихъ пользъ и повиноваться общимъ законамъ. Въ его собственныхъ глазахъ, и особенно въ глазахъ подвластнаго ему рода, достоинство его принижено. Притомъ въ этой общинѣ, какъ ни аристократиченъ будь ея строй, низшіе классы все же что-нибудь да значатъ, — значатъ уже хоть по одной своей численности." Слѣдующее Fustel de Coulanges представляетъ уже такъ: когда царская власть была отмѣнена, эвпатриды не были уже такими изолированными господами надъ малыми союзами, потому что они представляли высшія ступени въ правленіи. Дальше Fustel de

Coulanges говоритъ: „Меньшій этотъ людъ скоро начинаетъ ощущать свою важность и свою силу; въ немъ рождается извѣстное чувство гордаго сознанія и желаніе улучшить свою судьбу. Прибавьте къ этому взаимное соперничество родовладыкъ, спорящихся между собою о вліяніи и ищущихъ ослабить другъ друга. Прибавьте еще, что они становятся алчны къ должностнымъ мѣстамъ въ гражданской общинѣ; что для достиженія ихъ они стараются угодить народу, и что, неся эту новую обязанность, они не берегутъ или забываютъ свое маленькое мѣстное державство." Слѣдовательно этотъ порядокъ вещей долженъ былъ привести къ разложенію стараго родового быта. „До Солона, говоритъ Fustel de Coulanges, большая часть жителей Аттики вынуждена была довольствоваться условнымъ и ненадежнымъ землевладѣніемъ, и всегда могла снова подпасть личной неволѣ. Послѣ него, этотъ многочисленный классъ болѣе уже не встрѣчается: право собственности стало всѣмъ доступно." Fustel de Coulanges, этими словами отмѣчаетъ тотъ фактъ, что низшіе подневольные люди начали постепенно пріобрѣтать права гражданъ.

[illegible]

Съ этой точки зрѣнія Fustel de Coulanges совершенно особеннымъ образомъ освѣщаетъ законодательство Солона. Главнымъ образомъ Солону онъ предписываетъ сейсахтію, т. е. снятіе бремени съ народа. Fustel de Coulanges не соглашается съ обычнымъ толкованіемъ этой мѣры; онъ не допускаетъ, чтобы въ ту эпоху, такъ были развиты долговыя обязательства, чтобы ими объяснять порабощеніе личности. Онъ думаетъ, что этотъ фактъ не что иное, какъ крѣпостничество, и сейсахтія была тоже, что освобожденіе крестьянъ. Это толкованіе Fustel de Coulanges, совершенно не сходится съ толкованіями другихъ ученыхъ и потому онъ долженъ бы-былъ привести какія либо вѣскія доказательства въ пользу своего толкованія, но онъ за недостаткомъ свѣдѣній о той эпохѣ не можетъ сдѣлать этого. Доказательствъ для этого, кромѣ общей аргументаціи, нѣтъ никакихъ, и самъ онъ касается этого вопроса очень осторожно.„ Въ должникахъ, о которыхъ говоритъ Плутархъ, слѣдуетъ видѣть прежнихъ кліентовъ; въ долгахъ ихъ — годичный оброкъ, какимъ обязаны они прежнимъ господамъ; въ кабалѣ, постигающей ихъ въ случаѣ неуплаты — пре-

тинию

ское кліентство, возстановляемое надъ ними сызнова. Солонъ быть можетъ отмѣнилъ оброкъ, или что правдоподобнѣе, понизилъ его до такого размѣра, что откупиться отъ него стало легко; къ этому онъ присовокупилъ, что на будущее время самая неуплата не должна уже повергать земледѣльца въ кабалу. Онъ сдѣлалъ больше. До него, прежніе кліенты, ставъ условными землевладѣльцами, не могли однако быть полными собственниками, такъ какъ у нихъ въ полѣ все еще стояла нерушимо священная межа прежняго патрона. Для освобожденія земли и земледѣльца, надлежало исчезнуть этой межѣ. Солонъ ее опрокинулъ." Нельзя конечно считать доказательствомъ тѣ общія толкованія, которыя онъ приводитъ дальше; онъ говоритъ: „Сдѣлавъ это, Солонъ произвелъ значительный переворотъ. Онъ устранилъ древнюю религію собственности, которая, именемъ неподвижнаго бога Термина, удерживала землю въ немногихъ рукахъ. Онъ отнялъ почву у религіи и передалъ ее труду человѣка. Вмѣстѣ съ властью эвпатридовъ надъ почвой, упразднилъ онъ и власть его надъ работникомъ, такъ что очень могъ сказать въ своихъ сти-

сав.

лахъ: „Тѣ, кто на этой землѣ претерпѣвали жестокое рабство трепеща предъ бариномъ, — всѣ они стали черезъ меня свободны." Итакъ, слѣдовательно самъ Fustel de Coulanges, выдаетъ это лишь только за предположеніе. Къ сожалѣнію для этой эпохи, какъ было уже упомянуто, нѣтъ никакихъ точныхъ данныхъ, и мы можемъ или слѣдовать теоріи Fustel de Coulanges, или придерживаться общепринятаго толкованія. Третій періодъ по мнѣнію Fustel de Coulanges заключается въ слѣдующемъ: „Перемѣны, исподволь происходившія въ родовомъ быту, повели къ другимъ, совершившимся въ городской общинѣ. Древній вельможный и священственный родъ явно ослабѣлъ. Съ исчезновеніемъ права старшинства, онъ утратилъ свое единство и свою крѣпость; съ освобожденіемъ большей части кліентовъ, онъ утратилъ большую часть подвластныхъ ему людей. Лица низшаго сословія не распредѣлялись уже между родами; живя внѣ ихъ, они сами по себѣ составили нѣчто цѣлое. Чрезъ это гражданская община значительно видоизмѣнилась: тогда какъ прежде она была слабо связаннымъ сборищемъ столькихъ же маленькихъ державъ, сколь-

В. Кузмин

ко началу своихъ родовъ, теперь съ одной стороны, сомкнулись между собой члены родовъ патриціанскихъ, съ другой — люди низшаго сословія. Такимъ образомъ стали лицомъ къ лицу двѣ большія группы, два враждебныя общества. Уже не какъ въ предыдущую эпоху тутъ не завязалась темная борьба въ каждой семьѣ; теперь въ каждомъ городѣ дошло до открытой войны, до явныхъ междоусобій. Изъ двухъ сопротивныхъ классовъ, одинъ хотѣлъ вполнѣ поддержать религіозный строй гражданской общины, хотѣлъ, чтобы управленіе, какъ и жречество, оставалось по прежнему въ рукахъ священныхъ родовъ. Другой желалъ сломить ужасныя преграды, ставившія его внѣ права, внѣ религіи, внѣ политическаго общества." Общій взглядъ его на этотъ переворотъ ясенъ изъ слѣдующихъ словъ: „Важныя эти нововведенія ниспровергали всѣ прежнія нормы гражданской общины: Подача голосовъ, мірскія должности, священство, общественное управленіе, все это эвпатриду пришлось подѣлить съ человѣкомъ низшей касты." Тутъ должно быть принято еще одно важное измѣненіе, которое Fustel de Coulanges характеризуетъ слѣдующимъ образомъ, т. е. прежде отдѣльныя

Чужестр.

должности принадлежали только эвпатридамъ, когда же народная масса вошла въ составъ гражданъ, она стала требовать участія въ государственныхъ должностяхъ. Особенно рѣзко выразилось это въ Римѣ. Съ этой точки зрѣнія Fustel de Coulanges такимъ образомъ характеризуетъ реформы Солона и особенно Клисѳена: „Солонъ, измѣнивъ политическій порядокъ, оставилъ въ цѣлости весь древній религіозный строй аѳинскаго общества. Народонаселеніе по прежнему дѣлилось на двѣсти или триста родовъ, на двѣнадцать фратрій и на четыре филы. Въ каждой изъ этихъ группъ существовало еще, какъ и встарь, наслѣдственное богослуженіе, съ жрецомъ изъ эвпатридовъ, кот. былъ въ то-же время и главою группы. Все это было остаткомъ прошлаго, которому трудно было исчезнуть; но имъ увѣковѣчивались преданія, обычаи, правила, отличія, существовавшія въ древнемъ общественномъ быту. Эти рамы или кадры были установлены религіей, и сами въ свою очередь, поддерживали религію, т. е. могущество большихъ родовъ. Въ каждой изъ такихъ рамъ, находилось два разряда людей: съ одной стороны эвпатриды, наслѣдственно державшіе въ ру-

какъ священство и власть; съ другой — люди низшаго сословія, которые не были уже ни слугами, ни кліентами, однакоже удерживались подъ властью эвпатридовъ религіей. Напрасно законъ Солона говорилъ, что всѣ Аѳиняне свободные люди. Древняя религія считала человѣка при самомъ выходѣ изъ народнаго собранія, гдѣ онъ свободно подавалъ голосъ и говорила ему: „Богослуженіемъ ты привязанъ вѣчно къ эвпатриду; ты обязанъ ему всякой увагой, почетомъ, покорностью; Солонъ далъ тебѣ свободу, какъ члену гражданской общины, но, какъ членъ филы, ты повинуешься эвпатриду; какъ надъ членомъ фратріи, надъ тобой опять таки стоитъ эвпатридъ; въ самомъ даже родѣ, въ той семьѣ, гдѣ произошли на свѣтъ твои предки и откуда ты не властенъ выступить, ты опять подъ рукой эвпатрида. Къ чему же вело, что политическій законъ сдѣлалъ этого человѣка гражданиномъ, когда его удерживали въ кліентствѣ религія и право-обычаи?"

Съ этой же точки зрѣнія, Fustel de Coulanges указываетъ и на важное значеніе реформы Клисоена; онъ уничтожилъ всѣ филы и фратріи, въ кот. могли еще существовать мнѣнія о неравенствѣ членовъ. Съ этой стороны Fustel de

Coulanges

Coulanges приводитъ весьма существенную черту для пониманія того переворота, кот. произвелъ Клисфенъ. Это пониманіе не имѣло правда точныхъ данныхъ, но многое говоритъ за него. Солонъ, кромѣ политическаго переворота, произвелъ еще и другой переворотъ. Извѣстно, что гражданское право, имѣло религіозное основаніе. Fustel de Coulanges указываетъ на тѣ перемѣны, кот. были сдѣланы Солономъ въ области гражданскаго права; онъ сравниваетъ старыя общественныя учрежденія съ преобразованными Солономъ и указываетъ, что нѣкоторыя учрежденія остаются безъ перемѣны, другія существенно измѣняются; измѣненія остаются безъ перемѣны, другія существенно измѣняются; измѣненія касаются напримѣръ, семьи. Допускается семейный раздѣлъ имущества между сыновьями. Старое правило разрѣшающее отцу продавать или отдавать въ кабалу сына, теперь ограничивается. Разрѣшается духовное завѣщаніе, кот. прежде не существовало. Съ этой точки зрѣнія, Солонъ является разрушителемъ не только существующаго политическаго устройства, но и греческаго быта. Въ этомъ отношеніи его слѣдуетъ сравнить съ Драконтомъ: „Драконово писано въ эпоху жесточайшей борьбы между 2-мя классовъ и когда эвпатриды не были еще побѣждены: Солонъ издалъ свое именно тогда, когда низшій класс

взялъ верхъ надъ ними. Отъ того между двумя уложеніями великая разница. Драконъ былъ эвпатридъ; онъ дѣлилъ всѣ чувства своей касты и въ религіозномъ правѣ былъ знатокъ." Кажется онъ ограничился только тѣмъ, что записалъ безъ всякихъ перемѣнъ стародавніе обычаи." Далѣе онъ указываетъ

1., равный раздѣлъ имѣнія между сыновьями,

2., запрещеніе продавать дочерей, и дѣлаетъ отсюда тотъ выводъ, что и сыновей нельзя было продавать.

3., Закономъ предписывалось сыну кормить отца въ старости фактъ, указывающій, что за сыномъ признавались уже право собственности, если на него налагались обязанности, требующія обезпеченія собственностью. 4., Запрещалось закономъ женѣ брать назадъ свое приданое; значитъ за женой признавались имущественныя права, кот. раньше не признавались.

Если не всѣ эти реформы принадлежали Солону, во всякомъ случаѣ эти измѣненія должны быть отнесены къ тому времени, когда расшатались старыя начала и явилась необходимость создать новыя основанія. Fustel de Coulanges посвящаетъ этому особую главу. Прежде верховнымъ началомъ, откуда исходилъ общественный порядокъ, былъ не интересъ, была религія. Обязанность

совершать обряды культа вотъ что служило общественной связью. Изъ этой религіозной необходимости вытекало, для однихъ, право повелѣвать, для другихъ — долгъ повиноваться; оттуда шли всѣ нормы правосудія и судопроизводства, всѣ порядки сужденія объ общественныхъ дѣлахъ, всѣ правила веденія войнъ съ другими. Гражданскія общины не спрашивали о томъ, полезны ли усвоенныя ими учрежденія; учрежденія основались такъ, а не иначе, потому что религія того хотѣла. Ни интересъ, ни удобство не содѣйствовали ихъ установленію; и если жречество отстаивало ихъ силой, то не во имя общественныхъ пользъ, а во имя религіознаго преданія. Но въ періодъ, къ которому приступаемъ мы теперь, преданіе уже не господствуетъ, религія уже не управляетъ. Управляющимъ началомъ, откуда должны почерпать свою силу всѣ учрежденія, однимъ, стоящимъ выше всѣхъ единичныхъ воль и властнымъ обязывать къ покорности, отнынѣ общественная польза. То, что латины зовутъ res-publica, а Греки — τὸ κοινόν (въ обоихъ случаяхъ — общественное дѣло). Вотъ что замѣняетъ древнюю ре-

Щурова

мній. (стр. 426-427). Итакъ, слѣдовательно, Fustel de Coulanges, обращаетъ здѣсь главное вниманіе на то, что всѣ учрежденія прежде поддерживались тѣмъ, что они считались основанными божествомъ; послѣ того какъ старыя учрежденія пали, явились новыя основанія — общественное благо, общественный интересъ. Для узнанія общественнаго интереса считалось лучшимъ средствомъ общее собраніе и подсчетъ голосовъ. Новыя должности имѣли часто гражданское значеніе и никакого религіознаго. Изъ новыхъ, должность только архонты имѣли нѣкот. значеніе религіозное; они и избирались не такъ, какъ всѣ остальныя: они избирались по жребію, тогда какъ всѣ остальныя должности по большинству голосовъ. Въ заключеніе этихъ данныхъ характеризующихъ воззрѣнія Fustel de Coulanges, приведемъ двѣ выдержки изъ его сочиненія, касающіяся четвертаго переворота. (стр. 435)

„За аристократіей богатства была другая заслуга: она придала обществу и уму совсѣмъ новое побужденіе. Порожденная трудомъ въ многоразличныхъ его видахъ, она уважала его и поощряла. Новый этотъ поря-

докъ

докъ, дивая высшій политическій вѣсъ самому трудолюбивому, самому дѣятельному или умному, былъ потому благопріятенъ развитію промышленности и торговли; благопріятенъ также умственному прогрессу, такъ какъ пріобрѣтеніе богатства, которое наживалось или утрачивалось обыкновенно смотря по достоинству каждаго, дѣлало образованіе первою потребностью, а умъ самою могучею пружиною людскихъ дѣлъ."
(Стр. 439). „Общественный интересъ отнюдь не изъ такихъ началъ, которыя надолго освящали и поддерживали бы неравенство. Онъ напротивъ неизбѣжно велъ общества къ демократическому строю."

Раннее умственное развитіе.

Изложеніе древне-греческой исторіи доведено теперь до 500 г. до Р. Х., слѣдовательно до V-го столѣтія, кот. является наиболѣе блестящимъ. Это была пора развитія поэзіи, искусствъ и философіи. Прежде чѣмъ начать обозрѣніе этой эпохи, необходимо нѣсколько возвратиться назадъ и посмотрѣть, каковы были зачатки этого развитія. Любопытно, что начало его мы находимъ въ колоніяхъ

Въ V вѣкѣ это умственное развитіе начало сосредоточиваться въ самой Греціи и Аѳины являются центромъ для всего тогдашняго эллинскаго міра. Это явленіе вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что переворотъ, заключающійся въ уничтоженіи царской власти, въ разрушеніи родового устройства и др., начались ранѣе въ колоніяхъ, а затѣмъ уже въ метрополіи. Точно также и поэзія, искусство и философія явились сначала въ колоніяхъ, и оттуда распространились по самой Греціи. Этотъ фактъ не можетъ считаться случайнымъ. Въ колоніяхъ, кот. не успѣли еще сжиться со старыми обычаями и старыми учрежденіями, гораздо раньше могли появиться нововведенія. Укажемъ тѣ измѣненія, кот. появились въ колоніяхъ до V-го вѣка и которыя послужили зерномъ, пышно развившейся впослѣдствіи умственной жизни. Намъ приходится говорить о культѣ предковъ, но лишь о другихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ, кот. заключались главнымъ образомъ въ поклоненіи богамъ природы. Греки унаслѣдовали эти божества еще отъ тѣхъ временъ, когда они составляли одно цѣлое со вѣтвями

Чирсаборъ

индоевропейскими народами. Само собой разумеется, что мы не будемъ называть именъ этихъ боговъ, потому что имена ихъ найдутся въ каждомъ учебникѣ. Но необходимо будетъ выяснить ихъ общій характеръ. Оказалось, что Греки поклонялись главнымъ образомъ богамъ свѣта. Характерной чертой греческой религіи является антропоморфизмъ, т. е. изображеніе божествъ въ человѣческомъ образѣ, и съ человѣческими свойствами. На востокѣ мы встрѣчаемся съ изображеніемъ различныхъ чудовищъ; Индусская религія точно также не можетъ быть названа антропоморфической. Въ греческой религіи антропоморфизмъ нашелъ отраженіе въ поэзіи, гдѣ божества являются идеалами человѣческаго совершенства; первоначально со стороны физической силы и мощи, затѣмъ со стороны красоты и духовнаго совершенства. Мы до нѣкоторой степени можемъ прослѣдить постепенное развитіе воззрѣній у Грековъ. Это подало поводъ профессору Воеводскому, написать книгу подъ названіемъ Каннибализмъ въ древней мифологіи. Изъ божествъ греческихъ Богъ Аполлонъ - божество солнца, съ теченіемъ

С. Кап...

ем временем сдѣлался божествомъ просвѣщенія, покровителемъ наукъ и искусствъ. Богиня — Аѳина Паллада, богиня бурной грозы. Миѳъ разсказываетъ о ея происхожденіи такимъ образомъ. Зевсъ почувствовалъ сильную головную боль, онъ призвалъ Гефеста, тотъ ударилъ его по головѣ молотомъ и изъ головы вылетѣла богиня Аѳина Паллада съ копьемъ въ рукѣ. Изъ этого миѳа ясно, что Аѳина Паллада изображала грозу. Съ теченіемъ времени первоначальный смыслъ сказанія былъ забытъ и божествамъ было придано совершенно другое значеніе; Аѳина Паллада явилась тогда богиней мудрости и военной политики. Слѣдуетъ указать еще одинъ миѳъ, миѳъ о Прометеѣ. Прометей похитилъ съ неба огонь и принесъ его людямъ, за что Зевсъ приковалъ его къ скалѣ, и орелъ каждый день выклевывалъ его печень, за ночь она вновь выростала. Огонь въ этомъ миѳѣ ничто иное, какъ поэтическое воспроизведеніе молніи. Подобный же миѳъ мы находимъ въ Индусскихъ Ведахъ. Съ теченіемъ времени этому сказанію былъ приданъ совершенно иной смыслъ; Прометей явился первымъ научившимъ

людей употреблять огонь и другимъ искусствамъ. Какъ бы то ни было, но Греки изображали своихъ боговъ въ человѣческомъ образѣ; боги ихъ вели жизнь точно такъ же, какъ люди, только были безсмертны; они также вступали въ браки, также ссорились и воевали, какъ люди. Отношенія божествъ къ человѣку мыслилось какъ самое близкое. Бытъ боговъ былъ ничто иное какъ воспроизведеніе быта ихъ самихъ. Кромѣ этихъ боговъ Греки признавали коллективныхъ духовъ, которыми была населена вся природа. У Грековъ они принимали человѣческія формы, хотя первоначально они имѣли звѣриный образъ, сохранившійся еще въ изображеніи фавновъ и др. Греческія мифы были необыкновенно разнообразны; тому разнообразію способствовало то обстоятельство, что Греки жили отдѣльными мелкими племенами, въ каждомъ изъ которыхъ развивались свои мифы. Въ Иліадѣ и Одиссеѣ, которыя приписываются слѣпому пѣвцу Гомеру, но которыя есть ничто иное, какъ собраніе сложившихся постепенно пѣсенъ, находимъ массу сказаній о богахъ; сказанія о божествахъ мы находимъ

[illegible]

-лицу другаго поэта, Гезіода, который оставилъ намъ „Феогонію" — попытку создать систему сказаній о сотвореніи міра и боговъ. Въ этомъ обиліи и разнообразіи миѳовъ и въ человѣческихъ качествахъ боговъ заключается одна изъ важнѣйшихъ причинъ развитія поэзіи въ Греціи. Всѣ важнѣйшія поэзіи основывались на миѳахъ или сказаніяхъ о божествахъ и герояхъ, имѣющихъ всегда особенно важное значеніе для цѣлаго народа. Къ числу такихъ героевъ принадлежатъ Тезей и Гераклъ. Подъ вліяніемъ этихъ миѳовъ развивалась религіозная мысль греческаго народа, подъ вліяніемъ ихъ начало складываться и греческое искусство. Не останавливаясь подробно на разсмотрѣніи развитія греческаго искусства, такъ какъ для этого существуетъ особая каѳедра, приведемъ выписки изъ Куртиуса (стр. 158) „Между тѣмъ не только въ поэзіи, но и въ искусствѣ, греки привели къ изображенію боговъ въ образѣ человѣка; съ той поры, какъ большинство культовъ стало немыслимо безъ храма или изображенія божества, распространеніе культовъ стало требовать и размноженія

Куртиусъ

изображенiи боговъ для новыхъ колонiй. Вмѣстѣ съ тѣмъ и безформенный деревянный обрубокъ становился стройнымъ и дѣлился на отдѣльные члены; символы божества какъ то: копье, лира, веретено, срослись съ нимъ въ одинъ образъ; сообразно съ особыми мѣстными мивами и событiями стали допускаться и отдѣльныя нововведенiя, хотя все еще подъ авторитетомъ жрецовъ. Потому то художниками были лица жреческаго сословiя которыя работали вѣроятно подъ влiянiемъ непосредственнаго откровенiя. Такъ Онатъ обновилъ Фигалейцамъ ихъ изображенiе „черной Деметры" придумавъ первоначальную форму ее на основанiи видѣнiй, являвшихся ему во снѣ."

Въ эту древнюю эпоху развилась у Грековъ поэзiя и достигла высокой степени развитiя. За 800 лѣтъ до Р. Х. жилъ поэтъ Гезiодъ написавшiй Феогонiю и поэму „Труды и дни". Къ лирическимъ поэтамъ слѣдуетъ отнести Тертiя, Архилоха и Солона. Были въ Грецiи въ ходу и пѣсни, такъ назыв. ямбы къ которымъ слѣдуетъ отнести и басни. Въ эту эпоху развились и другiя

тайныя

-туры литературныхъ произведеній, между прочимъ лирика, которая выражала личныя чувства. Изъ лирическихъ поэтовъ — Алкей и поэтесса Сафо, около которой сложились различныя легенды. Изъ мудрецовъ прославились Фалесъ, Солонъ и др. Наиболѣе же замѣчательные писатели относятся уже къ V вѣку. Эсхилъ родился въ 527 году, слѣдовательно при переходѣ изъ VI въ V, ему было 27 лѣтъ. Пиндаръ прославившійся своими одами, родился въ 522 г., слѣдовательно ему было 22 года. Софоклъ, родился въ 497 г., это былъ второй по времени и первый по таланту трагическій писатель. Геродотъ, Эврипидъ, Өукидидъ, Сократъ, съ котораго начинается новая эпоха въ жизни Греціи. Не перечисляя дальше этого списка п. ч. и сдѣланное перечисленіе достаточно указываетъ, какъ много было различныхъ замѣчательныхъ людей въ V вѣкѣ.

Перейдемъ теперь къ обозрѣнію развитія греческой философіи, возникшей приблизительно за 600 лѣтъ до Р. Х. и имѣвшей сначала чисто натуралистическое значеніе. Первое время все вниманіе философовъ бы-

ло

ліе направлено къ тому, чтобы разрѣшить вопросы, въ чемъ заключается сущность всѣхъ вещей. Этотъ вопросъ съ самаго начала былъ поставленъ старѣйшей школой возникшей въ Іонійскомъ городѣ, Милетѣ отчего и сама школа носила названіе Іонійской. Изъ философовъ этой школы замѣчателенъ Ѳалесъ, жившій за 640 лѣтъ до Р.Х. Біографія его намъ мало извѣстна, потому мы имѣемъ возможность говорить только о нѣкоторыхъ фактахъ его жизни. Преданіе говоритъ, что Ѳалесъ посѣтилъ Египетъ, гдѣ онъ познакомился съ тамошней наукой. Что знанія Ѳалеса были очень достаточны, можно видѣть изъ того, что онъ предсказалъ солнечное затмѣніе. Началомъ всѣхъ вещей Ѳалесъ считаетъ воду, и доказательство этого онъ видитъ въ томъ, что вода облегчаетъ всю землю, что безъ нея не можетъ жить ни одно растеніе, ни одно животное. Взглядъ этотъ конечно очень наивенъ, но постановка самаго вопроса уже доказываетъ, что человѣкъ не удовлетворялся тѣмъ миѳическимъ сказаніемъ, которое существовало о происхожденіи міра. Изъ

Смотр. З. Челпановъ. Кіевъ стр. 136-138.

Куми

послѣдователей Өалеса замѣчателенъ Анаксимандръ; ему принадлежатъ нѣкоторыя знанія, напр. изобрѣтеніе солнечныхъ часовъ; онъ же сталъ первый дѣлать географическія карты. У него отвѣтъ на вопросъ о сущности вещей уже болѣе серьезный, онъ уже не принимаетъ воду за начало всѣхъ вещей, а принимаетъ безконечную матерію. Анаксименъ, ссылаясь на нѣкоторыя свои наблюденія, говоритъ, что всѣ вещи происходятъ отъ сгущенія и разряженія воздуха. Огонь напр. происходитъ отъ разряженія воздуха, твердыя тѣла отъ сгущенія.

Одновременно съ Іонійской школой возникла школа Пиѳагорейская, названная такъ по имени Пиѳагора, жившаго въ VI вѣкѣ. Съ личностью за неимѣніемъ историческихъ данныхъ мы не имѣемъ возможности хорошенько ознакомиться. Изъ того, что мы знаемъ, о немъ мы можемъ заключить, что онъ родился на островѣ Самосѣ въ 340 г. до Р. Х., что онъ очень много путешествовалъ. Въ ту эпоху это было единственнымъ средствомъ, чтобы чему нибудь научиться. Онъ путешествовалъ по различнымъ дѣ-

Древн. Истор. л. 15.

[illegible]

-лимъ. Отецъ его былъ ювелиръ; это дѣло было тогда таково, что требовало постоянныхъ разъѣздовъ. Чисто политическія обстоятельства заставили его покинуть Самосъ. Во время путешествій, онъ между прочимъ посѣтилъ Египетъ; здѣсь онъ познакомился съ математикой, для которой какъ извѣстно онъ сдѣлалъ много: имъ была составлена таблица умноженія, ему приписывается также и такъ назыв. Пиѳагорова теорема. Говорятъ, что когда онъ доказалъ, что квадратъ гипотенузы равняется суммѣ квадратовъ катетовъ, онъ въ восторгѣ принесъ въ жертву богамъ 100 быковъ. Впослѣдствіи онъ посѣтилъ Италію, гдѣ и основалъ союзъ, охватившій многихъ жителей нѣсколькихъ городовъ. Къ сожалѣнію намъ неизвѣстны подробности образованія этого союза; то, что разсказывается о немъ темно и неясно. Главнымъ образомъ Пиѳагоръ занимался математикой и отвѣтъ на вопросъ о сущности всѣхъ вещей у него чисто математическій; сущность и начало всѣхъ вещей, по его словамъ, есть число. При этомъ, нужно замѣтить, что числамъ онъ придаетъ сим-

Стіанъ

волическое значеніе. Съ математической точ-
ки зрѣнія смотритъ онъ на небо, которое
по его мнѣнію представляетъ одну общую
гармонію. Около того времени возникла 3-я
школа Элеатская въ городѣ Элеѣ, находив-
шемся на островѣ Сициліи. Родоначальни-
комъ ея былъ Ксенофанъ, изгнанный изъ свое-
го отечества. Онъ написалъ нѣсколько эпиче-
скихъ и элегическихъ стихотвореній, въ кото-
рыхъ выразилось его философское воззрѣніе. Лю-
бопытно, что философы того времени пи-
шутъ свои произведенія не прозой, а стиха-
ми. Ксенофанъ поставилъ себѣ цѣлью бороть-
ся съ политеизмомъ; онъ постоянно напада-
етъ на Гомера и Гезіода; онъ былъ принци-
піально противъ того, чтобы изображать бо-
жества въ человѣческомъ образѣ и съ человѣче-
скими страстями. Въ сохранившихся от-
рывкахъ онъ говоритъ, если бы быки могли
изображать своихъ боговъ, они изобразили бы
ихъ быками же. Онъ приходитъ къ отри-
цанію боговъ, говоря, что если боги есть выс-
шія могущественныя существа, то такимъ
существомъ можетъ быть одно, а не нѣсколь-
ко. Такимъ образомъ у него мы находимъ

Въ

зародышъ монотеизма. Онъ не призна-
за первоначальную стихію, ни воду, ни воз-
духъ отдѣльно каждый, а признаетъ четыре
первоначальныя стихіи: воду, воздухъ, огонь
и землю. Въ его воззрѣніяхъ любопытна слѣ-
дующая черта: онъ считаетъ всѣ воззрѣнія
человѣка только приближающимися къ ис-
тинѣ; самую же истину считаетъ недосту-
пной человѣку. Единственнымъ источникомъ
для познанія истины онъ считаетъ разумъ,
то-же, что познается чувствомъ, не истина,
а мнѣніе. Изъ этого краткаго указанія на
воззрѣнія древнихъ философовъ мы видимъ,
что одновременно съ развитіемъ философіи
стали падать старыя религіозныя воззрѣ-
нія. Изъ всего сказаннаго можно сдѣлать слѣ-
дующіе выводы. 1) Греческая философія воз-
никла не ради практическихъ цѣлей и пред-
ставляла проявленіе любви къ чисто теоре-
тической мысли. Послѣдователи различ-
ныхъ школъ не называютъ себя мудрецами,
а наз. философами, т. е. любителями муд-
рости. При этомъ никогда практическія за-
дачи не становятся главными вопросами
философіи. 2) Центральнымъ вопросомъ

было

древне-греческой философіи является вопросъ о происхожденіи всѣхъ вещей; онъ рѣшается не на основаніи миѳическихъ воззрѣній, а на основаніи знакомства съ природой и размышленія. 3) Среди другихъ вопросовъ, философія ставитъ вопросъ о достовѣрности человѣческихъ знаній. Ксенофанъ высказываетъ, что истина не доступна человѣку, что истина находится за предѣлами человѣческихъ знаній. 4) Философскія мысли дѣлаются все болѣе и болѣе отвлеченными. Фалесъ указываетъ на воду, какъ на начало всѣхъ вещей; Анаксимандръ на неопредѣленную матерію. Пиѳагоръ даетъ уже очень отвлеченный отвѣтъ, указывая на число. 5) Въ началѣ философіи народный миѳическій политеизмъ; философія ведетъ къ единобожію. 6) Первые философы тѣсно связаны съ политическими дѣлами. Фалесъ, на кот. Аристотель смотритъ, какъ на родоначальника философіи, совѣтуетъ Іонійскимъ городамъ заключить федерацію. Пиѳагоръ основываетъ союзъ, имѣющій религіозное и политическое значеніе. Слѣдовательно здѣсь возникаютъ новыя политическія

Курлов

мысли и философія направляется не толь-
ко на природу, но и на человѣка и его обще-
ствіе. 7.) Въ философіи все проявляется ли-
чное начало. Появляются отдѣльныя лично-
сти, старающіяся рѣшать все своимъ собственнымъ разу-
момъ. Тоже самое развитіе личнаго начала
проявляется и въ другихъ формахъ. Демо-
кратизація несомнѣнно тѣсно связана съ
развитіемъ личности. Тоже самое замѣча-
ется и въ поэзіи. Первые поэты не были от-
дѣльными творцами, они представляли
такъ сказать кружскіе школы. На Иліа-
ду и Одиссею какъ извѣстно надо смотрѣть,
какъ на созданіе коллективнаго духа мно-
гихъ людей. Впослѣдствіи съ развитіемъ
личности человѣка, появились такіе поэты,
кот. высказывали свои личныя мысли и
свои личныя чувства. Лирика главнымъ
образомъ и была проявленіемъ этого лично-
го начала.— Подъ вліяніемъ всего этого къ на-
чалу V-го вѣка мы находимъ важные перево-
роты: 1) Введеніе демократіи въ управле-
ніе государствомъ. 2) Главнымъ руководя-
щимъ принципомъ является не тѣ рели-
гіозныя преданія, на которыхъ основывалася

тайны

суевныя греческія учрежденія, а общая польза, общественный интересъ. 3) Зарожденіе философіи, кот. хотя и является достояніемъ передовыхъ умовъ, но оказываетъ вліяніе на всю духовную культуру греческаго народа. Въ это время и являются отдѣльныя личности, производившія законодательныя реформы.

Греко-Персидскія войны.

Въ эту эпоху маленькому греческому народу приходится столкнуться съ громадной монархіей, которая сосредоточивала въ себѣ всѣ культурныя страны существовавшія на ближайшемъ Востокѣ. Эта борьба имѣла громадное значеніе. Но еще раньше ея Греціи пришлось выдержать нѣсколько столкновеній съ сосѣдями. Въ это время Греція не представляла цѣлаго государства, а нѣсколько политій постоянно враждующихъ. Намъ не разъ придется указывать на взгляды Куршіуса относительно этой борьбы, поэтому лучше привести сейчасъ нѣсколько строкъ изъ него. (Стр. 465-466.) „Греческія племена беззаботно разсѣялись по берегамъ Средиземнаго моря, словно думая, что они одни во всемъ свѣтѣ и что имъ свыше даровано право вла-

сав.

уть людныхъ и искусно расположенныхъ и обильныхъ гаванями береговъ. Право обладанія этими землями оставалось неоспоримымъ до тѣхъ поръ, пока племена, жившія позади, оставались спокойными зрителями, допуская грековъ дѣйствовать свободно. Но эта обстановка не могла оставаться такой навсегда. Народности, жившія внутри страны, должны были когда-нибудь сознать, что богатства ея разрабатываются чужеземцами. Недоброжелательство и зависть возникли въ средѣ этихъ народовъ; они стали подвигаться къ морю; столкновенія между эллинами и варварами стали неизбѣжны и изъ нихъ развились продолжительныя войны, во время которыхъ эллинскіе города явились представителями и защитниками своихъ легко добытыхъ владѣній, своего благосостоянія и національной самостоятельности.

Со времени этой борьбы эллинскій народъ вступаетъ въ кругъ міровыхъ событій и съ нея впервые начинается связная греческая исторія; во время этой борьбы обозначившійся еще въ предшествовавшіе вѣка контрастъ эллинскаго начала съ не-эллинскимъ впол-

Лит. В. Комарова Невск. пр. 136-138.

В. Кур…

ніи сознаніе. Борьба начинается въ колоні-
яхъ, изъ мелкихъ колоніи вовлекаютъ въ нее мет-
рополію; съ этой поры дѣло уже идетъ не
о независимости отдѣльныхъ общинъ, но о
независимости всего народа и для отраженія
опасностей складывается на смѣну уста-
рѣвшей амфиктіоніи новое народное един-
ство. Въ извѣстной степени съ этими собы-
тіями связана вся дальнѣйшая исторія
Эллиновъ.

Борьба началась на восточной окраинѣ
греческаго міра, потому что здѣсь прежде все-
го образовалось внутри страны такое госу-
дарство, у котораго было достаточно силы и
охоты, чтобы напасть на береговыхъ Грековъ.
Это государство было не изъ числа мѣстныхъ
отдѣльныхъ государствъ. Старинныя мо-
нархіи востока во все время, пока въ нихъ не
проникли чуждыя составныя части, отли-
чались равнодушнымъ отношеніемъ къ мор-
скому побережью. Съ раннихъ поръ, какъ бы обре-
ченные обитать въ обширныхъ береговыхъ
странахъ, или роскошныхъ рѣчныхъ доли-
нахъ, граждане ихъ не чувствовали потребно-

сти въ сношеніяхъ съ болѣе отдаленными мѣстностями. Въ нихъ достаточно было каравонной или рѣчной торговли; тѣ же изъ богатствъ страны, кот. сбывались за предѣлы ея, проходили черезъ руки чужеземныхъ народовъ, которымъ туземцы предоставляли всѣ торговыя выгоды. Такими народами были Финикіяне, а затѣмъ Греки.

Такимъ образомъ и на азіатскомъ берегу туземцы дали возникнуть чужеземнымъ торговымъ поселеніямъ, имъ дали окрѣпнуть и возвеличиться. Жители ихъ безпрепятственно могли созывать свои народныя сборища и собираться для празднествъ; имъ охотно уступали обладаніе нижними рѣчными долинами, насколько онѣ, отдѣленныя отъ внутреннихъ земель естественными преградами, составляли принадлежность побережья. Казалось, будто азіатскіе цари добровольно признавали рубежъ, отдѣляющій внутреннія земли отъ берега, границей своего могущества.

Что же касается различныхъ мѣстныхъ народностей, то онѣ отъ этого только выигрывали, ибо чужеземныя поселенія и мно-

жество вновь основанныхъ городовъ естественно влекли за собой необыкновенно оживленныя сношенія; всѣ мѣстныя произведенія, всѣ изъ этихъ [далія] внутреннихъ земель получили новую и значительно увеличивающуюся ценность. Какъ истинно хорошие торговцы Греки старались быть въ ладу съ Азіатцами и пріобрѣсть ихъ довѣріе; они посѣщали ихъ рынки, покупали ихъ издѣлія, дѣлали всевозможные заказы, сами селились среди туземцевъ, для того чтобы энергичнѣе вести сношенія съ приморскими областями и, благодаря своей ловкости, сумѣли сдѣлаться пріятными, полезными и, наконецъ, просто необходимыми. Это замѣтно было въ особенности въ столицахъ мало-азіатскихъ государствъ.

Первое царство, пришедшее въ соприкосновеніе съ греческими колоніями, было Лидійское царство, которое не мѣшало греческимъ колоніямъ развиваться. Но, когда Лидійское царство было подчинено Персами, когда Персидскіе цари выказали стремленія къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ, хорошая пора для Малоазіатскихъ колоній кончилась. Малоазійскіе Греки принуждены были обратиться за помощью къ Европейскимъ. Съ этого времени исторія Греціи болѣе извѣстна, благодаря тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя оставилъ Геродотъ. Геродотъ въ началѣ своего труда говоритъ, что онъ поставилъ себѣ задачею выяснить

Въ нем

эту борьбу, чтобы не исчезла память о такомъ великомъ событіи и чтобы показать то громадное различіе, которое существовало между Греками и варварами. Чертами отличающими Грековъ, были свобода и разумъ, чертами варваровъ — рабство и невѣжество.

Въ исторіи Греко-Персидскихъ войнъ три совершенно отдѣльныя, параллельно идущія явленія. 1) Столкновеніе Греціи съ Персидской монархіей 2) заключается въ перестановкѣ, такъ сказать, политическаго первенства 3) то громадное вліяніе, которое оказали греко-персидскія войны на внутренній бытъ Грековъ. Выясненіе перваго вопроса должно заключаться въ опредѣленіи тѣхъ причинъ, которыя вызвали это столкновеніе. На Малоазійскомъ берегу существовало значительное количество греческихъ колоній, которыя вошли въ составъ Лидійскаго царства. Когда Лидійское царство пало и было завоевано персами, греческія колоніи также признали надъ собой власть персидскаго царя. Персы произвели такимъ образомъ завоеваніе не въ одной только Малой Азіи, а и въ Пропонтидѣ, п. ч. и тамъ были греческія колоніи, входившія въ составъ Лидійскаго царства. Опираясь на флотъ Персы могли совершить и дальнѣйшія завоеванія острововъ, Самоса, Родоса и др. Не ограничившись своими завоеваніями

въ Азіи, они передвинулись и въ Европу, стараясь подчинить себѣ и Европейскихъ грековъ. Причины столкновенія Грековъ съ Персами были и иного рода. Въ Греціи существовала такая партія, которая готова была подчинить свою родину персамъ. Въ отдѣльныхъ греческихъ городахъ Малой Азіи существовала власть тирановъ, опиравшихся главнымъ образомъ на персовъ и смотрѣвшихъ на себя, какъ на ихъ подручниковъ. Персы конечно желали имѣть такое же вліяніе и въ Европейской Греціи. Къ этому всему присоединилось еще возстаніе Малоазійскихъ грековъ, которые пожелали стряхнуть съ себя Персидское иго. Малоазійцы обратились за помощью Спарты, она отказалась, тогда они обратились за помощью къ Аѳинянамъ, которые и приняли на себя эту грандіозную войну. Уже приходилось говорить о томъ, какъ относилась Спарта къ тѣмъ взаимнымъ отношеніямъ, которыя существовали въ греческомъ мірѣ. До Греко-Персидскихъ войнъ она стояла во главѣ греческихъ государствъ, но въ эту эпоху гегемонія переходитъ къ Аѳинамъ и главнымъ образомъ (благодаря тому), что Спарта оказалась не на высотѣ своего призванія, Аѳины же проявили необыкновенную самоотверженность. Греки смотрѣли теперь на Аѳины, какъ на городъ, который явился защитой всего греческаго міра. Весьма

Курсовъ

естественно, что Спартанцы, утративъ свое первенствующее значенiе, отнеслись къ этому очень не дружелюбно, и между Спартой и Афинами возникло соперничество, зародышъ котораго существовалъ и раньше; во второй же половинѣ V вѣка это соперничество переходитъ въ войну (въ такъ назыв. Пелопонесскую войну). 31. Влiянiе Греко-Персидскихъ войнъ на внутреннюю жизнь каждаго отдѣльнаго греческаго государства и на весь эллинскiй мiръ не подлежитъ сомнѣнiю. Война эта произвела то патрiотическое одушевленiе, безъ котораго ни одинъ народъ не можетъ обойтись, и безъ котораго не возможно развитiе умственной жизни народа. Въ тѣхъ успѣхахъ, которые греки сдѣлали, они видѣли проявленiе своей силы, побѣду свободы надъ рабствомъ. Прославленiе этого одушевленiя мы находимъ въ области искусства и въ области поэзiи. Первый трудъ по исторiи, исторiя Геродота была внушена сию мыслью, что о такомъ замѣчательномъ событiи, какъ побѣда Грековъ надъ Персами, должна остаться памятнымъ. Греко-Персидскiя войны оказали также большое влiянiе на борьбу аристократiи съ демократiей, которая происходила во всѣхъ греческихъ государствахъ въ началѣ Греко-Персидскихъ войнъ. Во время этой войны самымъ замѣчательнымъ государствомъ являются Аѳины, благодаря

тому обстоятельству, что въ Аѳинахъ произошло къ этому времени нѣсколько переворотовъ, нанесшихъ ударъ старымъ формамъ правленія и введшихъ, благодаря реформамъ Солона и Клисоена, новый порядокъ. Строго аристократическое государство Спарта вела себя въ эту войну въ высшей степени вяло. Побѣда была на сторонѣ демократическаго государства, и это послужило еще къ большему возвышенію демократіи. Къ этому нужно прибавить то обстоятельство, что Аѳиняне одержали верхъ въ войнѣ главнымъ образомъ благодаря своему морскому значенію. Чтобы поддерживать свое положеніе имъ необходимо было соединиться съ морскими государствами и усилить флотъ. Флотъ ихъ состоялъ изъ кораблей, которые приводились въ движеніе гребцами. Работа эта была очень трудная, отъ которой аристократы уклонялись, да ихъ и было слишкомъ мало. Пришлось прибѣгнуть къ Ѳетамъ. Естественно, что разъ Ѳеты стали нести весьма тяжелыя обязанности для защиты государства, они получили и соотвѣтственныя права. Изъ всего сказаннаго ясно, что въ исторіи Греко-Персидскихъ войнъ главный интересъ сосредоточивается около Аѳинъ. Переходимъ къ самимъ событіямъ. Положеніе

сов.

малоазійскихъ колоній было очень тяжелое. Власть Лидійскаго царства Малоазійскіе греки переносили довольно легко, т. ч. Крезъ относился къ нимъ очень благосклонно. Персы стали относиться совершенно иначе; на нихъ Киръ наложилъ тяжелую дань; организовали особую военную повинность; вслѣдствіи чего греческіе города должны были принимать участіе въ персидскихъ завоеваніяхъ. Кромѣ сухопутной военной повинности греческіе города должны были доставлять Персидскому царю флотъ. Только благодаря этому флоту персидскіе цари могли задумать завоеваніе островов Эгейскаго моря. Аристогоръ, тиранъ города Милета убѣдилъ Персидскаго царя предпринять походъ противъ Наксоса. Войско было отправлено подъ начальствомъ Аристогора. Предпріятіе не удалось. Аристогоръ боясь отвѣтственности за свою неудачу вздумалъ отложиться отъ Персіи и съ этой цѣлью поднялъ возстаніе. Возстаніе распространилось и по другимъ греческимъ городамъ. Одни они конечно не могли вести борьбу съ Персами, они обратились за помощью къ Спартѣ; она отказала. Помогли же Аѳины и для нихъ съ этого времени началась совершенно новая роль. Не нужно забывать, что Аѳиняне сами только что избавились отъ тираніи

Гистія. Они послали 20 кораблей, къ которымъ присоединилось еще 5 кораблей отъ города Эретріи. Само собой разумѣется, что это была слишкомъ небольшая поддержка, и возстаніе окончилось весьма печально: возставшіе смирились, и Милетъ былъ разрушенъ. Это событіе оказало большое вліяніе на Аѳины. Когда тамъ на сценѣ представлено было разрушеніе Милета, оно произвело сильное впечатлѣніе на Аѳинянъ. Авторъ (Фринихъ) приговоренъ былъ къ уплатѣ штрафа, а само представленіе драмы запрещено. После этого Персы были очень (сильно) раздражены противъ Аѳинянъ и искали случая имъ отомстить. Дарій снарядилъ походъ на Грецію подъ начальствомъ Мардонія. Флотъ потерпѣлъ неудачу, и Мардоній вернулся. Тогда Персы рѣшили перебраться на корабляхъ чрезъ Эгейское море, но для этого имъ было необходимо расположить въ свою пользу греческіе города; они послали къ нимъ пословъ съ требованіемъ воды и земли въ знакъ покорности. Острова уже, на материкѣ свое согласіе дали нѣкоторые города напр. Ѳивы; Спартанцы же убили персидскихъ пословъ при этомъ обнаружилось, что аристократическая партія была на сторонѣ персовъ. Дѣло въ томъ, что, болѣе демократи-

Чудовъ

ческаго перевѣса, аристократы, чтобы сохранить свое старое господство, готовы были подчиниться персамъ. Совершенно также вели себя тираны. Это политическое сочуствіе отразилось и въ поэзіи. Въ эту эпоху въ Өивахъ жилъ поэтъ Пиндаръ, въ своихъ сочиненіяхъ онъ совершенно не вмѣшивался въ ту борьбу, которая происходила. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ греческихъ государствахъ въ эпоху борьбы съ Персами аристократы и многія отдѣльныя государства относятся къ Персіи сочувственно.

Но въ это же время зародилось у Грековъ сознаніе національнаго единства. Послѣ неудачнаго нашествія Мардонія, Аѳиняне обратились къ Спартѣ съ требованіемъ наказать города, ставшіе на сторону Персовъ, они указывали, между прочимъ, на Эгину. Фактъ этотъ интересенъ въ 2 отношеніяхъ 1) онъ указываетъ на зарожденіе національнаго сознанія; принятіе стороны Персовъ считалось измѣной, требующей наказанія 2) Обращеніе къ Спартѣ является доказательствомъ того, что Аѳиняне видѣли въ ней главу всей Греціи.

Черезъ три (3) года послѣ этого похода Персы предприняли новый походъ, подъ началь-

ствомъ Датиса и Артаферна, съ ними же былъ и Гиппій. Они пошли инымъ уже путемъ; переправившись черезъ Эгейское море, опустошивъ Наксосъ, они высадились въ Эвбеѣ, разрушили городъ Эретрію, затѣмъ поѣхали на корабляхъ до Аттики, намѣреваясь разрушить городъ Мараѳонъ. У Персовъ было около 100,000 войска, у Аѳинянъ же едва десятая часть. Они послали просить Спартанцевъ, но Спартанцы не явились. До сихъ поръ историками еще не выяснена причина отказа Спарты: по одним извѣстіямъ въ Спартѣ происходили религіозные праздники (Карнеа), въ теченіе которыхъ они не могли выходить въ походъ; по другимъ: тамъ происходили внутренние смуты; но очень можетъ быть, что Спартанцы не явились изъ политическихъ побужденій. Аѳиняне однако нашли себѣ союзниковъ въ жителяхъ города Платеи, жившаго на границѣ между Аттикой и Беотіей, и симпатизирующаго Аѳинянамъ; они выставили не большой отрядъ, но который благодаря незначительности Аѳинскихъ силъ, оказалъ сильное подкрѣпленіе. Мараѳонская битва произошла въ день, когда начальствовалъ Мильтіадъ. Онъ управлялъ довольно долгое время землями на Херсонесѣ Ѳракійскомъ и близко зналъ обычаи

Персовъ

Персовъ, это помогло ему разставить войско. Битва эта была не удачна для Персовъ, которые послѣ нея вздумали напасть съ моря, и отправились къ Аѳинамъ. Говорятъ, что нѣкоторые Аѳинскіе аристократы, недовольные демократическими порядками, выставили на Акрополъ щитъ, въ знакъ того, что Персы могли свободно войти въ городъ, но Мильтіадъ, предвидѣвшій намѣреніе Персовъ, поспѣшилъ къ Аѳинамъ, и Персы, встрѣтившіе опять Мараѳонское войско, отступили. Это было въ 490 году. Замѣтимъ, что за 20 лѣтъ до этого совершилась реформа, связанная съ именемъ Клисѳена, и побѣда Мараѳонская была первой побѣдой демократическаго государства. Это не прошло безслѣдно для Аѳинъ. Во время послѣдующаго за Мараѳонской побѣдой десятилѣтняго перемирія въ Аѳинахъ шла внутреняя борьба 2 партій: 1) аристократической, желавшей сохраненія существующихъ порядковъ (консервативной) 2) прогрессивной, желающей дальнѣйшаго улучшенія строя. Во главѣ первой стояли Мильтіадъ и Аристидъ, а вождемъ 2ой былъ Ѳемистоклъ. Кромѣ сохраненій или развитій устройства государственнаго, были еще спорные пункты. Консерваторы

тщ

хотѣли, чтобы Аѳины были государствомъ земледѣльческимъ, такъ какъ аристократія опиралась главнымъ образомъ на землевладѣніи, прогрессивная стояла за промышленность и торговлю; затѣмъ 1 партія стояла за усиленіе сухопутнаго могущества, а 2ая за развитіе морского. Аѳины находились въ нѣсколькихъ верстахъ отъ моря, гдѣ была гавань, Пирей, представлявшая незначительное мѣстечко, и Аѳины во время Малоазіатскаго возстанія могли послать на помощь колоніямъ только 20 кораблей. Впослѣдствіи число ихъ достигло 200, построенію ихъ содѣйствовалъ Ѳемистоклъ, понимавшій, что для борьбы съ Персами необходимъ флотъ. На построеніе его Ѳемистоклъ убѣдилъ гражданъ употребить доходы съ серебряныхъ Лавріискихъ рудниковъ. Въ качествѣ матросовъ были употреблены Ѳеты, беднѣйшіе граждане, не исполнявшіе воинской повинности и не пользовавшіеся правами, но которымъ теперь необходимо было за исполненіе труднѣйшей обязанности дать права. Такимъ образомъ Ѳемистоклъ велъ Аѳины къ морскому могуществу и демократическому устройству. Противникомъ его былъ Аристидъ,

указывавшій на опасныя стороны предпріятія, но Ѳемистоклъ добился удаленія его посредствомъ остракизма въ 483 году. Остракизмъ придуманъ былъ для лицъ опасныхъ для политической свободы, теперь же употребляли его для устраненія противниковъ. Всѣ расказы объ необыкновенной честности Аристида можно отнести къ области легендъ, тѣмъ болѣе, что эти извѣстія мы находимъ у Плутарха, жившаго во II вѣкѣ послѣ Р. Х., слѣдовательно черезъ 6 вѣковъ.

Между тѣмъ въ это время въ Персіи умеръ Дарій Гистаспъ и Ксерксъ, сынъ его и преемникъ, готовился къ новому походу. Но теперь у Аѳинянъ, благодаря Ѳемистоклу, былъ уже флотъ, могущій вступить въ борьбу съ Персами. По извѣстіямъ греческихъ писателей (Геродота) несомнѣнно очень и очень преувеличеннымъ, Ксерксъ двинулъ всѣ лучшія силы: въ войскѣ было 1,700,000 человѣкъ, кромѣ того 1200 кораблей и 3000 транспортныхъ судовъ. (Такихъ армій не было даже въ новое время). Хотя эти цифры несомнѣнно преувеличены такъ, что нѣкоторые историки думаютъ ихъ совсѣмъ отвергнуть, но всетаки по нимъ можно

тій

судить о громадности персидскаго войска. Когда у Грековъ сдѣлались извѣстны приготовленія Персовъ, они созвали на Истмъ конгрессъ. На этомъ конгрессѣ участвовали представители государствъ: но единодушія у грековъ не было: нѣкоторые города отклонили присылку представителей, другіе же стали на сторону Персовъ, напр: Аргосъ, воевавшій со Спартою, Ѳивы, гдѣ господствовала аристократія, Сиракузы, династія Алевадовъ въ Ѳессаліи, Дельфійскій оракулъ высказался также противъ похода, и это подорвало авторитетъ Дельфъ. На этомъ конгрессѣ сдѣлано было постановленіе защищать только Истмъ. Въ другихъ мѣстностяхъ было оказано слабое сопротивленіе. Знаменитый Ѳермопильскій проходъ защищали только 7000 воиновъ подъ начальствомъ Спартанскаго царя Леонида. Флотъ греческій подъ начальствомъ Спартанцевъ держался у мыса Артемизія по сѣверной окраинѣ Эвбеи и оттуда мало по малу подвигался на югъ. Персы вторгшись въ Аттику, опустошили ее и разорили Аѳины. Между тѣмъ флотъ греческій остановился у Саламина. Ѳемистоклъ понимавшій выгоду его положенія, хитростью вызвалъ Персовъ къ бою, сов.

480 г., который окончился въ пользу Аѳинянъ. Тогда Спартанцы рѣшили отправиться за Истмъ. Между тѣмъ на сушѣ Греки одержали побѣду при Платеѣ. Персы были разбиты при мысѣ Микалѣ въ Малой Азіи, и греческія колоніи были освобождены. Все это время Спартанцы вели себя очень эгоистично. Слѣдующій фактъ отлично характеризуетъ это исправленіе. Ѳемистоклъ, желая укрѣпить Аѳины, началъ строить вокругъ стѣны, но Спартанцы подъ тѣмъ предлогомъ, что Персы, захвативъ Аѳины, могутъ отлично укрѣпиться за стѣнами, воспротивились этому. Но Ѳемистоклъ опять прибѣгъ къ хитрости, онъ сдѣлалъ такъ, что его выбрали посломъ въ Спарту, и убѣдилъ Спартанцевъ въ свою очередь послать пословъ посмотрѣть работы; въ Аѳинахъ ихъ удержали какъ заложниковъ. Когда, наконецъ, Ѳемистоклъ узналъ, что стѣны почти построены, онъ объявилъ Спартанцамъ, что Аѳиняне сами знаютъ, что имъ дѣлать. За это Спарта сильно отомстила Ѳемистоклу. Послѣ Греко-Персидскихъ войнъ первенство перешло къ Аѳинянамъ. Ни одному государству не принадлежало столько кораблей, какъ Аѳинянамъ, (нѣкоторые даже думаютъ, что половина, другіе

Лит. В. Комарова Невск. пр. 136 138.

В Ку...

же, что третъ). Спартанцы сами отказались отъ командованія флотомъ. Тогда образовался для защиты Грековъ отъ Персовъ морской союзъ съ Аѳинянами во главѣ, и этотъ союзъ скоро началъ наступательную борьбу съ Персіей. Есть извѣстіе, что въ 449 г. былъ заключенъ миръ, называемый Кимоновымъ, но это извѣстіе не вѣрно. Въ настоящее время договоръ отрицается, но и безъ договора наступили мирныя времена: Аѳиняне были довольны, а Персы не рѣшались нападать. Гегемонія окончательно перешла на сторону Аѳинянъ. Этому способствовало поведеніе вождей Аѳинскихъ и Спартанскихъ. Въ битвѣ при Платеѣ во главѣ войска стоялъ Спартанскій царь Павзаній, онъ велъ себя чрезвычайно высокомѣрно, когда же онъ захватилъ городъ Византію, онъ вступилъ въ сношенія съ Персами. Спартанцы, узнавъ о его поведеніи, отказались отъ командованія флотомъ, чтобы отозвать вождя. Когда же Павзаній пытался возбудить въ Спартѣ бунтъ, то они уморили его голодомъ и отказались отъ дальнѣйшаго участія въ войнѣ изъ боязни за свое политическое устройство. По закону они обязаны были 1 изъ

Чаре...

царей посылать на войну, но побуждилъ царь, возвратясь, не сталъ бы слушаться эфоровъ у него явилось бы стремленіе захватить власть. Такимъ образомъ Аѳиняне достигли главенства въ морскомъ союзѣ, симмахіи, имъ много помогалъ Аристидъ, раньше вернувшійся изъ ссылки и принявшій участіе. Между тѣмъ Ѳемистокла обвинили въ сношеніяхъ съ Персами, и онъ, чтобы спастись, бѣжалъ въ Персію, гдѣ и умеръ. Послѣ Аристида и Ѳемистокла возвысился сынъ Мильтіада, Кимонъ, принадлежавшій, какъ отецъ, къ партіи консервативной, встрѣтившійся при концѣ своей жизни съ замѣчательнымъ вождемъ демократіи Перикломъ.

Персидскія войны отразились главнымъ образомъ на 3хъ сторонахъ греческой жизни. 1) Греки отстояли свою независимость и даже перешли въ наступательную войну противъ Персовъ. Персы уже не осмѣливались нападать на Грецію, 2) сторона заключается въ томъ, что произошли измѣненія во взаимномъ отношеніи греческихъ государствъ. Гегемонія морская переходитъ къ Аѳинамъ которые еще въ 490 году обращались къ Спартѣ съ просьбою. Теперь же Спарта сама отказалась

Ок[illegible]

отъ морской гегемоніи, и это имѣло значеніе для всей Греціи. Аѳиняне сдѣлали попытку объединенія Греціи подъ своимъ господствомъ, но имъ это не удалось. Изъ за того что Аѳины не могли достигнуть гегемоніи на сушѣ, между ними и Спартой возгорѣлась во 2ой половинѣ V вѣка междоусобная война, называемая Пелопонесской. Здѣсь къ соперничеству 2хъ городовъ присоединилось еще соперничество двухъ партій аристократіи съ демократіей. 3ья сторона: Внутреннія измѣненія. Передъ этой эпохой велась борьба между аристократіей и демократіей, возвышались тиранны, эти тиранны и аристократія, чтобы остановить демократію, становились на сторону Персовъ. Преимущество въ войнѣ было на сторонѣ демократіи; они завели флотъ, призывали Ѳетовъ, какъ матросовъ, имѣющихъ конечно большее значеніе во флотѣ.

Благодаря тому что Аѳины сдѣлались центромъ политическимъ, они сдѣлались также центромъ умственнымъ. Греческая образованность, до Персидскихъ войнъ разсѣянная по колоніямъ, сосредоточилась въ Аѳинахъ, и Аѳины, унося все, сдѣланное колоніями сдѣлались умствен-

нымъ центромъ.

Аѳинская исторія V-го вѣка.

Въ исторіи внутренней жизни Аѳинъ, я обращу главное вниманіе 1) на развитіе демократическихъ началъ 2) на образованіе морского союза, симмахіи, игравшаго важную роль въ внутренней исторіи Греціи.

Демократическій характеръ реформы Клисфена выразился главнымъ образомъ въ отрицательныхъ ея положеніяхъ; онъ нанесъ ударъ старому аристократическому устройству. Реформа эта была за 20 лѣтъ до Мараѳонской битвы. Продолжателемъ дѣла Клисфена явился Ѳемистоклъ, ставшій во главѣ прогрессивной партіи. Онъ склонилъ Аѳинянъ къ превращенію ихъ города въ морское государство. Построилъ гавань Пирей, игравшую важную роль, туда стекалась масса людей, занимавшихся торговлей и промышленностью и которая при новомъ устройствѣ сдѣлалась демократичнѣе Аѳинъ; завелъ флотъ, оказавшій важную услугу въ борьбѣ съ Персами, привлекъ (какъ уже было указано) ѳетовъ, т. е. 4 классъ, къ отбыванію воинской повинности. Раньше ѳеты были устранены отъ повинности, такъ какъ вооруженіе стоило дорого, и имѣть его могли только 3 первые класса. Теперь же они

получили права. Это спасло демократію. Демосъ почувствовалъ свою силу, сталъ считать себя побѣдителемъ при Саламинѣ, тогда какъ аристократія потеряла совершенно свое прежнее значеніе. Естественно, что преимущества, которыми пользовались 3 первые класса, должны были распространиться и на 4 классъ, и Аристидъ показалъ свою дальновидность, сдѣлавъ предложеніе, чтобы во всѣ должности могли избираться граждане всѣхъ классовъ, а такъ какъ вскорѣ былъ введенъ въ Аѳинахъ жребій, то онъ легко могъ пасть на бѣта. Причина предложенія Аристидомъ этой мѣры объясняютъ различно. Нѣкоторые смотрятъ на это, какъ на награду, которую получили классы, принимавшіе участіе въ борьбѣ, и руками которыхъ существовалъ флотъ. Другіе указываютъ на болѣе своекорыстныя причины: многіе богатые граждане разорились во время войны, и должны были попасть въ 4 классъ и вотъ для того чтобы фамильная аристократія сохранила свои права, нужно было ихъ распространить и на 4 классъ. Наконецъ, есть и еще мнѣнія; у насъ нѣтъ точныхъ данныхъ какое имущество принималось въ разсчетъ при дѣленіи на классы, существуетъ извѣстіе, что только поземельное, въ такомъ случаѣ торговцы

и промышленники были устранены, но такъ какъ теперь Аѳины сдѣлались торговымъ государствомъ, должны были быть предоставлены права и торговцамъ. Такимъ образомъ всѣ граждане были уравнены. Дальнѣйшія измѣненія, произвели уже при Периклѣ и его другѣ Эфіальтѣ (около 460 г.). При такомъ чисто демократическомъ устроствѣ Аѳинъ, необходимо было, чтобы всѣ граждане участвовали въ дѣлахъ, а для участія они должны были быть свободны отъ заботъ о пропитаніи. Богатые люди, имѣя рабовъ, могли безъ ущерба для дѣлъ, отдавать свое время государству, но бѣдные не могли, и вотъ для поддержанія демократическаго строенія вводится вознагражденіе за участіе въ дѣлахъ. Въ Аѳинахъ существовалъ судъ, геліэя, раздѣлявшійся на нѣсколько дикастерій, сюда могли попасть всѣ граждане, и чтобы они могли заниматься судебными дѣлами, за тѣ дни, когда геліасты засѣдали, была введена особая плата, мисѳосъ дикастикосъ. Граждане стали получать деньги и за участіе въ религіозныхъ празднествахъ, съ коими были соединены театральныя зрѣлища. Раньше эти празднества устраивались на счетъ богатыхъ, которые тѣмъ

могли влiять на бѣдныхъ, теперь же празднества стали устраиваться на государственный счетъ. Раздавались деньги также за посѣщенiе театра, деньги эти назывались өеорикона. Чтобы всѣ могли въ теченiи 35 дней исполнять должность булевта, была введена плата. Даже за посѣщенiе народнаго собранiя была плата. Для этого пользовались деньгами союзниковъ, кот. доставляли ихъ раньше для защиты, теперь же эти деньги Аѳиняне употребляли по благоусмотрѣнiю. При Эфiальтѣ и Периклѣ произошло другое важное измѣненiе: Ареопагъ потерялъ свое прежнее значенiе, всѣ его дѣла были переданы гелiэѣ, ареопагиты наблюдали только за соблюденiемъ законовъ. Тѣ должности, гдѣ не нужно было опытности и знанiя, замѣщались по жребiю, тѣ же кот. требовали знанiй, и были отвѣтственны, замѣщались по выбору. Выбирались въ должность 9 архонтовъ. Должность эта возникла изъ царской власти. Изъ 9 архонтовъ первый эпонимъ, дававшiй имя году, наблюдалъ за тѣмъ, чтобы домашнiй культъ непрерывно продолжался; 2ой архонтъ базилевсъ-царь, верховный жрецъ; 3iй по-

тайн-

лемархъ, военачальникъ и судья надъ иностранцами; и 6 оесмотетовъ, предсѣдательствующихъ въ судѣ; но за архонтами сохранилось больше почета, чѣмъ дѣйствительной власти; напр: полемархъ только предсѣдательствовалъ среди 10 стратеговъ; оесмотеты предсѣдательствовали на судѣ; и участвовали въ принесеніи жертвы. Члены буле (булевты) раздѣлялись на 10 пританей, по 35, 36 дней въ году; пританы поддерживали огонь, это была должность, связанная съ жречествомъ. Рядомъ съ этими должностями стояли должности по выбору, имѣющія демократическій характеръ; имъ-то и принадлежала дѣйствительная власть, и значеніе ихъ было свѣтское. Эти должности 1) 10 стратеговъ, 2) 10 астиномовъ, они завѣдывали полицейскими дѣлами 3) 10 агорономовъ, (торговая полиція); 4) 15 ситофилаковъ, надзирателей за правильной торговлей хлѣбомъ; 5) 15 метрономовъ, спеціальныхъ чиновниковъ, ревизующихъ самые вѣсы и мѣру 6) 10 казначеевъ, хранившихъ казну, (должность эта изъята у архонтовъ), 7) Коммиссія „одиннадцати", приводящая въ исполненіе приговоры. Всѣ эти должности замѣщались на 1 годъ, и давались лишь освѣдомившись заранѣе о честности и способности кандидатовъ. Всѣ эти должности были отвѣтственны передъ

Лит. В. Комарова Невск. пр. 136-138.

народнымъ собраніемъ и пользовались большимъ уваженіемъ, не смотря на то, что туда могъ попасть всякій. За соблюденіемъ законовъ наблюдали члены буле, обращавшіеся на 35 дней въ году въ пританов. Но главная роль принадлежала народному собранію, экклесіи. Описаніе народнаго собранія находитъ у Фюстель-де-Куланжа Стр. 444-448. Собраніе созывалось пританами или стратегами. Оно помѣщалось въ оградѣ, освященной религіей; съ самаго утра жрецы обходили кругомъ Пниксъ, принося жертвы и моля боговъ о покровительствѣ. Народъ разсаживался на каменныя лавы. На нѣкотораго рода возвышенномъ помостѣ находились пританы, а впереди ихъ - проэдры, предсѣдательствовавшіе въ собраніи. У трибуны стоялъ алтарь, и сама трибуна слыла алтаремъ въ своемъ родѣ. Когда всѣ усаживались на мѣста одинъ изъ жрецовъ возвышалъ голосъ: „храните безмолвіе, говорилъ онъ, благоговѣйное безмолвіе; молите боговъ и богинь (тутъ онъ поименовывалъ главныя божества края), да совершится все къ лучшему на вящую пользу Аѳинъ и на благо ихъ гражданамъ." А народъ или кто-либо отъ ею имени отвѣчалъ: „Молимъ боговъ, да будутъ покровителями гражданской общинѣ. Да восторжествуетъ мнѣніе мудрѣйшаго! Да будетъ проклятъ

по Древней Истор. Л. 27.

тотъ, кто есть намъ недобрый совѣтъ; кто [illegible] измѣнить законы и постановленія, или кто откроетъ тайны наши непріятелю!" Затѣмъ глашатай по волѣ предсѣдателей, возвѣщалъ, чѣмъ именно должно заняться собраніе. То, что предлагалось народу, непремѣнно было уже напередъ обсуждено и изучено въ сенатѣ. Народъ не имѣлъ того, что на новѣйшемъ языкѣ зовется почином, инициативою. Сенатъ прямо вносилъ проектъ постановленія; народъ могъ его отвергнуть или принять; судить о чемъ либо другомъ ему не представлялось. По прочтеніи проекта глашатаемъ, открывалось преніе. Глашатай спрашивалъ: „Кто хочетъ говорить?" Ораторы всходили на трибуну по старшинству лѣтъ. Говорить воленъ былъ всякій, какого бы не былъ онъ достатка или званія, но съ условіемъ доказать, что онъ пользуется политическими правами, что онъ не долженъ государственной казнѣ, что нравы его чисты, что онъ женатъ законнымъ образомъ, что у него есть земельный участокъ въ Аттикѣ, что онъ выполнилъ всѣ свои обязанности къ родителямъ, что онъ отбылъ всѣ военные походы, куда былъ посланъ и что не бросилъ своего щита ни въ одномъ сраженіи. Взявъ эти предосторожности противъ краснорѣчія, народъ отдавался ему затѣмъ весь. Аѳиняне, какъ говоритъ Ѳукидидъ, не думали

[illegible]

чтобы слово вредило дѣлу. Они, напротивъ, ощущали потребность все себѣ уяснить. Политика не была уже, какъ при старомъ порядкѣ, дѣломъ вѣры и преданія. Надо было размышлять и взвѣшивать доводы. Обсужденіе стало необходимостью; потому что любой вопросъ былъ болѣе или менѣе теменъ, и одно только живое слово могло выяснить истину. Аѳинскій народъ хотѣлъ, чтобъ любое дѣло представляли ему со всѣхъ многоразличныхъ сторонъ и обнаруживали съ очевидностью все, что можно привести за и противъ. Онъ очень дорожилъ своими ораторами и, говорятъ, вознаграждалъ ихъ деньгами за каждую рѣчь, произнесенную съ трибуны. Онъ дѣлалъ еще болѣе: онъ ихъ слушалъ. Не надо воображать, что это была буйная и шумливая толпа. Народъ держалъ себя совершенно иначе: комическій поэтъ представляетъ его слушающимъ разиня ротъ, неподвижнымъ на каменныхъ своихъ лавкахъ. Историки и ораторы часто описываютъ намъ эти народныя собранія; мы никогда почти не видимъ, чтобы оратора кто-нибудь прервалъ; говоритъ ли Периклъ или Клеонъ, Эсхинъ или Демосѳенъ, народъ внимателенъ; льстятъ ли ему или его , онъ все таки готовъ выслушать. Онъ умѣлъ выслушивать самыхъ противоположныхъ мнѣній, съ удивительнымъ иногда терпѣніемъ. Никогда ни криковъ ни свистковъ.

Ораторъ чтобы онъ себѣ ни говорилъ, всегда можетъ безпрепятственно дойти до конца рѣчи. Въ Спартѣ красноречіе не извѣстно. Это оттого что тамъ совсѣмъ иныя начала правленія. Властвуетъ еще аристократія, а у ней есть запасъ незыблемыхъ преданій, при которыхъ нѣтъ никакой надобности долго обсуждать противоположныя стороны предмета. Въ Аѳинахъ народъ хочетъ самъ все разузнать; онъ рѣшаетъ только послѣ состязательнаго пренія; онъ дѣйствуетъ только, когда убѣжденъ или когда считаетъ себя убѣжденнымъ. Чтобы пустить въ ходъ, расшевелить всеобщую подачу голосовъ, для этого необходимо слово; краснорѣчіе - пружина демократическаго правленія. Вотъ почему ораторы рано принимаютъ титло демагоговъ, то есть: вожаковъ гражданской общины; въ самомъ дѣлѣ они заставляютъ ее дѣйствовать, они руководятъ ими опредѣляютъ всѣ ея рѣшенія. Предвидѣли тотъ случай, что ораторъ предложитъ, пожалуй, что-нибудь противное существующимъ законамъ. Аѳины имѣли семерыхъ сановниковъ, которые назывались блюстителями законовъ. Въ числѣ семерыхъ, они наблюдали за собраніемъ, сидя на возвышенныхъ сѣдалищахъ и какъ бы представляли собой законъ, стоящій выше самаго народа. Замѣтивъ что нападеніе на

Вз[illegible]

правлено на какой нибудь законъ, они останавливали оратора среди рѣчи и немедленно закрывали собраніе. Народъ расходился, не имѣя права пускать предложеніе на голоса. Существовалъ одинъ законъ, хотя, правда, и неудобопримѣнимый, который каралъ оратора уличеннаго въ поданіи недобраго совѣта народу. Былъ другой законъ, не допускавшій на трибуну такого оратора, который трижды посовѣтовалъ опредѣленія, противныя, существующимъ законамъ. Аѳины знали очень хорошо, что демократія можетъ держаться только уваженіемъ къ закону. Забота объ изысканіи перемѣнъ, которыя могутъ быть дѣйствительно полезны въ законодательствѣ, принадлежала исключительно ѳесмоѳетамъ. Предложенія ихъ поступали въ сенатъ, который будучи въ правѣ отринуть перемѣну, не имѣлъ однакожъ права обратить ее въ законъ. Въ случаѣ ея одобренія, Сенатъ созывалъ народную сходку и сообщалъ ей проэктъ ѳесмоѳетовъ. Но народъ ничего не долженъ былъ рѣшать немедленно; онъ отлагалъ пренія до слѣдующаго дня, а между тѣмъ назначалъ пятерыхъ ораторовъ, которыхъ исключительная обязанность состояла въ оборонѣ прежняго закона и въ обнаруженіи всѣхъ неудобствъ предлагаемаго нововведенія. Въ назначенный день народъ собирался опять и выслушивалъ

спр. къ ораторовъ, которымъ поручена была защита старыхъ законовъ, а потомъ тѣмъ, которые стояли за новые. Выслушавъ рѣчи, народъ все еще не рѣшалъ. Онъ ограничивался назначеніемъ весьма многочисленной комиссіи, составленной исключительно изъ лицъ отправлявшихъ когда-нибудь судейскую обязанность. Комиссія эта пересматривала дѣло, вновь выслушивала ораторовъ, совѣщалась и обсуждала. Если она отвергала предложенный законъ, рѣшеніе ея считалось окончательнымъ и безотмѣннымъ. Если она его одобряла, она опять-таки собирала народъ, который, въ третій этотъ разъ уже долженъ былъ идти на голоса, и большинство его въ пользу предложенія наконецъ дѣлало его положительнымъ закономъ. Вопреки той осторожности, все еще могло случиться такъ, что принималось иногда предложеніе несправедливое или пагубное. Оттого новый законъ всегда носилъ имя своего начинателя, котораго и впослѣдствіи можно было подвергнуть суду и казни. Народъ, какъ истый державецъ, считался безгрѣшнымъ; но каждый изъ ораторовъ всегда оставался отвѣтственъ за всякій, данный имъ совѣтъ."

Вотъ какъ и съ какою осторожностью происходило народное собраніе. Каждый гражданинъ долженъ былъ посѣщать его, это было народу=

Курюв

слѣдуя т. е. каждый участвовалъ въ управленіи самъ. При подобномъ устройствѣ было полное поглощеніе личности государствомъ, гражданинъ вообще былъ вынуждено предаваться служенію государству, а это возможно было при существованіи средствъ, потому что и назначалось жалованье за исполненіе всѣхъ гражданскихъ обязанностей. О поглощеніи всего времени государственными дѣлами Фюстель-де-Куланжъ говоритъ слѣдующее:

Стр. 449—451 Невольно также изумляешься громадной работѣ, какой эта демократія требовала отъ людей. Это было многотрудное правленіе. Посмотрите въ чемъ проходитъ жизнь афинянина. Сегодня зовутъ его на сходку дема, и онъ долженъ судить и рѣшить о религіозныхъ или политическихъ интересахъ этой маленькой общины. Завтра его тянутъ въ собраніе филы; надо порѣшить устройство религіознаго праздника или провѣрить какіе-нибудь расходы, или постановить извѣстныя опредѣленія, или назначить начальниковъ и судей. Трижды въ мѣсяцъ онъ непремѣнно присутствуетъ въ общемъ собраніи народа; онъ не въ правѣ не придти. А засѣданіе длинно долго, онъ является туда не для одной лишь подачи голоса; прибывъ утромъ, онъ сидитъ тамъ до поздняго часа дня, выслушивая ораторовъ. Голосъ можетъ онъ подать только

тогда, если былъ на сходкѣ съ самаго открытія и слышалъ всѣ до одной рѣчи. Подача эта для него дѣло очень важное: то рѣчь идетъ о выборѣ политическихъ и военныхъ властей, то есть такихъ лицъ, которымъ на цѣлый годъ ввѣряются его жизнь и его личные интересы; то нужно установить новый налогъ или произвесть какую-нибудь отмѣну въ законодательствѣ; то надобно подать голосъ насчетъ войны, съ полнымъ сознаніемъ, что тутъ предстоитъ поплатиться собственной кровью или сыновей. Личные интересы неразлучно связаны съ интересомъ общины. Человѣку не приходится быть ни равнодушнымъ, ни легкомысленнымъ. Въ случаѣ ошибки, онъ знаетъ, что скоро понесетъ за это кару и что въ каждой подачѣ голоса онъ отваживаетъ свое достояніе и свою жизнь. Въ тотъ день, когда рѣшили злосчастный походъ въ Сицилію, не было ни одного гражданина, который бы не зналъ, что одному изъ его кровныхъ придется въ немъ участвовать, и который не чувствовалъ бы обязанности, какъ можно внимательнѣе взвѣсить, какія подобная война представляетъ выгоды и какія опасности. Въ высшей степени было важно все сообразить и разузнать. Вѣдь всякій неудачный шагъ родной общины былъ для

Са.

каждаго изъ гражданъ умаленіемъ его личнаго достоинства, его безопасности, его достатка. Домъ гражданина ограничивался не одною подачей голоса. Наступала его очередь, и ему приходилось быть должностнымъ лицомъ въ своемъ демѣ или въ своей филѣ. Среднимъ числомъ черезъ 2 года въ третій онъ бывалъ геліастомъ (судебнымъ засѣдателемъ) и проводилъ весь этотъ годъ въ судѣ, выслушивая адвокатовъ и примѣняя къ нимъ законы. Не было ни одного гражданина, который бы дважды въ жизни не призывался въ сенатъ; тогда онъ засѣдалъ въ немъ круглый годъ съ утра до вечера, принимая донесенія отъ должностныхъ лицъ, отбирая отъ нихъ отчеты, отвѣчая иностраннымъ посланникамъ, составляя наказы посламъ аѳинскимъ, разсматривая предварительно всѣ дѣла, которыя надлежало представить народному собранію и подготовляя всѣ декреты. Наконецъ онъ могъ быть сановникомъ гражданской общины, архонтомъ, стратегомъ, астиномомъ, если ему выпадалъ жеребій или доставалось большинство голосовъ. Мы видимъ, что тяжка была въ демократическомъ государствѣ доля гражданина, что тутъ было чѣмъ наполнить цѣлое почти существованіе, и что мало

оставалось времени для личныхъ трудовъ и домашней жизни. Вотъ почему Аристотель справедливо говорилъ, что человѣкъ, живущій по необходимости работою, не могъ быть гражданиномъ. Таковы были неотложныя требованія демократіи. Гражданинъ, подобно нынѣшнему чиновнику, весь долженъ былъ отдаваться государству. Онъ жертвовалъ ему своей кровью на войнѣ и своимъ временемъ среди мира. Онъ не властенъ былъ пренебречь общественныя дѣла, чтобы тщательнѣе заняться своими собственными. Онъ долженъ былъ скорѣе позабыть свои, чтобы трудиться на пользу гражданской общины. Люди всю жизнь свою проводили въ самоуправленіи. Демократія могла держаться только непрерывнымъ трудомъ всѣхъ гражданъ. Едва лишь ослабѣвало усердіе, – ей предстояла порча."

Въ прошломъ столѣтіи одинъ изъ наиболѣе выдающихся мыслителей Монтескье говорилъ, что демократія можетъ держаться только доблестью гражданъ, и мы видимъ, что демократія существовала въ Аѳинахъ, пока держалось точное исполненіе обязанностей, при упадкѣ доблести оно стало обращаться въ охлократію.

Выше уже было упомянуто объ образованіи союза, заключеннаго лишь для военныхъ цѣлей, тѣхъ

Ученые

называемыхъ симмахій, что въ переводѣ означало войну вмѣстѣ. Во главѣ союза былъ городъ, которому принадлежала гегемонія, т. е. предводительство надъ союзными войсками, намъ извѣстно, что гегемонія принадлежала Спартѣ, но Спартанская гегемонія не представляла постоянно дѣйствующаго учрежденія. Такое предводительство легко могло перейти въ господство. Уже въ той гегемоніи, которую представляла Спарта, была возможность, что Спарта явится не городомъ, которому принадлежитъ гегемонія, а начальникомъ. Такъ Римъ покорилъ себѣ древне-гражданскія общины и образовалъ сначала союзъ, а потомъ подчинилъ ихъ себѣ окончательно. Аѳины заключили союзъ, который имѣлъ цѣлью совмѣстную борьбу съ Персами. Этотъ союзъ постепенно превращался въ господство Аѳинъ надъ остальными союзниками, которые первоначально пользовались такими же правами, какъ и Аѳиняне. Исторія этого союза оказала большое вліяніе на внутренній строй Аѳинъ; они сдѣлались центромъ политическимъ, торговымъ и центромъ умственнымъ. Поэты, художники, ученые все стекалось сюда. Но союзники были недовольны тѣмъ положеніемъ, которое они должны были занимать. Это недовольство

Ст—ко

явилось одной изъ причинъ распаденія этого союза. Прежде всего необходимо обратить вниманіе на то, какимъ образомъ возникъ этотъ союзъ. Послѣ смерти Павзанія Спартанцы стали уклоняться отъ военныхъ дѣйствій, т.к. боялись подвергнуть опасности свой аристократическій строй. Тогда Аѳиняне выступили въ этой роли. Спартанцамъ небезопасно было въ это время отвлекаться на другія дѣла; у нихъ въ это время произошло возстаніе Илотовъ. Когда былъ заключенъ этотъ союзъ, каждое государство, входившее въ него должно было представлять извѣстное число кораблей. Затѣмъ было рѣшено, чтобы каждое государство вносило опредѣленную сумму на сооруженіе этихъ кораблей. На почвѣ подобныхъ отношеній и выросло господство Аѳинъ. Для сохраненія союзныхъ денегъ была учреждена общая касса, помѣщенная на островѣ Делосѣ; и было выбрано 10 казначеевъ, которые должны были завѣдывать союзною казной. Союзныхъ городовъ было до 200.
Образовавъ союзный флотъ для борьбы съ Персами, Аѳины должны были занять выдающееся положеніе, благодаря тому, что они оказали много услуги во время борьбы съ Персами. Когда союзные города представляли имъ деньги, имъ легко было поль-

зоваться этими деньгами для (усиленія) своего собственнаго могущества. Бывали такіе примѣры, что государства, желавшія выйти изъ союза, Аѳины заставляли остаться въ немъ, или государства, не выплатившія той суммы, которую они должны были выплачивать, заставляли выплачивать силой. Эти отношенія все больше и больше принимали видъ подчиненія Аѳинамъ. Аѳиняне уже сами стали назначать, какой взносъ должно дѣлать каждое входящее въ союзъ государство. Союзная казна изъ Делоса была перенесена въ Аѳины въ 454, благодаря чему Аѳинянамъ было еще удобнѣе распоряжаться союзными деньгами. Изъ этихъ денегъ брались тѣ деньги, которыя платились за посѣщеніе народнаго собранія и за исполненіе другихъ гражданскихъ обязанностей. Понятно, что послѣ этого союзъ превратился въ учрежденіе фиктивное. Благодаря этому союзу города утратили ту самостоятельность, которой прежде они пользовались, и изъ прежняго морского союза образовалась Аттическая держава. (Повтореніе того же самого мы находимъ въ Римѣ съ тѣмъ только отличіемъ, что Риму удалось достигнуть полнаго объединенія съ первоначально союзными государствами, Аѳинамъ же не удалось сдѣлать этого; не удалось, во первыхъ, вслѣдствіи того со-

противленія, которое было оказано союзниками, во вторыхъ, потому, что Аѳинская симмахія не уничтожила существованія сухопутнаго союза Спарты.)

„Вотъ какого рода явленія происходятъ во внутренней жизни Аѳинъ въ эпоху Греко-Персидскихъ войнъ. Развитіе этого морского союза относится къ тому времени, когда жилъ Периклъ. Периклъ долгое время находилъ себѣ въ исторіи безусловныхъ хвалителей, но въ послѣднее время къ нему стали относиться очень критически. Шварцъ о немъ говоритъ слѣдующее.

Стр. 8–10. Въ глазахъ Шварца преклоненіе передъ Аѳинянами — „предразсудокъ". Аѳинскую республику онъ называетъ „жалкой," а общество „несчастнымъ". Въ такъ называемый „періодъ процвѣтанія" Аѳины не знали истинной свободы мысли: демократія преслѣдовала изслѣдователей и философовъ со всѣмъ ожесточеніемъ нетерпимости и суевѣрія, и въ доказательство Шварцъ не разъ съ негодованіемъ напоминаетъ объ извѣстной псефизмѣ Діопейта противъ лицъ, изучающихъ небесныя явленія. Заслуга собственно Аѳинянъ въ развитіи знаній ничтожна, а общій уровень умственнаго образованія аѳинской массы постыдно низокъ.

Голые

Жизнь въ Аѳинахъ нисколько не вліяла благотворно на развитіе способностей, а напротивъ способна была подавить геній, какъ это случилось, напримѣръ, съ Платономъ. Лишь въ области пластики и драмы Аѳинянамъ принадлежитъ первое мѣсто среди грековъ. Если другіе порицаютъ Аѳинянъ за то, что они въ пору полнаго развитія демократіи слишкомъ -
далеко заходили въ своемъ стремленіи къ равенству, то Шварцъ наоборотъ утверждаетъ, что истиннаго равенства они никогда не знали въ дѣйствительности, что въ глазахъ аѳинской массы знатность происхожденія - даже безъ честности, дарованій и заслугъ всегда больше значила, чѣмъ благороднѣйшая и испытанная личная доблесть, но безъ миѳической или легендарной генеалогіи. Аѳинская демократія продолжаетъ Шварцъ, вовсе не имѣла того гуманнаго характера, какой ей приписываютъ: въ Аѳинахъ нравы, правда, были менѣе грубы, нежели въ Спартѣ; но черезъ всю государственную и народную жизнь аѳинянъ проходитъ яркая черта по-истинѣ звѣрской жестокости; всюду корыстолюбіе; алчность, подкупность! Въ войнахъ, которыя ведутъ они, - полное отсутствіе идеальныхъ

Тиссока

побужденій; за идеи, за единство Эллиновъ народъ аѳинскій не пролилъ ни одной капли крови, Геродоту вѣрить нельзя: это - подкупленный Аѳинянами свидѣтель. Нечего приписывать аѳинской демократіи спасеніе эллинства и европейской образованности отъ опасности грозившей будто бы со стороны Персовъ: вовсе не Аѳины были тогда фокусомъ духовной жизни Греціи и не Персы - опаснымъ врагомъ цивилизаціи; такимъ врагомъ являлся элементъ семитическій въ лицѣ карѳагенянъ, и въ культурномъ отношеніи Сицилія стояла тогда выше Аѳинъ, и слѣдовательно, заслуга спасенія эллинской цивилизаціи принадлежитъ побѣдителю при Гимерѣ, сиракузскому тирану Гелону. Измѣна отечеству была глубоко вкоренившимся, почти обыденнымъ зломъ въ Аѳинахъ и т. д. Свою характеристику аѳинской демократіи Шварцъ заканчиваетъ словами, что этой демократіи не подобаетъ то мѣсто, которое фантазія столѣтій отводила ей въ исторіи человѣчества.

Сочиненія Шварца представляетъ такъ сказать историческій памфлетъ, а не историческое изслѣдованіе нельзя судить тогдашнюю жизнь съ современной точки зрѣнія. Съ этой точки зрѣнія профессоръ Бузескулъ правъ говоря въ концѣ своего сочиненія):

Стр. 410 Мы не можемъ назвать научнымъ и

Лит. В. Комарова Невск. пр. 136-138.

достойнымъ историка такой пріемъ, какъ тщательный подборъ всѣхъ отдѣльныхъ фактовъ, лежащихъ пятномъ на исторіи аѳинянъ, оттѣненіе однихъ темныхъ сторонъ ихъ быта и строя и полное игнорированіе сторонъ свѣтлыхъ и дѣйствительныхъ ихъ достоинствъ. Это значитъ извращать исторію и такъ можно извратить исторію любой современной европейской націи, съ помощью подобнаго пріема легко будетъ доказать, что за этой націей нѣтъ никакихъ заслугъ. Шварцъ судитъ объ аѳинской демократіи не съ точки зрѣнія тогдашняго культурнаго состоянія человѣчества, а съ точки зрѣнія нашего времени: меркой при оцѣнкѣ значенія Аѳинъ въ исторіи человѣческаго развитія служатъ ему понятія XIX в., причемъ въ упрекъ Аѳинянамъ ставятся такія явленія, которыя нерѣдкость и въ наши дни. Съ точки зрѣнія Шварца рѣшительно необъяснимы многіе изъ имъ же самимъ приводимыхъ фактовъ. Какъ объяснить, напр., что Аѳины въ лучшую пору своей исторіи являются центромъ, куда стремятся всѣ великіе умы и таланты Греціи. Симпатіи автора, очевидно, - на сторонѣ тирановъ и на сторонѣ тѣхъ государствъ и народовъ, гдѣ въ особенномъ блескѣ проявлялась культура чисто внѣшняя - непомѣрная роскошь и богатство. — Еще недавно въ Московскомъ университетѣ

по Древней Ист. л. 28.

[illegible]

защищалась диссертація, въ которой также порицался Перикль и аѳинская демократія. Какъ бы въ противовѣсъ укажемъ на сочиненіе Васильевскаго. (Выписка) Политическая реформа и соціальное движеніе въ древней Греціи"

Стр. 3–4. Великія выгоды, проистекавшія изъ греческой политической системы для личнаго индивидуальнаго развитія, очевидны на первый взглядъ и объяснены знаменитыми историками и мыслителями. Каждый отдѣльный гражданинъ греческой республики былъ развитъ и политически воспитанъ до высшей возможной степени. Всѣ обвиненія, напримѣръ, противъ аѳинской демократіи падаютъ передъ той неопровержимой истиной, что аѳинская демократія дѣлала гораздо большее число гражданъ способными пользоваться властію, чѣмъ какая бы то ни было другая система. Постоянно присутствуя при обсужденіи вопросовъ иностранной политики и внутренняго управленія величайшими ораторами, какихъ только видѣлъ міръ, гражданинъ Аѳинской республики получалъ политическое воспитаніе, которому нельзя найти въ исторіи человѣчества равнаго. Никакое новое большое государство не можетъ никогда привлечь къ прямому и постоянному участію въ высшей политической жизни всѣхъ своихъ жителей; оно лишено поэтому самаго могу-

Чуерп[illegible]

чаго средства для умственнаго и нравственнаго развитія народной массы. Въ Аѳинахъ, въ другихъ демократическихъ государствахъ Греціи, это было возможно; средство было доступно. Не слѣдуетъ указывать здѣсь на рабство, существовавшее въ древнемъ мірѣ. Оно устраняло, разумѣется отъ участія въ политической жизни большую часть населенія той или другой греческой территоріи. Но и въ новыхъ государствахъ Европы едва ли менье значительная часть населенія такъ или иначе тоже устраняется совершенно отъ этого участія. По строгому понятію древнихъ эти устраняемые люди тоже не суть граждане, какъ и рабы древняго міра. Если приложимъ Аристотелево опредѣленіе гражданина къ новымъ государствамъ, то гражданами въ нихъ будутъ только тѣ лица, которыя принадлежатъ къ избирательному классу. Сравненіе должно, слѣдовательно, брать съ одной стороны совокупность членовъ аѳинскаго вѣча и съ другой стороны совокупность избирателей въ конституціонномъ государствѣ. При этомъ правильномъ сравненіи полная выгода будетъ на сторонѣ маленькихъ республикъ греческихъ. Членъ демократическаго вѣча, стоя по своему развитію безконечно выше общаго уровня избирателей, равняется, вообще говоря, члену како-

го угодно представительнаго собранія. Многія тысячи изъ среды полмилліоннаго населенія могли постоянно вращаться въ сферѣ тѣхъ интересовъ и вопросовъ, которые въ новыхъ государствахъ поручаются только немногимъ сотнямъ людей избранныхъ, избранныхъ изъ среды многихъ милліоновъ. Самыя аристократическія государства древности, съ этой точки зрѣнія представляютъ все-таки большое преимущество предъ какою угодно всеобщею подачей голосовъ."

Правда у этой демократіи была и обратная сторона медали: люди жили на чужой счетъ на счетъ союзниковъ; но это была пора, уже приближающаяся къ упадку Аѳинъ. Соперничество Спарты подтачивало еще болѣе силы Аѳинскаго государства и привело его наконецъ къ борьбѣ, извѣстной подъ именемъ Пелопонесской, черезъ эпоху послѣ которой Аѳины подпали чужеземному могуществу.

Периклъ. Переходимъ теперь къ самой личности Перикла.

По своему рожденію Периклъ происходилъ изъ очень знатной фамиліи; отецъ его Ксантиппъ прославился побѣдой при Микале во время Греко-Персидскихъ войнъ; его мать Агариста была изъ фамиліи Алкмеонидовъ той самой, изъ которой происходилъ знаменитый Клисоенъ, оказавшій своими реформами такое

Влі...

большое вліяніе на развитіе демократіи аѳинской. Клисѳенъ былъ дядя Перикла. Въ эту эпоху Аѳины были уже центромъ образованія, и на воспитаніе юношей тамъ обращалось большое вниманіе, потому что и Периклъ получилъ воспитаніе очень хорошее. Изъ учителей и вообще людей, имѣвшихъ вліяніе на его развитіе, должно замѣтить философа Зенона и затѣмъ Анаксагора, который утверждалъ, что міромъ правитъ разумъ. Периклъ выступилъ первоначально въ качествѣ воина, къ дѣятельности политической онъ сталъ переходить около 468 года. Точно неизвѣстно, сколько ему было тогда лѣтъ, предполагаютъ, что около тридцати. Въ то время, когда ему пришлось выступить на арену политической дѣятельности во главѣ партіи аристократической стоялъ Кимонъ; онъ отличался умѣренностью, и консерватизмъ его не былъ похожъ на то ретроградство, которое характеризовало крайнихъ аристократовъ. Онъ сознавалъ, что Аѳинское государство должно держаться главнымъ образомъ морскимъ могуществомъ, потому онъ и заботился о заключеніи морскаго союза, для котораго онъ сдѣлалъ дѣйствительно много услугъ. Есть разсказъ, что Кимонъ однажды отправился въ храмъ Аѳины и повѣсилъ тамъ узду своей лошади, оттуда же взялъ щитъ и отправился съ нимъ въ море. Этимъ символически онъ со-

тѣмъ показать, что Аѳиняне должны оставить руду— принадлежность сухопутнаго войска и взять щитъ, необходимый при битвахъ на морѣ, когда приходится съ непріятелемъ сталкиваться лицомъ къ лицу; иными словами, что они должны обратить главное вниманіе на развитіе своихъ морскихъ силъ. Кимонъ прославился также своимъ участіемъ въ Греко-Персидской войнѣ и той побѣдой, которую онъ одержалъ при Эвримедонѣ. Само собой разумѣется, что вести борьбу съ такимъ соперникомъ, какъ Кимонъ, было очень трудно, но Периклъ поступалъ весьма дальновидно и умно, чѣмъ и достигъ большаго значенія. Прежде всего является вопросъ какъ Периклъ, по своему рожденію и связямъ принадлежащій къ аристократическому классу, самымъ рѣшительнымъ образомъ сталъ на сторону партіи демократической. Для разрѣшенія этаго вопроса историки указываютъ на, что среди аристократіи было весьма много лицъ, стоявшихъ на сторонѣ демократіи, и уже одно то, что Клисѳенъ, приходившійся роднымъ дядей Периклу, былъ на сторонѣ демократіи, могло указывать на существованіе симпатіи къ этой партіи въ семействѣ Перикла. Несправедливо было бы думать, что Периклъ сталъ во главѣ партіи демократической изъ за личной непріязни къ Кимону, съ отцомъ котораго у отца Перикла, была про-

Курсъ

должительная борьба. Съ другой стороны указываютъ, что Периклъ отличавшiйся большимъ честолюбiемъ, не могъ и думать играть выдающуюся роль въ аристократической партiи, во главѣ которой стоялъ Кимонъ. Къ личному честолюбiю прибавлялось еще то, что Периклъ, обладая проницательнымъ умомъ, не могъ не видѣть, что аристократiя аѳинская клонится къ упадку, и все будущее принадлежитъ демократiи. Будучи еще очень молодымъ при вступленiи въ роль политическаго дѣятеля, Периклъ не могъ расчитывать на то, чтобы дѣйствовать отъ одного своего имени; онъ присоединяется къ Эфiальту, который вначалѣ играетъ даже болѣе выдающуюся роль, чѣмъ самъ Периклъ. Къ сожалѣнiю у насъ нѣтъ подробныхъ данныхъ, чтобы судить о томъ, что за человѣкъ былъ Эфiальтъ; свѣдѣнiя, имѣющiяся о немъ говорятъ намъ лишь только о его необыкновенной честности, подобной честности Аристида. Мы не можемъ также судить о томъ, что въ это время совмѣстной ихъ дѣятельности, принадлежало Эфiальту и что Периклу. Противники Перикла все, въ это время сдѣланное, приписываютъ Эфiальту. Дальнѣйшiя дѣйствiя Перикла были направлены прежде всего къ тому, чтобъ достичь популярности. Соперникъ его Кимонъ пользовался очень большой популярностью, достигнутой

Таковы

не только услугами, оказанными имъ Аѳинянамъ, но и другими средствами. Кимонъ выходилъ изъ дому всегда въ сопровожденіи своихъ друзей и юношей, которые отдавали свое платье всѣмъ встрѣчающимся бѣднымъ. Выходя, онъ всегда имѣлъ съ собою достаточное количество денегъ, чтобы раздавать ихъ всѣмъ встрѣчаемымъ нуждающимся. У Перикла не было такого состоянія, чтобы бороться съ Кимономъ въ этомъ отношеніи; тогда онъ постарался добиться установленія той платы, которая давалась на посѣщеніе театра. Но главное столкновеніе должно было произойти между ними конечно на почвѣ политической. Прежде всего оно произошло на почвѣ внѣшней политики. Кимона всегда обвиняли въ „лаконизмѣ" т. е. въ сочувствіи и расположеніи къ Спартѣ. Въ эту же эпоху между Спартой и Аѳинами существовалъ антагонизмъ, перешедшій въ явную вражду. Несмотря на то, что антагонизмъ этотъ былъ очень рельефенъ, Кимонъ стоялъ на сторонѣ Спарты. Когда на поприще политическаго дѣятеля выступилъ Периклъ, произошло слѣдующее. Въ Спартѣ было очень сильное землетрясеніе, которымъ воспользовались Мессенцы и возстали, желая добиться нѣкоторыхъ правъ. Спартанцы нуждались въ помощи. Кимонъ предложилъ въ народномъ собраніи, чтобы Аѳиняне помогли Спартанцамъ, и ему удалось

Лит. З. Комарова Невск. пр. 135-138.

убѣдить въ этомъ Аѳинянъ. Но Спартанцы отослали назадъ аѳинское войско, успѣвъ управиться самостоятельно. Поступокъ такой былъ оскорбителенъ для всего аѳинскаго государства и произвелъ неудовольствіе Кимономъ, какъ виновникомъ его. Этимъ обстоятельствомъ поспѣшили воспользоваться Эфіальтъ и Периклъ, чтобы выдвинуть свою партію. Они расширили аѳинскій союзъ присоединивъ къ нему Ѳессалію и Аргосъ, гдѣ поддерживали демократію. Скоро представители новой партіи одержали побѣду и по вопросу внутренней политики. Изъ всѣхъ учрежденій наиболѣе консервативнымъ и аристократическимъ былъ ареопагъ, высшее судилище, которому принадлежало право касировать рѣшенія народнаго собранія. Народное собраніе въ это время становилось все болѣе и болѣе верховнымъ учрежденіемъ, но оно не могло имъ быть вполнѣ до тѣхъ поръ пока у ареопага было право отмѣнять его рѣшенія. Стараніями Эфіальта было достигнуто того, что право отмѣнять рѣшенія народнаго собранія было отнято у Ареопага и были расширены права Геліэи, въ которой могли участвовать всѣ граждане аѳинскаго государства. Этимъ ареопагу былъ нанесенъ сильной ударъ, насколько онъ былъ силенъ видно изъ того, что Эфіальтъ былъ умерщвленъ вскорѣ послѣ того, какъ прош-

ло его предложенiе. Народный судъ получилъ новую организацiю и очень вѣроятно, что къ этому именно времени относится установленiе платы за исполненiе различныхъ общественныхъ обязанностей приписываемое Периклу. Относительно этого вопроса мы находимъ слѣдующiя указанiя у Бузескула„

Стр. 116. Какъ часто аѳинскiй судъ присяжныхъ подвергался осмѣянiю и нападкамъ, начиная съ Аристофана и кончая учеными XIX в. Говорили объ узкомъ, грубомъ образованiи большинства гелiастовъ, о развитiи въ Аѳинахъ страсти къ тяжбамъ, осмѣивали важничанiе и самомнѣнiе дикастовъ, преисполненныхъ прiятнымъ сознанiемъ важности отправляемой ими обязанности, а еще болѣе — сознанiемъ того, что они являются рѣшителями судьбы подсудимаго, нерѣдко человѣка богатаго и знатнаго; указывали на отсутствiе справедливости и гнилость судовъ и на такiе случаи, когда безъ всякихъ стѣсненiй говорилось дикастамъ о необходимости обвиненiя подсудимаго, а иначе не изъ чего будетъ уплатить имъ вознагражденiя или выдать жалованье. Мы не будемъ останавливаться на этихъ обвиненiяхъ, такъ какъ это значило бы повторять то, что такъ блестяще развито еще Ониеномъ, замѣчанiя котораго до сихъ поръ остаются въ силѣ. Достаточно сказать, что каковы бы не были недостатки Гелiеи, а все таки она была одна изъ замѣча-

тельнѣйшихъ и величайшихъ попытокъ въ исторіи создать чисто народный судъ. Недостатки аѳинскаго суда присяжныхъ зависѣли скорѣе отъ нравовъ, нежели отъ самой организаціи. Чтобы обезпечить безпристрастный, справедливый приговоръ со стороны дикастовъ, принятъ былъ цѣлый рядъ мѣръ. Возможность подкупа или какого бы то ни было запугиванія устранялась большимъ числомъ судей, а возможность какого нибудь предварительнаго соглашенія между ними и заинтересованными сторонами - тѣмъ; что заранѣе никто изъ геліастовъ не могъ знать, по какому дѣлу онъ явится судьей, такъ какъ это рѣшалъ въ сущности жребій. Засѣданія Геліэи были публичны, что опять таки должно было служить гарантіей противъ различныхъ злоупотребленій. Наконецъ геліастовъ должна была связывать и даваемая ими клятва: они клялись, что будутъ рѣшать согласно законамъ и постановленіямъ аѳинскаго народа и совѣта 500, а въ тѣхъ случаяхъ, относительно которыхъ закона нѣтъ, - по совѣсти и разумѣнію, безъ вражды и лицепріятія, клялись что будутъ одинаково выслушивать какъ обвинителей, такъ и защитниковъ. И въ чемъ бы ни обвиняли аѳинскій судъ присяжныхъ, но отъ одного упрека онъ свободенъ - отъ упрека во взяточничествѣ и подкупности.

Эти строки служатъ дополненіемъ къ тому об-

[illegible]

зору аѳинскихъ учрежденій, который былъ сдѣланъ по Fustel-de-Coulanges. Съ одной стороны, такимъ образомъ, въ аѳинскомъ государствѣ экклесія, которой главнымъ образомъ принадлежитъ власть; съ другой Гелія, разсматривающая не только вопросы чистаго права, но и государственнаго. Между прочимъ въ Гелію могли жаловаться на экклесію союзники въ случаѣ наложенія слишкомъ большаго союзнаго взноса. Многіе обвиняютъ Перикла въ томъ, что онъ, стараясь добиться популярности, исказилъ аѳинскія учрежденія, но его защищаетъ, напр: проф. Бузескулъ такимъ образомъ:

Стр. 127. "Уже въ древности говорили, что Эфіальтъ далъ народу испить чашу неслыханной, полной свободы, и сколько разъ послѣ того, уже въ XIX в. ученые повторяли, что Периклъ положилъ начало необузданности демократіи, что при немъ форма правленія упала все безпорядочнѣе и безпорядочнѣе, что его реформы, ничего не созидая, только разрушали созданное прежними поколѣніями и вели къ анархіи, къ тираніи толпы, къ царству беззаконія, что изменчивому и непостоянному духу демоса дана была полная воля, что Периклъ и Эфіальтъ „не вѣдали, что творили" и т. д. Дѣло доходило до утвержденія, будто главнымъ изъ мотивовъ къ реформамъ ареопага было пустое желаніе. Перикла избавиться

Стаховичъ

виться отъ строгаго надзора и контроля со стороны этого учрежденія. Но болѣе близкое знакомство съ формами и строемъ аѳинскаго государства убѣждаетъ въ иномъ: вмѣсто потворства легкомысленному стремленію къ новизнѣ и неуваженія къ закону мы видимъ строго опредѣленный, обставленный довольно сложными формальностями порядокъ законодательства, проникнутый чисто консервативнымъ духомъ, отмѣченный печатью умѣренности и уваженія къ существующимъ законамъ. Даже Шварцъ, столь страстно нападающій на аѳинскую демократію и беспощадно осмѣивающій ее, и тотъ открыто сознается, что разсмотрѣнными выше реформами „въ государственную жизнь Аѳинъ внесены были идея непрерывно и постепенно развивающагося законодательства и принципъ серьезной отвѣтственности, что„ ими впервые создана была въ Аѳинахъ законная почва для дальнѣйшаго развитія государственнаго строя, а равно и частнаго права" тогда какъ раньше, до реформы ареопага и геліэи, „законодательныя постановленія являлись своего рода переворотомъ, coup d'État, производимымъ народнымъ собраніемъ:" Вмѣсто полнѣйшаго господства случая и произвола толпы мы видимъ стройную систему самоограниченія демоса, — порядокъ, созданный по плану, глубоко обдуманному;

Въ немъ

проникнутому идеей законности, сознаніемъ того, что свобода должна быть въ тоже время царствомъ закона. И недаромъ Афинское государство называютъ „правовымъ": надъ волей народнаго собранія, а слѣдовательно и надъ самимъ державнымъ демосомъ, поставленъ былъ законъ; мы видимъ гелiэю, образованную изъ среды самого же народа, но стоящую во многихъ отношеніяхъ выше экклесіи и ее ограничивающую.

Послѣ того, какъ была проведена реформа Ареопага, для Афинскаго государства открылся весьма широкій путь дѣятельности, и союзъ афинскій все болѣе и болѣе становился державой. Въ это время афинское государство стремится достичь уже не только морской гегемоніи, но и гегемоніи сухопутной. Съ этой цѣлью Афины расширяютъ свой союзъ, они присоединяютъ Фессалію и Аргосъ; затѣмъ имъ удается достичь весьма важнаго пріобрѣтенія — Беотіи, гдѣ существовало нѣсколько городовъ, находившихся въ нѣкоторой зависимости отъ Фивъ, въ которыхъ преобладала аристократическая партія. Афинянамъ удалось склонить на свою сторону эти города, что сдѣлать было не трудно, такъ какъ въ этихъ городахъ развилась демократія. Афиняне присоединяютъ къ союзу еще одну сухопутную область — Фокиду, лежащую еще западнѣе Беотіи. Наконецъ они начали опера-

ривать у Спартанцевъ даже и ея гегемонію по отношенію къ тѣмъ городамъ, которые сами имѣли морское значеніе, такъ, напримѣръ, Эгина, Эпидавръ и Коринѳъ. Аѳиняне начали войну съ Спартой, окончившуюся миромъ на 30 лѣтъ, по которому за Спартой остается сухопутная гегемонія, за Аѳинами морская, и было рѣшено, что ни Спарта, ни Аѳины не имѣютъ права расширять своего союза на счетъ другъ друга. Различные спорные вопросы, возникавшіе между ними, должны были рѣшаться третейскимъ судомъ. Такимъ образомъ въ это время Греція въ политическомъ отношеніи нѣсколько объединенная, но это объединеніе было двойственно. Послѣ мира 445 года Периклъ думаетъ о томъ, чтобы мирнымъ путемъ упрочить аѳинскія учрежденія и то главенство, которое имѣли Аѳиняне. Онъ стремился упрочить демократію и развить эту демократію въ умственномъ отношеніи. Онъ мечтаетъ также о томъ, чтобы соединить силы всей Греціи; съ этой цѣлью онъ хотѣлъ созвать въ Аѳинахъ національный греческій конгрессъ, на которомъ онъ хотѣлъ убѣдить Грековъ продолжить Персидскія войны. Но конгрессъ не удался. Прежде чѣмъ онъ могъ вполнѣ господствовать въ Аѳинахъ, ему пришлось выдержать борьбу съ Ѳукидидомъ Алопекскимъ. Борьба произошла по слѣдующему поводу: Периклъ хотѣлъ за

Кудрявц

централизацію союза, т. е. за то, чтобы возвысить Аѳины, какъ центръ; Ѳукидидъ предлагалъ расширить права союзниковъ. Онъ обвинялъ Перикла въ томъ, что тотъ заботился лишь о жителяхъ Аѳинъ, не заботясь о сельчанахъ. Эта борьба кончилась изгнаніемъ Ѳукидида. Тогда Периклъ не имѣлъ уже болѣе соперниковъ, по крайней мѣрѣ, до начала Пелопонесской войны. Въ эти 15 лѣтъ Периклъ управлялъ Аѳинскимъ государствомъ, опираясь главнымъ образомъ на то вліяніе, которымъ онъ пользовался.

Стр. 207. Именно къ этому времени вполнѣ примѣнимо выраженіе Ѳукидида, что при Периклѣ въ Аѳинахъ по имени была демократія, а на дѣлѣ-господство лучшаго мужа.

Предъ нами рѣдкое поразительное явленіе: вполнѣ свободный народъ, и при томъ необыкновенно впечатлительный, подвижной, въ значительной степени непостоянный, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ подчиняется власти и вліянію одной личности. Гдѣ же причина столь могущественнаго вліянія Перикла? На чемъ же основывается авторитетъ его? Не на вооруженной конечно силѣ и не на богатствѣ. Что касается до занимаемыхъ Перикломъ должностей, то онъ еще до 444 года не разъ былъ стратегомъ, и въ теченіи 15 лѣтъ своего полновластія избирался изъ года въ годъ. Должность стратега была въ то

Лит. В. Комарова Невск. пр. 136-138.

время самой влiятельной и важной въ Аѳинскомъ государствѣ. Стратеги были не только предводителями войска; но они стояли во главѣ всего военнаго и морскаго управленія. Они завѣдывали наборомъ войска, назначали тріерарховъ, предсѣдательствовали въ судѣ по дѣламъ о военныхъ преступленіяхъ, наблюдали за гаванями, городскими стѣнами и укрѣпленіями, за внѣшней и внутренней безопасностью стороны, за налогами и повинностями, имѣвшими отношеніе къ военнымъ цѣлямъ; принимали мѣры относительно подвоза хлѣбныхъ припасовъ въ Аттику и снабженія города продовольствіемъ. Они являлись представителями Аѳинскаго государства во внѣшнихъ сношеніяхъ заключали перемирія, капитуляціи и мирные иногда договоры; ихъ попеченію представлялись лица и города, находившіеся подъ покровительствомъ Аѳинскаго государства, иностранцы, получавшіе отъ послѣдняго особыя почетныя права. Немалымъ вліяніемъ пользовались стратеги и внутри государства. По своей должности они находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ совѣтомъ и такимъ образомъ могли вліять на него; они имѣли право созывать (конечно черезъ пританов) чрезвычайныя народныя собранія, а въ иныхъ случаяхъ наоборотъ - не допускать собранія экклесіи, ихъ предложенія раньше другихъ обсуждались народомъ. Въ

по Др. ист. Исторія л. 29. Сов.

нѣкоторыхъ жертвоприношеніяхъ, въ религіозныхъ процессіяхъ и помпахъ стратеги принимали самое видное участіе и т. д. Одному изъ стратеговъ поручалось исключительно главное начальство надъ войскомъ, руководительство всѣми предпріятіями, такъ что остальные его товарищи были до нѣкоторой степени подчинены ему; иногда одинъ или нѣсколько стратеговъ получали особыя полномочія. Такимъ главой коллегіи стратеговъ и лицомъ, облеченнымъ особыми полномочіями, являлся не разъ и Периклъ."

Какъ бы то ни было, но могущество Перикла нельзя объяснить себѣ тѣмъ, что онъ занималъ ту или другую должность. Периклъ правилъ Аѳинами не потому, что былъ, напр. однимъ изъ 10 стратеговъ, а потому что былъ Перикломъ, какъ выражается Фриманъ. Другими словами его вліяніе было чисто личное, и тайна его могущества и обаянія заключалась въ самой его личности. Периклъ является благороднѣйшимъ типомъ Эллина. И въ самомъ дѣлѣ, что прежде всего характеризуетъ его, что отличаетъ отъ другихъ знаменитыхъ дѣятелей Эллады? Не дарованія и не геніальность въ той или другой извѣстной сферѣ, такъ какъ, несомнѣнно, были въ Греціи дѣятели по своему военному генію или, какъ реформаторы, по творчеству и смѣлости мысли стоявшіе выше

ные его: Перикла отличало необыкновенно гармоническое сочетаніе разнообразныхъ талантовъ и качествъ. Онъ былъ и правитель, и полководецъ, и великій ораторъ, и все это въ немъ соединялось еще съ безукоризненной честностью и неподкупностью, столь рѣдкими въ Греціи, съ простотой образа жизни, съ возвышеннымъ умомъ, широкимъ образованіемъ и тонкимъ художественнымъ вкусомъ, наконецъ, даже съ красивой величественной внѣшностью. Но безспорно изъ всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ дарованій и качествъ, которыми обладалъ Перикль, на первомъ планѣ стоялъ талантъ ораторскій. Именно могуществу своего слова прежде всего обязанъ былъ Периклъ тѣмъ обстоятельнымъ вліяніемъ, которое производилъ онъ на своихъ современниковъ. Тутъ нужно принять въ соображеніе самый строй Аѳинскаго государства.

Аѳинская демократія, съ народнымъ собраніемъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, нуждалась всегда въ руководителѣ. Существованіе такого вождя, вліяніе одной выдающейся личности, было необходимымъ условіемъ дѣятельности собранія, залогомъ величія и благоденствія государства. А понятно въ Аѳинахъ только тотъ могъ достигнуть могущественнаго, постояннаго вліянія, кто умѣлъ увлекать за собой народное собраніе, подчинять его своей волѣ, другими словами —

Чусарь

-кто былъ ораторомъ. Подлинныя рѣчи Перикла не сохранились; онѣ не были записаны. Но въ признаніи Перикла, какъ оратора, еще въ древности согласны были всѣ. Могущество Периклова слова признавалось самими врагами, даже комиками, и не даромъ они называли Перикла Олимпійцемъ. Серьезность, сила и глубина мысли отличали Перикловы рѣчи. Это было краснорѣчіе могучее и возвышенное, а не краснорѣчіе обыкновеннаго демагога, во вкусѣ толпы, разсчитанное преимущественно на страсти и инстинкты невѣжественной массы. Никогда Периклъ не унижался до роли народнаго льстеца. Напротивъ, по свидѣтельству Өукидида, онъ неразъ противорѣчилъ народу: видя Аөинянъ падающихъ духомъ, онъ ихъ ободрялъ; видя ихъ самонадѣянными, онъ старался внушить имъ чувство страха. Величавое спокойствіе не покидало его и на ораторской каѳедрѣ. Тутъ черты его лица были всегда серьезны, звукъ голоса ровный, никогда не переходившій въ крикъ, рука — подъ плащемъ, не свѣсившимся въ безпорядкѣ; не было тѣхъ порывистыхъ движеній, непрерывныхъ жестовъ и выкрикиваній, того умышленнаго безпорядка въ одеждѣ и натянутаго азарта, которые такъ отличали послѣдующихъ демагоговъ. И тѣмъ не менѣе своими рѣчами

Ст—ли

онъ производилъ глубокое впечатлѣніе: о немъ говорили, что онъ мечетъ перуны, поражаетъ своимъ словомъ, какъ громомъ и молніей. По выраженію одного изъ комиковъ „само Убѣжденіе восѣдало на устахъ Перикла,“ и о его способности убѣждать свидѣтельствовали сами соперники. Свои рѣчи Периклъ тщательно подготовлялъ и обдумывалъ, и всходя на каѳедру, молилъ боговъ, чтобы съ его устъ не сорвалось какое либо лишнее и неподходящее слово. Не часто произносилъ онъ рѣчи: большею частью онъ предпочиталъ дѣйствовать черезъ своихъ сторонниковъ и друзей, которые и выступали съ предложеніями, и только въ случаяхъ особой важности самъ Периклъ появлялся на ораторской каѳедрѣ, поэтому его сравнивали съ „Саламиніей,“ государственнымъ кораблемъ, употреблявшимся лишь въ болѣе важныхъ случаяхъ.

Благодаря широкому многостороннему образованію, постоянному вращенію среди лучшихъ умовъ тогдашней Греціи, Периклъ былъ свободенъ отъ предразсудковъ и суевѣрій, свойственныхъ массѣ его современниковъ. Перикла нельзя назвать военнымъ геніемъ, въ этомъ отношеніи представители новаго взгляда на него вполнѣ правы; тѣмъ не менѣе и на полѣ битвы, какъ полководецъ онъ не ос-

мелям блестящими, сразу бросающимися въ глаза подвигами, но онъ обладалъ такими драгоцѣнными въ вождѣ качествами, какъ безупречное личное мужество, опытность, хладнокровное благоразумiе и осторожность; самонадѣянность была ему чужда. Это доказываютъ всѣ его военныя дѣйствiя, насколько они намъ извѣстны, да это подтверждается и прямымъ свидѣтельствомъ Плутарха. Онъ не былъ и путъ рутинеромъ: напротивъ, онъ умѣлъ пользоваться всякимъ нововведенiемъ и усовершенствованiемъ въ военномъ дѣлѣ. Стоитъ вспомнить, наприм., о тѣхъ новыхъ орудiяхъ, которыя онъ впервые сталъ употреблять при осадѣ Самоса.

Честность и безкорыстiе Перикла были общепризнаны.

Управляя государствомъ въ теченiи столькихъ лѣтъ, завѣдывая постройками и имѣя въ своемъ распоряженiи большiя суммы денегъ, онъ ни на одну драхму не увеличилъ своего состоянiя, полученнаго имъ отъ отца. Въ частной жизни Периклъ былъ бережливъ и разсчетливъ, что однако не мѣшало ему помогать многимъ бѣднымъ гражданамъ. Чтобы не отвлекаться хозяйственными расчетами, онъ предоставилъ управленiе своимъ хозяйствомъ одному рабу своему, Евангелу. Обыкновенно получаемые ежегодно съ имѣнiя продукты продавались всѣ разомъ, а потомъ все необходимое, по мѣрѣ надобности, покупалось на рынкѣ.

Вообще образъ жизни Перикла былъ чрезвычайно

Именно

[illegible] и умѣренъ. Почти все время посвящалось государственнымъ дѣламъ. На улицѣ Перикла можно было видѣть идущимъ — своей обычной, медленной и спокойной походкой — только по одной дорогѣ, именно въ народное собраніе или совѣтъ. Обыкновенныя удовольствія для него не существовали. Онъ не принималъ участія ни въ какихъ пиршествахъ. Разъ только присутствовалъ на свадьбѣ своего родственника Евриптолема, да и то оставался не до конца, и какъ только совершены были возліянія богамъ и начался самый пиръ, тотчасъ же удалился. Единственнымъ развлеченіемъ для Перикла была бесѣда въ домашнемъ кругу, среди близкихъ друзей, къ числу которыхъ принадлежали избранные умы и таланты тогдашней Греціи. Это дѣйствовало на него освѣжающимъ образомъ. Затѣмъ онъ отдыхалъ отъ своей напряженной дѣятельности, отъ тяжелыхъ государственныхъ работъ и думъ; здѣсь онъ расширялъ свой умственный кругозоръ, черпалъ новыя силы и идеи, приходилъ въ тѣсное общеніе съ лучшими представителями умственныхъ и художественныхъ стремленій вѣка. Все, что было выдающагося въ тогдашнемъ аѳинскомъ обществѣ, такъ или иначе принадлежало къ кружку Перикла. Въ его домѣ сходились и философы, — Анаксагоръ, Зенонъ, Протагоръ, молодой Сократъ, и прорицатель Лампонъ, и историки, какъ, можетъ быть Геродотъ, и поэты, напр. Софоклъ, и

[illegible]

художники какъ Фидій или какъ архитекторъ-философъ Гипподамъ. Не одни мужчины бывали здѣсь: нѣкоторые приходили въ домъ Перикла съ своими женами. Душой же этого кружка была талантливая и высокообразованная Аспазія, дочь Аксіоха. Самаго Перикла Бузескулъ характеризуетъ такимъ образомъ.

Стр. 117. Натура Перикла была далеко не демократическая. Онъ не умѣлъ легко и непринужденно сближаться съ массой; онъ не былъ человѣкомъ, выражаясь нашимъ языкомъ, "популярнымъ", наоборотъ, его обвиняли въ надменности и излишней сдержанности. Онъ хранилъ всегда величайшее спокойствіе и хладнокровіе. Никакія оскорбленія не могли вывести его изъ такого сдержаннаго настроенія. Чувство мелкой злобы было ему чуждо. Стоя на высотѣ могущества, Периклъ не злоупотреблялъ своею властью, и въ предсмертныя минуты онъ съ гордостью и съ полнымъ правомъ могъ сказать, что никого не заставлялъ носить трауръ.

Таковъ Периклъ въ характеристикѣ преимущественно Плутарха, и теперь, ознакомившись ближе съ его личностью, мы пріобрѣтаемъ новую точку опоры и для сужденія его политической дѣятельности. Трудно допустить, чтобы человѣкъ, подобный Периклу, былъ истымъ демагогомъ и покровителемъ необузданной демократіи. И дѣйствительно разсматривая ближе его внутрен-

В. Кузм

ную дѣятельность, вникая въ самый духъ его правленія. Мы еще болѣе убѣждаемся въ вѣрности свидѣтельства Ѳукидида, - что Периклъ правилъ „не нарушая свободы," но въ тоже время „умѣренно". - Все сочиненіе Бузескула представляетъ изъ себя апологію Перикла противъ тѣхъ обвиненій, которыя новые ученые возвели на него, а вмѣстѣ съ тѣмъ перенесли и на аѳинскую демократію. Перикла обвиняли въ томъ, что онъ льстилъ народной массѣ, что онъ деморализировалъ Аѳины и привелъ наконецъ ихъ къ упадку. Указывали на то, что онъ ввелъ плату за исполненіе различныхъ общественныхъ обязанностей съ цѣлью подкупить народную массу. Но такое обвиненіе несправедливо: это введеніе было вызвано необходимостью. Было желательно, чтобы по возможности всѣ граждане принимали участіе въ общественныхъ дѣлахъ, чего нельзя было достигнуть, не обеспечивъ ихъ во время исполненія судейскихъ обязанностей. Впослѣдствіи въ Аѳинахъ возникла плата за посѣщеніе народнаго собранія. Эта мѣра была дѣйствительно деморализирующей. Народныя собранія были не такъ часты, что посѣщенія ихъ не могли совершенно отвлекать гражданъ отъ ихъ обычныхъ занятій, такъ что установленіе этой платы было дѣйствительно извращеніемъ того первоначальнаго принципа, ради котораго дѣйствовалъ Периклъ. Кромѣ того еще

нѣкоторыя данныя указываютъ, что эта плата не была установлена Перикломъ, что она явилась позднѣе. Далѣе была введена плата на посѣщеніе театра. Если оцѣнивать эту мѣру по тѣмъ слѣдствіямъ, къ которымъ она привела впослѣдствіи, въ IV вѣкѣ, когда большое количество государственныхъ средствъ тратилось на различныя зрѣлища, при чемъ граждане уже не довольствовались только зрѣлищами, а требовали себѣ и угощенія на казенный счетъ, — то эту мѣру необходимо осудить. Но дѣло въ томъ, что, во-первыхъ, первоначально эта плата давалась только на зрѣлища, устраиваемыя съ религіознымъ освященіемъ въ праздники Діониса, и можетъ быть еще во время празднествъ Панаѳиней, и во-вторыхъ вначалѣ она была очень невелика. Кромѣ того еще эта плата была введена Перикломъ съ цѣлью противодѣйствовать тому злу, которое существовало въ Аѳинахъ; онъ хотѣлъ сдѣлать этой мѣрой то, чтобы граждане получали деньги отъ государства, а не отъ частныхъ лицъ, дававшихъ деньги съ цѣлью подкупить въ свою пользу (Кимонъ). Перикла ставятъ въ вину также тѣ громадныя траты, которыя дѣлались на украшеніе Аѳинъ. Въ этомъ обвиненіи былъ бы смыслъ, если бы Периклъ этими издержками разстроилъ общественную казну, но аѳинская

казна никогда не была въ такомъ блестящемъ положеніи, какъ при Периклѣ. Всѣмъ вообще мѣрамъ Перикла приписываютъ желаніе популярности и демагогическими средствами расположить къ себѣ народную толпу. Еслибы обвиненіе это было справедливо, то Периклъ старался бы, чтобы въ число аѳинскихъ гражданъ вошло какъ можно больше пришлаго населенія, которое легче всего было расположить въ свою пользу; но Периклъ строго наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы въ аѳинскую общину не проникало никакого элемента, могущаго демократизировать ее. Съ этой стороны была даже опасна для аѳинскаго государства мѣра Перикла, заключающаяся въ томъ, что аѳинскимъ полноправнымъ гражданиномъ могъ быть только тотъ, кто имѣлъ отцомъ и матерью Аѳинянъ. Еслибы Периклъ хотѣлъ господствовать при помощи народной массы и, главнымъ образомъ, безземельнаго ея элемента, тогда онъ старался бы удерживать въ Аѳинахъ эту часть населенія; онъ же наоборотъ стремится устроить ихъ гдѣ нибудь внѣ Аѳинъ, давъ имъ возможность вести лучшую жизнь. Для этого, напримѣръ, онъ проводитъ такъ называемыя клерухіи. У аѳинянъ было много свободныхъ земель, пріобрѣтенныхъ путемъ завоеванія и купли; Периклъ, желая удалить изъ аѳинскаго населенія тотъ элементъ, который, не имѣя

работы и занятій могъ быть между тѣмъ опасенъ для спокойствія государства, и съ другой стороны, желая имъ дать возможность вести болѣе удобную жизнь, онъ развилъ ту обширную систему колонизаціи, которая особенно характеризуетъ Аѳины въ эту эпоху. Эта колонизація имѣла очень большое значеніе въ стратегическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Они содѣйствовали также много развитію аѳинской торговли.

Периклъ въ тѣ пятнадцать лѣтъ, когда онъ управлялъ безъ соперниковъ, былъ врагомъ какихъ бы то ни было рискованныхъ военныхъ предпріятій. Въ 445 г. Аѳинянами былъ заключенъ миръ съ Спартой; миръ не особенно выгодный для Аѳинъ. Периклъ чувствовалъ, что этотъ миръ не надолго и всѣми силами старался избѣгать войны. Между тѣмъ нерасположеніе странъ другъ къ другу сказывалось на каждомъ шагу. Периклъ хотѣлъ созвать національный эллинскій конгрессъ. Были выбраны послы изъ аѳинскихъ граждань, съ цѣлью пригласить представителей другихъ городовъ на этотъ конгрессъ. Спартанцы оказали сопротивленіе. Периклъ видѣлъ, что со стороны Спарты отношенія враждебныя и сталъ готовиться къ борьбѣ; при этомъ ему пришлось вступить въ противорѣчіе съ самымъ народомъ. Надѣясь на свои силы, Аѳиняне хотѣли начать войну съ Персіей, завоевать Сицилію,

Италію

хотѣли даже предпринять завоеваніе Этруріи, Карѳагена. Периклъ удерживалъ ихъ отъ такого рискованнаго предпріятія. Чтобы же не быть застигнутымъ врасплохъ со стороны Спарты и вообще Пелопонесскаго сухопутнаго союза, относившагося крайне недружелюбно къ Аѳинамъ, онъ хотѣлъ укрѣпить Аѳины, заботился объ усиленіи флота, объ увеличеніи казны Аѳинской. Его обвиняли впослѣдствіи въ томъ, что онъ превратилъ Аѳинскій союзъ въ такое государство, гдѣ главная власть принадлежала одному городу — Аѳинамъ. Но и это обвиненіе невѣрно: раньше Перикла совершился этотъ переворотъ, главнымъ образомъ благодаря тому, что сами союзники шли, такъ сказать, на встрѣчу господству Аѳинянъ. Вмѣсто того, чтобы снаряжать собственные корабли, они отдавали лишь деньги Аѳинянамъ, которые и должны были снаряжать всѣ корабли. Этимъ союзники утратили свою физическую силу, которую и передали Аѳинянамъ; естественно, что тѣ могли воспользоваться этимъ, чтобы расширить свою власть по отношенію къ союзу. Съ этой стороны, если что-нибудь сдѣлалъ Периклъ, то только хорошее. Аѳиняне, образовавъ союзъ, могли относиться къ членамъ его и дурно и хорошо. Периклъ старался обставить эту власть гарантіей и извѣстными формами

Куриаъ

съ этой цѣлью были изданы законы, дѣйствовалъ судъ. Дѣйствительно, какъ ни тяжело иногда казалось членамъ аѳинскаго союза сносить эту власть, она все таки была гораздо легче, нежели впослѣдствіи Спартанская гегемонія, гдѣ кромѣ грубой силы мы не видимъ ничего. Союзники аѳинскіе могли правда быть недовольны эксплоатаціей ихъ аѳинянами, но въ большихъ размѣрахъ ея не было; все дѣло заключалось въ томъ, что аѳиняне стремились централизировать власть. При этомъ нужно замѣтить, что во всѣхъ городахъ они оказывали поддержку демократіи въ борьбѣ съ аристократіей, такъ что главнымъ образомъ была недовольна аристократія, она то и тяготѣла къ Спартѣ. Передъ началомъ еще Пелопонесской войны начались враждебныя отношенія союзниковъ къ Аѳинамъ. Произошло возстаніе острова Самоса и нѣкоторыя другія.

Прежде чѣмъ продолжать изложеніе дѣятельности Перикла въ этомъ направленіи, перейдемъ къ разсмотрѣнію его дѣятельности въ нѣсколько другой сферѣ.

Жизнь Перикла совпадала съ той эпохой, когда умственная жизнь греческаго народа достигла наибольшей степени развитія.

У Грековъ до Греко-Персидскихъ войнъ были уже развиты поэзія, науки и искусства, но первоначально только въ колоніяхъ малоазій-

скихъ или въ Сициліи. Что же касается до самой Эллады, то она долгое время отставала. Въ этомъ случаѣ произошло тоже, что было и съ политическими переворотами появившимися сначала въ колоніяхъ, а затѣмъ уже въ метрополіи. Съ эпохи Греко-Персидскихъ войнъ и главнымъ образомъ съ эпохи Перикла образованіе все больше и больше сосредоточивается на континентѣ. Возвысившіяся въ это время Аѳины, которыя сдѣлались центромъ политическимъ, сдѣлались и центромъ умственнымъ. Писатели, художники, ученые - всѣ только въ Аѳинахъ могли найти тѣхъ людей, которые могли оцѣнить ихъ таланты и труды, т. е. тѣхъ, кого мы называемъ публикой. Тамъ только могли они найти обстановку, необходимую для ихъ занятій. На примѣръ тамъ было собраніе рукописей - нѣчто въ родѣ теперешнихъ библіотекъ. Тогда у частныхъ людей большого собранія рукописей быть не могло. Сдѣлавъ Аѳины центромъ политическимъ и торговымъ, Периклъ уже сознательно стремился къ тому, чтобы сдѣлать ихъ и центромъ умственнымъ. Получивъ самъ хорошее образованіе, онъ всѣми силами стремился къ привлеченію въ Аѳины знаменитыхъ людей того времени. Аѳинскій народъ былъ самымъ развитымъ во всей Греціи, главнымъ образомъ благодаря тому, что аѳинская жизнь предоставлявала

ляла прекрасную школу для умственнаго развитія, самая атмосфера тамъ была, такъ сказать, насыщена умственными интересами. Въ этомъ отношеніи мы могли бы сравнить Аѳины съ Призреномъ. Вмѣстѣ съ этимъ уже по закону Солона было обращено большое вниманіе на умственное и художественное развитіе юношей. Въ то время, какъ въ Спартѣ развивали лишь физическую силу, ловкость и хитрость, въ Аѳинахъ давалось развитіе болѣе гармоническое: съ развитіемъ тѣла давали и развитіе духа. Одинъ изъ новѣйшихъ историковъ Греціи, Курціусъ, во второмъ томѣ своей исторіи такъ характеризуетъ воспитаніе, которое давалось въ Аѳинахъ онъ говоритъ, что еще до развитія философіи въ Аѳинахъ давалось идейное воспитаніе.

Стр. 155. II При всемъ этомъ, однакожe, кругъ прежнихъ образовательныхъ средствъ не расширялся особенно существенно; всѣ держались старыхъ взглядовъ, въ духѣ которыхъ все стремленіе было направлено не къ тому, чтобы молодежь накопляла возможно больше научныхъ свѣдѣній, но къ тому, чтобъ природныя дарованія ея были пробуждены и постоянно упражнялись, чтобы молодые люди пріучались съ ранняго утра правильно напрягать всѣ душевныя и тѣлесныя силы свои, имѣя постоянно въ виду высокія, достой-

Лит. В. Комарова Невск. пр. 136-132.

ныя цѣли. Грамматика, музыка и гимнастика исчерпывали собою весь кругъ преподаванія, въ которомъ оба первые предмета тѣсно сливались. Когда мальчикъ выучивался читать и писать, то первымъ его чтеніемъ были произведенія поэтовъ; онъ учился устному произнесенію ихъ и, усваивая себѣ слова, въ то же время усвоивалъ и богатство внутренняго содержанія. Разумъ и чувство, вкусъ и критическая оцѣнка изощрялись у него по мѣрѣ того, какъ онъ вживался въ міръ идей, высказанныхъ лучшими и знаменитѣйшими мыслителями. Могущество музыки сказывалось возвышающимъ, просвѣтляющимъ вліяніемъ на духъ молодежи, не замѣчавшей притомъ и слѣдовъ преднамѣреннаго нравственнаго руководства. Выработавшееся въ Беотіи искусство игры на флейтѣ было также включено въ кругъ (послѣ персидскихъ войнъ) аттическаго школьнаго образованія. Какъ ни простъ и незатѣйливъ былъ свиду подобный складъ духовнаго развитія, оно тѣмъ не менѣе охватывало всего человѣка, дѣйствовало на него глубоко и сильно, потому что юношескій духъ не разсѣевался пестрымъ разнообразіемъ познаній и потому съ еще большимъ увлеченіемъ отдавался изученію предлагаемой ему духовной пищи и образовательныхъ средствъ.

Чумаковъ

Далѣе онъ говоритъ.

Стр. 157. Всякій шагъ впередъ въ развитіи поэзіи велъ за собою и значительное расширеніе круга народнаго развитія, потому что поэты были истинными наставниками народа. Лирическая поэзія, подобно музыкѣ, основана была на строгихъ фундаментальныхъ правилахъ; нигдѣ нельзя было встрѣтить въ ней безпорядочность или ничѣмъ не сдержанный порывъ чувства; напротивъ каждое удачное стихотвореніе являлось продуктомъ художественной мысли, исшедшей изъ серьезнѣйшаго раздумья. Поэтому поэты какъ бы изощряли познавательныя способности народа и вѣрность его сужденій; они просвѣтляли и углубляли его самосознаніе, они умѣли переносить своихъ слушателей отъ даннаго матеріала миѳическаго сказанія къ религіозной сущности преданія, вызывая передъ ними образъ Зевса-міродержца, хранителя вѣчныхъ нравственныхъ законовъ (какъ это дѣлали Архилохъ, Терпандръ и Солонъ); всѣ событія современныя, удачу и несчастія, великія дѣла и добродѣтели наряду съ ошибками и промахами отдѣльныхъ лицъ или цѣлыхъ гражданскихъ общинъ умѣли они поставить въ связь съ сѣдою стариной, съ дѣяніями и испытаніями героевъ родоначальниковъ, и современное поколѣніе всегда вѣрило въ непрерыв-

Ст...

ное свое общеніе съ ними. Это расширяло кругозоръ массы далеко за предѣлъ ближайшей современности; она привыкала распознавать въ колебаніяхъ исторической жизни не вліяніе случая или произвола, но слѣды божественнаго велѣнія и нравственнаго закона. Кромѣ того мистеріи удовлетворяли болѣе глубокимъ запросамъ тѣхъ, кто не могъ довольствоваться общественными богослужебными обрядами, и мудрость Орфея, котораго почитали основателемъ священныхъ таинствъ, проливала на жизнь Аѳинянина примиряющій лучъ надежды, идущей за предѣлы всего земного.

Можно было бы подумать, что при прирожденной аттическому народу подвижности подобная система свободнаго воспитанія могла лишь въ слабой степени содѣйствовать удержанію старыхъ обычаевъ; но привязанность къ тому, что сбережено вѣками, поддерживавшаяся въ почетнѣйшихъ семьяхъ, и спокойная мощь традиціи, опиравшейся на религію и на различные отголоски древнѣйшихъ учрежденій, были достаточно сильны, чтобъ удержать народъ въ вѣрности добрымъ принципамъ. Съ глубокимъ уваженіемъ поддерживали онѣ священныя оливковыя деревья, стоявшія вокругъ полей, видя въ нихъ памят-

ники отдаленнѣйшей поры; съ древними народными героями онъ до такой степени сжился, что живо представлялъ себѣ ихъ присутствующими при его битвахъ и оказывающими ему дѣятельную помощь. Бойцамъ Марафонскимъ казалось, что они видятъ Тезея, выходящаго изъ нѣдръ подземнаго міра, героевъ Марафона и Эхетла, сражающихся въ ихъ рядахъ; при Саламинѣ оказали свое щедрое содѣйствіе элевзинскія божества и Эакиды. Чѣмъ свободнѣе была духовная жизнь Аѳинянъ, тѣмъ легче воспринимала она новые импульсы, создаваемые современностью, и при томъ ничѣмъ не нарушала своей гармоніи, - и такимъ образомъ и древне-аттическая цивилизація, выказавшая на дѣлѣ свою силу въ тяжелые дни Персидскихъ войнъ, и старый духъ честности и религіозности могли, безъ помощи нравственнаго гнета, существовавшаго, напр:, въ Спартѣ, въ полной силѣ удержаться вплоть до временъ Перикла."

О духовномъ развитіи Грековъ въ эпоху Перикла мы можемъ судить по тѣмъ четыремъ направленіямъ, въ которыхъ оно выразилось. 1) Съ одной стороны оно выразилось въ развитіи искуствъ, о которомъ говорить подробно не будемъ, такъ какъ это будетъ пред-

метомъ спецiальнаго курса; упомянемъ толь-
ко тѣхъ знаменитостей, которыхъ удалось
Периклу сосредоточить въ Аѳинахъ. Онъ
привлекъ туда знаменитыхъ архитекто-
ровъ, Иктина и Калликрата, лучшихъ
живописцевъ, Полигнота и Паразiя, скульп-
тора Фидiя. Не будемъ также дѣлать
перечисленiя тѣхъ замѣчательныхъ зданiй,
которыя возникли при Периклѣ, потому
что перечисленiе это найдется въ каждомъ
учебникѣ. 2/ Вторая область это область
поэзiи и, главнымъ образомъ, драмы. Къ эпо-
хи этой относится то время, когда писа-
ли наиболѣе замѣчательные драматурги
Эсхилъ, Софоклъ и Эврипидъ, бывшiе современ-
никами, несмотря на разницу своихъ лѣтъ.
Разница была такъ велика, что первый изъ
нихъ относится къ предыдущей эпохѣ; вто-
рой - къ современной, а третiй является
выразителемъ уже послѣдующаго направ-
ленiя. Въ исторiи развитiя греческой дра-
мы, о которой мы будемъ говорить лишь съ
обще-исторической точки зрѣнiя, обра-
тимъ вниманiе на три характерныя
явленiя. 1/ Греческая драма возникла изъ
религiозныхъ празднествъ, которыя были
соединены съ различными обрядами и пред-
ставленiями, постепенно развивавшими-

Курлов

ся и обратившимися наконецъ въ изображеніе всей жизни даннаго божества и всей его дѣятельности. Въ эти первоначально чисто религіозныя представленія стало все болѣе и болѣе проникать философское начало. Эсхилъ стоитъ въ той эпохѣ, когда жизнь опредѣлялась религіозными воззрѣніями; Эврипидъ своими сочиненіями относится уже къ тому времени, когда въ жизнь проникли философскія воззрѣнія. 2) Сюжеты драмъ брались изъ религіозныхъ миѳовъ; греческіе миѳы доставляли весьма разнообразный и обильный матеріалъ. Съ теченіемъ времени греческіе драматурги стали брать сюжеты изъ современной жизни. Такъ сдѣлалъ, напримѣръ, Эсхилъ, написавшій трагедію „Персы". 3) Драма въ Греціи получаетъ все болѣе и болѣе общественное значеніе. Сохраняя свои художественныя достоинства, она дѣлается постепенно проводникомъ общественныхъ взглядовъ. Постепенное развитіе греческой драмы прослѣдить не трудно. У Грековъ развилось очень много различныхъ родовъ художественныхъ произведеній; можно сказать, что въ каждомъ племени процвѣталъ какой нибудь извѣстный родъ. Наиболѣе характернымъ для Аѳинъ является диѳирамбъ — гимнъ въ честь бога Діо-

ниса, которые пѣлись при пляскѣ вокругъ жертвенника этого божества. Впослѣдствіи къ хоровому пѣнію этихъ гимновъ присоединились разсказы о дѣяніяхъ божества, и предводитель хора старался дополнять разсказы жестикуляціей. Наконецъ участвовавшіе нашли нужнымъ переряживаться. Сначала эти представленія заимствовались главнымъ образомъ изъ сказаній о похожденіяхъ бога Діониса, затѣмъ стали переходить къ другимъ сюжетамъ. Эти религіозныя празднества являются сначала не въ Аѳинахъ, но здѣсь они достигаютъ особеннаго развитія. Уже при Солонѣ Ѳесписъ самъ переходитъ къ изображенію другихъ сюжетовъ, но Солонъ относился къ этому недоброжелательно и потому оно не могло развиваться дальше. Пизистратъ окончательно узакониваетъ это нововведеніе. Въ эпоху около 500 г. до Р. Х. въ Аѳинахъ былъ выстроенъ театръ вмѣсто прежнихъ деревянныхъ подмостокъ, на которыхъ совершались представленія. Мѣста для зрителей были высѣчены въ скалѣ полукругомъ. Къ этому времени относится аѳинскій драматургъ Фринихъ, написавшій драму уже съ чисто-историческимъ сюжетомъ „Разрушеніе Милета". Зрители во время

представленія были страшно растроганы, но Аристократія запретила ставить ее на сцену. До этого времени выступалъ только одинъ актеръ, если происходилъ монологъ, то между героемъ и хоромъ; Эсхилъ вывелъ еще другого актера. Изъ драмъ Эсхила замѣчательна драма: „Скованный Прометей," въ которой приведена та мысль, что истинная свобода никогда не можетъ быть побѣждена. Съ содержаніемъ ея познакомимся по изложенію Каррьера.

Карр. (Содержаніе прикованный Прометей)

Прометей, прикованный къ скалѣ, по повелѣнію Зевса за похищеніе божественнаго огня, оставшись наединѣ, зоветъ всю природу въ свидѣтели своего страданія, и она скорбитъ за одно съ героемъ; Прометей разсказываетъ причину своихъ мученій, хвалится тѣмъ, что онъ благодѣтель человѣческаго рода и жалуется на несправедливость Зевса. Приходитъ съ участіемъ водяной духъ Океанъ и совѣтуетъ Прометею покориться владычеству Зевса и не раздражать его дерзкими рѣчами. Прометей возражаетъ: „Буду пить горькую чашу страданія, пока Зевесъ не угаситъ пламени своего гнѣва." Хоръ горько оплакиваетъ судьбу страдальца. Прометей знаетъ, что

Лит. В. Комарова Невск. пр. 136-138.

В. Ку

ему судьба готовитъ еще много бѣдствій, но не хочетъ покориться своей судьбѣ и говоритъ: „я не боюсь Зевса, сколько ни страдалъ; я знаю и ему самому не избѣгать несчастія." Эсхилъ по этому поводу влагаетъ въ уста хора слѣдующія слова, высказывая въ нихъ собственный взглядъ: „не боясь Зевса, изъ одного упрямства чтишь ты людей слишкомъ высоко, о Прометей. Буду смертнаго во вѣкъ не измѣнить верховной Зевсовой воли". Но напрасно хоръ увѣщеваетъ Прометея, что мудры тѣ, кто преклоняется передъ незыблемымъ порядкомъ міра. Тщетно представляетъ Гермесъ Прометею къ чему можетъ привести его безумное упорство. Прометей, увѣренный въ своей несокрушимой силѣ и вѣчности своего духа, остается при своемъ, и въ то время, какъ онъ призываетъ въ свидѣтели вѣчную справедливость, эфиръ и лучезарное солнце: вдругъ разражаются землятресеніе, молнія и громъ, и Прометей поглощается разъяренными стихіями.

Такимъ образомъ Эсхилъ изобразилъ въ Прометеѣ всю силу независимаго духа и олицетворилъ въ немъ тотъ прозорливый изобрѣтательный умъ, который покоряетъ

себѣ природу; но вмѣстѣ съ тѣмъ Эсхилъ показалъ, что кичливость духа, забывшаго о зависимости своей отъ безконечнаго, не избѣгаетъ кары Немезиды."

Содержаніе своей драмы Эсхилъ заимствовалъ изъ представленія о Прометеѣ, зерномъ котораго было извѣстное пониманіе грозы. Тотъ же Эсхилъ написалъ драму: „Персы," прямо вызванную современнымъ событіемъ. Онъ былъ такимъ образомъ первымъ, который ввелъ драму съ совершенно историческимъ сюжетомъ. Раньше него писалъ подобныя же драмы Фринихъ; у него, кромѣ „Разрушенія Милета," мы находимъ еще „Финикіянка," но драмы его не были особенно распространены... „Персы" Эсхила появились въ 472 г. Это сочиненіе заключало въ себѣ ту же идею, которой было одухотворено и сочиненіе Геродота, именно ту, что побѣда всегда остается за истинной свободой, которая опирается на разумъ: эту свободу они видятъ воплощенной въ Грекахъ, а въ Персахъ видятъ рабство, не отличающееся разумомъ.

Содержаніе „Персы" слѣдующее.

Оставшіеся дома старые персидскіе вельможи хвалятъ выступившее въ походъ многочисленное ополченіе, но озабочены неполученіемъ

о немъ вѣстей. Ксерксова мать Атосса напугана зловѣщимъ сновидѣніемъ и вельможи внушаютъ ей прибѣгнуть за совѣтомъ и помощью къ тѣни Дарія. Въ это время является вѣстникъ и извѣщаетъ о несчастномъ исходѣ для Персовъ Саламинской битвы. „Одною битвой было все покончено. Все Персидское юношество лежитъ въ пыли." По просьбѣ всѣхъ вѣстникъ разсказываетъ подробно о ходѣ Саламинской битвы. Хоръ оплакиваетъ потерю Персидскаго могущества. Атосса, видя осуществленіе своего сна, приноситъ дары въ жертву тѣни Дарія. Дарій является. Узнавъ отъ Атоссы, что всѣ силы персовъ погибли, ибо Ксерксъ отправился въ походъ противъ Эллады, Дарій присоединяетъ свой голосъ къ горькой жалобѣ живущихъ и возвѣщаетъ, что Ксерксъ наказанъ за свое высокомѣріе и претерпѣлъ пораженіе на морѣ за то, что осмѣлился сковать цѣпями священный Геллеспонтъ. Для Персовъ теперь одно спасеніе - прекратить борьбу съ свободной, богохранимой Элладой; а за то, что они разоряли и жгли храмы, грабили имущества боговъ и уничтожали изображенія ихъ, должно погибнуть и остальное сухопутное войско. Такъ строгій судья Зевсъ наказы-

[illegible]

ваетъ гордость. Хоръ славитъ Дарія и пріобрѣтенное имъ могущество, которое хотѣлъ онъ крѣпко отстоять. Тутъ является Ксерксъ, весь въ лохмотьяхъ, и оплакивая свое бѣдствіе, желаетъ скорѣе смерти. Хоръ вторитъ Ксерксу своимъ плачемъ. Этимъ оканчивается драма."
Между Фринихомъ и Эсхиломъ въ политическомъ отношеніи та разница, что Фринихъ былъ на сторонѣ демократіи, Эсхилъ же по своимъ симпатіямъ относился къ аристократіи. Фринихъ прославлялъ Өемистокла, Эсхилъ стоялъ за Аристида. Стоя за аристократію, Эсхилъ конечно долженъ былъ защищать и ареопагъ, и дѣйствительно онъ въ своей драмѣ: „Евмениды" представляетъ ареопагъ какъ священное учрежденіе, установленное самой Аѳиной Палладой. Эсхилъ такимъ образомъ пользуется драмой прямо для того, чтобы провести свои политическія убѣжденія. Будучи недоволенъ демократіей, Эсхилъ подъ конецъ жизни оставилъ даже Аѳины и переселился въ Сиракузы, гдѣ и умеръ. На Софоклѣ мы уже не видимъ слѣдовъ аристократическаго вліянія, Софоклъ наоборотъ является человѣкомъ близкимъ Периклу, поддерживающимъ его стремленія, хотя не

тими

вмѣшивающимися въ политическія дѣла. Онъ ввелъ въ драму третьяго актера и у него видную роль начинаетъ изображать женщина, которая въ это время и въ жизни пріобрѣтаетъ большее значеніе. Онъ уже обращаетъ вниманіе на психическій анализъ, на изображеніе характеровъ своихъ героевъ.—Вотъ то направленіе, которое принимаетъ въ эту эпоху греческая драма.

3) Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію того, что представляетъ изъ себя греческая исторіографія. Она стоитъ въ связи съ прославленіемъ Аѳинъ и Греко-Персидскихъ войнъ. Прославленіе Аѳинъ начинается еще до Перикла подъ вліяніемъ тѣхъ побѣдъ которыя Аѳины одерживали надъ Персами. Собственно говоря настоящая исторія начинается съ Геродота. Геродотъ по рожденію не былъ Аѳинянинъ, онъ происходилъ изъ города Галикарнаса дорійской колоніи. Тѣмъ не менѣе онъ сдѣлался большимъ поклонникомъ аѳинянъ и впервые въ его сочиненіи была сдѣлана попытка представить исторію Грековъ, какъ цѣлаго народа. Чтобы познакомиться съ отношеніемъ Геродота къ аѳинянамъ прочтемъ характеристику этихъ отношеній, рельефно сдѣланную Курціусомъ.

Курціусъ

Стр. 221. Чѣмъ болѣе онъ, какъ человѣкъ, много странствовавшій и читавшій, былъ въ состояніи дѣлать сближенія между разными странами и временами, тѣмъ яснѣе сознавалъ онъ, что дѣянія Аѳинъ превосходили истиннымъ величіемъ, богатствомъ результатовъ и значеніемъ своимъ все, видѣнное дотолѣ, что они именно придавали современной исторіи ея отпечатокъ. И, если онъ не встрѣтилъ въ аттической фулы такого дикаго броженія, какъ въ іоническихъ республикахъ, и нашелъ ее, при полнѣйшемъ развитіи гражданской свободы, благоустроенною, твердо и спокойно руководимую человѣкомъ выдающагося ума, то онъ естественно долженъ былъ видѣть въ этомъ человѣкѣ генія своей эпохи.

Насколько Геродотъ преклонялся передъ Перикломъ, высказано имъ самимъ въ томъ мѣстѣ гдѣ онъ вспоминаетъ о снѣ Агаристы, которой незадолго до ея разрѣшенія снилось, будто она рождаетъ льва. Такъ возвѣщается богами, въ удостовѣреніе ихъ чрезвычайной миссіи, рожденіе людей, которымъ суждено играть роль во всемірной исторіи.

Чѣмъ сдержаннѣе является обыкновенно Геродотъ въ своемъ эпическомъ спокойствіи, и тѣмъ яснѣе вытекаетъ изъ всего его труда,

тайн

что сознаніе высокой славы Аѳинъ, какъ города, спасшаго всю Элладу, было результатомъ его собственныхъ наблюденій надъ современною ему исторіею, тѣмъ болѣе трудъ этотъ является какъ бы высшимъ прославленіемъ Аѳинъ, дѣянія которыхъ создали изъ Геродота историка и породили эллинскую исторіографію вообще. Нѣтъ сомнѣнія, что Геродотъ находился съ Перикломъ въ личныхъ сношеніяхъ; такъ какъ ничто не могло доставить большаго удовлетворенія Периклу, какъ сознаніе, что политическая миссія родного города и вмѣстѣ съ тѣмъ и его собственная національная политика признана іонянином, и къ тому же человѣкомъ съ такимъ высокимъ и дальновиднымъ умомъ. Периклъ долженъ былъ желать, чтобы Геродоту довелось довести до конца свой обширный трудъ въ такой формѣ, чтобы притязанія Аѳинянъ на управленіе греческими дѣлами явились естественнымъ слѣдствіемъ предшествовавшихъ имъ стадій развитія и чтобы этотъ взглядъ на исторію получилъ величайшее распространеніе. Поэтому, вѣроятно по распоряженію Перикла, Геродотъ читалъ публичныя лекціи изъ своихъ первыхъ книгъ, оконченныхъ имъ приблизительно около 446 года.

Сов.

Другой замѣчательный историкъ Өукидидъ; онъ описывалъ Пелопонесскую войну, но не успѣлъ окончить ея описанія; о немъ будемъ говорить въ связи съ событіями Пелопонесской войны.

4/ Четвертое направленіе, въ которомъ сказалось умственное развитіе греческаго народа въ эту эпоху, было вѣяніе философской мысли. Подробно на обзорѣніи его мы не будемъ останавливаться, потому что впослѣдствіи объ этомъ будетъ читаться особый курсъ; теперь же укажемъ только на тѣ общіе результаты, о которыхъ мы уже упоминали раньше. Въ отдѣльныхъ уголкахъ греческаго міра возникли самостоятельно три школы: Іонійская, Элеатская и Пиѳагорійская. Эти школы поставили себѣ задачей изслѣдовать вопросъ о происхожденіи міра не на основаніи религіозныхъ преданій, а собственнаго разума и того элементарнаго знакомства съ природой, которое тогда было; вторымъ вопросомъ былъ вопросъ о достовѣрности человѣческихъ знаній. Въ этихъ школахъ явилась критика тогдашняго греческаго политеизма, и философы стали иногда приходить къ своеобразному единобожію. Въ сочиненіяхъ ихъ видна все большая и большая отвлечен-

Лит. В. Комарова Невск. пр. 136-138.

Кузн

ность. Подъ вліяніемъ развивающейся философіи возникаютъ новыя учрежденія, является новое направленіе въ поэзіи, искусствѣ. Въ этомъ смыслѣ увлеченія философіей наиболѣе рельефнымъ примѣромъ можетъ быть Гипподамъ Милетскій. Онъ былъ архитекторомъ, но занимался и вопросами политическими. Характерно было то, что онъ внесъ чисто математическую отвлеченность въ рѣшеніи этихъ вопросовъ. Онъ говорилъ, что человѣческія общества должны устраиваться по чисто математическимъ правиламъ и что отношенія между людьми должны быть таковы же, какъ отношенія между числами. Людей онъ подраздѣлялъ на группы чиселъ. Кромѣ названныхъ замѣчательныхъ людей того времени, въ Аѳины переселились еще многіе. Такъ Анаксагоръ, онъ былъ очень близокъ къ Перику и благодаря этой близости возвысился; Парменидъ переселившійся въ Аѳины, когда ему было уже 60 л.; ученикъ его Зенонъ. Изъ софистовъ: Протагоръ изъ Абдеры, утверждавшій, что „человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей" т. е. что человѣкъ обо всемъ судитъ и говоритъ на основаніи той мѣрки, которая находится въ немъ самомъ. Всѣ они нашли гостепріимный

пріемъ въ Аѳинахъ. Не тамъ была и группа недовольныхъ ими за то, что они критиковали старыя традиціи. Периклъ наоборотъ стремился привлекать ихъ, самъ онъ былъ человѣкъ широкаго взгляда и усвоилъ себѣ общій духъ философской мысли, не относясь ни къ какой опредѣленной школѣ. Эта встрѣча философскихъ школъ въ Аѳинахъ должна была повести къ возникновенію новой философіи, согласившей болѣе или менѣе всѣ раннее образовавшіяся школы. Особенно хорошо это было подмѣчено Курціусомъ.
Стр. 225 II т. „Но вскорѣ были достигнуты еще большіе и важнѣйшіе результаты. Философское образованіе не только сдѣлалось доступнымъ Аѳинянамъ, а благодаря этому и остальнымъ Эллинамъ, но и само развитіе познанія было направлено на новые пути. Изслѣдованія вышли изъ предѣловъ мѣстной школы и освободились отъ ея стѣсненій. Самыя разнородныя направленія сталкивались, взаимно дополняя, исправляя другъ друга, содѣйствуя взаимному развитію; пробудилось сознаніе общихъ всѣхъ основъ, равно какъ и многочисленныхъ контрастовъ въ національномъ развитіи; вся разносторон-

Стр. [illegible]

ность духовной жизни народа, наглядно сказывалась впервые въ Аѳинахъ, и это не было результатомъ искусственной подготовки или случайнаго стеченія обстоятельствъ, а естественнымъ слѣдствіемъ всей совокупности народной исторической жизни, сдѣлавшей Аѳины центромъ философіи, источникомъ высшаго познанія. Здѣсь встрѣчались іоническіе мыслители, ученики Парменида и Эмпедокла и наконецъ софисты; стремленіе къ высшему познанію пробуждалось все сильнѣе, и все большее число предметовъ подвергалось научному изслѣдованію." Это философское развитіе отразилось и на другихъ сторонахъ жизни. Драма подъ вліяніемъ ея дѣлается все болѣе и болѣе философской. Эврипидъ послѣдній изъ драматурговъ той эпохи, является проводникомъ возникшихъ философскихъ теорій. Въ историческомъ трудѣ Геродота мы видимъ человѣка наивной вѣры, Өукидидъ - стремится объяснить всѣ явленія жизни изъ философскихъ воззрѣній.

Стр. 247 II т. Курц. „Всѣ эти люди, философы и историки, ораторы и поэты, изъ которыхъ каждый намѣчаетъ собой эпоху въ развитіи науки и искусства, не только

были современниками, но даже жили въ одномъ родѣ, нѣкоторые родились въ немъ, были вскормлены смолоду славой своего роднаго города или же привлечены къ нему этой славой. Они не однимъ только внѣшнимъ образомъ стояли другъ около друга, а напротивъ того, дѣйствовали, сознательно или безсознательно, въ имя общей цѣли, были ли они лично близки великому государственному человѣку, составлявшему центръ аттическаго міра, или же нѣтъ, принадлежали ли они даже, можетъ быть, къ числу его противниковъ, они всетаки должны были существеннымъ образомъ поддерживать его при выполненіи имъ его жизненной задачи — сдѣлать изъ Аѳинъ духовную столицу Греціи. Здѣсь получали жизнь всѣ зародыши культуры, заносимые изъ чуждыхъ странъ; не успѣлъ Геродотъ вступить въ сношенія съ Аѳинами, какъ іоническое землеведѣніе и этнографія превратились въ историографію; изъ пелопонесскаго диѳирамба возникла въ Аѳинахъ трагедія, изъ мегарійскаго фарса — комедія; великогреческая и іоническая философія встрѣтились въ Аѳинахъ, чтобы взаимно пополнить другъ друга и подготовить развитіе аттической философіи; даже софистика нигдѣ не дала такихъ результатовъ, какъ въ Аѳинахъ.

Изъ...

Въ то время, какъ прежде всякая мѣстность, всякій городъ или островъ имѣлъ свою своеобразную школу, теперь всѣ исполненныя жизни духовныя направленія сталкивались въ Аѳинахъ; племенныя и мѣстныя различія въ характерѣ и нарѣчіи сглаживались и подобно тому, какъ драма, наиболѣе аттическая изъ всѣхъ видовъ искусства, восприняла въ себѣ всѣ древнѣйшіе роды поэзіи, чтобъ слить ихъ для органическаго и совмѣстнаго бытія, такъ изъ всѣхъ результатовъ, добытыхъ эллинскимъ духомъ, возникла общая культура, бывшая вмѣстѣ съ тѣмъ и аттической и національно греческой. Сколько бы остальныя государства ни противились политическому преобладанію Аѳинъ, тѣмъ не менѣе всѣ они должны были признать, что тамъ, гдѣ дѣйствовали совмѣстно Эсхилъ, Софоклъ, Геродотъ, Зенонъ, Анаксагоръ, Протагоръ, Кратесъ и Кратинъ, находился центръ высшихъ стремленій, сердце всей родины, Эллада въ Элладѣ. Какъ ни мало мы можемъ всмотрѣться во взаимныя отношенія этихъ великихъ современниковъ, тѣмъ не менѣе мы знаемъ, какъ относился Периклъ къ выдающимся людямъ его времени; намъ извѣстна дружба Геродота и Софокла, и о послѣднемъ

Курцасъ

мы слышимъ, что онъ старался содѣйствовать достиженію общихъ всѣмъ цѣлей, посредствомъ сближенія между собой представителей искусства."

Эта эпоха останется наиболѣе блестящей, но блескъ ея не былъ продолжителенъ: въ умственномъ отношеніи, правда, замѣчается дальнѣйшее развитіе, въ политическомъ же Греція клонится къ упадку, начавшемуся еще при жизни Перикла. Между Аѳинами и Спартой существовало давно соперничество, которое конечно не могло ограничиваться соперничеством только двухъ названныхъ городовъ, потому что подъ властью Аѳинъ и Спарты сосредоточивались всѣ государства греческаго міра; но распространилось и обратилось въ соперничество двухъ союзовъ. Эти два союза различались во многомъ, въ политическомъ устройствѣ Спарта представляла изъ себя аристократію, Аѳины — демократію. Сообразно съ этимъ и другіе города были одни аристократическаго устройства, другіе демократическаго. Между ними, кромѣ того существовала и племенная рознь. Аѳинскій союзъ — былъ іонійскаго племени, Спарта стояла во главѣ племени дорійскаго.

тии

въ городахъ Аѳинскаго союза существовала аристократическая партія, поддерживавшая Спарту и искавшая даже случая предать свою родину Спартѣ, лишь бы добиться аристократическаго устройства и въ ней. Кромѣ этихъ общихъ причинъ раздора было много частныхъ вродѣ соперничества отдѣльныхъ городовъ, напр. Коринѳа и и Аѳины, Мегары и Эгины. Подъ вліяніемъ же всѣхъ ихъ въ концѣ жизни Перикла въ Греціи образовались двѣ противоположныя партіи, рознь между которыми была настолько сильна, что достаточно было лишь искры, чтобы вспыхнула борьба. Передъ началомъ этой борьбы личное положеніе Перикла было довольно затруднительно. Периклъ былъ вождемъ демократіи и опирался на низшій классъ. Умѣряя въ то же время стремленія этой демократіи, онъ заслужилъ уваженіе и другихъ классовъ. Съ другой стороны уваженіе къ нему опиралось на томъ, что онъ поставилъ Аѳинское государство очень высоко и велъ аѳинское хозяйство образцово. Периклъ удерживалъ власть въ своихъ рукахъ долгое время; къ концу его жизни однакожъ образовалось два рода оппозиціи. Образовалась

Сов.

партія, находившая, что Периклъ слишкомъ умѣренъ, такъ что необходимое еще дальнѣйшее развитіе демократіи не могло совершаться. Такіе лица становились въ оппозицію противъ Перикла, потому что находили, что онъ недостаточно демократиченъ что его политика мѣшаетъ дальнѣйшему развитію демократіи. Рядомъ другая оппозиція — олигархическая, къ которой относится аѳинская аристократія, находившая, что Периклъ слишкомъ далеко зашелъ въ своей политикѣ, въ своихъ стремленіяхъ развить демократическое устройство. Эта оппозиція также дѣйствовала противъ Перикла. За недостаткомъ свѣдѣній мы не можемъ судить, кто принадлежалъ къ ней. Предполагаютъ, что во главѣ ея стоялъ Ѳукидидъ Алопекскій, вернувшійся въ Аѳины и сдѣлавшійся центральной фигурой среди той партіи, которая была недовольна Перикломъ съ точки зрѣнія чисто аристократической. Эти двѣ партіи, несмотря на такую разницу въ своихъ стремленіяхъ, стали сходиться на одной общей почвѣ нерасположенія, даже ненависти къ Периклу. Къ этому еще прибавилось то обстоятельство, что

Лит. В. Комарова. Кейск. пр. 135-138.

В. Кузин

Периклъ покровительствовалъ просвѣщенію. Аѳиняне были очень развитымъ народомъ, однако между ними были люди, которые вѣрили, что развитіе философіи не можетъ повести ни къ чему хорошему, которые всѣ нововведенія считали нарушающими священную въ ихъ глазахъ старину. Такимъ образомъ и съ этой стороны Периклъ встрѣтилъ оппозицію. Любопытно, что противъ себя встрѣтилъ сильную оппозицію одинъ изъ философовъ, бывшихъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Периклу, Анаксагоръ. Онъ родился за 500 лѣтъ до Р. Х. въ городѣ Клазоменѣ конецъ своей жизни провелъ въ Лампсакѣ. Анаксагоръ принадлежалъ къ числу философовъ, которые старались вопросъ о происхожденіи міра рѣшить собственнымъ разумомъ. Теорія Анаксагора по своей отвлеченности представляетъ шагъ впередъ. Онъ находитъ, что всѣ вещи состоятъ изъ извѣстныхъ однородныхъ частицъ, которыя находились первоначально въ хаотическомъ безпорядкѣ до тѣхъ поръ, пока высшій духъ разъ навсегда не привелъ ихъ въ надлежащій порядокъ. Въ философскихъ воззрѣніяхъ Анаксагора замѣчается еще другая характерная черта, нѣкоторый скептицизмъ, вопросъ о доста-

вѣрности человѣческихъ знаній онъ рѣшаетъ не въ пользу [illegible] достовѣрности. Его доказательства правда, наивны. Онъ говоритъ, напр., что снѣгъ намъ кажется бѣлымъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ не бѣлъ, ибо вода, изъ коей онъ происходитъ черна. Значитъ нашъ умъ видитъ въ предметахъ такие признаки, которыхъ въ нихъ совсѣмъ нѣтъ. Всѣ явленія Анаксагоръ стремится объяснить чисто естественнымъ путемъ. Его ученіе о солнцѣ и звѣздахъ, какъ о раскаленныхъ шарахъ, послужило впослѣдствіи поводомъ къ обвиненію. Для большей характеристики Анаксагора можно привести анекдотъ, который расказывается Плутархомъ. Къ Периклу принесли голову барана, посрединѣ которой былъ рогъ; эта голова барана показалась пророческой, и прорицатель Лампонъ объяснилъ это явленіе какъ божественное предзнаменованіе въ томъ, что Периклу суждено одержать побѣду надъ партіей Ѳукидида Алопекскаго. Анаксагоръ поступилъ иначе, онъ разрѣзалъ голову пополамъ и указалъ, что при неправильности въ ея устройствѣ не могло и быть иначе, что посрединѣ непремѣнно долженъ былъ явиться рогъ. Если Лампонъ и объяснилъ это явленіе въ пользу Перикла, то были другие

Сн[illegible]

прорицатели, которые свидѣтельствовали противъ Перикла; они и дѣйствовали на ту часть народа, которая по своему невѣжеству могла безусловно вѣрить этому предзнаменованію.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ причинъ противъ Перикла становилось все больше и больше количество недовольныхъ; они не рѣшались пока еще нападать на самаго Перикла; они думали атаковать его въ его друзьяхъ. Одни только комическіе писатели нападали прямо на Перикла и аѳинскую демократію. До сихъ поръ не рѣшенъ вопросъ почему они относились враждебно къ Периклу, въ то время какъ всѣ другіе лучшіе умы были на его сторонѣ. Есть извѣстіе, въ 442 г. вышло запрещеніе выводить тѣхъ или другихъ лицъ подъ ихъ именами. Скоро это запрещеніе было снова отмѣнено. Не извѣстно кому принадлежала иниціатива такого запрещенія: консервативной ли партіи или Периклу, которому наконецъ надоѣли насмѣшки комиковъ надъ его личностью. Кромѣ нихъ же, какъ было уже сказано, никто не рѣшался нападать прямо на Перикла, а выбирали его друзей. Есть извѣстіе о процессѣ противъ Фидія, которому Периклъ

Въ всемъ

поручилъ созданіе самаго выдающагося произведенія скульптуры, онъ долженъ былъ сдѣлать статую Аѳины Паллады. Враги обвинили Фидія въ томъ, что онъ укралъ часть золота, даннаго ему для этой статуи. Если вѣрить разсказу, дошедшему до насъ, то оказывается, что Фидій устроилъ одежду этой статуи такъ, что ее можно было снять и свѣсить. Свѣсивъ ее, онъ доказалъ, что обвиненіе было ложно. Затѣмъ былъ возбужденъ процессъ противъ Анаксагора, человѣка близкаго Периклу. Діопеѳъ внесъ предложеніе, чтобы всѣ тѣ, кто не признаетъ боговъ или разсуждаетъ о небесныхъ явленіяхъ считались государственными преступниками. Этотъ процессъ окончился оправданіемъ Анаксагора, но онъ не хотѣлъ уже оставаться послѣ этого въ Аѳинахъ и удалился Лампсакъ, гдѣ и умеръ. Было сдѣлано также обвиненіе противъ Аспазіи. Периклъ былъ женатъ два раза, съ первой своей женой онъ развелся и сошелся съ Аспазіей, бракъ съ которой не могъ считаться законнымъ, потомучто она не была аѳинянкой. Это была женщина замѣчательно развитая и образованная; она даже имѣла вліяніе на развитіе такого человѣка,

какъ Сократъ. Ее обвинили въ различныхъ проступкахъ. Периклъ самъ защищалъ ее, и есть извѣстіе, что онъ даже плакалъ во время защиты. Аспазія была оправдана, но всѣ эти процессы уже свидѣтельствуютъ о томъ, что была партія враждебная Периклу, но не рѣшавшаяся только напасть прямо на него. У Плутарха есть извѣстіе, что былъ возбужденъ процессъ противъ самого Перикла, но это извѣстіе ни кѣмъ болѣе не подтверждается, и вѣроятно Плутархъ перенесъ сюда то обвиненіе, которое возникло уже впослѣдствіи, во время Пелопонесской войны. Всѣ эти факты заставили Перикла подумать о томъ, что почва подъ его ногами колеблется. Въ связи съ этимъ обстоятельствомъ и находится начало Пелопонесской войны. Периклъ могъ предпочесть внѣшнюю войну, тѣмъ болѣе, что все равно она была неизбѣжна. Это конечно одно только предположеніе, но во всякомъ случаѣ отъ Перикла здѣсь зависило очень многое, и если война началась при немъ, значитъ онъ хотѣлъ этой войны. Спарта давно уже искала войны и придумывала различные предлоги, чтобы зачинщиками ея выставить Аѳинянъ. Спартанцы потребовали, чтобы Аѳиняне

Куло

изгнали всѣхъ тѣхъ, которые когда-либо были запятнаны святотатствомъ. Это обвиненіе было направлено противъ Алкмеонидовъ. Периклъ былъ въ родствѣ съ этой фамиліей, значитъ обвиненіе касалось и его. Очень можетъ быть, что у Спартанцевъ здѣсь была двоякая цѣль. Еслибы Аѳиняне исполнили ихъ требованіе, то они лишились бы такого замѣчательнаго человѣка, какъ Периклъ. Еслибы они ихъ требованія не исполнили, тогда на нихъ было возможно свалить начало войны. Аѳиняне не исполнили ихъ требованія и война началась. Пелопонесская война съ 431г.—404г., значитъ она тянулась въ продолженіи 27 лѣтъ. Подробности ея намъ хорошо извѣстны изъ сочиненія Ѳукидида, который описалъ 21 годъ этой войны. Ѳукидидъ начальствовалъ одной эскадрой, которая была разбита, и Ѳукидидъ за это былъ изгнанъ. Онъ жилъ въ Ѳракіи, гдѣ имѣлъ золотые рудники. Сочиненіе его существуетъ въ русскомъ переводѣ Мищенко и можетъ быть названо образцовымъ. Въ немъ впервые является прагматизмъ, связь причины съ дѣйствіемъ, впервые дается характеристика дѣйствующимъ лицамъ; эту характеристику онъ дѣлаетъ, вкладывая въ уста дѣйствующихъ лицъ рѣчи, имъ самимъ сочиненныя. Рѣчи, приписанныя имъ Периклу, если не были

тай

дѣйствительно Перикла, то во всякомъ случаѣ Ѳукидидъ часто слышавшій Перикла, могъ очень точно воспроизвести ихъ. Относительно Перикла Ѳукидидъ въ своемъ сочинені говоритъ слѣдующее: „Периклъ пріобрѣлъ власть, не прибѣгая къ недостойнымъ средствамъ" И затѣмъ: „Въ Аѳинахъ при немъ по имени была демократія, а на дѣлѣ господство лучшаго мужа." Въ этомъ отношеніи свидѣтельство Ѳукидида очень важно: онъ не относился по своимъ симпатіямъ къ демократической партіи, значитъ хвалилъ Перикла не по сочувствію къ его стремленіямъ, а дѣйствительно за его заслуги.

Пелопонесская эта война составляетъ важную эпоху въ жизни всего греческаго міра, потому что послѣ нея Аѳины, стоявшіе до того времени на такой высотѣ, приходятъ въ упадокъ. При началѣ войны шансы обѣихъ сторонъ были до нѣкоторой степени одинаковы. Если Аѳины не въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и уступали Спартѣ, то и Спарта въ свою очередь во многомъ уступала Аѳинамъ. Преимущества Аѳинянъ заключались во флотѣ и болѣе плотной организаціи союза, преимущества Спартанцевъ въ сухопутномъ войскѣ и въ томъ, что аристократія всѣхъ аѳинскихъ городовъ тяготѣла къ ней и готова была даже предать

сов.

ей свою родину. Также равны были и ихъ военныя силы, и если Аѳиняне имѣли сильный флотъ, то Спартанцы сильное сухопутное войско. Аѳины и ихъ союзники могли выставить флотъ изъ 300 триремъ съ экипажемъ въ 60000 человѣкъ и до 30000 гоплитовъ, изъ которыхъ 13000 были годны къ наступательной войнѣ. Сухопутныя силы Пелопонесцевъ состояли изъ 60000 отборнаго войска. Аѳинскія войска отличались отъ Спартанскихъ тѣмъ, что состояли изъ наемниковъ, которымъ Аѳиняне, обладая большими денежными средствами, имѣли возможность платить; войска же Спартанцевъ состояли изъ самихъ гражданъ и только въ концѣ войны Спартанцы прибѣгли къ наемнымъ войскамъ. Главная сила Спартанцевъ заключалась въ сухопутномъ войскѣ, флотомъ они стали обладать только въ концѣ войны. Онъ то и доставилъ Спартѣ перевѣсъ въ этой борьбѣ. Общественное мнѣніе Грековъ было на сторонѣ Спарты, представившей эту войну, какъ защиту свободы греческихъ городовъ, находившихся подъ властью Аѳинянъ. Въ этомъ смыслѣ высказался и Дельфійскій оракулъ, которому еще и въ это время придавали большое значеніе; онъ всегда былъ на сторонѣ консервативной партіи и аристократі-

ческихъ учрежденій. — Причины этой войны были уже указаны. Когда же существовали причины, тогда за поводомъ дѣло не останавливалось. Достаточно было вспыхнуть небольшой борьбѣ между Коринѳомъ и Корцирой (Керкирой), борьбѣ, въ которой приняли участіе и Аѳиняне. Споръ возникъ изъ за общей колоніи обоихъ городовъ Эпидамны, гдѣ происходила борьба аристократіи и демократіи. Керкира стала на сторону демократіи, Коринѳъ - аристократіи; между ними началась борьба, въ началѣ которой Корцира обратилась за помощью къ Аѳинянамъ, которые и стали дѣйствовать противъ Коринѳа, члена Пелопонесскаго союза. Коринѳъ обратился къ Спартѣ, указывая на то, что Аѳиняне нарушаютъ условія тридцати-лѣтняго мира. Здѣсь, значитъ, кромѣ борьбы между двумя политическими силами происходитъ борьба двухъ партій, - аристократической и демократической. Въ связи съ этимъ было еще другое обстоятельство, имѣвшее большое вліяніе на начало войны. Въ числѣ колоній Коринѳа былъ городъ Потидея, принадлежавшій Аѳинскому союзу; жители его были недовольны тѣмъ подчиненіемъ, въ которомъ они находились по отношенію къ Аѳинянамъ. Возбужденные Коринѳомъ, они воз-

этали Авиняне послали все войско, которое и осадило городъ. Спартанцы отправили въ Аѳины пословъ съ требованіемъ, чтобы они предоставили независимость всѣмъ подвластнымъ городамъ. Периклъ посовѣтовалъ Аѳинянамъ дать рѣшительный отпоръ Спартѣ, и война началась. Но ей предшествовало еще одно обстоятельство. Въ союзѣ съ Аѳинами былъ городъ Платеи, находившійся въ Беотіи. Ѳиванцы, принадлежавшіе къ Пелопонесскому союзу, сдѣлали нападеніе на Платеи, но не успѣли тамъ утвердиться, и тѣ Ѳиванцы, которые остались въ плѣну, были умерщвлены. Это обстоятельство особенно сильно возмутило Спарту и другіе города Пелопонесскаго союза.

Не останавливаясь на внѣшнихъ подробностяхъ этой войны, обратимъ еще разъ вниманіе на тѣ политическіе результаты, къ которымъ она привела. Благодаря тому обстоятельству, что главная сила Аѳинянъ была во флотѣ, а Спартанцевъ въ сухопутномъ войскѣ, борьба не могла рѣшиться одной какой нибудь битвой. Спартанцы дѣлали постоянные нападенія для опустошенія Аттики, но Аѳины были защищены такъ называемыми длинными стѣна-

ми, не дававшими возможности проникнуть въ городъ. Прекращенія же подвоза припасовъ Спартанцы не могли добиться, потому что припасы привозились съ моря къ гавани Пирею, соединенному также стѣнами съ Аѳинами. Аѳиняне же обладая большимъ флотомъ, наносили ущербъ Спартѣ, опустошая Пелопонесскіе берега. Такой способъ веденія войны конечно не могъ привести ни къ какому прямому результату. Скопленіе великаго множества людей въ Аѳинахъ было гибельно; туда была занесена изъ Египта чума и страшно свирѣпствовала. Ѳукидидъ описываетъ ужасы этой болѣзни и указываетъ на деморализацію, которая произошла въ Аѳинахъ, благодаря именно ей, когда всѣ, отчаявшись въ прекращеніи болѣзни и считая, что остается, быть можетъ, жить всего нѣсколько дней, позволяли себѣ дѣлать все, что хотѣли. На третій годъ войны эта болѣзнь унесла и Перикла. Въ началѣ войны на Перикла посыпался цѣлый рядъ обвиненій. Онъ былъ отставленъ отъ стратегіи, обвиненъ въ казнокрадствѣ и принужденъ былъ подчиниться тому приговору, который на него былъ возложенъ, денежному штрафу. Но за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти онъ снова былъ

Н. Аеницынъ

раномъ стратегомъ. Умеръ онъ въ 429 г. и послѣ его смерти на сцену выступаютъ новыя лица. Между полководцами возвышаются Никій и Демосфенъ, отличающійся большимъ талантомъ полководца. Онъ является стратегомъ, но уже не съ тѣмъ значеніемъ, какимъ обладали прежніе стратеги. Теперь стратегъ только предводитель войска, а прежде онъ былъ и предводителемъ народа. „Демагогомъ" въ это время стоитъ Клеонъ, о которомъ къ сожалѣнію мы знаемъ очень мало и главнымъ образомъ по той карикатурѣ, которая была на него сдѣлана Аристофаномъ. Это извѣстіе комическаго писателя, тѣмъ болѣе человѣка, такъ дурно относившагося къ демократіи, конечно не можетъ считаться достовѣрнымъ. Что касается до Никія, то онъ принадлежалъ къ партіи умѣренно-аристократической и встрѣтилъ сильную оппозицію со стороны Клеона. Между ними возникла борьба, которая имѣла отношеніе и къ внѣшней политикѣ. Никій желалъ мира съ Спартой, онъ въ этомъ отношеніи стоялъ во главѣ цѣлой большой партіи, главнымъ образомъ землевладѣльцевъ, для которыхъ продолженіе войны было очень тяжело. Клеонъ вмѣстѣ съ демократической

партіей стоитъ за ея продолженіе. Между тѣмъ война продолжалась и съ большими жестокостями. Такъ, когда на четвертый годъ войны островъ Лесбосъ отдѣлился было отъ Аѳинъ и митиленцы, поддерживаемые пелопонесскимъ флотомъ, должны были сдаться Аѳинянамъ, то многіе изъ плѣнныхъ были казнены. Съ такою же жестокостью поступили Спартанцы съ Платейцами, когда они послѣ долгой защиты должны были сдаться. Въ отдѣльныхъ городахъ греческаго міра происходитъ борьба партіи аристократической и демократической. До того времени, пока былъ Периклъ, война со стороны Аѳинянъ была лишь оборонительной, теперь подъ вліяніемъ Клеона аѳиняне рѣшаются перейти къ другому образу дѣйствій, они вздумали, кромѣ того завоевать Сицилію, въ которой въ это время происходитъ борьба. Аѳинскій флотъ по дорогѣ осаждаетъ гавань Пилосъ; осада была очень успѣшна. Тогда Спартанцы просятъ мира, Аѳиняне, убѣждаемые Клеономъ отказываютъ. Поставленные въ Мессеніи въ невозможное положеніе Спартанцы снова просятъ мира, но Аѳиняне снова отказываютъ. Въ это время у Спартанцевъ является полководецъ Бразидъ, который держит-

Кузн

и совершенно иного плана. Онъ убѣждаетъ Спартанцевъ прекратить нападенія на бѣдную область Аттику и перенести ихъ на сѣверныя области Ѳракіи и Македоніи, откуда Аѳиняне получали и деньги и припасы. Аѳиняне въ это время уже склонялись къ миру, но Клеонъ старался убѣдить ихъ продолжать войну. Между тѣмъ произошло одно обстоятельство, имѣвшее очень большое значеніе. Въ одной и той же битвѣ Клеонъ былъ убитъ, а Бразидъ смертельно раненъ. Смерть этихъ двухъ полководцевъ, стоявшихъ за продолженіе войны, оказала большое вліяніе: тогда въ Аѳинахъ получила перевѣсъ партія, желавшая мира, и Никію было поручено заключеніе его. Никіевъ миръ 421 г. былъ заключенъ на 50 лѣтъ. Спартанскіе союзники были недовольны этимъ миромъ и заключили свой новый союзъ для продолженія войны. Аѳиняне въ это время какъ разъ уже нарушили условія мира, осадивъ Сиракузы, главный городъ Сициліи, находившійся въ союзѣ съ Спартой. (Походъ 415 г.). Зачинщикомъ этого былъ новый политическій дѣятель Алкивіадъ, личность котораго была роковой для Аѳинскаго государства. Онъ оказывалъ большое вліяніе на Аѳинскую демократію, и подъ его вліяніемъ

складывались т.п. обстоятельства, которыя привели аѳинскую политiю къ гибели. Алкивiадъ происходилъ изъ знатной фамилiи; дѣдъ его Алкивiадъ же былъ другомъ Клисѳена; а его отецъ Клиній отличился во время Греко-Персидскихъ войнъ и усилилъ свое значенiе бракомъ съ дѣвушкой, происходившей изъ фамилiи Алкмеонидовъ. Алкивiадъ, такимъ образомъ, приходился родственникомъ Периклу, подъ опекой котораго онъ находился со смерти отца. Съ знатнымъ происхожденiемъ Алкивiадъ соединялъ замѣчательныя способности, но характера онъ былъ невозможнаго, онъ былъ необыкновенно дерзокъ, надмененъ и своеволенъ. Поклоненiе, которымъ онъ съ дѣтства былъ окруженъ, страшно испортило его. Всѣ поступки Алкивiада еще мальчика, вызывали подражанiе, его манера одѣваться становилась модной. Художники изображали его въ разныхъ видахъ. Къ сожалѣнiю намъ хорошо неизвѣстно, какiя отношенiя были между Алкивiадомъ и его опекуномъ Перикломъ. Объ этихъ отношенiяхъ мы можемъ судить лишь по дошедшему до насъ анекдоту. Разъ Алкивiадъ пришелъ къ Периклу, когда тотъ былъ занятъ составленiемъ отчета, чтобы доложить его на народномъ

сов.

собраніи. Алкивіадъ спросилъ Перикла, чѣмъ онъ занятъ и получивъ объясненіе, отвѣтилъ приблизительно такъ: „а я бы постарался сдѣлать такъ, чтобы думать не о томъ, какой отчетъ я буду долженъ дать а о томъ, какъ бы не давать никакихъ отчетовъ." Если весь этотъ разсказъ выдуманъ, то и созданіе его весьма характерно. На Алкивіада одно время оказывалъ вліяніе Сократъ; о немъ придется говорить послѣ, теперь же упомянемъ лишь объ его отношеніяхъ къ Алкивіаду. Алкивіадъ былъ очень заинтересованъ чудакомъ, который относится къ нему совершенно не такъ, какъ всѣ другіе, и говоритъ ему, что ни во что не ставитъ тѣ преимущества, которыми онъ Алкивіадъ обладаетъ. Въ 432г. въ битвѣ при Потидеѣ Сократъ спасъ отъ смерти Алкивіада, и это обстоятельство еще болѣе сблизило ихъ. Алкивіадъ отплатилъ Сократу тѣмъ же, онъ спасъ его въ битвѣ при Деліонѣ. Оказать прочное вліяніе на испорченную натуру Алкивіада было уже поздно, и его близость къ Сократу ни чему не помогла. Алкивіадъ во что бы то ни стало хотѣлъ выдвинуться и ставилъ на первый планъ не интересы государства, а свои собственные. Семья

Лит. Д. Комарова Невск. пр. 136-138.

его была противницей Спарты, и семейныя традиціи были демократическія Алкивіадъ хотѣлъ разыграть роль на другомъ поприщѣ; онъ хотѣлъ достичь сближенія съ Спартой. Но когда Спарта отнеслась къ нему съ недовѣріемъ, онъ сейчас же перемѣнилъ свою политику и сталъ сближаться съ демосомъ. Уже изъ одного этого ясно, что Алкивіадъ не имѣлъ твердыхъ политическихъ убѣжденій. Когда умеръ Клеонъ, Алкивіадъ быстро занялъ его мѣсто, предводителя демократіи и противника Никія. Алкивіадъ совѣтовалъ вести войну наступательно. Ему удалось составить себѣ славу ловкаго государственнаго человѣка, благодаря тому, что онъ заключилъ союзъ съ Мегарой, Мантинеей и Элидой на 100 лѣтъ. Онъ составилъ планъ, по которому и хотѣлъ дѣйствовать, но здѣсь встрѣтилъ сопротивленіе со стороны Никія, и съ этого времени въ Аѳинахъ мы видимъ продолжительную борьбу партіи, желавшей мира и партіи противоположной. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ одна изъ партій уступала. Здѣсь этого не было. Вмѣсто того, что бы дѣйствовать по одному какому нибудь плану, Аѳиняне коле-

Чуренк[illegible]

бались и тратили свои силы на внутреннюю борьбу. Въ подобныхъ случаяхъ партія, разсчитывающая на большинство въ народномъ собраніи, прибѣгаетъ къ остракизму и требуетъ изгнанія вождя противной партіи. Здѣсь Аѳинянинъ Гипербол потребовалъ изгнанія и Алкивіада, и Никія. Но дѣло повернулось такъ, что былъ изгнанъ самъ Гипербол. Это имѣло весьма гибельное значеніе для самаго остракизма. Прежде изгонялись люди, настолько опасные, что могли бы захватить въ свои руки тиранію, теперь же былъ изгнанъ человѣкъ незначительный и не замѣчательный, и это унизило остракизмъ. Затѣмъ то обстоятельство, что одна партія не могла одолѣть другой также имѣло вредныя послѣдствія: продолжалась внутренняя борьба, ослаблявшая силы въ то время, когда ихъ было нужно направить на борьбу внѣшнюю. Алкивіадъ составилъ этотъ планъ экспедиціи въ Сицилію, какъ планъ, могущій ему доставить громкую славу и извѣстность въ случаѣ благопріятнаго исхода. Но тутъ съ этимъ честолюбіемъ, могло быть соединено и другое соображеніе. Необходимо было бы поручить управленіе такой отдаленной областью, какъ Сицилія,

одному человѣку, и Алкивіадъ разумѣется имѣлъ въ виду на эту должность себя. Планъ этотъ не былъ собственностью Алкивіада, еще при Периклѣ были люди, совѣтовавшіе предпринять этотъ походъ, но Периклъ удерживалъ аѳинянъ отъ такихъ опасныхъ предпріятій. Самая цѣль завоеванія Сициліи не отличалась ясностью; это было какъ бы осуществленіе мечты аѳинянъ объ устройствѣ обширной державы. Планъ Алкивіада былъ принятъ. Значительная часть аѳинскаго народа, привыкшая жить на средства своихъ союзниковъ, конечно должна была стремиться къ завоеванію богатой Сициліи. И если планъ встрѣтилъ нѣкоторую оппозицію, то почти исключительно со стороны богатыхъ людей, руководившихся себялюбивыми, эгоистическими разсчетами, не хотѣвшихъ удѣлить часть своего имѣнія на издержки войны. На сторонѣ же Алкивіада стояли его сверстники, предававшіеся вмѣстѣ съ нимъ всѣмъ увеселеніямъ и затѣямъ и раздѣлявшіе и эту его затѣю, и тѣ, кому эта война могла доставить выгоды. Въ это время Алкивіадъ имѣлъ большое вліяніе на аѳинскую демократію, частью благодаря своему умѣнію льстить всему аѳинскому народу. Всѣ поступки его необузданнаго характера прощались. Однажды, напр., онъ

Вышел

пожелалъ, чтобы Агаѳаръ, извѣстный въ это время, занялся отдѣлкой его дома, тотъ отказался, тогда Алкивіадъ силой привелъ его, заперъ въ домѣ и объявилъ, что не выпуститъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не окончитъ отдѣлки. Другой разъ, жена Алкивіада Гиппарета потребовала развода. Былъ учрежденъ судъ. Алкивіадъ явился съ громкимъ хохотомъ схватилъ свою жену и унесъ ее обратно домой. Все это сходило ему съ рукъ. Аѳины казались Алкивіаду слишкомъ тѣсными, ему хотѣлось играть роль и въ другихъ греческихъ городахъ. При той страсти къ играмъ, которая существовала въ Греціи, достичь извѣстности во всемъ греческомъ мірѣ, было легко, отличившись на Олимпійскихъ играхъ. Алкивіадъ такъ и поступилъ. Чтобы принять участіе въ играхъ, нужно было имѣть большое состояніе, которое дѣйствительно и было у Алкивіада. Онъ, женившись на дочери Гиппоника, человѣка очень богатаго, котораго онъ незадолго передъ тѣмъ оскорбилъ самымъ незаслуженнымъ образомъ, получилъ за женой большое приданое. Алкивіадъ сталъ разводить у себя лошадей и выставилъ нѣсколько колесницъ, богато украшенныхъ и обратившихъ общее вниманіе. Чествованіе Алкивіада на этихъ иг-

Шеин

разъ было такъ велико, что островъ Лесбосъ прислалъ вина на угощеніе бывшихъ на торжествѣ. Но Алкивіаду казалось мало всего этого чествованія, онъ хотѣлъ сдѣлаться главой демократіи во всѣхъ греческихъ городахъ. Въ средѣ ioнянъ были же всетаки и недовольные Алкивіадомъ, они говорили, что онъ своимъ примѣромъ развращаетъ юношество, что онъ и въ политикѣ дѣйствуетъ съ личными политическими цѣлями. Эвпол комикъ выставилъ его даже въ смѣшномъ видѣ въ своей комедіи, но выступить теперь открыто противъ Алкивіада было невозможно. Пока ioнское народное собраніе вело свои дѣла по установленной формѣ, борьба политическихъ партій была возможна. Но уже Клеонъ пріучилъ большинство къ тираническому обращенію съ меньшинствомъ въ народномъ собраніи. Меньшинство въ это время уже не возвышаетъ въ собраніи своего голоса, а обращается на путь тайныхъ обществъ или гетерій, которыхъ въ это время появляется все больше и больше. Низверженіе противника дѣлается въ это время главной цѣлью, къ которой стремятся, не разбирая средствъ, лишь бы достигнуть цѣли. Алкивіадъ имѣлъ противниковъ въ демократической партіи и главныхъ противниковъ

Куршев

въ средѣ олигархической. Между тѣми и другими произошло странное соединеніе людей, стремившихся къ цѣлямъ, совершенно различнымъ. Но противная сторона была незначительна, и предложеніе Алкивіада относительно сицилійскаго похода было принято. Во главѣ флота были поставлены Алкивіадъ и Никій, и флотъ отправленъ былъ въ Сицилію для осады Сиракузъ. Но въ это время Алкивіада потребовали обратно въ Аѳины и требовали его возвращенія на государственномъ кораблѣ. Партія противниковъ Алкивіада воспользовалась удобнымъ моментомъ, когда не было въ Аѳинахъ ни его самаго, ни значительной части его приверженцевъ, и обвинила Алкивіада, обвиненіе заключалось въ слѣдующемъ. Незадолго до отправленія флота въ Сицилію въ Аѳинахъ произошло слѣдующее святотатственное дѣло: были низвергнуты и разбиты всѣ такъ называемыя гермы, т. е. каменные столбы съ головой бога Гермеса, стоявшіе на площадяхъ и главныхъ улицахъ. По этому поводу было назначено слѣдствіе, самъ Алкивіадъ добивался, чтобы слѣдствіе было произведено скорѣе, но заботы объ отправленіи и снаряженіи флота, помѣшали этому слѣдствію. Пользуясь отсутствіемъ Алкивіада,

тай

враги его обвинили его друзей въ совершеніи этого поступка. Этого было достаточно для отправленія за Алкивіадомъ государственнаго корабля. Но Алкивіаду удалось выхлопотать позволеніе вернуться на своемъ собственномъ кораблѣ, и онъ бѣжалъ въ Спарту. Въ Аѳинахъ его приговорили къ смертной казни, а имущество къ конфискаціи. Въ Спартѣ онъ раскаялъ о политическихъ замыслахъ Аѳинянъ. Такой поступокъ Алкивіада былъ очень гибеленъ для Аѳинянъ. Спартанцы сейчасъ же соорудили флотъ, во главѣ котораго поставили Гилиппа; этотъ флотъ отправился на выручку Сиракузъ. Затѣмъ они укрѣпили Декелею, откуда могли постоянно дѣлать нападенія на Аѳины. Подъ Сиракузами Аѳиняне потеряли свой флотъ. При вѣсти объ этомъ несчастіи аѳинскіе союзники сейчасъ же отложились. Между тѣмъ Спартанцы перенесли свои дѣйствія въ Малую Азію, здѣсь имъ былъ еще болѣе нуженъ флотъ, на сооруженіе котораго у нихъ не было денегъ. Алкивіадъ сумѣлъ тогда склонить одного малоазійскаго сатрапа къ денежной помощи Спартанцамъ, которые за это согласились даже отказаться отъ поддержки Малоазійскихъ городовъ

сав.

Положеніе Аѳинъ было тяжелое, но и въ Спартѣ, гдѣ не особенно довѣряли Алкивіаду, онъ не ужился и отправился оттуда къ персидскому сатрапу. Въ Аѳинахъ же гибель флота, всѣ неудачи этой борьбы привели къ антидемократическому перевороту 411 г.. Учрежденія Солона были отмѣнены, во главѣ правленія поставленъ вновь учрежденный совѣтъ четырехсотъ; народное собраніе состоитъ только изъ 5000 наиболѣе зажиточныхъ гражданъ. Такой переворотъ вызвалъ оппозицію, приведшую къ возстановленію прежняго порядка лишь съ тѣми отличіями, что 1) уничтожена была плата за исполненіе различныхъ гражданскихъ обязанностей, 2) былъ удержанъ цензъ для пользованія гражданскими правами. Но и эти ограниченія были уничтожены, потому что аѳинское войско, находившееся на Самосѣ не хотѣло согласиться на введеніе ихъ; оно призвало Алкивіада, который, ставъ во главѣ его, нанесъ пораженіе Спартанцамъ. Это обстоятельство заставило Аѳинянъ забыть все старое, и Алкивіадъ вновь явился въ Аѳинахъ. Но удержался онъ недолго. У береговъ Малой Азіи аѳинскій флотъ встрѣтился съ спартанскимъ, который находился подъ началь-

...лит. В. Комарова Невск. пр. 136-133.

Н. Кур...

ствомъ Лизандра. Алкивіадъ держалъ себя очень осторожно, но ему пришлось ненадолго удалиться, и помощникъ его во время его отсутствія далъ сраженіе. Аѳинскій флотъ былъ разбитъ. Этимъ воспользовались враги Алкивіада и убѣдили Аѳинянъ отнять у него предводительство надъ флотомъ. Вскорѣ Лизандръ окончательно истребилъ аѳинскій флотъ при Эгосъ Потамосѣ (Козьей рѣкѣ). Аѳинянамъ осталось только сдаться на очень тягостныхъ условіяхъ: они выдали Спартанцамъ остатки своего флота, разрушили длинныя стѣны. Это разрушеніе для большаго униженія производилось подъ звуки флейты. Самое правленіе въ Аѳинахъ было совершенно измѣнено: законы Солона были вновь отмѣнены, народное правленіе уничтожено, и во главѣ поставлено 30 тирановъ изъ представителей аристократіи; въ самомъ городѣ былъ оставленъ спартанскій гарнизонъ. Алкивіадъ отправился къ персидскому сатрапу, ожидая помощи отъ персидскаго царя. Но Спартанцы потребовали отъ этого сатрапа выдачи Алкивіада. Сатрапъ долженъ былъ уступить. Домъ, гдѣ находился Алкивіадъ былъ подожженъ, Алкивіадъ бросился бѣжать, но на него посыпался

[illegible] трехъ тирановъ, а за ними мертвымъ
[illegible]ская партія, поддерживаемая
спартанскимъ гарнизономъ, господствова-
ла, [illegible] съ Ферамевомъ и Критіемъ, упи-
[illegible] побѣдной [illegible]. Они уничто-
жили [illegible] гражданскаго [illegible] лишь
только 3000 человѣкъ, остальные были час-
тью убиты, частью изгнаны, многіе бѣ-
жали и нашли себѣ пріютъ въ Ѳивахъ. Въ
Аѳинахъ между тѣмъ начались раздоры въ
средѣ самихъ олигарховъ: Критій казнилъ
Ферамена и сталъ во главѣ правленія.
Этимъ воспользовались изгнанные аѳинскіе
демократы, они вернулись подъ предводитель-
ствомъ Ѳрасибула и добились введенія
прежняго устройства. Но все то могущес-
тво, которое отличало прежде Аѳины,
погибло навсегда. Упадокъ Аѳинъ начался
задолго раньше этой послѣдней борьбы. Уже
одно то обстоятельство, что Алкивіадъ вы-
зывалъ сочувствіе большинства служитъ
доказательствомъ этого. Мы видимъ,
что въ это время аѳинская демократія
мечтала о завоеваніяхъ, которыя доставили
бы деньги для раздачи гражданамъ, что
то учрежденіе, при которомъ только и
было возможно правильная борьба партій,
пришло въ упадокъ; на мѣсто его яв-

ляютъ такъ называемыя гетеріи, т. е. тайныя общества, не пренебрегавшія никакими средствами, является наемничество, благодаря которому войско набиралось изъ всякаго сброда людей, часто обезчещенныхъ всевозможными пороками.—

Умственная жизнь въ Аѳинахъ въ эпоху Пелопонесской войны.

Особое доказательство аѳинской деморализаціи въ эту эпоху видятъ въ софистахъ, которые въ учебникахъ исторіи представляются, какъ учители красноречія, учившіе бѣлое выставлять чернымъ и черное бѣлымъ. Такое мнѣніе ошибочно; но софистика, въ которой, дѣйствительно были непривлекательныя стороны, представляла изъ себя необходимый фазисъ въ развитіи греческаго мышленія независимо отъ нравственнаго состоянія аѳинскаго общества, хотя и послѣднее отразилось на софистахъ. Споры философовъ довели до скептицизма и невѣрія въ истину человѣческихъ познаній. Поэтому распространилось мнѣніе, что общихъ истинъ нѣтъ: человѣкъ мѣра всѣхъ вещей. И мнѣніе это проникло не только въ область изслѣдованій о внѣшнемъ мірѣ, но и въ область нравственныхъ воззрѣній. Касательно понятій выработана была сентенція: хорошее или

дурное таково не по природѣ, а по установленію т. е. справедливость или несправедливость, нравственность или безнравственность зависятъ отъ человѣческаго соглашенія. Достояніе философіи широко развивалось въ публикѣ: преподавалась она публично, возникъ цѣлый классъ учителей краснорѣчія (софистовъ), бросившихъ массу знаній въ народъ, ораторы въ судахъ и экклезіи также философствовали, а трагическій писатель Еврипидъ чуть не всю философію своего времени вывелъ на театральные подмостки. Характеръ греческой философіи этого періода раціоналистическій, ибо философствованіе довело Грековъ до понятія, что только приложеніемъ ума можно познавать вещи. Той критикѣ ума подвергалось все тогда существующее: и религіозный антропоморфизмъ и всѣ вообще человѣческія познанія. А это по необходимости повлекло за собой скептицизмъ, такъ какъ различныя философскія школы не сходились въ опредѣленіи однѣхъ и тѣхъ же истинъ. Несогласіе это между философами довело наконецъ до того, что появилось сомнѣніе въ существованіи общихъ, безотносительныхъ истинъ, и распространилось убѣжденіе, что самъ человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей. Аѳины сдѣлались центромъ

Те

философскихъ воззрѣній, именно въ эпоху этого полнѣйшаго скептицизма. Здѣсь возникъ цѣлый классъ софистовъ, на которыхъ мы нѣсколько и остановимся, такъ какъ они характеризуютъ собой цѣлый періодъ, называемый періодомъ софистовъ. Во всѣхъ почти учебникахъ какъ мы видимъ съ названіемъ „софистъ"— связано понятіе человѣка безнравственнаго, мошенника для котораго нѣтъ ничего святого; но такое мнѣніе является слишкомъ крайнимъ и одностороннимъ, поэтому его необходимо ослабить. Эту задачу въ значительной степени выполнили уже Гротъ въ исторіи Греціи, Льюисъ въ исторіи философіи, Ланге въ исторіи матеріализма, англійскіе историки. Такъ какъ сочиненія софистовъ не дошли до насъ, то мы ихъ только знаемъ изъ сочиненій ихъ противниковъ. А можно ли полагаться на недруговъ въ опредѣленіи чьего либо характера. Если мы согласимся съ этимъ, то пришлось бы осудить и Сократа, которого „Облака" Аристофана ставятъ въ весьма невыгодномъ для него положеніи. Ксенофонтъ только наводитъ на мысль, что столь громаднаго контраста, какъ это представляютъ другіе между Сократомъ и софистами не существовало. Изъ глав-

Курса

нымъ образомъ обвиняли. - 1. за ихъ вліяніе на современниковъ; 2 за поверхностное отношеніе къ вѣрамъ. Софисты были дѣйствительно вліятельными лицами, такъ какъ они прежде всего были учителями краснорѣчія, необходимаго въ это время для всякаго гражданина, ибо адвокатовъ въ то время не было, и каждый лично долженъ былъ защищаться передъ судомъ. Сократъ говоритъ о софистахъ: „они учатъ гражданъ тому, о чемъ они сами толкуютъ въ народномъ собраніи." - И такъ какъ софисты были знатоками въ публичныхъ и государственныхъ дѣлахъ, то не только молодежь съ жадностью принимала ихъ науки, но они высылались государствомъ въ случаѣ надобности для дипломатическихъ переговоровъ. Имя - софистъ - мы привыкли принимать въ презрѣнномъ значеніи, но первоначально такое пониманіе вовсе не имѣло мѣста, мы знаемъ напр. что и Пиѳагора, и Солона нѣкоторые древніе называли софистами, хотя эти послѣдніе имѣли мало общаго съ софистами, періодъ которыхъ мы разсматриваемъ; софистомъ у Эсхина названъ самъ Сократъ. Софистовъ обвиняли въ томъ, что они учили за деньги, но въ этомъ ничего злаго еще

усмотрѣть въ людяхъ, ибо и всѣ современные учители нравственности съ этой точки зрѣнія, тоже должны быть порицаемы. Впрочемъ мы видимъ, что не только софисты брали деньги за науку, тоже самое дѣлаетъ Зенонъ изъ Элеи и Демокритъ. Софисты при томъ вовсе не были алчны и не торговали своими убѣжденіями. Касательно платы намъ извѣстно, что актеры напр. брали вознагражденіе большее, чѣмъ софисты.- Дальше софистовъ называли безнравственными, будто бы они вдавались, что изъ худаго, путемъ разсужденія - могутъ сдѣлать хорошее, что они учили безнравственности, сознаваясь, что это безнравственно. Но едва ли Аѳиняне потерпѣли бы такую наглость, если Протагора и Анаксагора напр. присудили къ смерти за религіозный скептицизмъ, а Сократа за развращеніе юношества. Въ послѣднемъ не обвиняли ни Горгія, ни Продика, ни Гиппія. Нѣкоторые нѣмецкіе ученые смотрятъ на софистовъ, какъ на особую философскую школу, и представляютъ ихъ ученіе подъ названіемъ „die Sophistik" какъ одно цѣлое, но это неправильно, ибо у софистовъ не было одного ученія, а только общій методъ: одни изъ нихъ поль-

зов.

зовались своимъ искусствомъ для добра, другіе для зла; быть можетъ, что среди нихъ было больше дурныхъ людей, но само направленіе не было безнравственно, и вполнѣ согласовалось со всеобщими тенденціями своего времени. Самъ Платонъ говоритъ, что если софисты были не хороши, то въ этомъ виновато само общество. Свой діалектическій методъ софисты прилагали ко всему и занимались главнымъ образомъ тѣмъ, что нравилось гражданамъ; хотя они дѣйствительно были неглубоки въ знаніи, но отличались необыкновенной ловкостью въ убѣжденіи другихъ и, какъ извѣстно, посѣяли въ обществѣ массу всевозможныхъ знаній. Что они въ дѣйствительности не были на столько скверны, какъ ихъ принято представлять, можно видѣть изъ того, что самъ Сократъ уважалъ многихъ изъ софистовъ: - къ Продику напр. онъ отсылалъ своихъ учениковъ. Общее, что можно найти въ ученіи софистовъ слѣдующее: 1[ое:] всѣ они относились къ вещамъ скептически. Протагоръ напр: несмотря на то, что лично былъ уважаемъ современниками, какъ человѣкъ почтенный, сомнѣвался въ существованіи боговъ и человѣка признавалъ мѣрой всѣхъ вещей; - Горгій

написалъ сочиненіе, которое озаглавилъ: „О несуществующемъ или о природѣ“, что служитъ доводомъ полнѣйшаго сомнѣнія. Особеннаго уваженія среди софистовъ заслуживаетъ Продикъ; ему между прочимъ принадлежитъ притча, которую представилъ Ксенофонтъ о Геркулесѣ избирающемъ дорогу, стоя на распутіи. 2° Если все сомнительно, и нѣтъ возможности достичь безотносительной истины, то необходимо въ томъ или другомъ убѣждать краснорѣчіемъ, ибо, ради какого бы то ни было порядка, непремѣнно должны быть выработаны постоянныя и опредѣленныя мнѣнія. Такіе взгляды софистовъ доказываютъ, что это были люди не глубокомысленные, нужно было серьезнѣе отнестись къ дѣлу философіи, а такъ поступилъ Сократъ, жившій въ описываемую эпоху.

Упомянувъ о появленіи въ Аѳинахъ софистовъ, перейдемъ къ другому явленію, въ коемъ видятъ свидѣтельство нравственной порчи аѳинскаго общества. Литература этой эпохи отражаетъ въ себѣ упадокъ и политическій и моральный. Главнымъ матеріаломъ для характеристики служатъ произведенія отчасти Эврипида особенно коми-

ческихъ писателей; а изъ нихъ Аристофанъ. Эврипидъ родился въ 480 г., какъ разъ въ годъ Саламинской битвы; онъ получилъ философское образованіе, которое отразилось и на его трагедіяхъ. Младшій современникъ его, Аристофанъ жилъ въ эпоху Пелопонесской войны. Произведенія Аристофана представляютъ картину общественной жизни, но несомнѣнно картину, пристрастно освѣщенную. Аристофанъ уже по одному тому, что былъ комическій писатель, невольно подчеркивалъ и преувеличивалъ дурныя стороны аѳинской жизни; да кромѣ того еще онъ былъ донельзя тенденціозенъ и потому всѣ явленія общественной жизни представлялъ себѣ нѣсколько иначе, оттѣняя и преувеличивая то, что ему не нравилось, часто даже совершенно искажая факты. Онъ былъ, напр., врагомъ демократіи, и его изображеніе нѣкоторыхъ личностей, близко стоявшихъ къ ней, совершенно не таково, какимъ мы его находимъ по другимъ источникамъ. Если бы напримѣръ о Периклѣ мы стали судить на основаніи сочиненій комиковъ, то мы составили бы объ немъ представленіе въ высшей степени ложное. Такимъ же несоотвѣтствующимъ дѣйствительности было бы состав-

Ш...

ленное по Аристофану представленіе о Сократѣ, котораго онъ въ одномъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ своихъ произведеній представляетъ въ каррикатурномъ видѣ первого софиста. Во „Всадникахъ“ онъ выводитъ Клеона опять таки въ самомъ каррикатурномъ видѣ. О Клеонѣ мы знаемъ немного, очень можетъ быть, что это былъ человѣкъ не особенно высокаго полета, но во всякомъ случаѣ человѣкъ выдающійся. О другомъ замѣчательномъ писателѣ этой эпохи, Эврипидѣ, мы можемъ судить по дошедшимъ до насъ его трагедіямъ, а иначе, если мы составимъ о немъ представленіе по Аристофану, который пародировалъ его, то оно не было бы даже приблизительно вѣрнымъ. Это еще болѣе подтверждаетъ справедливость заключенія о крайне пристрастномъ отношеніи Аристофана. Но во всякомъ случаѣ нѣкоторыя стороны аѳинскаго быта были подмѣчены имъ вѣрно. Здѣсь было нѣсколько иное явленіе, здѣсь изображались не отдѣльныя личности, а цѣлыя общественныя явленія. Не было бы въ дѣйствительности тѣхъ явленій, которыя осмѣивалъ Аристофанъ, его комедіи не отличались бы такой жизненностью, какой онѣ обладали. Любопытна здѣсь од-

Виппер

на черта: въ комедіяхъ осмѣивалась главнымъ образомъ демократія и близко къ ней стоявшіе люди, но державный демосъ не запрещалъ постановки этихъ комедій. Тѣ обвиненія, значитъ, которыя возводились на демократію нѣкоторыми учеными, обвиненія въ томъ, что истинной свободы слова въ Аѳинахъ не было, не могли быть справедливыми. Далѣе мы еще болѣе должны будемъ заподозрить вѣрность общественной картины у Аристофана, если примемъ въ расчетъ, что онъ постоянно противопоставляетъ настоящему времени, времена прежнія. Такіе писатели появляются часто, и это направленіе намъ знакомо и въ современной литературѣ. Въ позднѣйшую Александрійскую эпоху явился подобный же писатель Ѳеокритъ, прославлявшій бытъ пастушковъ и пастушекъ; въ римской литературѣ Тацитъ противополагавшій современный ему порядокъ вещей въ Римѣ быту варварскихъ германскихъ племенъ; во французской литературѣ Руссо, указывавшій французскому обществу на бытъ поселянъ и даже на жизнь дикарей; въ русской литературѣ гр. Толстой, идеализирующій простой сельскій бытъ

Энми...

и отдаленную старину. Значитъ это явленіе обыкновенное. Аристофана не удовлетворяло состояніе современнаго ему общества; относясь къ нему съ тенденціозной точки зрѣнія, онъ думалъ исправить афинянъ возвращеніемъ ихъ къ старинѣ, но старина никогда не можетъ быть возвращена, и общество идти къ лучшему можетъ только подъ условіемъ пересозданія стараго сообразно новымъ идеаламъ. Здѣсь опять таки сказывается пристрастіе Аристофана, противополагавшаго современную жизнь жизни прежней, городскую - сельской, онъ не касается совсѣмъ афинскаго консерватизма и невѣжества афинской массы. Слабыя стороны можно найти во всемъ. Аристофанъ видитъ ихъ только въ томъ, что ему несимпатично. Въ 427 году появилась первая пьеса Аристофана „Дайталесъ," въ которой онъ противопоставлялъ старое воспитаніе тому обученію софистовъ, которое развилось въ это время. Въ 426 году „Вавилоняне", гдѣ онъ осмѣивалъ Клеона. Содержаніе всѣхъ этихъ комедій мы можемъ найти во многихъ трудахъ, познакомимся съ ними по довольно краткому изложенію, которое мы находимъ въ Исторіи

Куркова

классическаго періода греческой литературы Магаффи. Въ 425 году появилась комедія „Ахарняне", написанная для поддержки аристократической партіи, желавшей мира.

Стр. 407. „Главное дѣйствующее лицо, Дикеополисъ, вокругъ котораго группируются всѣ сцены пьесы, честный сельскій фермеръ, утомленный неудобствами гарнизонной службы и необходимостью дорого платить за пищу, которую онъ въ обиліи могъ бы получать на собственной фермѣ. Онъ является въ агору съ намѣреніемъ перекричать всякаго, кто станетъ предлагать что-либо на обсужденіе, кромѣ вопроса о мирѣ. Ложь и проволочки собранія, плутни съ отправленіемъ посольствъ къ великому царю и странность избираемыхъ посланниковъ, все это выводится Аристофаномъ на сцену, и наконецъ Дикеополисъ, преисполненный отвращенія, рѣшается заключить отдѣльный миръ съ Лакедемонянами. Тогда совершается торжественный и въ то-же время нѣсколько неблагопристойный обрядъ празднованія мира Дикеополисомъ и его семействомъ. Но хоръ Ахарнянъ, яростной партіи войны, чьи земли подверглись опустошенію,

такова

не хочетъ слышать о мирѣ, нападаетъ на Дикеополиса, и, только захвативъ одну изъ угольныхъ корзинъ въ видѣ залога, ему удается укрыться отъ ихъ бѣшенства. После того онъ рѣшается защищать свое дѣло и дѣло мира, рискуя даже головою, и съ этой цѣлью идетъ просить Еврипида одолжить ему самый жалкій и нищенскій нарядъ изъ любой его трагедіи, чтобы возбудить состраданіе публики. Сцена, въ которой онъ умоляетъ ученаго поэта и обозрѣваетъ постепенно всѣхъ злосчастныхъ героевъ его трагедій, преисполнена великой силы, остроумія, ловкой пародіи, и должна была служить рѣзкой сатирой на новую школьную риторику, которою изобилуютъ пьесы Еврипида. После того какъ ему удалось убѣдить судей, фракція недовольныхъ направляется къ Ламаху, крикуну-полководцу, жившему одними только войнами и экспедиціями, и немало мѣткихъ ударовъ наносится интригамъ искателей мѣстъ и пренебреженію, оказываемому честнымъ гражданамъ. За этимъ слѣдуютъ сцены на вольномъ торгу, устроенномъ Дикеополисомъ въ его усадьбѣ, куда умирающій съ голоду мегарѣецъ привозитъ на продажу

сов.

своихъ дочерей, - сцены не лишенныя паѳоса, смѣшаннаго съ нѣкоторымъ цинизмомъ. Приходитъ и Бэотiецъ съ разными предметами роскоши, которые Дикеополисъ: принимаетъ взамѣнъ безпокойнаго сикофанта, появившагося, чтобы протестовать противъ всякихъ торговыхъ сношенiй съ врагами. Пьеса оканчивается юмористическимъ дiалогомъ между Ламахомъ, который жалуется на тягости войны и появляется вслѣдъ затѣмъ покрытый ранами, и Дикеополисомъ, прославляющимъ радости и обилiе мира и выводимымъ на сцену совершенно пьянымъ, съ неисчерпаемымъ цинизмомъ рѣчей."

И такъ мы видимъ, что, несмотря на нѣкоторую карикатурность, пьеса представляетъ вѣрное изображенiе аѳинской жизни того времени. Содержанiе другой замѣчательной комедiи Аристофана „Всадники" (424г) таково.

Стр. 408. Пьеса воплощаетъ аѳинскiй Демосъ въ образѣ беззаботнаго, туповатаго старика; Никiй, Демосѳенъ и Клеонъ находятся въ числѣ его рабовъ, и послѣднiй достигъ тиранической власти, помыкая своими товарищами и льстя

господину. По совѣту оракуловъ, играющихъ въ пьесѣ большую роль, изъ чего видна вся глубина религіозныхъ вѣрованій аѳинскаго народа въ эту пору, Никій и Демосѳенъ убѣждаютъ безвѣстнаго продавца колбасъ, Агоракрита, замѣстить собой Клеона. Помогаетъ ему хоръ всадниковъ, закоренѣлыхъ враговъ Клеона, выступившихъ на защиту своихъ друзей, и нападающихъ на демагога въ знаменитой парабазѣ. Остальная часть пьесы наполнена главнымъ образомъ безстыдными попытками обоихъ демагоговъ вытѣснить другъ друга и, посредствомъ обѣщаній и взятокъ, овладѣть расположеніемъ демоса. Подъ конецъ побѣда остается за Агоракритомъ; онъ удаляется вмѣстѣ съ Демосомъ, котораго показываетъ вскорѣ за тѣмъ, по всему вѣроятію, при помощи особой театральной машины увѣнчаннымъ, въ здравомъ умѣ и глубоко стыдящимся своихъ прежнихъ заблужденій. Агоракритъ, въ этой сценѣ настолько же преобразовавшійся, какъ и его господинъ, даетъ ему самые искренніе совѣты по политическимъ вопросамъ и обязанностямъ относительно подданныхъ." Слѣдовательно и эта пьеса имѣетъ чисто политическое на-

Егоровъ

ченіе.

Въ „Облакахъ" Аристофанъ осмѣиваетъ софистическое образованіе и въ качествѣ такого характернаго софиста у него является Сократъ.

Стр. 410. „Пьеса начинается ночной сценой, въ которой главный актеръ, Стрепсіадъ (Вывернутая одежда) говоритъ о своихъ бѣдствіяхъ, своей расточительной женѣ изъ рода Алкмеонидовъ, и своемъ ловковатомъ сынѣ Фидиппидѣ, чье имя является уже компромиссомъ между сельской бережливостью и городской роскошью. Даже рабы стали дерзки въ эти воинственныя времена, и старикъ не могутъ спать отъ мысли о своихъ долгахъ и роскоши сына. Единственнымъ спасеніемъ было бы послать его во Франтистерію (Лавку мысли) Сократа, который играетъ въ этой пьесѣ роль вульгарнаго софиста и научитъ каждаго молодого человѣка выиграть дѣло даже самое несправедливое, посредствомъ хитроумной риторики. Но послѣ отказа молодого и разбитнаго юноши, самъ старикъ появляется вмѣсто него передъ дверью Франтистеріи и застаетъ мудреца, качающимся на воздухѣ въ корзинкѣ и наблюдающимъ за

солнцемъ и эфиромъ. Ученикъ его разъясняетъ далѣе Стрепсіаду различныя чудеса Сократовой школы, и группы бѣдныхъ людей виднѣются ему погруженныя въ таинственныя размышленія. Сократъ, выступающій въ роли натурфилософа и свободнаго мыслителя, обѣщаетъ превратить Стрепсіада въ совершеннѣйшаго софиста. Онъ призываетъ на помощь свои новыя божества, Облака, правящія міромъ подъ начальствомъ Вихря, вытѣснившаго Зевса."

Стр. XII. „Облака, при самомъ своемъ появленіи соединяются съ Сократомъ для того, чтобы отрѣшить Стрепсіада отъ религіи его отцовъ. Во всѣхъ же остальныхъ отношеніяхъ онъ оказывается неспособнымъ и тупымъ ученикомъ. И здѣсь парабаза опять имѣетъ вполнѣ самостоятельное значеніе, благодаря своему личному характеру и тѣмъ указаніямъ, которыя даетъ Аристофанъ на цѣли, руководившія имъ при созданіи его комедіи. Излагаетъ онъ ихъ, пока Сократъ и его ученики заняты уроками внутри дома. По ихъ возвращеніи, Стрепсіада подвергаютъ продолжительнымъ упражненіямъ въ грамматическихъ тонкостяхъ,

Въ нем

но онъ сбивается вслѣдствіе отсутствія въ немъ сообразительности и памяти, и Облака совѣтуютъ ему прислать ему вмѣсто себя въ Фронтистеріо сына. Сынъ сначала сопротивляется, но подъ конецъ соглашается, хотя и неохотно, поступить въ школу. Здѣсь недостаетъ хоровой оды, за которою слѣдуетъ знаменитое преніе между Справедливымъ и Несправедливымъ, гдѣ поэтъ восторженно описываетъ старинное воспитаніе и величіе древней аттической жизни протекавшей среди нравственной чистоты и красоты. Но побѣда остается за несправедливымъ защитникомъ новаго, безнравственнаго, интеллигентнаго воспитанія, вслѣдствіе чего ему поручаютъ надзоръ за учениками. Стрепсіадъ въ надеждѣ на будущее крючкотворство своего сына немедленно же принимаетъ крайне дерзкій тонъ относительно своихъ кредиторовъ, но первымъ результатомъ этого служитъ ссора между отцомъ и сыномъ изъ за послѣ обѣденной пѣсни; сынъ побиваетъ отца и оправдываетъ свой поступокъ съ помощью новопріобрѣтенныхъ имъ софизмовъ. Это обстоятельство внезапно открываетъ глаза старику Стрепсіаду

онъ оплакиваетъ свое безуміе и получаетъ строгій выговоръ за свое ослѣпленіе и безнравственность отъ Облаковъ, теперь снова сдѣлавшимися серіозными и ортодоксальными. Въ концѣ пьесы Стрепсіадъ льститъ Сократу поджигая Фронтистерію." Одно то уже невѣрно, что Сократъ представляется здѣсь въ качествѣ натуръ-философа, чѣмъ онъ никогда не былъ. Аристофанъ нападаетъ на современное образованіе и такъ какъ Сократъ представляетъ наиболѣе выдающагося философа, то всѣ нападки Аристофана и обрушиваются на его голову.

Въ пьесѣ „Осы" изображается простота афинской массы, которая мнитъ себя правящей, но которая представляетъ игрушку въ рукахъ различныхъ демагоговъ. Содержаніе ея слѣдующее.

Стр. 414. Старый дикастъ, помѣшавшійся на своей страсти къ судамъ, заключенъ съ помощью рабовъ подъ стражу своимъ разсудительнымъ сыномъ; это составляетъ, быть можетъ единственный случай, гдѣ Аристофанъ изображаетъ молодое поколѣніе умнѣе стараго. Но, по всему вѣроятію, онъ хотѣлъ только выразить весьма распространенное въ Гре-

ціи мнѣніе, что старость вмѣсто того, чтобы быть почтенной и мудрой, въ сущности отличается слабостью и предразсудками. Гомерическая попытка старика бѣжать, подобно Одиссею, изъ пещеры, весьма комична. Друзья его, хоръ Осъ, являются къ нему на помощь, но ихъ отгоняетъ Вделиклеонъ и они принуждены пассивно выслушивать препиранія между отцомъ и сыномъ, причемъ первый хвастаетъ номинальнымъ величіемъ царственнаго аѳинскаго народа, возсѣдающаго въ судѣ въ то время, какъ второй указываетъ на пустоту и суетность ихъ притензій. Подъ конецъ старика успокаиваетъ мнимымъ разбирательствомъ дѣла о собакѣ, укравшей сыръ, организованномъ у него на дому." Здѣсь мы опять таки встрѣчаемъ насмѣшку врага демократіи надъ тогдашними демократическими судами. Аристофанъ здѣсь дѣйствительно подмѣтилъ нѣкоторыя слабыя стороны судопроизводства, страсть аѳинянъ къ тяжбамъ, растянутость процессовъ и ихъ острoумное словопреніе.. Въ 421 году появляется комедія „Миръ," содержаніемъ которой является чисто политическое событіе

заключеніе Никіева мира. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ затѣмъ Аристофанъ ничего не пишетъ. Въ 414 году выходитъ его комедія „Птицы," гдѣ онъ осмѣиваетъ походъ на Сицилію. Стр. 417. Начинается пьеса съ діалога между двумя весьма типичными аѳинянами, Убѣдителемъ (Пэйсетеръ) и Надѣющимся, которымъ надоѣло аѳинское сутяжничество и которые странствуютъ вслѣдствіе этого подъ руководствомъ вороны и галки въ сопровожденіи двухъ рабовъ, отыскивая превращеннаго въ птицу Терея, отнынѣ ставшаго удодомъ, который хочетъ показать имъ мирный городъ, гдѣ они могутъ жить внѣ всякаго закона. Все это по обыкновенію сообщается публикѣ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ первомъ же діалогѣ. Замѣчательно, что эти лица, какъ большинство руководящихъ характеровъ у Аристофана, не молодые, а уже пожилые люди. Они находятъ наконецъ удода, который кличетъ свою жену соловья, и созываетъ вслѣдъ затѣмъ на совѣтъ и всѣхъ птицъ. Не успѣлъ Убѣдитель сдѣлать нѣсколько вопросовъ объ ихъ жизни, какъ уже немедленно задумалъ и предложилъ удоду планъ собрать всѣхъ птицъ въ одну большую политическую единицу

Сов-

и преградить при помощи ея путь съ земли на небо, съ тѣмъ, чтобы боги, заморенные отсутствіемъ приношеній, пошли на сдѣлку и передали владычество надъ міромъ птицамъ. Планъ этотъ немедленно осуществляется; городъ основанъ и начинается цѣлый рядъ весьма комическихъ сценъ, во время которыхъ всевозможные комическіе сикофанты, шарлатаны, жрецы и пустозвонные поэты являются къ Убѣдителю за полученіемъ крыльевъ для того, чтобы жить среди птицъ. Ирида поймана во время полета черезъ городъ съ порученіемъ отъ Зевса принудить людей къ жертвоприношенію, такъ какъ боги гибнутъ отъ истощенія. Ее отсылаютъ назадъ, а тѣмъ временемъ появляется съ земли гонецъ съ извѣстіемъ, что смертные согласились подчиниться владычеству птицъ. Вслѣдъ за тѣмъ прибываетъ въ качествѣ коммиссаровъ отъ боговъ, Посейдонъ, Гераклъ и Трибаллій, варварскій богъ не умѣющій даже носить плаща. Гераклъ же страшный обжора, да къ тому же въ эту минуту голодный, готовъ принять всякія условія, видя какъ Пейсетеръ приготовляетъ превосходный обѣдъ,

Лит. В. Комарова Невск., р. 136-130.

ни который онъ надѣется быть приглашеннымъ. Трибаллій выражается невразумительно, но держится на сторонѣ Геракла, и Посейдонъ вынужденъ вслѣдствіе этого согласиться на постыдное подчиненіе птицамъ и дозволить низвести Базилею (верховную власть) и повѣнчать ее съ Писѳетеромъ." Здѣсь, такимъ образомъ онъ осмѣиваетъ мечты Аѳинянъ о созданіи обширной державы. Въ другихъ своихъ комедіяхъ Аристофанъ осмѣиваетъ тогдашнихъ аѳинскихъ женщинъ, начавшихъ появляться въ обществѣ и оставившихъ прежнюю затворническую жизнь; таковы: „Женщины на празднествѣ Ѳесмофорій" и „Женщины участвующія въ эклессіи," гдѣ женщины являются передѣтыми въ платье своихъ мужей и стремятся все правленіе захватить въ свои руки. Аристофанъ нападаетъ также на современную литературу, главнымъ образомъ на Эврипида, потому что онъ принадлежалъ къ демократіи и получилъ новое образованіе у тогдашнихъ ученыхъ философовъ. Эврипидъ перенесъ софистическую философію на театральныя подмостки. Въ художественномъ отношеніи онъ со-

итъ ниже прежнихъ писателей, но въ его произведеніяхъ особенно ярко отражается духъ этой эпохи. Его сочиненія мы можемъ назвать сантиментальными, риторическими, такъ какъ онъ вкладываетъ въ уста своихъ героевъ длиннѣйшія рѣчи. Особенно интересно то, что Эврипидъ воспроизводитъ тѣ безконечные судебные процессы, которые такъ интересовали тогда Аѳинянъ. Таковы трагедіи „Орестъ" и „Финикіанка". Изъ другихъ выдающихся лицъ этой эпохи замѣчателенъ Сократъ. Разсматривая его дѣятельность, нужно остановиться на двухъ сторонахъ: его значеніи для тогдашней греческой философіи и его значеніи въ аѳинской жизни.

Сократа въ исторіи философіи значеніе настолько велико, что вся философія дѣлится на досократовскую и сократовскую; самое движеніе философской мысли, вызванное Сократомъ, носитъ названіе сократовскаго. Онъ соединилъ все то, что было сдѣлано греческими философами до его появленія, послѣ него философія опять распалась на нѣсколько вѣтвей. Задача историка философіи здѣсь очень затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Сократъ ничего

Сhilon

не писалъ, онъ всѣ свои взгляды развивалъ въ бесѣдѣ съ встрѣчаемыми аѳинянами, значитъ полнаго, имъ самимъ сдѣланнаго изложенія его воззрѣній у насъ нѣтъ. Правда до насъ дошло изображеніе философской теоріи Сократа, сдѣланное Платономъ, бывшимъ однимъ изъ слушателей Сократа, но Платонъ идеализируетъ Сократа, и многія свои мысли приписываетъ ему. Другой источникъ, болѣе реалистичный, это сочиненіе одного изъ его учениковъ Ксенофонта „Воспоминанія о Сократѣ." Не останавливаясь на разсмотрѣніи значенія Сократа съ этой точки зрѣнія, такъ какъ она мыслима только въ спеціальномъ курсѣ исторіи философіи, перейдемъ къ тому, что для насъ гораздо важнѣе, къ отношенію, въ которое онъ сталъ къ современникамъ и къ тому вліянію, которое онъ оказалъ на нихъ своимъ ученіемъ и своей жизнью, такъ тѣсно у него связанными. Сократъ родился въ 469 г.; ему было около 40 лѣтъ, когда умеръ Периклъ. Сократу, значитъ пришлось пережить и блестящій Перикловъ вѣкъ, и тяжелую эпоху Пелопонесской борьбы, и время 30 тирановъ, и вновь возстановившееся правленіе. Изъ среды своихъ совре-

менниковъ Сократъ выдавался очень рѣзко; во многихъ отношеніяхъ онъ совершенно подходилъ къ современному обществу. Онъ, напр., ни во что не ставилъ ту внѣшность и красивую наружность, которыя такъ почитались аѳинянами. Достаточно здѣсь вспомнить только объ его отношеніи къ Алкивіаду. Самъ Сократъ былъ очень уродливъ, и для многихъ казалось страннымъ, какъ въ такомъ некрасивомъ тѣлѣ могъ обитать такой замѣчательный духъ. Въ другомъ же отношеніи онъ былъ настоящимъ аѳиняниномъ: любилъ общество и бесѣды, любилъ всевозможныя шутки и остроты, любилъ пиры. На немъ сказались лучшія традиціи аѳинскаго народа; онъ противопоставлялъ себя въ этомъ отношеніи софистамъ, которые будучи пришельцами не были связаны традиціями съ аѳинскимъ народомъ, и дорожилъ этими традиціями, хотя совершенно не такъ, какъ дорожилъ ими Аристофанъ. Сократъ хотѣлъ, чтобы умственное развитіе, которое онъ такъ цѣнилъ, дѣлало дальнѣйшіе успѣхи. Его внѣшняя біографія намъ мало извѣстна. Основной чертой его характера является не-

обыкновенная жажда знанія. Отецъ его былъ ваятель, и вначалѣ самъ Сократъ учился скульптурѣ. Показывали статую „Три граціи," принадлежавшую будто бы Сократу. Мать его была повивальная бабка. Внѣшній блескъ Периклова времени не обратилъ на себя вниманія Сократа, потому что онъ въ этомъ отношеніи былъ утилитаристъ, цѣнилъ все лишь съ точки зрѣнія полезности. Вскорѣ онъ сдѣлался центромъ молодежи, и его вліяніе на нее возрастало. Онъ отличался одной замѣчательной чертой, это тѣсной связью своего ученія съ жизнью. Сократъ не искалъ почестей и должностей государственныхъ, хотя ему приходилось, напр., быть булевтомъ; но онъ относился очень строго тогда къ своимъ обязанностямъ гражданина. Въ битвахъ онъ отличался необыкновенной храбростью, и не одного человѣка удалось ему спасти во время нихъ; при отступленіи онъ отличался замѣчательнымъ хладнокровіемъ. О Сократѣ, какъ воинѣ, есть интересное воспоминаніе Алкивіада у Платона. (Льюисъ)

Стр. 133. „Одно время мы были съ нимъ соратниками, и жили вмѣстѣ въ лагерѣ предъ Потидеей. Здѣсь Сократъ пре-

зошелъ своей выносливостью не только
меня, но и всѣхъ другихъ; когда у насъ,
какъ случается въ походѣ, мало оказыва-
лось съѣстныхъ припасовъ, никто не могъ
въ такой степени терпѣть голодъ, какъ
Сократъ, но когда провизіи было много,
то, повидимому онъ одинъ только съ нас-
лажденіемъ ѣлъ походную пищу. Онъ ни-
когда не пилъ много по собственной во-
лѣ, но когда его принуждали къ тому,
то и здѣсь онъ оставался побѣдителемъ,
хотя онъ менѣе всѣхъ привыкъ пить.
Но, что всего болѣе удивительно, никто
ни разу не видалъ Сократа пьянымъ
ни тогда, ни когда-либо въ другое время.
Среди зимы, (а зимы тамъ чрезвычайно
суровы) онъ спокойно переносилъ невѣроят-
ныя невзгоды; такъ, между прочимъ, во вре-
мя нестерпимо жестокихъ морозовъ, ког-
да никто не оставлялъ своей палатки,
а если и оставлялъ, то не иначе, какъ
тщательно закутавшись, положивъ подъ
подошвы шерсть и обернувъ ноги шку-
рами, въ это время Сократъ (одинъ въ
томъ же плащѣ, который онъ обыкно-
венно носилъ, и по льду шелъ босикомъ
съ меньшимъ трудомъ, чѣмъ тѣ, кото-
рые такъ деликатно обращались съ сво-

ими

ими ногами. Солдаты въ этомъ случаѣ видѣли съ его стороны желаніе посмѣяться надъ недостаткомъ въ нихъ выдержки. Этимъ безстрашіемъ Сократъ отличался не только на войнѣ, ему удалось его проявить и по отношенію къ афинской толпѣ. Буле, какъ извѣстно, раздѣлялось на 10 пританей, состоявшихъ изъ 30 человѣкъ; каждая притания дѣлилась на комиссіи, состоявшія изъ 10 человѣкъ. Каждый день въ недѣлѣ одинъ человѣкъ долженъ былъ быть эпистатомъ, т. е. стоять во главѣ притании. Сократу пришлось занимать эту должность. Въ это время какъ разъ рѣшался одинъ важный процессъ по обвиненію начальниковъ флота, не похоронившихъ умершихъ. Родственники умершихъ, одѣтые въ траурныя платья и оплакивающіе судьбу непогребенныхъ, явились на судъ, и своимъ видомъ возбудили и безъ того волнующуюся толпу. Она потребовала немедленнаго суда. По правиламъ судъ не могъ совершиться въ этотъ день, и Сократъ, не желавшій, чтобы такое несправедливое обвиненіе было совершено въ день его предсѣдательства въ пританеи, настоялъ на томъ, чтобы суда не было.

Сол.

На другой день другой эпистатъ поступилъ иначе. Другой разъ, въ эпоху тридцати тирановъ, онъ отказался рѣшительно отъ одного правительственнаго порученія, которое на него было возложено, ибо считалъ его несправедливымъ. Само собой разумѣется, что такой человѣкъ старался возбудить нравственныя требованія у всѣхъ людей; онъ указывалъ всѣмъ, что великое благо человѣка заключается въ спокойной совѣсти и довольствѣ своимъ положеніемъ. Съ своими учениками онъ сейчасъ же вставалъ въ самыя хорошія отношенія; онъ никогда не бралъ платы и обвинялъ софистовъ, говоря, что они торгуютъ своей мудростью. Сократъ былъ необыкновенно веселый, и отъ души самъ смѣялся надъ своимъ изображеніемъ въ „Облакахъ" Аристофана. Онъ любилъ пиры, и у насъ есть описаніе одного пира, всѣ разговоры на которомъ заключались въ одномъ философскомъ диспутѣ. Не было никакого опредѣленнаго мѣста, гдѣ училъ бы Сократъ: онъ училъ всѣхъ и каждаго, встрѣчаясь съ ними на пирахъ, въ собраніи, на улицахъ. Сущность его бесѣды заключалась въ томъ, что онъ задавалъ вопросы

Лит. В. Комарова Невск. пр. 136-138.

и наводилъ спрашиваемаго на нужные отвѣты, такъ что казалось, что спрошенный до извѣстнаго рѣшенія доходилъ самъ. О встрѣчѣ его и разговорѣ съ Ксенофонтомъ, сдѣлавшимся потомъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ учениковъ его, мы находимъ слѣдующій разсказъ. Однажды Сократъ встрѣтилъ юношу Ксенофонта, понравившагося ему, и спросилъ его, не знаетъ ли онъ, гдѣ продается мука. Тотъ отвѣчалъ, что мука продается на рынкѣ. Сократъ спросилъ: „А гдѣ продается масло и, получивъ отвѣтъ отъ Ксенофонта, попросилъ его сказать, гдѣ продается мудрость и добродѣтель. Поставленному въ тупикъ подобнымъ вопросомъ Ксенофонту онъ сказалъ: Иди за мной, я научу тебя, какъ получить и то и другое. Изображеніе Сократа мы находимъ у Платона; тамъ характеризуется приведенной рѣчью Сократа, вложенной въ уста Алкивіаду; Алкивіадъ сравниваетъ Сократа съ Силеномъ очень безобразнымъ существомъ, внутри котораго обитаетъ божество. Лица, которыхъ обучалъ Сократъ, были очень расположены къ нему, но у него было и немало враговъ изъ числа, напримѣръ,

[illegible]

тѣхъ мудрецовъ, которыхъ Сократъ ставилъ въ тупикъ своими вопросами. Обыкновенно онъ, услышавъ, что кто-нибудь называлъ себя мудрецомъ, подходилъ къ нему и начиналъ задавать всевозможные вопросы. Благодаря своему умѣнію, онъ опутывалъ того окончательно и ставилъ въ очень комичное положеніе по отношенію къ бывшимъ всегда около слушателямъ. Самъ онъ былъ въ высшей степени скроменъ, всегда повторяя, что онъ знаетъ только одно, что онъ ничего не знаетъ. Изреченіе Дельфійскаго оракула, назвавшаго его умнѣйшимъ изъ людей, поставило Сократа въ тупикъ, и вотъ какъ онъ постарался разрѣшить свое недоумѣніе.

Стр. 135. „Тогда я отправился къ одному изъ лицъ, слывшему мудрымъ, полагая, что мнѣ удастся доказать, что оракулъ былъ неправъ, и что я буду имѣть возможность сказать: „вотъ человѣкъ который мудрѣе меня." Познакомившись съ этимъ человѣкомъ (мнѣ нѣтъ нужды называть его по имени, но скажу лишь, что онъ принадлежалъ къ числу политиковъ) и побесѣдовавъ съ нимъ, я пришелъ къ заключенію, что онъ казался мудрымъ

[illegible]

многимъ лицамъ и преимущественно самому себѣ, но не былъ таковымъ на самомъ дѣлѣ. Потому я старался убѣдить его въ томъ, что мудрость его лишь мнимая, а не дѣйствительная; однако я обидѣлъ этимъ его и многихъ изъ слушателей. Когда я ушелъ отъ него, я сказалъ самому себѣ: „я мудрѣе этого человѣка; ибо хотя никто изъ насъ, какъ кажется, не имѣетъ никакихъ цѣнныхъ знаній, но онъ, ничего не зная, считаетъ себя мудрымъ, тогда какъ я, будучи невѣждой въ дѣйствительности, таковымъ же и признаю себя. Потому то мнѣ казалось, что я мудрѣе этого человѣка, хотя и въ незначительной мѣрѣ. Затѣмъ я отправился къ другому еще болѣе мудрому человѣку, но результатъ былъ тотъ же; я только обидѣлъ его и многихъ другихъ."

Итакъ, слѣдовательно, вотъ изъ какой среды выходили главнымъ образомъ враги Сократа; главными же врагами его были софисты, несмотря на то, что самъ Сократъ вышелъ изъ ихъ среды. Что Сократъ дѣйствительно вышелъ изъ среды софистовъ, это видно изъ того, что и онъ подобно софистамъ, крите-

ріумомъ познанія истины признавалъ разумность передъ самимъ собою, передъ своимъ я. Но съ другой стороны Сократъ разнился отъ софистовъ тѣмъ важнымъ возрѣніемъ, что вмѣсто личнаго я, признавалъ всеобщее мышленіе, соотвѣтствующее умамъ всѣхъ людей и у всѣхъ согласное, и именно то, что согласовалось съ всеобщимъ разумомъ, Сократъ считалъ истиною. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сократъ былъ болѣе глубокъ и болѣе нравственъ, чѣмъ софисты признавая достовѣрность истины внутренней, т. е. совѣсти, убѣжденія; не бралъ денегъ за науку, не льстилъ толпѣ; но опять, подобно софистамъ, не занимался физическими вопросами, а только этическими и политическими, и на этомъ основаніи Цицеронъ выразился о Сократѣ: „philosophiam e coelo evocavit et in urbibus collocavit et in domos etiam introduxit." Принимая во вниманіе вышесказанное нечего удивляться, что Аристофанъ разсматриваетъ Сократа, какъ софиста. Мы видимъ, что софисты хвастались, что все знаютъ, Сократъ напротивъ утверждалъ, что онъ одно только то и знаетъ, что ничего не знаетъ.

Женщ...

Софисты думали, что они учатъ другихъ, между тѣмъ Сократъ былъ того мнѣнія, что онъ можетъ только помогать учиться, и на этомъ основаніи называлъ себя акушеромъ мысли. При болѣе глубокомъ умѣ Сократъ сталъ въ опозицію къ софистамъ. Правда, что онъ, подобно софистамъ отчаивался въ возможности познанія внѣшняго міра, но признавалъ эту возможность по этическимъ, нравственнымъ вопросамъ. Сократъ провозглашалъ, что существуетъ у человѣка совѣсть, или внутренній голосъ, на которомъ основана достовѣрность этическихъ истинъ, чего не знали софисты. Поэтому они относились къ Сократу недружелюбно. Но кромѣ софистовъ и другія сферы относились къ Сократу враждебно, такъ какъ онъ не только не льстилъ партіямъ, но даже критиковалъ ихъ. Онъ вооружилъ противъ себя главнымъ образомъ крайнюю демократію и староверовъ. Сократъ возставалъ противъ злоупотребленія демократіи и утверждалъ, что могутъ государствомъ хорошо править только очень умные люди, а ихъ вообще мало, въ Аѳинахъ же всякій лѣзъ въ правители;

Куров

онъ упрекалъ тоже гражданъ, что они слишкомъ довѣрчиво относятся къ правящимъ, не испытавъ ихъ способностей въ этомъ отношеніи. Извѣстно по этому предмету сравненіе Сократово-кормчаго и корабля съ правителями и государствомъ, гдѣ онъ говоритъ, что если владѣлецъ корабля, прежде чѣмъ его поручитъ кормчему, испытываетъ этого послѣдняго, то тѣмъ болѣе граждане должны испробовать людей, коимъ намѣрены вручить правленіе самими собою. Ставровѣры вооружились противъ Сократа за то, что онъ возсталъ противъ оракуловъ и гаданій.
Два нововведенія, сдѣланныя вполнѣ сознательно Сократомъ составляютъ характеристическую черту его философствованія.
1° Индуктивный методъ, посредствомъ котораго изъ частныхъ понятій выводятся понятія общія. Такой методъ невозможенъ безъ опредѣленія общихъ понятій, а между тѣмъ подобныхъ опредѣленій до Сократа не было, и онъ первый занялся дефиниціей. Но здѣсь имъ была сдѣлана ошибка, такъ какъ Сократъ смѣшивалъ опредѣленіе словъ, обоз-

начающихъ извѣстные предметы съ самими предметами, кои эти слова обозначали. Туже ошибку мы видимъ еще у Платона и Аристотеля. 2° Цѣлью философіи Сократа была нравственность. Замѣчательно въ этомъ отношеніи, что онъ отождествлялъ добродѣтель съ знаніемъ и на этомъ основаніи утверждалъ, что каждый человѣкъ стремится къ добру и если дѣлаетъ зло, то только потому, что не умѣетъ отличить зла отъ добра. Кромѣ того Сократъ былъ того мнѣнія, что въ каждомъ человѣкѣ есть много мудрости, и что стоитъ только познать самаго себя и человѣкъ всегда съумѣетъ отличить хорошее отъ дурнаго. Въ этомъ то познаніи Сократъ видѣлъ источникъ мудрости. Ученіе Сократа дало разные результаты: одни изъ разговоровъ съ нимъ вынесли одно, другіе другое. Изъ Сократовскаго положенія, что мышленіемъ поступкамъ человѣка придается единство и цѣль, которыя составляютъ благо, вытекала необходимость точнаго опредѣленія этого верховнаго блага; тѣ толкуя надпись на дельфійскомъ храмѣ: „по-

зн-

ная самого себя," Сократъ говорилъ, что благо есть, но что оно само по себѣ, этого онъ не опредѣлилъ. Весьма характеренъ въ этомъ отношеніи разговоръ Сократа съ однимъ изъ его учениковъ Аристиппомъ. Аристиппъ спросилъ однажды, что такое благо? Сократъ: „про какое благо ты спрашивалъ, про то ли, которое помогаетъ противъ лихорадки?" Аристиппъ „Нѣтъ." Сократъ „Про то ли которое излѣчиваетъ глазную болѣзнь?" Ар. „Нѣтъ" Сокр. „Про то ли которое помогаетъ противъ голода?" Ар. „Нѣтъ" Сокр. „Я вижу, Аристиппъ, что ты ищешь блага, которое есть благо противъ ничего, а я такого блага не знаю и знать не нуждаюсь." Благомъ вообще называлъ Сократъ все то, что полезно; но что именно полезно, Сократъ того не опредѣлилъ, и объ этомъ пошли разсуждать его ученики. И такъ Сократъ нажилъ себѣ громадное количество враговъ между софистами, политиками и гражданами, недовольными отношеніемъ его къ господствовавшему политическому порядку. Противъ него возбудили уголовное преслѣдованіе, обвинивъ его въ томъ, что онъ не признаетъ боговъ, установленныхъ го-

сударствомъ, что онъ вводитъ поклоненіе новымъ божествамъ, что онъ своимъ ученіемъ развращаетъ юношество. Формулировку этого обвиненія мы находимъ у Ксенофонта, удивлявшагося, какъ могли афиняне повѣрить ему. Имѣемъ мы и еще другой источникъ, такъ называемую „апологію Сократа" Платона, въ которой онъ приводитъ рѣчи, произносимыя Сократомъ въ защиту; это конечно не подлинныя рѣчи Сократа, но онѣ интересны тѣмъ, что въ нихъ изображенъ общій духъ его защитительныхъ доводовъ. (Въ этомъ отношеніи апологія напоминаетъ рѣчи Перикла, приводимыя Ѳукидидомъ въ его „Исторіи Пелопонесской войны.") Если мы станемъ на точку зрѣнія Платона, то апологія Сократа явится скорѣе подтвержденіемъ чѣмъ защитой: Сократъ оправдывался съ высшей точки зрѣнія, которая и приводится Платономъ, а не съ той, на которую становится Ксенофонтъ. Въ сущности по вопросу о непризнаніи боговъ Сократъ не представлялъ исключенія изъ другихъ греческихъ философовъ. Народная миѳологическая вѣра уже давно

[illegible] [illegible]. [illegible]

[illegible]

была поколеблена философами, и Сократъ не былъ первымъ, подвергшимся подобному обвиненію. Достаточно вспомнить явившееся при Периклѣ постановленіе подвергнуть наказанію всѣхъ, кто берется за разсмотрѣніе религіозныхъ вопросовъ.

Если встать на ту точку зрѣнія, что Сократъ вообще не признаетъ никакихъ боговъ, то подобное обвиненіе не было бы справедливо. Мы видимъ, что Сократъ подчиняется существовавшимъ тогда обрядамъ, онъ отвергаетъ лишь тѣ суевѣрныя толкованія ихъ какія приводились. Вотъ что говоритъ объ этомъ Ксенофонтъ.

Стр. 141. Когда онъ приносилъ жертву, говоритъ Ксенофонтъ, онъ не боялся, что она не будетъ принята потому, что она была скудна, по бѣдности его; жертвуя, по мѣрѣ своихъ силъ, онъ не сомнѣвался, что предъ лицомъ боговъ онъ равенъ тѣмъ, которые загромаждаютъ весь алтарь своими дорогими приношеніями. Сократъ всегда признавалъ несомнѣнной истиной, что божеству наиболѣе угодна та жертва, которую приноситъ чистая и благочестивая душа. Когда онъ молился, онъ просилъ только объ одномъ, чтобы боги ниспослали ему то, что благо. Онъ по-

Ст...

лагалъ, что только они одни знаютъ, что служитъ ко благу человѣка. Но тотъ, кто проситъ у нихъ или золота, или серебра, или увеличенія власти, поступаетъ, по его мнѣнію, не умнѣе того, кто вздумалъ бы просить послать ему удачу на войнѣ, въ игрѣ, или чего либо подобнаго. „Послѣдствія такой просьбы были бы крайне сомнительны, и даже могутъ, на сколько ему извѣстно, обратиться къ невыгодѣ просящаго."

У Сократа или находимъ извѣстнаго рода отношеніе къ оракуламъ и гаданіямъ. Ксенофонтъ говоритъ.

Стр. 142. Сократъ считалъ безумными всѣхъ, кто приписывалъ успѣхъ своихъ начинаній не Богу, а лишь человѣческому благоразумію. Однако, онъ былъ не лучшаго мнѣнія и о тѣхъ, кто прибѣгалъ къ прорицаніямъ во всѣхъ случаяхъ, безъ разбора, какъ будто нужно совѣтываться съ оракуломъ о томъ, ввѣрить ли колесницу въ руки умѣющаго или неумѣющаго править лошадьми, поручить ли управленіе кораблемъ искусному или неопытному кормчему." Онъ считалъ также въ нѣкоторомъ родѣ нечестивымъ дѣломъ надоѣдать богамъ вопросами о

Вещи

томъ, что можетъ быть узнано нами, если мы обратимъ вниманіе на счетъ, вѣсъ и мѣру предметовъ. Человѣкъ, казалось ему, обязанъ ознакомиться съ тѣмъ, что, по опредѣленію боговъ, доступно его уму, и лишь въ дѣлахъ, выходящихъ изъ предѣла его пониманія, онъ долженъ обращаться къ оракулу: боги всегда готовы сообщить знаніе тѣмъ, которые сдѣлали все, чтобы снискать ихъ благоволеніе.

Далѣе мы находимъ у Ксенофонта слѣдующее

Стр. I : Между всѣми божествами, которыя такъ щедро надѣляютъ насъ различными благами, нѣтъ ни одного видимаго для насъ. Отъ нашихъ взоровъ скрытъ тотъ, кто создалъ эту вселенную и поддерживаетъ ея мощное зданіе, кто совершенствуетъ ея красоту и цѣлесообразность, не допуская, чтобы онѣ могли выполнять его предначертанія съ легкостью и точностью, превосходящими всякое человѣческое воображеніе. Это верховное Существо, совершающее всѣ эти чудеса невидимо, и мы можемъ выражать свое удивленіе только къ дѣламъ его. Солнце, которое, повидимому,

выставлено на показъ всѣмъ людямъ, не позволяетъ, однако, никому пристально разглядывать его, карая слѣпотой всякаго, кто осмѣлился бы сдѣлать это. Равнымъ образомъ невидимы и тѣ слуги боговъ, которыхъ они употребляютъ для исполненія своихъ велѣній. Молнія падаетъ съ высоты и разрушаетъ все, что встрѣтитъ на пути, но никто не видитъ, когда она падаетъ, когда она наноситъ ударъ и когда исчезаетъ; точно также незримъ и вѣтеръ, хотя мы ясно видимъ произведенныя имъ опустошенія и безъ труда замѣчаемъ, когда онъ начинается. Если, любезный Эвтидемъ, въ человѣкѣ есть что либо божественное, то это именно душа, которая управляетъ и руководитъ имъ, но и ея никто не считаетъ доступной зрѣнію. Научись отсюда не пренебрегать тѣмъ, чего ты не можешь видѣть, суди о могуществѣ силы по ея дѣйствіямъ и почитай божество.

Еще раньше того, какъ былъ возбужденъ процессъ противъ Сократа, высказывались тѣже мотивы недовольства имъ, какіе потомъ послужили причиной его обвиненія. Хотя бы, напримѣръ, въ

Куцевъ

„облакахъ,“ гдѣ Облака являются новыми божествами, придуманными Сократомъ. Въ извѣстіяхъ о Сократѣ встрѣчается еще указаніе, что онъ вѣрилъ въ демона, который будто бы предотвращалъ его отъ тѣхъ или другихъ поступковъ. По поводу этой вѣры Сократа въ демона, въ наукѣ было много споровъ: одни видятъ въ немъ аллегорію, заключающую нравственный смыслъ; другіе думаютъ, что демономъ Сократъ называлъ голосъ своей совѣсти; третьи полагаютъ, что Сократъ слышалъ голоса, что онъ былъ подвергнутъ галюцинаціямъ, что даже онъ былъ помѣшаннымъ. Послѣднее толкованіе представляетъ конечно крайность. Вѣрнѣе всего думать, что Сократъ вѣрилъ въ какія-то внушенія свыше. Само собой разумѣется, что, когда онъ говорилъ про это „демоническое“, слушателямъ могло казаться, что онъ говоритъ о какомъ-то новомъ божествѣ, обвиненіе въ введеніи поклоненія новымъ богамъ легко могло явиться. Третье обвиненіе въ развращеніи юношества, являющагося лучшими гражданами доказывалось ссылкой на то, что Алкивіадъ, нынѣшній

[illegible]

столько вреда аѳинскому народу, былъ ученикомъ Сократа. Правда Алкивіадъ часто слушалъ Сократа, но его поступки шли прямо въ разрѣзъ съ ученіемъ послѣдняго. Указывали также на Критія и Ѳеромена, стоявшихъ во главѣ правленія тридцати и превосходившихъ всѣхъ своей жестокостью, какъ на учениковъ Сократа; но Сократъ давалъ свои совѣты всякому, его бесѣды также были доступны для всѣхъ, и странно было бы дѣлать его отвѣтственнымъ за поступки каждаго изъ слушающихъ его. Для враговъ Сократа было достаточно указать на ненавистныхъ народу лицъ, какъ на учениковъ Сократа, чтобы обвиненіе было принято. Послѣ возстановленія аѳинской демократіи происходила масса процессовъ противъ олигархической партіи, и настроеніе толпы было очень напряженное. Этимъ было легко воспользоваться, чтобы выставить Сократа съ ненавистной стороны, какъ человѣка, ученики котораго принимали участіе въ олигархическомъ правленіи. Главными обвинителями Сократа были поэтъ Мелетъ, риторъ Ликонъ и государственный человѣкъ

вѣкъ Анитъ, тѣмъ болѣе человѣкъ популярный, что онъ принималъ участіе въ сверженіи олигарховъ. Всѣ они были возбуждены противъ Сократа, но ихъ возбужденіе было основано на чисто личныхъ отношеніяхъ къ Сократу. Исходъ суда много зависѣлъ отъ самого Сократа, но онъ былъ слишкомъ рѣзокъ, слишкомъ самостоятельно держался во время суда и тѣмъ способствовалъ своему обвиненію. Это видно по слѣдующему факту. Сначала народные судьи должны были рѣшить вопросъ о самомъ фактѣ виновности Сократа, - его обвинили большинствомъ 5-6 голосовъ, когда же шелъ вопросъ о наказаніи, за смерть высказалось 80 голосовъ. Ясно, что многіе, бывшіе прежде на сторонѣ Сократа, перешли теперь въ его обвинителей. Аѳинскіе судьи были недовольны, что Сократъ не исполнилъ обычая, установившагося въ Аѳинахъ: каждый подсудимый обращался къ милосердію аѳинскаго народа, просилъ прощенія за свои поступки, и обѣщалъ не совершать ихъ вновь. Въ неисполненіи Сократомъ этого обычая увидѣли неуваженіе аѳинскаго народа; и это конечно еще болѣе возбудило умы противъ

Лит. В. Комарова Невск. пр. 136-138.

него; но несмотря на то, всетаки въ это время достаточное количество голосовъ было за него. Дальнѣйшій поступокъ Сократа былъ еще болѣе непріятенъ. Когда ему былъ предложенъ обычный вопросъ о томъ, какое наказаніе онъ противопоставляетъ наказанію, предлагаемому обвинителями, онъ отвѣчалъ, что заслуживаетъ скорѣе величайшей почести, которая оказывалась людямъ, принесшимъ особую услугу государству, (обѣдъ съ пританами) чѣмъ какого-либо наказанія. Въ этомъ увидѣли величайшее самомнѣніе и насмѣшку надъ судомъ, и многіе раньше бывшіе на его сторонѣ, перешли на противоположную. Народный судъ приговорилъ Сократа къ смерти посредствомъ отравленія; онъ долженъ былъ выпить чашу съ ядомъ. Приговоръ не могъ быть исполненъ сейчасъ же, потому что въ это время происходило празднество Делій, совершаемое на островѣ Делосѣ въ честь бога Аполлона. Афиняне отправляли туда особую депутацію, и до ея возвращенія приговоръ смертной казни не могъ быть совершенъ. Сократу пришлось ждать цѣлыхъ 30 дней. Когда друзья

Чистяковъ

предлагали ему бежать, онъ отвѣчалъ, что долженъ подчиниться законамъ своего отечества хотя бы люди и злоупотребляли ими. Одинъ изъ учениковъ Сократа сказалъ ему, что ему ужасно подумать о томъ, что Сократъ умираетъ невинный. Тотъ отвѣчалъ: неужели тебѣ было бы легче, еслибы я умеръ виновнымъ." Все время онъ былъ очень покоенъ, просилъ друзей принести въ жертву богу Асклепію пѣтуха, кот. по афинскимъ обычаямъ приносился въ благодарность за выздоровленіе. На свою смерть такимъ образомъ онъ смотрѣлъ какъ на выздоровленіе, какъ на переходъ въ другую жизнь. Онъ мужественно выпилъ ядъ и ходилъ до тѣхъ поръ, пока не почувствовалъ дрожи въ ногахъ; тогда онъ легъ, и до самой смерти оставался совершенно покоенъ. Онъ умеръ въ 399 г. Сократъ занимаетъ важное мѣсто въ исторіи философіи, раздѣляющейся на досократовскую и сократовскую. Ученики Сократа поняли его ученіе съ разныхъ точекъ зрѣнія; одни подчинились его моральной личности и усвоили отдѣльныя мысли, но не могли проникнуться общимъ духомъ его философіи. Таковы, напр. Ксенофонтъ. Другіе же усвоили его философію, развили ее и дополнили, они то и образовали послѣ него три школы, т. е. называемую Циническую или правильнѣе Киническую, Мегарскую и Киренскую. Наиболѣе замѣчательнымъ изъ всѣхъ его учениковъ является Платонъ.

Лит. В. Комарова Невск. пр. 136-138.

Стѣпин

~~по Древн. Ист. Л. 36.~~

Обзоръ сократиковъ.

Обозрѣвъ жизнь и ученіе Сократа перейдемъ къ его послѣдователямъ и ученикамъ; изъ нихъ самое замѣчательное мѣсто принадлежитъ Платону, который лучшимъ образомъ усвоилъ себѣ методъ своего учителя и самъ сдѣлался родоначальникомъ новаго направленія въ философіи, извѣстнаго подъ названіемъ идеализма. Онъ вводитъ въ философію дуализмъ, противуставляя чувственный міръ идеальному. Въ дальнѣйшемъ своемъ ходу исторія философіи часто указываетъ возрожденіе платонизма: таковъ былъ неоплатонизмъ, возникшій въ Александріи уже послѣ Р. Хр. Платонъ вліялъ на первыхъ христіанскихъ писателей, а также нашелъ послѣдователей и въ Италіи въ эпоху возрожденія. Платонъ родился 430г. до Р. Хр. Мѣсто его рожденія не точно извѣстно; онъ родился въ Аѳинахъ или Эгинѣ. Съ раннихъ лѣтъ онъ пристрастился къ философіи. Сначала былъ подъ вліяніемъ Гераклитова ученія о постоянномъ движеніи и измѣненіи, а потомъ впродолженіи 10 лѣтъ былъ ученикомъ Сократа. Затѣмъ отправился путешествовать по Италіи и Сициліи и тамъ познакомился съ Пиѳагореизмомъ.

По возвращеніи въ Аѳины онъ сталъ учить въ загородномъ саду (академіи). Лекціи Платона отличаются отъ Сократовыхъ, которыя не требовали подготовки; у Платона она нужна. Въ то время Платонъ достигъ зенита своей славы, такъ что многія государства обращались къ нему, испрашивая у него для себя законовъ. Это былъ рьяный діалектикъ, отлично владѣвшій искусствомъ играть словами, при чемъ онъ имѣлъ въ виду одну только истину; діалектика и этика у него были на первомъ планѣ, физика - на второмъ. Эмпирическое знаніе не интересовало его, онъ имъ пренебрегалъ, а идея была зерномъ его философіи и стремленій къ истинѣ, составляющей цѣль его жизни. Онъ порицаетъ поэтовъ за то, что они мало мыслятъ, а тратятъ много силы на слова. Его за непрактичность звали мечтателемъ, но въ сущности онъ былъ раціоналистъ, доискивающійся разумомъ истины. Онъ является и великимъ писателемъ; его діалоги блещутъ стилемъ и образностью; его философія носитъ болѣе характеръ критическій, чѣмъ догматическій; онъ очистилъ своимъ методомъ и привелъ къ единству всѣ прежнія нап-

[illegible]

равленія, при чемъ его философія обнимала всѣ три части: 1. діалектику (логику). 2. этику, 3. физику. Платону принадлежатъ слѣдующія ученія: а) о идеяхъ b) о познаніи c) о Богѣ, d) о нравственности e) о государствѣ. Разберемъ эти ученія.
а. Такъ какъ въ ранней молодости Платонъ находился подъ вліяніемъ Гераклидова ученія о постоянномъ измѣненіи, то впослѣдствіи задавшись вопросомъ, нѣтъ ли подъ измѣняемымъ кроющагося неизмѣняемаго бытія, онъ отвѣтилъ утвердительно: общую неизмѣнную сущность вещей выражаютъ опредѣленія, но при этомъ общимъ названіямъ (понятіямъ) онъ придалъ самостоятельное существованіе, эти понятія, будто существующія сами по себѣ; онъ назвалъ идеями (εἶδο-, ἰδέα) подобно тому какъ имени отдѣльнаго человѣка соотвѣтствуетъ въ предметномъ мірѣ дѣйствительный человѣкъ, то и для общаго понятія о человѣкѣ существуетъ человѣкъ отвлеченный. И такъ каждая вещь имѣетъ свою идею въ мірѣ, свой прототипъ. Отдѣльную вещь можно назвать феноменомъ, идею же этой вещи нуменомъ, т. е. то что мы можемъ познать мыслью. Идеи опредѣляютъ неиз-

Куръ...

личное бытье, изображенія же этихъ идей, ихъ копіи въ міръ, и суть предметы. Средствомъ познавать идеи Платонъ считаетъ соединеніе и разъединеніе понятій; этого достигаемъ помощью діалектики; такимъ образомъ у Платона логика-діалектика принимаетъ характеръ науки о бытіи, изслѣдующей сущность міра. Это созданіе міра по образцу идей и раздѣленіе его на феномены и нумены и даетъ Платону названіе идеалиста и дуалиста. Развивая въ частностяхъ свое ученіе Платонъ иногда не въ состояніи справиться съ своимъ дуализмомъ, изъ чего выходятъ противорѣчія: такъ въ одномъ мѣстѣ находимъ объясненіе, что Богъ создалъ только типы вещей (идеи); въ другомъ міръ идей считается самосущимъ, а Богу приписывается только роль создателя феноменовъ изъ матеріи, по образцу идей. 2. Является вопросъ, какъ мы познаемъ этотъ неистинносущій міръ. Платонъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ ставя особую теорію, по которой душа человѣческая до ея поселенія въ тѣлѣ существуетъ въ иномъ мірѣ, гдѣ созерцаетъ идеи, а всѣ знанія наши, это лишь воспоминаніе тѣхъ идей, которыя

Платонъ

душа знала прежде, существуя въ их мірѣ, и которыя теперь припоминаетъ. На этомъ ученіи Платонъ основалъ свой методъ обученія математикѣ, полагая, что душѣ прежде было присуще знаніе математическихъ истинъ, а она лишь было забыла то, что прежде знала. Такимъ образомъ со скептиками Платонъ соглашался, что чувственное знаніе несовершенно, но по его мнѣнію оно не лишено цѣны, ибо явленія познаваемыя чувствами, суть копіи или отраженія идей, имѣющихъ истинное бытье.
с. Обилію предметовъ въ предметномъ мірѣ соотвѣтствуетъ обиліе идей въ мірѣ идей. Высшую общую идею, заключающую въ себѣ всѣ другія, идею всѣхъ идей Платонъ назвалъ Богомъ. По такому опредѣленію Богъ Платона является не личнымъ существомъ, а только высшей идеей, которую Платонъ назвалъ благомъ, и тѣмъ опредѣленіемъ блага онъ пошелъ дальше Сократа. Но и въ ученіи о Богѣ не удалось Платону обойтись безъ противорѣчій; одновременно съ Богомъ идеей — является въ другомъ мѣстѣ деміургъ, богъ личный, на долю котораго выпала роль созданія изъ матеріи вы-

римаго міра, конечно, по идеямъ.

d. Этическія воззрѣнія Платона сформированы тоже подъ вліяніемъ теоріи идей. Міръ, въ которомъ пришлось жить человѣку, это міръ недѣйствительный, несуществующій, призрачный, какова же можетъ быть цѣль жизни человѣка? Платонъ находитъ ее въ стремленіи къ лучшему не призрачному міру, а потому задача человѣка это стремленіе оторваться отъ сего міра и всѣми силами стремиться въ высшій міръ. Изъ частностей Платонова ученія о нравственности замѣчательно отождествленіе добродѣтели и знанія.

e. Политическія воззрѣнія Платона изложены въ двухъ его сочиненіяхъ „о государствѣ" и „о законахъ". Первое изъ нихъ имѣетъ преимущественно философское значеніе; въ немъ Платонъ какъ бы выходя изъ той точки зрѣнія, что государство, подобно всему существующему, имѣетъ свою идею, чертитъ картину идеальнаго государства, въ составъ формъ котораго онъ ввелъ не мало изъ тогдашняго Греческаго государства. Въ Платоновомъ государствѣ главная характеристическая черта это поглощеніе личности государствомъ и по-

Лит. В. Комарова Невск. пр. 136-138.

этому въ сочиненіи „о государствѣ" излагается ученіе о необходимости пожертвованія личностью государству. Личные интересы и цѣли не должны существовать по Платону, а частную собственность, какъ привязывающую человѣка къ себѣ, Платонъ тоже отрицаетъ, склоняясь къ комунизму. Семейная жизнь тоже является помѣхой для идеи государства, поэтому Платонъ совѣтуетъ общность или общеніе женъ и дѣтей во всемъ государствѣ; впрочемъ женщинѣ Платонъ даетъ въ государствѣ роль равную роли мужчины. И такъ человѣкъ въ Платоновомъ государствѣ вполнѣ связанъ общиной, и долженъ заниматься тѣмъ, чего отъ него требуетъ государство, которое въ свою очередь должно заботиться о судьбѣ своихъ членовъ. Въ точки зрѣнія блага государства Платонъ требуетъ изгнанія эпическихъ и драматическихъ поэтовъ, а только лирическимъ даетъ право существованія. Что касается формы правленія, Платонъ является аристократомъ и требуетъ монархіи, въ которой государемъ долженъ быть философъ. Въ сочиненіи „о законахъ" однако встрѣчаемъ другой иде-

аль формы правленія: это нѣчто среднее между республикой и монархіей.
Соотвѣтственно 4^ем добродѣтелямъ поставленнымъ Платономъ въ его ученіи о нравственности приведено въ Платоновомъ государствѣ дѣленіе на классы: мудрости соотвѣтствуетъ классъ правителей; ихъ задача приискивать въ теоріи средства для государственнаго блага. Мужеству соотвѣтствуютъ воины, они сражаются за государство. Умѣренности отвѣчаетъ классъ рабочій, коего задачей работать, чтобы питать и питаться. Справедливость же осуществляется во всемъ государствѣ и имъ олицетворяется. Платонъ создалъ цѣлую школу извѣстную подъ названіемъ Академіи, которая дѣлится на древнюю, среднюю и новую. Но ученики Платона за исключеніемъ Аристотеля, о которомъ будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ не внесли ничего новаго въ философію, а ограничились только пережевываніемъ Платоновыхъ ученій. Изъ ученій его для насъ особенно важны: 1. теорія идей, имѣющая родство съ религіознымъ созерцаніемъ міра и послужившая матеріаломъ для новой школы въ дальнѣй-

шемъ развитіи исторіи философіи (неоплатонизмъ); 2. ученіе о государствѣ, характеризующее древній міръ.
Киренская школа. За Платономъ исторія греческой философіи отмѣчаетъ цѣлый рядъ такъ называемыхъ Несовершенныхъ Сократиковъ, коихъ ученія сводятся въ главныхъ къ слѣдующимъ школамъ.
1) Мегарская, основанная Евклидомъ. О ней, какъ о маловажной упоминать не будемъ подробно.
2. Киренская. Ея основателемъ былъ нѣкто Аристиппъ ученикъ Сократа, человѣкъ веселый, остроумный, такъ сказать „добрый малый" (bon vivant), на философіи коего отразился его характеръ. О немъ напр. сохранился слѣдующій анекдотъ: Казначей сиракузскаго тиранна Діонисія, богатый, но подлый человѣкъ, показывалъ Аристиппу свой великолѣпный домъ, расписывая великолѣпіе жерселовъ. Аристиппъ вдругъ плюнулъ ему въ лицо. Тотъ пришелъ въ бѣшенство. „Извини меня" сказалъ Аристиппъ, „но я не нашелъ другаго мѣста куда можно бы было плюнуть, не нарушая приличія." Личность Аристиппа отразилась и на его философіи. Онъ мало занимал-
Величко

съ отвлеченными предметами. Задавшись вопросомъ, что такое благо? Аристиппъ приходитъ къ его разрѣшенію, разсуждая слѣдующимъ образомъ. Во всемъ можно сомнѣваться за исключеніемъ ощущенія (если я чувствую голодъ, то въ его существованіи сомнѣнія быть не можетъ. Ощущенія же человѣка бываютъ пріятныя и непріятныя и человѣкъ стремится къ повторенію пріятныхъ ощущеній, въ чемъ и состоитъ благо. Къ этому Аристиппъ присоединяетъ оговорку, что человѣкъ, какъ существо разумное, долженъ господствовать надъ своими страстями. Взгляды Аристиппа позднѣе вошли въ составъ эпикуреизма.

Киническая школа. Ея основателемъ былъ ученикъ Сократа Антисоенъ, человѣкъ суровый, сухой и тщеславный, пренебрегавшій обычаями и жившій въ умѣренности (одѣвался обыкновенно въ истасканный плащъ). „Я вижу твое тщеславіе, сказалъ ему однажды Сократъ, оно сквозитъ черезъ дыры твоего плаща“. Возвышенными вопросами онъ мало занимался, а въ области философіи придерживался того воззрѣнія, что человѣкъ

Тишин

долженъ возвратиться въ естественное свое состояніе. Діогенъ Синопскій былъ лучшимъ представителемъ этой школы. Это былъ человѣкъ въ высшей степени оригинальный, думалъ питаться сырымъ мясомъ, жилъ въ бочкѣ. О немъ существуетъ слѣдующій анекдотъ, характеризующій его: Однажды онъ закричалъ на площади: „эй, всѣ люди подите сюда." Когда къ нему подошло нѣсколько человѣкъ, онъ сказалъ: „Зачѣмъ вы пришли? Я звалъ людей, а вы грязь." Школа названа цинической или киническом отъ слова κύων (собака) за ея собачью жизнь. Въ болѣе облагороженномъ видѣ киническая суровость возродилась въ стоицизмѣ.

Философія въ Греціи въ IV вѣкѣ (и отчасти въ III в.)

Если печально было нравственное и политическое состояніе Греціи, въ IV в., то въ умственной сферѣ продолжалось развитіе на почвѣ философіи Сократа, въ ея академическомъ (платоновскомъ), киренскомъ и киническомъ направленіяхъ. Величайшимъ философомъ эпохи былъ Аристотель, ученикъ Платона и учитель Александра Македонскаго

кедон

кедонскаго.

Аристотель родился въ 384 г. до Р. Хр. Во время Херонейской битвы ему было 46 лѣтъ, но и еще и послѣ этого онъ занимался 16 лѣтъ философіей и обученіемъ. По происхожденію онъ былъ изъ Өракійской колоніи Стагиры, почему и былъ названъ Стагиритомъ. Уже отецъ Аристотеля Никомахъ былъ ученымъ человѣкомъ, медикомъ и занимался естественными науками; поэтому онъ внушилъ и своему сыну любовь къ естествознанію. Затѣмъ еще болѣе усилилъ любовь Аристотеля къ изученію внѣшней природы. Проксенъ, опекунъ его послѣ смерти отца. Достигши совершеннолѣтія Аристотель отправился въ Аѳины и впродолженіе 17 лѣтъ былъ ревностнымъ ученикомъ Платона. Филиппъ Македонскій пригласилъ его оттуда и поручилъ ему воспитаніе сына Александра.

Въ древности существовало преданіе, что Аристотель былъ во всѣхъ походахъ Александра; но этому вѣрить трудно, только ученикъ Аристотеля Каллисѳенъ сопровождалъ Александра, который не щадилъ средствъ, чтобы пособить своему учителю въ научныхъ изслѣдованіяхъ. Существуетъ поэтому другое преданіе,

что Александръ собиралъ на пути различныхъ животныхъ и растенія и посылалъ все это Аристотелю, но и это оказывается не вполнѣ вѣрнымъ, такъ какъ новѣйшіе естествовѣды какъ Кювье и Гумбольдтъ, доказали, что Аристотель не всѣхъ животныхъ наблюдалъ лично, но пользовался при этомъ разсказами другихъ лицъ. Прибывши въ Аѳины Аристотель открылъ школу, гдѣ читалъ 2 рода лекцій: акроаматическія, которыя требовали уже предварительнаго подготовленія это былъ чисто-научный курсъ, и экзотерическія - популярныя. Онъ оставилъ послѣ себя много сочиненій, которыя не всѣ дошли до насъ. Переходя теперь къ философіи Аристотеля, мы оставимъ въ сторонѣ его физику и займемся метафизикой, сравнивая его ученіе съ ученіемъ Платона. Съ Платономъ Аристотель былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, несмотря на то, что во многомъ не соглашался съ его мнѣніями.

Главное различіе между Платономъ и Аристотелемъ это отношеніе къ теоріи идей. Между тѣмъ какъ Платонъ училъ, что идеи суть дѣйствительныя, реальныя вещи, Аристотель утверждалъ, что это только обобщенія нашего

ю ума, операція названіемъ извѣстной группы физическихъ явленій. Изъ этого спора впослѣдствіи въ средніе вѣка возникли два враждующія направленія схоластики: реалистовъ, послѣдователей Платона и номиналистовъ, раздѣляющихъ мнѣніе Аристотеля. Расходясь съ Платономъ въ этомъ основномъ вопросѣ Аристотель не соглашался съ нимъ и въ теоріи происхожденія знанія. Платонъ былъ того мнѣнія, что душа человѣка существовала когда то въ мірѣ идей и ихъ себѣ усвоивала, нисходя же въ тѣло она припоминала себѣ эти идеи, видя ихъ подобія въ дѣйствительныхъ вещахъ; знаніе слѣд. по Платону это припоминаніе уже видѣннаго. Аристотель, признавая важность воспоминанія, не могъ согласиться на основаніи вышеуказаннаго, чтобы все знаніе зависѣло отъ припоминанія; онъ признавалъ значеніе этого, но только въ припоминаніи внѣшнихъ физическихъ опытовъ. Онъ утверждалъ, что удерживая въ памяти возможно большее количество частныхъ опытовъ, мы посредствомъ наведенія выводимъ общія заключенія. Аристотель говоритъ: наведеніе есть

путь отъ частнаго къ общему. Такимъ образомъ Аристотель первый опредѣлилъ въ чемъ можетъ состоять научный методъ. Однако ему не всегда удавалось счастливо примѣнять этотъ методъ, такъ какъ у него было слишкомъ мало положительныхъ знаній, а между тѣмъ задача философіи слишкомъ обширна, именно онъ стремился познать все. Поэтому у Аристотеля было слишкомъ много гипотезъ, которыя казались ему истиной, а ошибка его состояла въ томъ, что онъ слишкомъ скоро прибѣгалъ къ обобщеніямъ.

Второе различіе между Аристотелемъ и Платономъ относится ко взгляду на діалектику. Платонъ приписывалъ ей слишкомъ большое значеніе, понимая подъ него науку о самомъ бытіи; тогда какъ Аристотель говорилъ, что діалектика служитъ только орудіемъ мысли. Вообще все что сдѣлалъ Аристотель по вопросу діалектики имѣетъ силу и по настоящее время, особенно по формальной логикѣ, и Аристотель считается основателемъ логики. До Аристотеля, когда заходилъ вопросъ о знаніи, то онъ сводился обыкновенно только къ

природѣ о происхожденіи знанія, Аристотель первый занялся съ успѣхомъ необходимыми формами мышленія. Кромѣ того относительно достовѣрности знанія существовали два мнѣнія: одни утверждали, что чувственныя впечатлѣнія обманчивы, другіе придавали имъ нѣкоторое значеніе, но полагали, что онѣ вѣрны только въ предѣлахъ предметовъ чувственнаго міра. Аристотель говоритъ, что ощущенія, получаемыя отъ предметовъ вѣрны, но человѣкъ часто вводится въ заблужденіе выведеніемъ ложнаго сужденія о вѣрномъ ощущеніи. Онъ приводитъ въ этомъ отношеніи примѣръ: „весло, находящееся въ водѣ, представляется намъ сломаннымъ, и еслибъ человѣкъ хотѣлъ вывести сужденіе, то оно было бы ошибочнымъ, еслибъ онъ не принялъ во вниманіе преломленіе всѣхъ тѣлъ, части которыхъ находятся въ средахъ различной плотности." На этомъ основаніи Аристотель придавалъ большое значеніе сужденіямъ, и потому создалъ логику. Далѣе Аристотель написалъ очень много сочиненій по всевозможнымъ вопросамъ. Во введеніи въ метафизику Аристотель сдѣлалъ попытку исторіи философіи;

Ст—ко

писалъ о политикѣ (изъ двухъ его сочиненій по этому предмету, одно утрачено, но теперь его открыли; занимался затѣмъ теоріей поэзіи и естественными науками. Аристотель такимъ образомъ вводитъ снова въ сферу философіи физику, т. е. науку о внѣшнемъ мірѣ, котораго пренебрегалъ Платонъ, подчиняя все этикѣ. Аристотель дѣлаетъ физику самостоятельною частью философіи. Далѣе Аристотель разнится отъ Платона даже формой изложенія изслѣдованій. Между тѣмъ какъ Платонъ прибѣгаетъ къ блестящимъ фразамъ и поэтическимъ оборотамъ, у Аристотеля мы находимъ языкъ научный: болѣе сухую прозу и строгую терминологію. Что касается затѣмъ этики, Платонъ утверждалъ, что для познанія блага между людьми необходимо выходить изъ идеи безусловнаго, абсолютнаго блага; Аристотель гораздо трезвѣе высказывался въ этомъ отношеніи говоря, что необходимо здѣсь обращать вниманіе на нравственность въ человѣческой жизни. Аристотель и на добродѣтель смотрѣлъ иначе, чѣмъ Сократъ и Платонъ; эти два полагали, какъ извѣстно, что добродѣ-

тель

вляли добродѣтель съ знаніемъ. Аристотель тоже придавалъ значеніе знанію въ этомъ отношеніи, но источникомъ добродѣтели считалъ нормальное развитіе инстинкта человѣка, т. е. привычку къ извѣстнымъ дѣйствіямъ. Въ политикѣ точно также Аристотель расходился съ Платономъ. Аристотель говорилъ, что человѣкъ есть какъ бы случайная часть общества, но не соглашался съ Платономъ, чтобы личность отдѣльная была вполнѣ поглощена государствомъ. Такъ Аристотель признаетъ семейную жизнь, частную собственность и частную дѣятельность. Въ политическомъ вопросѣ о формѣ правленія онъ не даетъ рѣшительнаго отвѣта и только по личнымъ своимъ взглядамъ стоитъ на сторонѣ аристократіи; въ общемъ же онъ требовалъ, чтобы управленіе соотвѣтствовало тѣмъ условіямъ, какія случаются въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. При этомъ Аристотель изучайъ дѣйствительные факты, чего Платонъ не дѣлалъ. Въ его „Политикѣ" мы находимъ массу конституцій современныхъ ему греческихъ государствъ, и въ древности существовало преданіе

будто бы Аристотель изучилъ 158 различныхъ конституцій. Но если Аристотель превосходилъ своего учителя и всѣхъ ученыхъ тогдашняго времени - теоріею, то на немъ съ другой стороны все же сказался духъ его эпохи. Что касается напр. рабства, то Аристотель утверждалъ, что уже сама природа кладетъ различіе между свободными и рабами. Въ такомъ же отношеніи онъ сталъ и къ варварамъ, будучи убѣжденъ, что Греки существуютъ для того, чтобы владычествовать надъ ними. Кромѣ того Аристотель былъ еще того мнѣнія, что только аристократическіе умы и добродѣтели способны къ управленію государствомъ, а народъ долженъ имъ безусловно повиноваться. Аристотель умеръ въ 322 г. до Р. Хр. оставивъ послѣ себя обширную школу, получившую названіе школы Перипатетиковъ, отъ греческаго слова прогулка, такъ какъ Аристотель, читая лекціи, ходилъ, а не сидѣлъ на мѣстѣ, почему получилъ у древнихъ названіе прогуливающагося философа. Перипатетики прибавили весьма немногое къ философіи Аристотеля, и главнымъ образомъ комментировали его уче-

Кифа

ніе. Если мы встрѣчаемъ у нихъ какія либо пополненія, то онѣ преимущественно относятся къ физикѣ. Въ высшей степени наконецъ важно знать вліяніе Платона и Аристотеля на послѣдующіе вѣка. Мы уже говорили, что философія Платона породила Неоплатоническую школу Александрійской эпохи; къ этому ученію примкнули и первые христіанскіе богословы, и наконецъ Платонизмъ былъ источникомъ многихъ ересей. Аристотель отразился въ средневѣковой схоластикѣ, но съ нимъ были тогда знакомы въ искаженномъ видѣ. Впервые Арабы перевели сочиненія Аристотеля на свой языкъ, но ими было сдѣлано очень много ошибокъ, затѣмъ послѣдовалъ переводъ съ Арабскаго на Латинскій языкъ, куда вкралось еще больше промаховъ.

Скептики, Стоики и Эпикурейцы.

Въ области философіи Аристотель отклонился отъ Сократа только тѣмъ, что далъ доступъ въ философію точному изученію природы; при семъ объ Аристотелѣ слѣдуетъ еще замѣтить, что онъ былъ догматикъ и не допускалъ никакимъ образомъ сомнѣнія въ достовѣр-

ности

ности человѣческаго знанія; слѣдующія за нимъ философскія школы главнымъ образомъ отличаются этимъ сомнѣніемъ, и оно составляетъ преобладающій элементъ въ ихъ [философскихъ] разсужденіяхъ. Познакомимся ближе съ этими школами. Тутъ выступаютъ на видъ скептики, а рядомъ съ ними Практики. Первые высказываются въ двухъ школахъ: 1 Пирронистической и 2. Новой академіи, такъ названной въ отличіе отъ древней и средней академій; всѣ три отдѣла академіи занимались разработкой Платоновыхъ положеній. Вторые, т. е. Практики представляютъ тоже двѣ школы: Эпикурейскую и Стоическую, соотвѣтствующія Киренской и Циническій. Критическій характеръ Платоновой философіи могъ повести и повелъ къ скептицизму. Когда скептицизмъ впервые отозвался въ исторіи греческой философіи чрезъ уста Софистовъ, противъ нихъ возсталъ Сократъ; теперь такого Сократа не было, а при томъ и скептики новые были далеко лучше вооружены, чѣмъ ихъ предшественники: они воспользовались философскимъ методомъ Сократа, Платона и Аристо-

сов

тем, аргументація ихъ сильнѣе, и разсуждая они проникаютъ глубже, чѣмъ Софисты. Кромѣ указаннаго есть еще другое различіе между прежнимъ скептицизмомъ и вновь выступающимъ: у прежнихъ Скептиковъ была нравственная анархія, которой Сократъ противупоставилъ этику; взглядъ же новыхъ скептиковъ въ этомъ отношеніи сводится къ слѣдующему: вѣрнаго ничего не знаемъ о природѣ міра, но есть вѣроятность, на которой хотя и нельзя построить метафизическаго знанія, но все же этого достаточно для этики. Основателемъ Пирронистической школы былъ Пирронъ, сначала жрецъ въ Элидѣ, а потомъ участникъ въ походѣ Александра Македонскаго въ Индію. Тогда впервые греческая мысль столкнулась съ вѣрованіями Индусовъ, у которыхъ тоже было нѣсколько школъ. Пирронъ познакомился съ тѣми, которыхъ Греки называли гимнософистами; уже прежде ему удалось познакомиться съ философіей Демокрита; у Индусовъ поразила его ихъ искренняя вѣра и какъ бы результатомъ всего этого является вопросъ о происхожденіи столь различ-

ныхъ системъ, что вело къ скептицизму. Самъ Пирронъ ничего не писалъ, свѣдѣнія о немъ передалъ намъ Тимонъ Силлографъ. Взгляды Пирронизма можемъ такимъ образомъ приписывать по тому, по другому философу Пирронистической школы. Сводятся все эти взгляды къ слѣдующему: мы познаемъ внѣшній міръ помощью ощущеній, и получаемъ такимъ образомъ въ умѣ виды предметовъ, но виды эти разнымъ людямъ представляются различно, чувственное ощущеніе не исчерпываетъ содержанія предмета: мы познаемъ пятью чувствами: еслибы ихъ у насъ было только 3, то полученное помощью ихъ ощущеніе было бы менѣе точно; но еслибы ихъ было больше пяти, то мы познали бы новое, чего теперь знать не можемъ. Отсюда истекаетъ, что чувства не даютъ намъ полнаго знанія, а слѣдовательно мы вправѣ сомнѣваться, принадлежатъ ли предметамъ качества познаваемыя нашими чувствами или нѣтъ.

И до появленія Пирронистовъ философы иногда сомнѣвались въ достовѣр-

ности чувственныхъ ощущеній, но тогда они, какъ напр. Аристотель считали разумъ достаточнымъ источникомъ познанія. Скептики сомнѣваются и въ достовѣрности познанія пріобрѣтеннаго разумомъ; и такъ сомнѣваясь во всемъ они отвергаютъ науку о бытіи, о которой такъ много говорилъ Аристотель. Въ своемъ направленіи къ отрицанію всего Скептики дошли до того, что геометрію признавали за обманъ, считая прямую линію, кругъ и т. п. химерой. Секстъ Эмпирикъ, (III в. послѣ Р. Хр.) который писалъ о Скептикахъ вообще и о Пирронистахъ, подаетъ намъ 10 троповъ Энезидема, (I в. до Р. Хр.) или 10 аргументовъ противъ человѣческаго знанія:

1. У всѣхъ живыхъ существъ чувства различны, а потому они и тѣ же предметы представляются различно.

2. То же различное представленіе однихъ и тѣхъ же предметовъ имѣетъ мѣсто и у людей, которые такъ отличаются одни отъ другихъ организаціею, развитіемъ цивилизаціи, духовнымъ развитіемъ и т. п.

3. Разныя чувства объ одномъ и томъ же предметѣ показываютъ различное: зрѣніемъ ощущаемъ свѣтъ, слухомъ звукъ, и т. д.

Смит...

4. Внятельность чувствъ зависитъ отъ состоянія нашего здоровья.
5. Наше знаніе о вещи зависитъ отъ положенія предмета.
6. Всѣ вещи наблюдаемъ и познаемъ не въ пустомъ пространствѣ а въ посторонней средѣ напр. въ воздухѣ и это посредство вліяетъ на представленіе о предметѣ.
7. Одна и таже вещь можетъ производить различное впечатлѣніе сообразно своему состоянію; такъ напр. вода, ледъ и паръ кажутся намъ 3^мя различными предметами, а вѣдь сущность ихъ одна и таже.
8. Привычка измѣняетъ тоже ощущеніе, и тѣ вещи которыя мы привыкли видѣть производятъ на насъ иное впечатлѣніе, чѣмъ въ первый разъ замѣченныя.
9. Понятія наши относительны, такъ какъ мы постигаемъ только отношеніе предиката къ субъекту.
10. Всѣ люди ведутъ различный образъ жизни; законы ихъ, догматическія положенія и проч. различны и они во многомъ расходятся; которое же изъ существующихъ мнѣній вѣрно, а которое ложно - неизвѣстно.

Новые академики подобно Пирронистамъ утверждаютъ тоже, что познаніе

предметовъ для насъ недостижимо, хотя одними предметамъ приписываютъ непостижимость въ большей степени, другимъ въ меньшей.

Главными представителями этой школы были Аркезилай (316-241) до Р. Хр. и Карнеадъ (213-129). Аркезилай соглашается съ Платономъ относительно того, что наше мнѣніе не вѣрно; что же касается остальнаго Платонова ученія, признанія разума и теоріи идей, то Аркезилай склоняется болѣе ко взглядамъ Аристотеля, который въ этомъ отношеніи, какъ извѣстно, опровергалъ Платона. Съ своей стороны Аркезилай признаетъ теорію о такъ назыв. акаталепсіи, т. е. о несовпаденіи предмета съ производимымъ имъ впечатлѣніемъ. Нѣтъ критерія для истинности нашихъ знаній: разумъ зависитъ отъ представленій, которыя доставляютъ ему матеріалъ, а сами они отражаютъ измѣнчивое состояніе души. Новая Академія ставитъ еще вопросъ, соотвѣтствуетъ ли каждое измѣненіе души внѣшнему предмету, производящему это измѣненіе; но такого философа, который бы далъ удовлетворительный отвѣтъ не оказалось и Новая

Тенн

Академія осталась скептической. А теперь перейдемъ къ Практикамъ и разберемъ ихъ школы.

<u>Эпикурейская школа</u>. Ея родоначальникъ Эпикуръ родился 342 г. до Р. Хр. и умеръ 270 г. Еще будучи мальчикомъ онъ занимался философіей; читая „Феогнію" Гезіода, онъ сталъ распрашивать своего учителя откуда взялся Хаосъ. Учитель, затруднялсь отвѣтомъ, сказалъ, что для разъясненія подобнаго вопроса слѣдуетъ вчитываться въ сочиненія философовъ. Эпикуръ сталъ ревностно изучать философію и 36 лѣтъ отъ роду, онъ является философомъ, выработавшимъ себѣ самостоятельную систему и проповѣдывающимъ таковую въ Аѳинахъ, гдѣ въ то время нѣсколько философскихъ школъ одновременно находило себѣ приверженцевъ и адептовъ; и имъ въ то время находили спросъ своимъ воззрѣніямъ и Платоники и Перипатетіки и Киники и Стоики. Эпикуръ нашелъ себѣ садъ за городомъ, и въ этомъ саду сталъ излагать свое ученіе. Что Эпикурейцы съумѣли весь этотъ садъ обратить въ подобіе свинаго хлѣва, это клевета Стоиковъ, которые враждовали съ Эпикурейцами. Разсмотримъ Эпикурейское ученіе, кому нѣкоторая

Кирѣева

неопредѣленность снискала впослѣдствіи клевету, хотя незаслуженную, но дошедшую до того, что упрекомъ считалось назвать кого либо Эпикурейцемъ. Эпикуръ своему ученію далъ отпечатокъ практичнаго направленія, основываясь на томъ своемъ мнѣніи, что философія не искусство истины, а искусство жизни, что задачей философа пріискать путь, ведущій къ счастью. Поэтому Эпикуръ устранилъ діалектику, а на ея мѣсто поставилъ этику, которой главный характеръ сводится къ слѣдующему разсужденію: „Сократъ совѣтовалъ уразумѣть важное значеніе надписи гласящей „познай самаго себя." Почему это? Здѣсь не для любопытства, а для того, чтобы человѣкъ, изучивъ собственную природу, могъ тѣмъ легче стремиться къ счастью, къ которому главный путь удовольствіе.... Въ высшей степени несправедливъ упрекъ, будто Эпикуръ свое понятіе объ упомянутомъ удовольствіи поставилъ въ формѣ: „ѣшь, пей и веселись." Напротивъ, онъ говоритъ, что слѣдуетъ избѣгать всякаго удовольствія, которое само по себѣ хорошо, но является зломъ въ сравненіи съ другимъ удовольствіемъ, что мудрецъ готовъ переносить

страданія изъ за удовольствія въ будущемъ и что духовныя удовольствія выше чувственныхъ на основаніи чего, человѣку слѣдуетъ быть умѣреннымъ въ удовольствіи, такъ какъ пресыщеніе мѣшаетъ счастью.
Вотъ главныя воззрѣнія Эпикура; упругость его взглядовъ повела къ тому, что одни толковали его такъ, другіе иначе, и отсюда вышло то ложное пониманіе его теоріи, съ которымъ часто можно встрѣтиться. Въ своихъ метафизическихъ воззрѣніяхъ Эпикуръ похожъ на скептиковъ, а въ физическихъ на Демокрита. Религіозное ученіе Эпикура тоже характеристично, такъ какъ онъ въ своемъ понятіи о богахъ олицетворилъ въ нихъ свой идеалъ: блаженство и индифферентизмъ.
Зенонъ изъ Кипра родился 340 г. до Р. Хр. 30ти лѣтъ отъ роду прибылъ въ Аѳины и поселился здѣсь какъ торговецъ; счастье ему на этомъ пути не повезло и онъ обѣднѣлъ. Однажды ему пришлось читать Воспоминанія о Сократѣ Ксенофонта и чтеніе философскихъ діалоговъ возбудило въ немъ такой интересъ и такое рвеніе къ философіи, что онъ 20 лѣтъ занимался очень усердно и основалъ свою школу.

му. Онъ преподавалъ въ Стоѣ (т. е. по-гречески), и потому его школа называется стоической. Зенонъ отличался твердымъ характеромъ, но его тревожило состояніе окружающаго міра. Его философія была какъ бы призывомъ къ спасенію отъ существовавшей въ то время распущенности и разложенія. Какъ Эпикуръ удовольствіе, такъ Зенонъ ставилъ на первомъ планѣ добродѣтель, онъ полемизируетъ съ Платономъ и Аристотелемъ и утверждаетъ, что не истина составляетъ цѣль изученія философіи, а добродѣтель; въ этомъ отношеніи онъ сходится съ Сократомъ. Въ теоріи о знаніи Зенонъ послѣдовалъ за Аристотелемъ и благодаря тому избѣжалъ скептицизма.

Этика Зенона сводится къ слѣдующимъ 2 пунктамъ:

1. Наслажденіями и страданіями тѣла мудрецъ долженъ пренебрегать, а жить умственными.

2. Страсти дѣлаютъ человѣка рабомъ и потому Зенонъ рекомендуетъ безстрастіе и твердость характера.

Въ этомъ отношеніи онъ зашелъ слишкомъ далеко и сталъ утверждать, что занятіе изученіемъ внѣшняго міра можетъ

К. Курн.

нарушить наше спокойствіе, а потому подобному занятію не слѣдуетъ предаваться. Сведя разсужденіе на такой путь Зенонъ дошелъ до такого же индиферентизма, какъ и Эпикуръ. Религія Зенона пантеизмъ.

Внѣшній очеркъ исторіи IV вѣка до Р.Х.

Прежде нежели мы перейдемъ къ разсмотрѣнію главнѣйшихъ явленій въ греческой исторіи IV вѣка до Р. Хр. мы сдѣлаемъ краткій, конспективный очеркъ событій этого вѣка (равно какъ и двухъ слѣдующихъ). Въ IV вѣкѣ важны въ политическомъ отношеніи, кромѣ междоусобій греческихъ, 1) роль Персіи во внутреннихъ дѣлахъ Греціи, 2) возвышеніе Өивъ и 3) македонское завоеваніе. Пелопонесская война была на руку персамъ, ибо Спарта дала имъ возможность вмѣшиваться во внутреннія греческія дѣла. Но въ концѣ V в. въ самой Персіи произошли смуты вслѣдствіе распри царя Артаксеркса II Мнемона и его брата Кира младшаго. Киръ возсталъ противъ царя, имѣя въ войскѣ 13 тысячъ греческихъ наемниковъ, но Киръ былъ убитъ въ сраженіи при Кунаксѣ (недалеко отъ Вавилона), и грекамъ съ оружіемъ въ рукахъ

пришлось пробивать себѣ путь на родину. Во главѣ „отступленія десяти тысячъ" стоялъ аѳинянинъ Ксенофонтъ, авторъ Анабазиса, въ которомъ онъ описалъ это отступленіе (онъ былъ ученикъ Сократа).

Гегемонія въ Греціи принадлежала въ это время Спартѣ, которая ею злоупотребляла, держа въ суровой зависимости подчиненные города и поддерживая въ нихъ олигархію черезъ свои гарнизоны, во главѣ коихъ стояли такъ называемые гармосты. Но когда Спарта начала новую войну съ Персіей (около 400 года), подвластные города задумали сбросить спартанское иго.

Персы стали вмѣшиваться во внутреннія дѣла Греціи. Они даже нашли возможность возвратить себѣ малоазіатскіе города. Пока Аѳиняне распоряжались сильнымъ флотомъ, Персы и думать объ этомъ не смѣли; Спарта между тѣмъ обладала весьма незначительнымъ флотомъ. И вотъ Артаксерксъ II-й поручаетъ сатрапу Тиссаферну подчинить себѣ малоазійскія колоніи Грековъ. Спартанцы отправили противъ Персовъ войско подъ пред-

водительствомъ Агезилая, которому въ два года (396-394) не только удалось освободить колоніи, но даже предпринять походъ внутрь Персіи. Но Персы сумѣли воспользоваться разрозненностью Греціи и возбудили въ ней, ради самосохраненія въ виду успѣшныхъ дѣйствій Агезилая Коринѳскую войну, продолжавшуюся 7 лѣтъ (394-387). Въ союзъ противъ Спарты соединены были съ Аѳинами изъ прежніе враги Аргосъ, Коринѳъ и Ѳивы. Спартанцы вынуждены были отозвать Агезилая изъ Персіи и заключить съ ними Анталкидовъ миръ 387 г. По этому миру:
1. Спарта отказалась въ пользу Персовъ отъ Малоазійскихъ колоній; 2. отдѣльные города Греціи объявлены независимыми и имъ было запрещено заключать союзы другъ съ другомъ, ради предохраненія Спарты отъ болѣе сильнаго непріятеля; 3. Спарта отъ имени Персовъ объявлена блюстительницей Анталкидова мира: въ случаѣ если бы какое либо государство вздумало нарушить его, Спарта обязывалась идти противъ него войною, а если бы не могла сладить съ нарушителемъ, Персія должна была помочь Спартѣ. Очевидно, что этотъ миръ

былъ выгоденъ и Персамъ и Спартанцамъ. Первые пріобрѣли греческія колоніи и получили право вмѣшиваться во внутреннія дѣла Греціи; вторые не опасались болѣе сильныхъ противъ себя союзовъ и имѣли гарантію помощи со стороны Персовъ. Вскорѣ Спартѣ пришлось выполнить 3е условіе Анталкидова мира. Олинѳійцы вздумали образовать Халкидскій союзъ; тогда Спартанцы выслали противъ нихъ войско, и Олинѳъ былъ взятъ. Это еще болѣе увеличило неудовольствіе отдѣльныхъ государствъ по отношенію къ Спартѣ. Къ самымъ недовольнымъ, располагавшимъ значительными силами сравнительно съ другими городами, принадлежали Ѳивы, которыя по Анталкидову миру лишились гегемоніи надъ Беотіей, гдѣ имъ не принадлежала одна только Платея. Спартанцы позволили себѣ еще болѣе раздразнить Ѳиванцевъ; они именно задумали въ Ѳивахъ политическій переворотъ въ пользу олигархіи, чего и достигли оставивъ тамъ свой гарнизонъ. Но Пелопидъ, ставъ во главѣ Ѳиванцевъ, изгналъ гарнизонъ спартанскій; а другой полководецъ Эпаминондъ разбилъ Спартанцевъ (371 г.) при Левктрахъ. Въ виду

тихихъ успѣховъ, Спарта и Аѳины, опасаясь усиленія Ѳивъ, соединили свои силы противъ нихъ. Въ 362 г. произошло сраженіе при Мантинеѣ, которое хотя и выиграли ѳиванцы, но лишились въ немъ своего вождя - Эпаминонда, вслѣдствіе чего Ѳивы потеряли свое первенствующее значеніе. Но и Аѳины въ тоже время были крайне бессильны, и Спарта точно также была сильно потрясена въ своемъ могуществѣ. Такимъ образомъ Греція является въ эту минуту слабой добычею завоевателей. Сосѣди и поспѣшили воспользоваться ею. Филиппъ Македонскій, желая приблизиться къ морю, сталъ воевать съ греческими колоніями, расположенными по берегу Македоніи, и ждалъ только удобнаго случая, чтобы вмѣшаться во внутреннія дѣла Греціи; такой случай скоро представился. Въ Греціи происходили священныя войны; поводомъ къ нимъ послужило то обстоятельство, что жители Фокиды запахали часть земли, принадлежавшей къ храму Дельфійскаго Аполлона; тогда Амфиктіоновъ судъ приговорилъ Фокидцевъ къ уплатѣ штрафа и поручилъ ѳиванцамъ и Ѳессалійцамъ исполненіе приговора.

Между тѣмъ жители Фокиды противились и началась война, продолжавшаяся съ 355 до 346 г. Фокидцы разграбивъ храмъ Аполлона, унесли оттуда 13 милл. рублей (на теперешній счетъ), и поэтому съ успѣхомъ могли вести войну. Тогда Өессалійцы и Өиванцы призвали на помощь Филиппа. Покончивъ дѣло съ жителями Фокиды, Филиппъ обратилъ свои силы противъ другихъ греческихъ государствъ. Онъ сталъ занимать въ Греціи самые удобные пункты, и между прочимъ занялъ Өермопилы, наконецъ въ 339 г. Филиппъ потребовалъ отъ Өиванцевъ идти съ нимъ противъ Аөинъ. Тогда только Греки опомнились, что дѣло плохо, и Өиванцы, соединившись съ Аөинянами сразились при Херонеѣ 338 г.; но уже было поздно, Филиппъ выигралъ сраженіе, лишившее Грецію политической самостоятельности. Представивъ такимъ образомъ ходъ этой борьбы въ сжатомъ видѣ, сдѣлаемъ теперь изъ нея общіе выводы. I° Это была прежде всего борьба за гегемонію: сначала изъ за нее боролась Спарта съ Аөинами, а потомъ Аөины и Спарта съ Өивами. Но господство всѣхъ этихъ государствъ было непрочно, такъ

какъ гегемоны были слишкомъ своекорыстны и обращались съ союзниками, какъ съ рабами. 2° Всѣ прежніе принципы, въ виду частныхъ завоеваній и опасеній о возвышеніи сосѣдей отодвигались на задній планъ; прежде государства воевали съ собою во имя принциповъ: аристократическихъ и демократическихъ. Теперь соединяются государства съ различными принципами изъ опасенія возвышенія другихъ государствъ, такъ напр. Спарта соединяется съ Аѳинами противъ Ѳивъ. 3° Греки въ эту эпоху вмѣшиваютъ въ свои дѣла иностранцевъ, и гораздо охотнѣе подчиняются пришельцамъ, чѣмъ своимъ соотечественникамъ. Это мы видѣли изъ условій Анталкидова мира. Затѣмъ Ѳессалійцы и Ѳиванцы вмѣшиваются въ дѣла Греціи Македонянъ, что повторилось двукратно: въ первый разъ, когда въ Ѳессаліи происходила борьба тираніи съ аристократіей, и эта послѣдняя призвала на помощь Филиппа, а во второй разъ во время священныхъ войнъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ Греція не могла удержаться и должна была признать надъ собою власть Македонянъ. Правда, что эта власть не разъ ослабѣ-

лась и были даже попытки свергнуть ее. Первая попытка была сдѣлана сейчасъ послѣ смерти Филиппа въ 336 г. и во главѣ оппозиціи стояли Ѳивы; но Александръ Македонскій выступилъ съ войскомъ и разрушилъ Ѳивы. Послѣ смерти Александра Македонскаго въ 323 г. опять востаютъ Аѳины, но въ слѣдующемъ же году, не поддерживаемые союзниками, снова подчиняются Македонянамъ. Въ III вѣкѣ возникаетъ Ахейскій союзъ для объединенія и освобожденія Греціи. Въ 222 г. Спарта воевала съ Македоніей но была побѣждена. Всѣ эти попытки были неудачны, такъ какъ несмотря на Македонскій гнетъ, въ Греціи происходили постоянныя междуусобія. Наконецъ въ половинѣ II вѣка произошли споры между Спартою и Ахейскимъ союзомъ, и для разрѣшенія спора были призваны Римляне, которые воспользовались удобнымъ случаемъ и безсиліемъ Греціи и превратили ее въ Ахайскую провинцію Рима. Это случилось 146 г. до Р. Хр. Такимъ образомъ начиная съ Пелопонесской войны, продолжавшейся съ 431-404 г. замѣчается совершенное разложеніе внутренняго быта отдѣльныхъ греческихъ государствъ. Подобно тому какъ

Лит. В. Комарова Нев. пр. 136-138.

предъидущая эпоха была періодомъ борьбы демократіи съ аристократіей, такъ теперь начинается продолжительная борьба соціальнаго характера, такъ какъ неравенство имуществъ достигаетъ въ это время высочайшей степени. Такъ какъ никто болѣе не чувствовалъ прочности существующаго порядка вещей, то происходили постоянные перевороты, въ которыхъ воспитывалось общество; такихъ переворотовъ въ Аѳинахъ напр. мы видѣли четыре. Вмѣстѣ съ тѣмъ весьма важно замѣтить, что старый патріотизмъ городового характера въ Греціи за этотъ періодъ совершенно падаетъ; между тѣмъ какъ новый патріотизмъ общегреческій, основанный на сознаніи племеннаго родства, который былъ бы возможенъ только въ случаѣ объединенія Греціи, не выработался, старый патріотизмъ, основанный на инстинктѣ замѣненномъ умственнымъ развитіемъ Грековъ того времени, о которомъ говорили, незамѣтно улетучился; такъ что въ Греціи не стало ни древняго ни новаго патріотизма. Отсутствіе патріотизма повлекло за собой самыя печальныя

послѣдствія. Во время Пелопонесской войны во всякомъ городѣ были двѣ партіи, изъ которыхъ одна стояла на сторонѣ Спарты, другая Аѳинъ; не было между гражданами никакой общности. Тоже самое мы замѣчаемъ и впослѣдствіи: во время Македонскаго владычества сначала аристократія стояла на сторонѣ побѣдителя, а потомъ наоборотъ демократія перешла на сторону Македонянъ. Дальше мы видимъ, что Греки постоянно вмѣшиваютъ въ свои дѣла иностранцевъ, сначала Персовъ, потомъ Македонянъ, наконецъ Римлянъ, которые лишаютъ ихъ самостоятельности. Отсутствіе патріотизма выказалось еще и въ томъ фактѣ, что граждане неохотно теперь выступаютъ сами на войну и пользуются для этого наемниками. Къ этой эпохѣ какъ извѣстно относится походъ греческихъ наемниковъ въ Малую Азію на помощь Киру Младшему противъ брата его Артаксеркса, что описано въ Анабазисѣ Ксенофонта; походъ Агезилая въ Египетъ на помощь возставшему противъ Персовъ правителю этой провинціи. Когда затѣмъ во время священной

войны Фокидцы, разграбили Дельфійскій храмъ, то съ нимъ явилось множество наемниковъ изъ всей Греціи, жаждавшихъ хорошей платы и пренебрегающихъ патріотическими побужденіями. Подкупность въ эту эпоху тоже сильно была распространена. Извѣстно напр. что дипломаты, которые вели переговоры съ Персами были люди подкупные. Мы знаемъ тоже, что Филиппъ Македонскій весьма часто прибѣгалъ къ этому средству. И вообще политическая жизнь выдвигала на первый планъ людей вредныхъ, интригантовъ, такимъ былъ напр. Ѳераменъ. Когда въ Аѳинахъ былъ задуманъ переворотъ, Ѳераменъ съ Пизандромъ сталъ на сторонѣ аристократіи, но затѣмъ когда почувствовалъ, что демократы сильнѣе аристократовъ, то сталъ на сторонѣ демократіи, потомъ снова, когда Спартанцы подступили къ Аѳинамъ, избранный для переговоровъ съ ними, совершилъ здѣсь въ союзѣ со Спартою политическій переворотъ въ Аѳинахъ въ пользу олигархіи; при этомъ онъ не забылъ и про себя: въ числѣ 30-ти тирановъ народились 10, назначенныхъ Спартой, 10 самимъ

Ѳераменомъ, а только 5 Аѳинскими гражданами. И опять, когда власть 30ти стала колебаться, Ѳераменъ думалъ принять сторону демократовъ, но тутъ человѣкъ болѣе ловкій Ѳерамена Критій, приговорилъ его къ казни. Таковы были политическія отношенія въ Аѳинахъ. Пелопонесская и ѳиванская война привели Аѳинянъ къ матеріальному упадку. Самымъ главнымъ, что способствовало экономическому благосостоянію Аѳинъ, была торговля. Но теперь вслѣдствіе повсемѣстнаго разложенія и недостатка кораблей, она прекратилась. Виноградники и оливковыя деревья были истреблены войною. Вмѣстѣ съ тѣмъ мелкіе землевладѣльцы, не будучи въ состояніи выдержать конкуренціи съ крупными, продаютъ свои участки, предпочитая перейти въ Аѳины, гдѣ легко получали права гражданства и 3 обола за присутствіе въ судѣ. Порча нравовъ была огромная; судъ 5ти тысячъ былъ въ эту эпоху весьма легко подкупный. Но подкупъ не ограничивался однимъ только судомъ, дипломаты точно также были очень скоры на руки. Приведемъ здѣсь одинъ характерный фактъ. Одинъ изъ пословъ отправленныхъ

въ Персію возвратился оттуда съ огромнымъ богатствомъ и когда его призвали въ судъ къ оправданію, то онъ заявилъ здѣсь, не запинаясь, что Аѳиняне поступили бы умнѣе, избирая вмѣсто 9-и архонтовъ - 9 пословъ въ Персію, ибо отечество обогащалось бы въ такомъ случаѣ. Судъ призналъ справедливость этихъ словъ и оправдалъ обвиненнаго. Эта подкупность до того была обща, что на Эпаминонда, котораго никто не былъ въ состояніи подкупить, смотрѣли какъ на какую нибудь рѣдкость, диковину. Демагоги точно также смотрѣли на свое положеніе, какъ на средство къ обогащенію: они грабили казну, дѣлясь ею отчасти съ народомъ ради поддержки. Ораторскимъ обвиненіямъ въ подкупѣ, лихоимствѣ, казнокрадствѣ и т. п. не было конца.

Филиппъ Македонскій какъ нельзя лучше, воспользовался подкупностью Аѳинянъ. Во всѣхъ почти греческихъ городахъ онъ имѣлъ подкупленныхъ агентовъ. Въ Аѳинахъ такимъ агентомъ былъ Эсхинъ, сынъ танцовщицы. Онъ сначала воспитывался на улицѣ, но обративъ на себя вниманіе атлетическимъ тѣлосложеніемъ, былъ принятъ въ гимназію, какъ об-

разецъ для товарищей, потомъ здѣсь же началъ учиться, желая быть актеромъ; это ему не удалось, и Эсхинъ вступилъ въ военную службу. Такъ какъ Эсхинъ былъ краснорѣчивъ, то и воспользовался наконецъ своимъ ораторствомъ въ пользу Филиппа. Онъ доказывалъ, что быть въ союзѣ съ Македонянами весьма полезно для Аѳинянъ, а тѣ такъ были слѣпы, что повѣрили Эсхину. Одинъ только Демосѳенъ явился противникомъ Филиппа, и только его знаменитыя Филиппики могли подѣйствовать на гражданъ во вредъ Македонянамъ. Ему стоило весьма много усилій убѣдить Аѳинянъ, употребить деньги, выдаваемыя на театральныя зрѣлища — на войско противъ Филиппа. Но Демосѳенъ, представлялъ собою исключеніе изъ общаго правила. Послѣ Македонскаго завоеванія нравственность еще болѣе стала падать, и Аѳины стали переходить въ руки искателей приключеній. Къ такимъ людямъ принадлежалъ Димитрій Поліоркетъ, которому въ одно время (307 г.) когда удалось освободить Аѳины отъ Македонянъ, Аѳиняне поклонялись какъ божеству. Но скоро, когда Поліоркетъ потерпѣлъ пораженіе

граждане не приняли его въ городъ. Исторія Аөинъ въ македонскій періодъ есть рядъ переворотовъ. Филиппъ и Александръ оставили Аөинамъ самоуправленіе, но въ 322 г. Аөиняне возстаютъ противъ Македонянъ, однако потерпѣли неудачу: Македоняне поставили въ Аөинахъ свой гарнизонъ, исключивъ изъ народнаго собранія 12000 гражданъ, такъ какъ имъ былъ установленъ цензъ въ 2000 драхмъ. Черезъ три года демократія опять была возстановлена. Въ 318 г. Македоняне снова занимаютъ Аөины и лишаютъ права гражданства тѣхъ, у коихъ цензъ былъ меньше 1000 драхмъ, причемъ во главѣ государства ставятъ Димитрія Фалерійскаго. Въ 307 г. демократическая республика возстановляется Димитріемъ Поліоркетомъ. Въ 296 г. въ Аөинахъ появляется тираннія Лахареса. Въ 256 г. Аөины номинально освобождаются отъ Македонянъ. Затѣмъ съ 229 по 146 годъ Аөины свободны, пока Римляне не обратили ихъ въ civitatem foederatam.

Дѣла Спарты за эту эпоху шли нисколько не лучше. Благодаря политическому усиленію, котораго Спарта достигла по Анталкидову миру (387 г.) въ ней

сходились большія богатства, но въ нѣсколькихъ только рукахъ. Во время Аристотеля въ Спартѣ было еще 1000 землевладѣльцевъ, но черезъ вѣкъ ихъ была только одна сотня, при чемъ бѣдные, вслѣдствіе рабства, не имѣли рѣшительно никакихъ заработокъ. Понятно поэтому, что въ Спартѣ должно было происходить внутреннее соціальное разложеніе. Въ другихъ государствахъ происходило тоже самое: вездѣ происходила борьба между богатыми и бѣдными. Разложеніе Греціи особенно усилилось послѣ Анталкидова мира, по которому всѣ государства получили независимость: съ тѣхъ поръ Греція разбилась на множество самостоятельныхъ республикъ со своею собственною исторіею. Общее въ этихъ частныхъ исторіяхъ есть то, что повсемѣстно демократія съ соціальнымъ характеромъ поднимала голову, и что демократію стали понимать въ смыслѣ, что каждый можетъ поступать, какъ ему угодно. При такой анархіи должна была появиться тираннія и она дѣйствительно въ эту эпоху представляетъ явленіе обычное. Лица честолюбивыя стали захватывать въ свои руки власть.

Лит. В. Комарова Невск. пр. 136-138.

Но это уже не были прежніе тираны-покровители, а люди весьма жестокіе. Такъ напр. въ Ферахъ (Фессалія) тиранъ Александръ ради удовольствія велълъ зарывать въ землю людей живыми, или травилъ собаками. Но съ другой стороны начинается въ тоже время реакція противъ жестокостей тирановъ... Греческіе философы стали заявлять, что тираны стоятъ внѣ закона и тъмъ только поощряли къ тиранноктоніи (тиранноубійство), которая появляется во многихъ мѣстахъ. Такъ извѣстно, что отецъ жестокаго Александра Ферскаго Язонъ былъ убитъ вслѣдствіе заговора 7 юношей. Тиранія въ это время была до того обща, что даже Спарта, которая не имѣла въ своихъ стѣнахъ никогда тирана, въ концѣ III° вѣка видѣла у себя на этомъ постѣ двухъ людей Маханида и Набиса.

При такой борьбѣ партій и тираніи находилось весьма много Греческихъ гражданъ въ изгнаніи. Въ числѣ ихъ встрѣчаемъ такихъ почтенныхъ людей, какъ Фразибула, Пелопида и др. Чтобы имѣть понятіе о количествѣ изгнанниковъ достаточно указать, что Александръ

Македонскій дозволилъ однажды возвратиться въ Грецію 20,000 изгнаннымъ гражданамъ. Изгнанные граждане составляли обыкновенно отряды и нанимались другимъ государствамъ такъ напр. у Дарія Кодомана было 3000 греческихъ наемниковъ; явились даже предводители наемниковъ (въ родѣ италіанскихъ кондотьеровъ) и афинскіе генералы (современники Эпаминонда и Пелопида) были именно такіе кондотьеры наемниковъ, у коихъ война дѣлалась ремесломъ - это были Ификратъ и Хабрій. Теперь мы должны будемъ разсмотрѣть греческую исторію въ два послѣдніе періода: періодъ Македонскій, длившійся съ 338-146 г. и римскій періодъ съ 146 г. При этомъ обзорѣ передъ нами можетъ быть два пути: мы можемъ равномѣрно остановиться на всѣхъ событіяхъ этихъ эпохъ, какъ это дѣлается обыкновенно во всѣхъ учебникахъ, и можемъ остановиться лишь на тѣхъ моментахъ, которые имѣютъ общее историческое значеніе. Мы пойдемъ по второму пути и, быть можетъ, даже не сами Греки будутъ останавливать наше вниманіе въ эту эпоху.

Въ эпоху Македонскую, когда греческая образованность распространялась по отдаленному востоку, когда всѣ культурныя страны, входившія въ составъ Персидской монархіи, являются поприщемъ для развитія греческой образованности, и въ эпоху послѣдующую, сближенія Греціи съ Римомъ, главную роль съ точки зрѣнія общей исторіи играетъ распространеніе греческой образованности; оно то и обращаетъ особенно на себя наше вниманіе. Но кромѣ того важно и внутреннее состояніе самой Греціи.

Въ 338 г. въ битвѣ при Херонеѣ Филиппъ II, царь македонскій, побѣдилъ соединенныя силы грековъ, и они должны были признать его гегемонію. Условія ихъ договора по словамъ Пельмана были слѣдующія.

Стр. 82. „Этотъ союзъ, отдѣльныя условія котораго извѣстны намъ только изъ возобновленія его при Александрѣ и Филиппѣ Арридеѣ представлялся прежде всего чѣмъ-то въ родѣ земскаго мира: воспрещаются всякія распри и какъ обязательное начало выставляется всеобщая свобода сношеній, особенно судоход-

ства. Затѣмъ признается свобода (въ частности отъ податей) и самостоятельность союзныхъ городовъ, съ тѣмъ, впрочемъ, важнымъ ограниченіемъ, что не должны быть измѣняемы существующія въ данное время конституціи. Ручательство за исполненіе договора принимаетъ на себя составленный изъ выборныхъ отъ всѣхъ членовъ союза союзный совѣтъ, который особенно долженъ противодѣйствовать всѣмъ насильственнымъ мѣрамъ въ отдѣльныхъ государствахъ, опаснымъ для существующаго порядка (конфискаціи имуществъ и передѣлы земель, отмѣна долговъ, приведенное съ революціонными цѣлями освобожденіе рабовъ и т. д.). Для преслѣдованія членовъ союза за нарушеніе договора установленъ въ качествѣ судилища совѣтъ амфиктіоновъ. Но центръ тяжести силы лежитъ не столько въ этихъ двухъ учрежденіяхъ, сколько скорѣе въ Македоніи, съ которой Эллада заключаетъ вѣчный оборонительный и наступательный союзъ, и царю, которому предоставлено неограниченное предводительство эллинскими силами на сушѣ и на морѣ, хотя на первыхъ порахъ только для рѣшенной

имъ тогда въ Коринѣ войны съ Персіей. Особымъ постановленіемъ опредѣлена была боевая сила эллиновъ, соединившихся подъ гегемоніей Македоніи, и въ то же время всѣмъ эллинамъ было воспрещено гдѣ бы то ни было направлено противъ Персіи, державшейся, главнымъ образомъ, эллинскими наемными войсками.
И такъ Греки лишились своей политической самостоятельности, правда въ 336 г., черезъ 2 года послѣ заключенія договора умеръ Филиппъ Македонскій, и Греки попытались освободиться отъ Македонскаго владычества, но попытка ихъ не имѣла успѣха; союзъ былъ вновь заключенъ наслѣдникомъ Филиппа, Александромъ Македонскимъ. Царствованіе Александра Македонскаго не было продолжительно, съ 336 г. - 323 г.; онъ завоевалъ Персидскую монархію, сдѣлалъ попытку проникнуть въ Индію, образовалъ огромную монархію, на развалинахъ которой впослѣдствіи образовались новыя царства, такъ называемыя эллинистическія. На Македонскій періодъ мы можемъ смотрѣть съ двухъ сторонъ: 1) можемъ разсматривать дальнѣйшіе шаги греческой цивилизаціи въ этотъ періодъ и 2) отношеніе

Грековъ къ Востоку, игравшему такую вторую роль въ развитіи греческой цивилизаціи. Если мы станемъ на первую точку зрѣнія, то Македонскій періодъ не будетъ заслуживать особеннаго вниманія; если же мы будемъ разсматривать этотъ періодъ со стороны его вліянія на Востокъ, то онъ явится весьма важнымъ. Самое обширное изъ новѣйшихъ сочиненій, разсматривающихъ этотъ періодъ, „Исторія эллинизма" Дройзена. Дройзенъ идеализируетъ македонское государство и является большимъ поклонникомъ Александра Македонскаго; онъ смотритъ на этотъ періодъ какъ на величайшее благо для Грековъ. Подобный взглядъ Дройзена понятенъ: въ немъ выразилось его отношеніе къ нѣмецкой дѣйствительности девятнадцатаго столѣтія; онъ принадлежалъ къ политической партіи, желавшей объединенія всѣхъ германскихъ государствъ подъ гегемоніей Пруссіи. Этотъ взглядъ онъ невольно перенёсъ на эпоху объединенія Греціи подъ владычествомъ Македоніи и конечно считалъ это объединеніе благодѣтельнымъ.

Стр. 17. „Среди именуемыхъ до сихъ поръ гегемо-

нію государствъ, говоритъ Аристотель, „каждое считало согласнымъ съ своими интересами проводить въ зависимыхъ отъ нихъ городахъ строй соотвѣтствовавшій ихъ собственному, одни демократію, другіе олигархію, думая не объ ихъ благѣ, но о собственной выгодѣ, такъ что никогда или рѣдко, или только у немногихъ, осуществлялась истинная лежавшая въ серединѣ форма государственности; а у населеній сдѣлалось привычкой не стремленіе къ равенству, а желаніе или повелѣвать или покоряться". Коротко и ясно указываетъ великій мыслитель на происходящее изъ этого лихорадочное и внутреннее состояніе: изгнанія, насилія, возвращеніе бѣглецовъ, раздѣленіе имуществъ, увеличеніе долговъ, освобожденіе рабовъ съ цѣлью произвести переворотъ то демосъ нападаетъ на имущіе классы, то богатые захватываютъ олигархическую власть надъ демосомъ; законы и администрація нигдѣ больше не охраняютъ меньшинство отъ большинства, и противъ этого послѣдняго меньшинству остается только оружіе; гарантія суда исчезаетъ;

внутреннему миру грозитъ ежеминутная опасность; вѣчно олигархическій для олигархическихъ изгнанниковъ, которые не отступаютъ ни передъ какими средствами, чтобы поскорѣе добраться возврата и произвести на своей родинѣ переворотъ, чтобы отплатить побѣжденнымъ тѣмъ же, что имъ пришлось потерпѣть отъ нихъ. Между греческими государствами, малыми и ничтожными, нѣтъ другого общественнаго права, кромѣ этого военнаго положенія, страстныхъ партійныхъ раздоровъ, и первая перемѣна партіи въ союзномъ государствѣ разрушаетъ едва успѣвшія образоваться федераціи.

Съ каждымъ днемъ становилось яснѣе и очевиднѣе, что времена автономнаго партикуляризма, частичныхъ союзовъ съ гегемоніей или безъ нея прошли, что необходимы новыя государственныя формы, эллиническія, столь широкія, чтобы въ нихъ могли выдѣлиться другъ изъ друга смѣшанныя до сихъ поръ понятія города и государства и чтобы городъ нашелъ внутри государства свое мѣсто, какъ

Лит. В. Комарова Н.-вск. пр. 136-138.

община, прообразомъ чему служило устройство демовъ Аттики, чего попыткой было первый морской союзъ, но что было приведено въ исполненіе только относительно власти федеральнаго правительства, а не относительно общинной равноправности членовъ союза. И не только это: съ тѣхъ поръ въ Греціи развилось слишкомъ много силы, притязательности и соперничества, вошло въ привычку слишкомъ много потребностей и возбужденій, условіемъ жизни сдѣлалось слишкомъ много жизни для того, чтобы грекъ, заключенный въ узкое пространство, въ которомъ все малое является великимъ и все великое малымъ, могъ удовлетвориться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ и что онъ имѣлъ или продолжать развиваться далѣе. Въ Греціи накопилось множество элементовъ броженія, которыхъ было бы достаточно, чтобы перевернуть міръ; прикованные къ родной почвѣ, не выходя изъ сферы родины, они могли только подобно драконовымъ зубамъ Кадма растерзать и разрушить самихъ себя. Весь вопросъ заключается въ

тому, чтобы былъ положенъ конецъ ихъ безпорядочно разросшимся распрямъ, чтобы имъ было открыто новое широкое поле для плодотворной дѣятельности, чтобы великая мысль зажгла въ нихъ всѣ благородныя страсти, и чтобы ко множеству еще не заглохшихъ зелененькихъ ростковъ былъ открытъ доступъ свѣту и воздуху."

Этотъ отрывокъ очень характеренъ для взгляда Дройзена, который находитъ, что внутренняя исторія греческой жизни въ это время представляетъ безпрерывный рядъ неурядицъ и борьбы отдѣльныхъ городовъ и партій; онъ говоритъ, что эта борьба препятствовала греческому народу идти далѣе на пути къ развитію и что македонское царство является объединяющимъ а вмѣстѣ съ тѣмъ и прекращающимъ эту борьбу и дающимъ возможность греческому народу выступить въ болѣе широкой роли. Онъ указываетъ между прочимъ на борьбу между аристократіей и демократіей, между партіей господствующей и подчиненной, между богатыми и бѣдняками. Для того, чтобы борьба эта не

повела къ паденію, Дройзенъ считалъ необходимымъ появленіе умѣряющей силы, которая сдѣлалась бы регулаторомъ общественной жизни.

Взглядъ Дройзена не выдерживаетъ строгой критики. Македонское владычество не могло быть такой умѣряющей силой, потому что цари македонскіе совершенно не возвышались надъ отдѣльными партіями, они обыкновенно опирались на господствующую партію; ихъ политика была политикой чисто сообразующейся съ условіями мѣста и времени. Если имѣла силу демократія, они были на ея сторонѣ, если возвышалась олигархія они поддерживали и ее. Въ позднѣйшее уже время они главнымъ образомъ пользовались услугами партіи олигархической.

Кромѣ Дройзена идеализирующаго Македонію и не видѣвшаго того, что она, принося нѣкоторую пользу Грекамъ, не устраняла многихъ дурныхъ сторонъ, является историкъ Онкенъ, написавшій изслѣдованіе объ Аристотелѣ. Онкенъ старается доказать, что идеальное государство Аристотель видитъ въ македонскомъ царствѣ. До-

казать что ему удается съ такими натяжками, что его мнѣніе совершенно не можетъ быть принято въ наукѣ. Положеніе Грековъ усложнялось еще тѣмъ, что Александръ Великій завоевалъ Персидскую монархію и Греки такимъ образомъ были въ подчиненіи не только у царя Македонскаго, но и у наслѣдника Персидской монархіи, потомучто Александръ считался имъ, завоевавъ Персію. Александръ поставилъ себѣ задачей слить всѣ подчиненные народы въ одно; это было тѣмъ болѣе необходимо, что по отношенію къ Грекамъ онъ былъ лишь только вождь, гегемонъ, военачальникъ, по отношенію къ Македонянамъ — царь; для Персидской монархіи онъ являлся наслѣдникомъ тѣхъ персидскихъ царей, которые отличались совершенно деспотической властью. Ясно, что онъ долженъ былъ стремиться къ подведенію всего къ одному знаменателю. Въ этомъ стремленіи нѣкоторые ученые видятъ то, чего на самомъ дѣлѣ совершенно не было; они говорятъ, что Александръ понялъ, что не существуетъ различія между Грекомъ и варваромъ и въ этомъ отношеніи противополагаютъ его Аристотелю,

говорившему, что греки отличаются отъ варваровъ тѣмъ же, чѣмъ свободный человѣкъ отличается отъ раба. Александръ дѣйствительно имѣлъ въ виду слить всѣ подчиненные народы; вопросъ въ томъ лишь, каковъ былъ принципъ, которымъ онъ руководился при этомъ: была ли то идея болѣе высокая, чѣмъ идея Грековъ, или то была идея восточнаго деспота, желавшаго болѣе широкой власти. Александръ призывалъ къ своему двору азіатскихъ сатраповъ и ставилъ ихъ на одну доску съ придворными-македонянами и греками. Въ этомъ мы видимъ дѣйствительно шагъ впередъ; Александръ не хотѣлъ, чтобы побѣжденные представляли порабощенную массу, онъ хотѣлъ установить отношенія на началахъ равноправности. Греки и Македоняне, недовольные этимъ составляли постоянную оппозицію. На эту оппозицію можно смотрѣть и еще иначе. Дѣло въ томъ, что историки, превозносящіе Александра Македонскаго какъ человѣка, у котораго установились совершенно новыя, иныя возрѣнія, не принимали во вниманіе того, что онъ

стремился къ восточной деспотіи, что онъ требовалъ обоготворенія своей личности, какъ это было на Востокѣ, требовалъ, чтобы всѣ преклонялись при встрѣчѣ передъ нимъ ницъ и т. д. Можетъ быть онъ видѣлъ въ этомъ средство держать въ покорности завоеванные народы, но Грекамъ для этого слѣдовало отречься отъ самихъ себя; они должны были пріучить себя къ совершенно иному взгляду на царя, а это едва ли было возможно.
Еслибы они даже и достигли этого, пріучили себя къ этому новому отношенію (мы увидимъ впослѣдствіи, что Афиняне обоготворили Димитрія Поліоркета), то едва ли это можно было бы считать движеніемъ впередъ. Дройзенъ дѣлаетъ характеристику Грековъ, когда въ жизнь ихъ проникла лесть и низкопоклонничество, такъ свойственныя восточнымъ народамъ.
Стр. 380. „Его время прошло не увлекаемые ни стремленіями къ новымъ подвигамъ, ни сознаніемъ политическаго могущества, эти, никогда столь дѣятельные эллины, довольствовались блескомъ своихъ воспоминаній; хвастовство замѣ-

нятъ имъ славу и пресыщенные наслажденіемъ они тѣмъ больше ищутъ самой поверхностной его формы перемѣны; тѣмъ легкомысленнѣе, скорѣе и дерзновеннѣе, тѣмъ сильнѣе избѣгая подчиненія отвѣтственности и авторитету отдѣльныхъ лицъ, и тѣмъ распущеннѣе и разнузданнѣе въ цѣломъ проникается Греція этой остроумной, поверхностной и нервной суетливостью. Подобный фактъ указываетъ скорѣе на моральный и политическій упадокъ, чѣмъ на освѣженіе національной формы. Та форма, которая была свойственна греческому міру, пережила самое себя, греки должны были создать новую форму; они и стремятся создать ее, хотя бы въ образованіи морскаго союза. Но если мы будемъ сравнивать первоначальную форму греческаго общежитія съ восточной деспотіей, то придется согласиться, что послѣдняя не представляетъ высшей формы. Слѣдовательно идеализація, которую представляетъ трудъ Дройзена, требуетъ очень осторожнаго и критическаго къ себѣ отношенія. Что греки не особенно мирились съ Македонскимъ вла-

ущчествомъ, доказывается постоянными ихъ попытками освободиться. По смерти Александра Македонскаго Аѳиняне думали воспользоваться происшедшимъ замѣшательствомъ, чтобы вернуть былую независимость; у нихъ нашлись и матеріальныя средства, нашелся и опытный полководецъ, нашлись наемники и союзники, но попытка была неудачна. Одинъ изъ преемниковъ Александра, Антипатръ заключилъ отдѣльные договоры съ каждымъ изъ греческихъ городовъ: этотъ партикуляризмъ былъ очень удачнымъ средствомъ: Аѳиняне остались одни, безъ всякой поддержки и должны были вновь признать свою зависимость. Послѣ новаго договора было произведено уменьшеніе и во внутренней организаціи Аѳинъ; изъ двадцати одной тысячи гражданъ, бывшихъ прежде только двѣнадцать тысячъ обладала теперь гражданскими правами, потому что былъ установленъ слишкомъ большой ценръ. Ко времени всего этого внутренняго переворота относится и переселеніе многихъ Аѳинянъ во Ѳракію. Къ сожалѣнію мы не знаемъ, сами Аѳиня-

Лит. Э. Комарова Невск. пр. 130-131.

не выселились, или это было слѣдствіемъ македонскаго владычества, желавшаго удалить опасные элементы. Для Грековъ представлялся удобный случай вернуть свою независимость. У Александра не осталось наслѣдника, и правленіе захватили въ руки его полководцы, между которыми произошла распря. Грецiя превратилась въ театръ войны между соперниками, но это обстоятельство способствовало еще большему развитію внутреннихъ раздоровъ между отдѣльными греческими городами и партіями. Не останавливаясь подробно на дальнѣйшемъ изложеніи Македонскаго владычества, выдѣлимъ лишь только два эпизода, относящіеся къ III вѣку, - попытку основать союзъ на совершенно новыхъ началахъ и попытку Спартанцевъ произвести цѣлый политическій и соціальный переворотъ, который долженъ былъ заключаться въ установленіи въ Спартѣ гражданскаго равенства, достигнутаго путемъ передѣла земель. Эта попытка исходила изъ двухъ спартанскихъ царей, но она не привела къ желаемому результату.

Политическая и социальная реформа въ Греціи въ III в. до Р. Хр.

Разсматривая Македонскую эпоху, мы должны обратить вниманіе на то, что это было также и время новыхъ попытокъ рѣшенія политическихъ и соціальныхъ вопросовъ, поставленныхъ гораздо раньше. Главнымъ изъ нихъ былъ вопросъ о созданіи такой формы политическаго быта, которая объединяла бы грековъ, обезпечивая вмѣстѣ съ тѣмъ самостоятельную жизнь каждаго отдѣльнаго государства. Жизнь государства-города въ это время сдѣлалась уже тѣсна. Еще Фалесъ совѣтовалъ греческимъ государствамъ соединиться федеративной связью. Совѣтъ его былъ преждевременнымъ. Если тогда города и соединялись, то соединеніе это принимало совершенно особый видъ; это не была федерація, а гегемонія одного изъ городовъ, легко могущая перейти въ господство. Ясное доказательство этого Аѳинскій союзъ и позднѣйшая гегемонія Спарты. Въ ту эпоху, когда возвысилась Македонія прежняя форма политическаго быта была не мыслима; когда вслѣдъ за тѣмъ, послѣ распаденія македонской монархіи, образовалось нѣсколько большихъ государствъ,

Грецiи было необходимо занять среди нихъ какое нибудь положенiе. Здѣсь прежде всего являлся вопросъ: быть ли ей самостоятельной или же необходимо оставаться македонской провинцiей. Греки стремились къ самостоятельности и попытались объединиться путемъ федерацiи. Эта попытка была усложнена рѣшенiемъ еще другаго политическаго вопроса, вопроса аристократiи и демократiи. Въ отдѣльныхъ греческихъ городахъ въ это время происходила ожесточенная борьба денежной олигархiи и выродившейся демократiи. Само собой разумѣется, что эта внутренняя борьба городовъ мѣшала имъ соединиться въ одно цѣлое. Трудно было, чтобы заключился союзъ городовъ на основанiи равноправности, когда ея не было среди отдѣльныхъ партiй, въ самыхъ городахъ. Македонское владычество, опиравшееся то на олигархическую партiю, то на демократическую, въ концѣ увидѣло, что наиболѣе выгоднымъ для нихъ будетъ опираться на тиранiю и они вездѣ, гдѣ только было возможно, вводятъ тиранiю.

Болѣе подробное изображенiе этого перiода можно найдти въ книгѣ Васильевскаго

и затѣмъ въ сочиненіи Мищенка „Полибій и федеративная Эллада".

Въ такомъ положеніи внутреннихъ раздоровъ, Греція дожила до эпохи македонскаго владычества — римскимъ. Римъ, вначалѣ лишь небольшой городъ, сдѣлался господиномъ всей Италіи и обратился затѣмъ къ Востоку, подчинилъ Македонію, а вслѣдъ за ней, въ 146 году, и Грецію. Въ этомъ періодѣ отъ разложенія монархіи Александра Великаго до завоеванія ея Римомъ, особеннаго нашего вниманія заслуживаетъ Ахейскій союзъ.

Ахейцы послѣ вытѣсненія изъ Доріецами поселились въ Ахайѣ и составили союзъ 12ти городовъ, въ которомъ исповѣдывался общій культъ Зевса и Деметры Панахейской. Во время Македонскаго завоеванія союзъ этотъ былъ разрушенъ, но въ 280 г. его возобновили 4 города, къ коимъ стали примыкать и другіе, но играть роль Ахейскій союзъ началъ при Аратѣ Сикіонскомъ въ половинѣ III в., когда къ Ахеянамъ примкнули и не ахейскіе города. Такъ составилось союзное государство безъ гегемоніи: всѣ города были равноправны, пользовались совершенной автономіей, но для внѣшнихъ отношеній

имѣли общее правительство изъ лицъ избираемыхъ на годъ стратеговъ и союзнаго совѣта: здѣсь могли быть граждане всѣхъ ахейскихъ городовъ (30 лѣтъ), но каждый городъ имѣлъ только одинъ голосъ. Когда тиранъ Никоклесъ былъ изгнанъ изъ Сикіона Аратомъ (243 г.) Сикіонъ по совѣту Арата примкнулъ къ Ахейскому союзу, за нимъ послѣдовали Коринѳъ, откуда Аратъ прогналъ Македонскій гарнизонъ, Мегара, Трезена, Эпидавръ, Аргосъ, Мегалополь, а въ 229 г. Аратъ освободилъ и Аѳины отъ Македонцевъ. Ахейскій союзъ имѣлъ враговъ; первыми изъ нихъ были Македоняне, которые при царѣ Димитріѣ II (243-233 г) начали противъ Ахейцевъ враждебныя дѣйствія; вторымъ врагомъ былъ Этолійскій союзъ. Этолія сначала держалась въ сторонѣ отъ общаго теченія греческой жизни, но потомъ образовала союзъ, къ которому присоединились Локрида, Фокида, Акарнанія, многія племена Ѳессаліи и на нѣкоторое время Элида. Этолійскій союзъ тоже имѣлъ общаго стратега и союзный совѣтъ. Третьимъ врагомъ Ахейскаго союза была Спарта; царь спартанскій Клеоменъ III предпринялъ противъ Ахейцевъ войну, взялъ Аргосъ и Ман-

тинею и подступилъ къ Коринѳу. Клеоменъ соглашался примкнуть къ Ахейскому союзу, но лишь подъ тѣмъ условіемъ, что Спарта станетъ во главѣ союза; Ахейцы не согласились и въ борьбѣ со Спартой пошли подъ защиту Македонскаго царя Антигона Досона и остались побѣдителями. Съ Этолійцами велась дальше т. наз. союзническая война, продолжавшаяся отъ 221–215 г. Аратъ, бывшій стратегомъ 17 разъ, былъ отравленъ ядомъ. Преемникъ его Филопименъ (съ 214 г.) хотѣлъ изъ Пелопонеса сдѣлать одно государство и воевалъ со Спартой: въ 208 г. онъ побѣдилъ при Мантинеѣ Спартанскаго царя Маханида, а въ 188 г. подступилъ къ Спартѣ, но въ 183 г. въ войнѣ съ Мессенцами онъ попался въ плѣнъ и вынужденъ былъ принять ядъ. Въ 148 г. Римляне, завоевавъ Македонію, потребовали, чтобы не Ахейскіе города выступили изъ союза; противъ такого требованія возсталъ Коринѳъ, но 146 г. наступило Римское завоеваніе. Ахейскій союзъ важное явленіе эпохи, ибо велъ Пелопонесъ къ объединенію въ одно государство на началахъ равноправности.

Полибій историкъ II в. до Р. Хр. удивлялся, что въ союзѣ были одни вѣсы и мѣры,

и что не доставало только стены, чтобы весь Пелопоннесъ былъ однимъ городомъ. Плутархъ тоже утверждалъ говоря о Аратѣ: „онъ жертвовалъ союзу богатствомъ славой, дружбой царей, интересами отечества (т. е. Сикіона), т. е. онъ хотѣлъ болѣе обширнаго отечества, объединенія всего Пелопоннеса. Теперь перейдемъ къ другому важному политическому явленію, имѣвшему мѣсто въ Греціи во время Македонскаго періода.

Въ это время все больше и больше развивались данныя для соціальной борьбы, такъ какъ образовалась чрезвычайная неравномѣрность имуществъ, что повлекло за собой неизбѣжное въ такихъ случаяхъ послѣдствіе: развитіе пролетаріата. Въ прежнюю эпоху при родовомъ бытѣ и кліентахъ о пролетаріатѣ и рѣчи не было, но въ послѣдствіи кліенты стали наниматься въ работники и превращаться въ Ѳетовъ. Слово Ѳетъ получило значеніе рабочаго по найму. Въ теченіемъ времени ѳеты лишаются возможности заработка, такъ какъ увеличились у крупныхъ землевладѣльцевъ стада и образовались мастерскія изъ рабовъ. Даже такъ называемыя либеральныя профессіи

часто были въ рукахъ рабовъ. Одновременно съ этимъ мелкіе собственники не будучи въ состояніи выдерживать конкуренціи съ крупными лишаются своихъ хозяйствъ и устремляются въ города, чѣмъ увеличиваютъ пролетаріатъ. Но и помимо того, многіе граждане бѣднѣли, особенно въ Спартѣ, гдѣ такъ дорого было, какъ мы знаемъ, быть гражданиномъ. Къ этому присоединялась масса изгнанниковъ. Неминуемымъ послѣдствіемъ такого положенія дѣлъ было стремленіе пролетаріата къ переворотамъ. У Полибія находимъ много данныхъ объ этой эпохѣ, онъ между прочимъ говоритъ: „во всякой усобицѣ дѣло идетъ о перемѣщеніи богатствъ."

Отношенія между богатыми и бѣдными до того обострились, что у Аристотеля мы даже находимъ повторенной слѣдующую клятву богачей противъ бѣдняковъ: „Клянусь быть всегда врагомъ народа и дѣлать ему столько зла, сколько смогу." Въ Спартѣ въ половинѣ III в. числилось 700 граждан, а землевладѣльцевъ всего 100. Между 400 и 350 г. эфоръ Эпитадей дозволилъ отчуждать свои поземельные участки и положеніе обѣднѣвшихъ граждан стало хуже положенія періэковъ и илотовъ, ко-

Лит. В. Комарова Невск. пр. 136-138.

торые имѣли свои хозяйства. Въ серединѣ III вѣка въ Спартѣ были реформы демократическія съ соціальнымъ оттѣнкомъ. Иниціатива реформы вышла отъ царя Агиса III въ 242 г. Въ это время было въ ходу преданіе, что Ликургъ подѣлилъ земли поровну, и реформа Агиса была представлена какъ возвращеніе къ старинѣ. Агисъ III задумалъ ввести реформы законнымъ путемъ: онъ представилъ герусіи свои планы о раздѣленіи земли 4500 участковъ для гражданъ, число коихъ должно было быть увеличено до этой цифры принятіемъ новыхъ, на 15000 участковъ съ цѣлью раздачи таковыхъ періэкамъ и объ уничтоженіи долговъ. Какъ ни удивительно это, но герусія одобрила планы Агиса и на ихъ осуществленіе согласилась. Но съ исполнительными властями Агису пришлось бороться: эфоры не согласились привести въ исполненіе представленныхъ Агисомъ и одобренныхъ Герусіей плановъ и этимъ свели Агиса съ законнаго пути, на которомъ онъ рѣшился устоять, проводя реформы. Агисъ смѣнилъ эфоровъ и назначилъ другихъ, вооружилъ своихъ партизановъ и въ продолженіе года удерживалъ эк-

ристическую систему правленія. Но ему удалось только уничтожить долги и на площади публично сожжены были долговыя обязательства; реформа, касающаяся раздѣла земель не осуществилась и Агисъ былъ убитъ 237г., а аристократія вновь воцарилась въ Спартѣ.

Клеоменъ III (236–220г.) задумалъ осуществить планы Агиса и оказался даровитѣе своего предшественника и менѣе разборчивымъ въ средствахъ: онъ умертвилъ эфоровъ, отмѣнилъ ихъ должность столь ненавистную царю и народу и стѣснилъ олигархію. Совершивъ такой государственный переворотъ, онъ ввелъ коренныя реформы, раздѣлилъ землю и далъ права гражданства 4000 Лаконцевъ; Клеоменъ III правилъ совсѣмъ абсолютно. Замѣчательно то; что и Клеоменъ не заявлялъ, что производитъ реформы отъ своего имени, а опирался на авторитетъ законодателя Ликурга, пользуясь преданіемъ будто Ликургъ ввелъ въ число своихъ законодательныхъ мѣръ и раздѣлъ земель. Но подобное положеніе дѣлъ не было продолжительно: Клеоменъ хотѣлъ распространить демократію по всему Пелопонессу; но встрѣтилъ сопротивленіе въ Аратѣ, который при-

валъ на помощь къ Ахейскому союзу Македонскаго царя Антигона Дозона, придерживавшагося политики враждебной тиранамъ и демократической партіи. Антигонъ и Ахеяне побѣдили Клеомена при Селлазіи 222г. до Р. Хр. и демократія Спарты опять пала, уступая мѣсто прежнему порядку. Клеоменъ бѣжалъ въ Александрію, но былъ взятъ подъ стражу Птолемеемъ IV, однако вырвался и закололъ себя кинжаломъ, взывая народъ къ свободѣ. За этимъ наступила для Спарты эпоха смутъ: въ одномъ году 3 эфора, принадлежавшіе къ народной партіи убили 2 своихъ товарищей; въ слѣдующемъ году всѣ 5 эфоровъ принадлежали къ олигархіи, народъ умертвилъ ихъ всѣхъ; олигархія не хотѣла царя, народъ нуждался въ немъ; изъ за этого завязался между народомъ и аристократіей споръ, результатомъ котораго былъ выборъ на царскій престолъ Спарты нѣкого Ликурга, который былъ дважды свергаемъ и изгоняемъ, то народомъ, то аристократіей. Въ концѣ народъ одержалъ верхъ и въ Спартѣ является тираннъ Маханидъ, котораго убилъ Филопеменъ глава ахейскаго союза повсюду ведшій борьбу съ тираннами (208г.). На мѣсто Маханида явился

Набисъ, который далъ гражданство всѣмъ свободнымъ Лаконцамъ, изгонялъ богатыхъ и покорилъ Мессенію, часть Аркадіи и Элиду; когда онъ взялъ Аргосъ, первымъ его дѣломъ было подѣлить земли. Такимъ образомъ онъ крайне ожесточилъ противъ себя Ахейскій союзъ, призвавшій на помощь Римлянъ; Набисъ былъ побѣжденъ, но тиранномъ всетаки остался. Въ Ахейскомъ союзѣ сталъ проявляться въ нѣкоторой степени упадокъ, явились люди подкупленные Римлянами. Одному изъ нихъ, который доказывалъ, что Ахейцы не должны сопротивляться Риму Филопеменъ сказалъ: "Ты торопишься видѣть роковой часъ отечества."

Александрійскій періодъ.

Теперь перейдемъ къ вопросу о значеніи Македонскаго періода. Мы видимъ, что македоняне не ограничиваются одними завоеваніями въ Европѣ, они проникаютъ и въ Азію, гдѣ покоряютъ Персидскую монархію, находившуюся въ это время въ періодѣ разложенія. Доказательствомъ слабости Персіи служатъ многіе факты. Такъ походъ Грековъ на помощь Киру младшему, противъ Артаксеркса II, когда 10000 грековъ почти безпрепятственно

проникли въ глубину Персіи; затѣмъ походъ Агезилая, также окончившійся дурно для Персовъ. Нельзя думать, чтобы Александръ отправился въ свой походъ съ цѣлью завоеванія Персидской монархіи; для него такая задача тогда должна была казаться слишкомъ грандіозной и только послѣ ряда походовъ онъ покорилъ Персидское царство. Александръ заботился о созданіи связи между отдѣльными частями его огромнаго государства. Къ числу его мѣръ для этой цѣли относится т.к. называемая теокрасія, или религіозный синкретизмъ, т. е. принесеніе жертвы богамъ всѣхъ народовъ, находившихся подъ властью Македоніи. Такимъ образомъ подготовлялась общая религія, образующаяся изъ смѣшенія религій всѣхъ отдѣльныхъ государствъ. Но мѣры Александра не повели ни къ чему: монархія его не удержалась долго. Послѣ его смерти наслѣдники, которые сначала подчинились правителю государства Пердиккѣ, произвели междоусобія, результатомъ которыхъ было образованіе такъ называемыхъ эллинистическихъ государствъ. Вначалѣ въ Греціи и Македоніи былъ Кассандръ, во Ѳракіи Лизимахъ, въ остальныхъ владѣ-

ніяхъ Антигонъ. Но между ними произошли распри, окончившіяся битвой при Ипсѣ въ 301 году. Послѣ того Греція съ Македоніей образовали собою государство, доставшееся Антигону Гонату; Египетъ также въ качествѣ независимаго государства достался Птолемею, кромѣ того образовалось нѣсколько мелкихъ государствъ. Въ этихъ царствахъ и стала распространяться греческая образованность. Правители вездѣ были Греки или люди гречески образованные, всѣ придворные, солдаты, пріѣзжіе купцы, наконецъ колонисты, все это были Греки. Выработался обще-греческій языкъ, раньше раздѣлявшійся на нѣсколько діалектовъ. Этотъ языкъ сталъ распространяться между туземцами. Свидѣтельство этого можно видѣть въ слѣдующемъ. Египетскій жрецъ Манеѳонъ, пишетъ исторію Египта на греческомъ языкѣ. Халдейскій жрецъ, Берозъ, написалъ исторію своей родины также на языкѣ греческомъ. Былъ сдѣланъ переводъ библіи 70 толковниковъ на греческій языкъ для тѣхъ евреевъ, которые эллинизировались и забыли свой родной языкъ. Когда явилось Христіанство, всѣ книги новаго Завѣта были написаны на греческомъ языкѣ. Одинъ Армянскій царь,

сочинявшій трагедіи, писалъ ихъ на языкѣ греческомъ. Однимъ словомъ греческая образованность распространяется по всему Востоку, и слово эллинъ обозначаетъ въ это время не столько человѣка, греческаго происхожденія, сколько человѣка греческо-образованнаго.

Говоря о распространеніи греческой образованности по всему Востоку, для полноты обзора необходимо перечислить тѣ царства, которыя основались на Востокѣ въ это время. Самымъ знаменитымъ тамъ было царство Птолемеевъ, просуществовавшее до 30 года до Р. Хр. Оно находилось въ весьма выгодныхъ условіяхъ: занимало хорошее географическое положеніе, было избавлено отъ тѣхъ внутреннихъ междоусобій и раздоровъ, которые происходили въ это время въ Греціи, Сиріи, Македоніи. Кромѣ того царствующая здѣсь греческая династія относилась съ уваженіемъ къ религіи и нравамъ египтянъ, чѣмъ способствовала конечно сближенію этихъ чуждыхъ, греческаго и египетскаго элементовъ, между которыми здѣсь впервые произошло соприкосновеніе. Египетъ обладалъ большимъ флотомъ, велъ обширную торговлю, имѣлъ сношенія, а иногда и пользова-

лись властью на островахъ восточной части Средиземнаго моря, вообще отличался могуществомъ и богатствомъ. Главный городъ, Александрія, построенный Александромъ Македонскимъ, явился центромъ греческой образованности, по его имени даже и весь этотъ періодъ получилъ названіе александрійскаго. Въ Александріи находился очень обширный музей, представляющій собраніе множества предметовъ, необходимыхъ при изученіи той или другой науки; существовалъ интернатъ для ученыхъ, пріѣзжавшихъ въ Александрію, тамъ они получали полное содержаніе и могли свободно заниматься науками. Александрійская библіотека представляла что то не виданное и не слыханное, благодаря тому количеству книгъ, которое было здѣсь собрано. Въ эпоху Птолемеевъ здѣсь процвѣтала положительная наука, а потомъ въ римскую эпоху развилась особая философія. Неоплатоническая, представляющая смѣсь религіозныхъ воззрѣній Востока съ философскими воззрѣніями Греціи. Послѣ египетскаго царства самымъ могущественнымъ была Сирія, которая досталась Селевку. Это царство уступало египетскому, потому что

Лит. В. Комарова Новол. пр. 136-138.

населеніе его было разнородное и потому, что Селевкиды мечтали о завоеваніяхъ и вели частыя войны и потому, наконецъ, что они были нетерпимы къ религіи и нравамъ покоренныхъ. Но и въ Сиріи до извѣстной степени процвѣтала греческая образованность, центромъ которой была Антіохія и Селевкія. Одно время существовало еще небольшое царство Пергамское, въ которомъ также развилась греческая образованность. Но всѣ эти царства постепенно разлагались и подчинились затѣмъ Риму. Теперь слѣдовало бы перейти къ обзору того, что пріобрѣла греческая наука, пребывая въ Египтѣ и другихъ восточныхъ государствахъ, за время такъ называемой александрійской эпохи, но прежде мы сдѣлаемъ краткій очеркъ развитія греческой науки въ доалександрійскій періодъ.

Греческая наука.

Въ самомъ началѣ развитія греческой науки замѣчается вліяніе на нее Востока; даже греческая азбука какъ мы видѣли была финикійскаго происхожденія, на что указываетъ начертаніе буквъ и ихъ названіе. Астрономія и географическія свѣдѣнія заимствованы Греками тоже у Фи-

никіянъ, что же касается геометріи, Греки сами признавали, что впервые познакомились съ нею въ Египтѣ. Но съ Востока Греки только взяли зачатки образованности, которой они сами придали характеръ національнаго духа и довели ее до совершенства. Мы видимъ, что уже древніе греческіе мыслители занимались наукой. Такъ Өалесъ будучи философомъ, въ тоже время дѣлалъ математическія изслѣдованія, ему приписываютъ доказательство Геометрической теоремы, что въ равностороннемъ треугольникѣ всѣ углы равны; онъ же первый сталъ измѣрять высоту предметовъ по бросаемой ими тѣни. Будучи въ Египтѣ онъ измѣрялъ такимъ образомъ высоту пирамидъ, и этимъ весьма удивилъ Египетскихъ жрецовъ. Өалесъ точно также былъ первымъ въ предсказаніи солнечныхъ затмѣній. Другой философъ Анаксименъ тоже занимался математикой и астрономіей. Ему между прочимъ принадлежитъ опредѣленіе наклоненія земной эклиптики посредствомъ гномона; его вмѣстѣ съ тѣмъ считаютъ изобрѣтателемъ солнечныхъ часовъ и географическихъ картъ. Философъ Анаксимандръ за-

мѣчателенъ составленіемъ многихъ геометрическихъ задачъ и попыткой опредѣленія разстоянія небесныхъ свѣтилъ. Пиѳагоръ точно также замѣчателенъ, какъ математикъ (его таблица умноженія и доказательство теоремы, что сумма квадратовъ катетовъ равна квадрату гипотенузы) и какъ физикъ, ему приписываютъ опредѣленіе отношеній между музыкальнымъ тономъ и напряженностію струны. Несмотря на такое развитіе, греческая наука въ періодъ до Аристотеля не могла сдѣлать большихъ успѣховъ, этому препятствовали весьма важныя неблагопріятныя условія; къ такимъ условіямъ прежде всего принадлежало сомнѣніе софистовъ въ возможности познать истину; изъ этой среды вышелъ точно также и Сократъ, который хотя вначалѣ, быть можетъ, и занимался физическими явленіями, потомъ однако онъ занялся нравственными и политическими отношеніями. Платонъ точно также былъ мало склоненъ заниматься положительной наукой; а геометріей хотя онъ и занимался, то смотрѣлъ на нее съ высшей точки, какъ на предметъ отвлеченный, такъ онъ гнѣвался на 2

своихъ учениковъ, которымъ однажды удалось рѣшить геометрическую задачу механически, причемъ замѣтилъ, что неблагородно понижать возвышенныя вещи. Исключая школу Аристотеля, тоже самое можно сказать и объ остальныхъ философскихъ направленіяхъ. Эпикурейцы занимались нѣкоторыми физическими вопросами, но дѣлали это не съ научными цѣлями, а ради разоблаченія суевѣрій, и были довольны если имъ удавалось объяснить явленія, коимъ приписывали сверхъестественныя причины, путемъ физическихъ доказательствъ причемъ не разбирали въ существующихъ гипотезахъ: если по данному предмету существовало нѣсколько предположеній, то они принимали всѣ безразлично. Скептики прямо отрицали геометрію, называя ее наукой о химерахъ, утверждая, что нѣтъ ни идеально прямой линіи, ни круга и т. п. Вторымъ неблагопріятнымъ условіемъ развитія греческой науки было то обстоятельство, что Греція въ это время не знала спеціалистовъ. Эти послѣдніе были даже въ то время пренебрегаемы. Если кто и занимался частными изслѣдованіями, то необходимо старался при-

мазаться къ той или другой философской школѣ, что, конечно, портило дѣло. Такое обстоятельство мы видимъ въ зарожденіи науки астрономіи, что произошло вслѣдствіе того, что древніе слишкомъ довѣряли Аристотелю, учившему, что небесныя тѣла совершаютъ обороты по идеально правильнымъ кругамъ. И хотя александрійскіе ученые замѣтили неравность въ этихъ кругахъ, то все же, недовѣряя своимъ опытамъ не допускали, чтобы міръ допускалъ въ себѣ неправильности. Это ослѣпленіе повело александрійскихъ ученыхъ къ системѣ міра Птолемея, оказавшейся ложною.

Третьей причиной неуспѣха былъ недостатокъ опыта и наблюденія и вмѣстѣ съ тѣмъ преждевременныя обобщенія. Такъ Фалесъ на основаніи элементарнаго наблюденія влаги во всѣхъ предметахъ, заключилъ, что вода есть единственнымъ элементомъ всего міра. Точно также Анаксименъ, замѣчая вездѣ воздухъ, сдѣлалъ его принципомъ вселенной. Когда Діоклomъ было открыто значеніе пульса, то врачи свели всю патологію и физіологію къ ученію о пульсѣ. Потомъ всю медицину старались подчинить дѣятельности

кожи, и это только потому, что было открыто свойство ея пропускать сквозь поры потъ. Достаточно замѣтить, что вся философія Аристотеля представляетъ собой нечто иное, какъ рядъ всевозможныхъ преждевременныхъ обобщеній. Въ четвертыхъ, Греки гонялись только за крупными фактами и пренебрегали повседневной мелочью. Они занимались, напр. метеорологіей, а упускали изъ виду простѣйшія физическія явленія. Въ ботаникѣ и зоологіи говорилось много о диковинахъ иныхъ странъ, не занимаясь вовсе домашней фауной и флорой. Только въ эпоху Александра Македонскаго обстоятельства перемѣнились къ лучшему; именно: Александръ Македонскій и многіе государи другихъ государствъ (особенно Египта) стали покровительствовать наукамъ; 2. возникли особыя спеціальныя занятія и спеціалисты перестали считать необходимымъ принадлежать къ той или другой философскимъ школамъ; благодаря этому пошелъ рядъ опытовъ положительныхъ и наблюденій и основанныхъ на нихъ предположеній. 3. Ученые перестали гоняться исключительно за необычными предметами, но стали зани-

маться вмѣстѣ съ тѣмъ повседневными явленіями. Намъ еще необходимо представить вкратцѣ науки, какія существовали до эпохи Аристотеля. Въ этомъ отношеніи удобопріемлемой является система наукъ A. Comte'a, который расположилъ всѣ знанія въ извѣстномъ порядкѣ, основываясь на томъ ихъ свойствѣ, что чѣмъ наука болѣе общa, тѣмъ она проще и обратно: Первое мѣсто въ этой системѣ занимаетъ Математика, и затѣмъ слѣдуютъ все болѣе и болѣе сложныя: Астрономія, Физика, Химія, Біологія и наконецъ наиболѣе сложная Соціологія. И дѣйствительно мы видимъ, что науки у Грековъ развивались именно въ томъ порядкѣ. Наиболѣе успѣховъ сдѣлано было въ математикѣ. У Грековъ подъ этимъ словомъ разумѣлись слѣдующія частныя науки: 1 геометрія, 2. ариѳметика, 3. астрономія, 4. музыка (т. е. акустика). 5. механика возникаетъ только въ періодъ Аристотеля, 6. оптика, получившая начало благодаря Эвклиду въ Александрійскій періодъ. (Алгебра не была извѣстна Грекамъ.) Наиболѣе развита въ эту эпоху была геометрія, которую двинулъ особенно впередъ Платонъ, а его ученики уже занимались ге-

геометрiей. Но не смотря на то, что было открыто очень много геометрических теоремъ, все же въ это время не доставало еще свода всѣхъ этихъ истинъ, т. е. не было еще учебника. Ариѳметика не очень развилась въ Грецiи, да развиться и не могла, такъ какъ въ эту эпоху не была еще извѣстна наша цифирная система, а Греки употребляли буквы для обозначенiя цифръ. Поэтому дѣлать сложныя ариѳметическiя вычисленiя было прямо невозможно, и дѣлались только такiя задачи, которыя можно было рѣшать умственно безъ помощи писанiя. Говорятъ, что Пиѳагоръ имѣлъ лучшую систему обозначенiя цифръ, но едва ли этому можно вѣрить, ибо Пиѳагоръ нисколько не подвинулъ ариѳметику; цифры у него имѣли мистическое значенiе, да и только, справедливость напр. обозначалась цифрой 3, совершенство 10 и т. д. Что касается астрономiи, то вся она составляла отрывочное знанiе безъ всякой системы, переполненное множествомъ гипотезъ, большинство которыхъ не оправдалось. Нѣкоторые однако факты сохранили достовѣрность и по настоящее время. Аристотель напр. училъ о ша-

Лит. В. Комарова Невск. пр. 136-138.

разбраности земли на основаніи круглой тѣни бросаемой ею во время луннаго затмѣнія. Для акустики много сдѣлалъ Пиѳагоръ, и природа звука была вообще древнимъ достаточно извѣстна. Аристотелю была уже извѣстна теорія, и теперь принятая; по которой звукъ есть нечто иное, какъ колебаніе воздуха. Въ механикѣ за этотъ періодъ сдѣлано было мало, и при томъ занимались чисто практической механикой для постройки тогда употребляемыхъ машинъ, теоріи же вовсе не было. Физика въ смыслѣ настоящей тоже не существовала, ибо древние не знали экспериментальнаго метода. Извѣстно, что изъ дѣлалъ одинъ только Демокритъ, всѣ же другие прибѣгали къ метафизическимъ объясненіямъ явленій. Аристотелю напр. было извѣстно, что воздухъ имѣетъ тяжесть, но онъ не могъ объяснить себѣ научно поднятія воды въ насосѣ. Такъ называемый въ средніе вѣка horror vacui, составляетъ предположеніе Аристотеля, будто бы природа боится пустаго пространства, и когда изъ насоса вытягиваютъ воздухъ, то его мѣсто занимаетъ вода. Больше всего

древніе интересовались метеорологіей, но какъ безъ знанія физики она невозможна, то представляла собой только бредни. Химія была тоже неизвѣстна, такъ какъ древніе мало интересовались внутреннимъ составомъ вещей. Они предполагали, что всѣ тѣла состоятъ изъ 4^х стихій: воды, воздуха, земли и огня, но не задавали себѣ вопроса въ какомъ количествѣ эти элементы входятъ въ составъ различныхъ предметовъ. Существовало только крайне элементарное предположеніе, принадлежащее Анаксагору, такъ называемая теорія гомеомерій, по которой тѣла состоятъ изъ множества однородныхъ частицъ: золото - изъ частицъ золота, кровь изъ кровяныхъ частицъ и т. д. но что такое эти частицы они этимъ не интересовались. Однако такъ какъ греческіе философы сдѣлали весьма много предположеній, то среди нихъ встрѣчаются и теперь принятыя догадки; къ такимъ принадлежитъ атомистическая система, играющая теперь весьма важную роль въ химіи. Біологія была весьма мало развита даже въ смыслѣ знанія фактовъ. Ботаникой занимались лишь на столько, на сколько она была необходима

для медицины; но какъ мало и въ этомъ отношеніи она сдѣлала успѣховъ, можно видѣть изъ того, что Гиппарху было извѣстно только 236 видовъ растеній. Попытка изученія фауны впервые была сдѣлана Аристотелемъ; но его сочиненіе по предмету зоологіи представляетъ описаніе наружности животныхъ безъ физіологическихъ указаній. Впрочемъ, что касается физіологіи, то она была извѣстна только въ связи съ медициной. Гиппократъ, жившій въ время Пелопонесской войны считается основателемъ медицины. Онъ задавался вопросомъ, въ чемъ состоитъ жизнь, и силу, поддерживающую ее, назвалъ жизненной силой, присоединяя къ этому, что матерія, (тѣло) стремится всегда къ разложенію. Поэтому по мнѣнію Гиппократа ведется постоянная борьба между жизненной силой и матеріей, а изучать эту борьбу и помогать жизненной силѣ въ этой борьбѣ - значитъ заниматься медициной. Но медицина, при отсутствіи анатоміи не могла дѣлать успѣховъ. До Аристотеля, не имѣли никакого понятія объ анатоміи, такъ какъ разсѣченіе труповъ въ Греціи не было дозволено. Только Аристотель сталъ заниматься про-

ствія тѣла животныхъ, и по аналогіи судилъ объ устройствѣ человѣческаго организма. Первые опыты на трупахъ людей были сдѣланы въ Александрійскій періодъ.

Вотъ все что было сдѣлано греческими учеными до Александрійской эпохи. Хотя все это сравнительно съ настоящимъ ничтожно, — но все же понятно теперь, почему Аристотель могъ написать сочиненіе съ научнымъ характеромъ.

Александрійская эпоха характеризуется главнымъ образомъ развитіемъ положительныхъ знаній. Въ предыдущую эпоху процвѣтала поэзія, искусство, вообще дѣятельность, для которой было нужно творчество; теперь выступаетъ на первое мѣсто изслѣдованіе. Кромѣ главнаго центра развитія научной дѣятельности, египетской Александріи, были еще и другіе центры вродѣ острова Родоса, Аѳины, которыя никогда не утрачивали свое значеніе умственнаго центра, но Александрія является главнымъ центромъ: тамъ на почвѣ, которую Греки должны были называть варварскою, существовали учрежденія общенародныя: музей и библіотека, которые

находились въ тѣсной связи между собой. Во главѣ музея стояло лицо, которое носило греческій санъ; это тѣсно связывало музей съ древними египетскими школами. Кромѣ музея существовала библіотека, заключавшая, что опять таки замѣчательно, не только произведенія греческихъ писателей, но и произведенія, написанныя на восточныхъ языкахъ. Существуетъ ученый споръ, кому принадлежитъ учрежденіе этого заведенія и кѣмъ дана была ему организація. Этотъ споръ конечно не имѣетъ существенной важности для характеристики самаго учрежденія. Предполагаютъ, что она была учреждена первымъ изъ Птолемеевъ, именно потому, что цѣлью его было возвысить Александрію на столько, чтобы другіе города стушевались. Но слава другихъ городовъ не исчезла; правда Александрія сдѣлалась центромъ, въ которомъ, какъ выразился Грановскій, идеи Востока вели долговременную бесѣду съ идеями Греціи. При потомкахъ этого перваго Птолемея было отведено для библіотеки особое зданіе. Она представляла для того времени учрежденіе грандіозное. Нуженъ былъ большой штатъ служителей: нужно было вести каталоги, нужно было

снимать копіи съ рѣдкихъ сочиненій. Птолемеи хотя и не жалѣли денегъ, однако они не всегда могли достать нѣкоторыя рѣдкія сочиненія въ полную собственность. Устройство библіотеки сдѣлало то, что Александрія явилась центромъ и обширной книжной торговліи, потомучто здѣсь было всегда достаточное количество книгъ. Было сдѣлано даже такое постановленіе, чтобы каждый владѣлецъ корабля привозилъ съ собой какое нибудь сочиненіе изъ той мѣстности, откуда онъ пріѣзжалъ. Въ библіотекѣ хранилось около 700000 свитковъ. Вторымъ замѣчательнымъ учрежденіемъ Александріи былъ, какъ мы уже упоминали, музей. Музей получилъ свое названіе отъ имени богинь-Музъ. Птолемеи учредили ученыя собранія, отвели для нихъ особое зданіе и назвали это музеемъ; они не были инниціаторами въ этомъ дѣлѣ, потомучто раньше мѣсто своихъ собраній философы называли также музеями. Устройство Александрійскаго музея напоминало устройство болѣе древнихъ подобныхъ учрежденій. Музей представлялъ не то храмъ, не то царскій дворецъ; естественно послѣ этого, что всѣ ученые разсматривались какъ

гости царя и жили на его счетъ. Вслѣдствіи этого они до нѣкоторой степени утрачивали свою свободу. Такъ какъ народу жило много, то часто происходило соперничество и ссоры. Средства музея были очень большія, потому что Птолемеи придавали большое значеніе привлеченію въ свой городъ массы ученыхъ и учащихся. Музей былъ не только ученымъ учрежденіемъ, но въ тоже время и училищемъ, потому что тамъ часто читались лекціи. Это учрежденіе славилось до средины II столѣтія до Р. Хр., потомъ оно стало приходить въ упадокъ, и Александрія въ послѣдній періодъ играетъ важную роль, но не столько въ области науки, сколько въ области философіи и религіи. Здѣсь впервые былъ учрежденъ анатомическій театръ, были собраны коллекціи животныхъ и растеній, здѣсь же стали заниматься не только греческой литературой, но и литературой другихъ народовъ.

Въ Александрійскій періодъ впервые произошло соприкосновеніе грековъ съ еврейскимъ народомъ. Греческая философія здѣсь столкнулась съ воззрѣніями Востока и главнымъ образомъ, еврейскими и смѣшалась

съ ними. Евреи были въ такомъ количествѣ, что явилась потребность перевода книгъ священнаго писанія на греческій языкъ. Но разсмотрѣніемъ значенія этого столкновенія греческихъ философскихъ воззрѣній съ религіозными воззрѣніями Востока мы займемся потомъ, теперь же окончимъ обзоръ развитія наукъ въ Александрійскій періодъ. Кромѣ наукъ естественныхъ, здѣсь процвѣтала филологія, т. е. изученіе языка и литературы; она приняла весьма широкіе размѣры и раздѣлилась на нѣсколько спеціальностей; возникла грамматика, вслѣдъ за ней критика, обязанности которой заключались въ томъ, чтобы очищать текстъ отъ порчи при переписки. Необходимо было заниматься разсмотрѣніемъ рукописей, потому что въ то время нерѣдко совершались поддѣлки или съ практической цѣлью сказать свою мысль, ссылаясь на рукописи. Этой разработкой рукописей занялась опять таки критика. Къ числу наиболѣе прославившихся критиковъ относится Аристархъ, имя котораго даже сдѣлалось нарицательнымъ. Явилась потребность привести въ извѣстность все, что су-

лит. З. Комарова Кіоск. пр. 136-138.

Ориг. история л. 42

ществовало тогда въ міръ науки, возникли списки авторовъ, изъ которыхъ развилась постепенно исторія литературы. Изъ выдающихся ученыхъ этого періода упомянемъ слѣдующихъ. Эвклидъ создалъ геометрію, соединивъ всѣ имѣвшіяся до него теоремы въ одну общую систему и создалъ методъ преподаванія ея. Наши учебники геометріи мало отличаются отъ Эвклидовой, въ Англіи и до сихъ поръ преподаваніе идетъ по ней. Расказываютъ довольно характерный для Эвклида анекдотъ. Одинъ изъ Птолемеевъ просилъ Эвклида найдти болѣе легкій методъ обученія геометріи. Эвклидъ отвѣчалъ, что не знаетъ особаго метода для царей. Эратосоенъ прославился въ области открытій по геометріи и астрономіи; онъ вычислилъ длину градуса широты, вычислилъ наклоненіе эклиптики и объемъ земного шара. Гиппархъ во II в. до Р. Хр. создалъ сферическую тригонометрію. Знаменитый Архимедъ, происходившій изъ Сиракузъ, жилъ во время Пуническихъ войнъ и погибъ при захватѣ Сиракузъ. Существуетъ очень характерный анекдотъ, свидѣтельствующій о томъ, до какой степени Архимедъ по-

ружался въ свои мысли. При захватѣ Сиракузъ, когда непріятели ворвались въ городъ, Архимедъ занимался разрѣшеніемъ какой-то математической трудности и ничего не слыхалъ. Непріятели ворвались въ его комнату, тогда только онъ очнулся, но не могъ конечно понять всего окружающаго и воскликнулъ: „не троньте моихъ круговъ." Главныя открытія Архимеда относятся къ механикѣ: онъ былъ основателемъ той части ея, которая учитъ о равновѣсіи; имъ былъ открытъ центръ тяжести, изобрѣтенъ рычагъ, изобрѣтенъ особый винтъ, устроена модель солнечной системы. Все это было сдѣлано въ первые полтора вѣка существованія музея. Затѣмъ александрійскій періодъ оказалъ и совершенно другую роль: грекамъ удалось оказать большое вліяніе и на другихъ народовъ, которые до того времени находились въ состояніи малокультурномъ. Въ 148 г. римляне завоевали Македонію, а затѣмъ, когда Римъ сдѣлался господиномъ Македоніи, участь Греціи уже была рѣшена. Ссора Спарты и Ахейскаго союза заставила ихъ обратиться къ римлянамъ; римляне потребова-

ми, чтобы всѣ не ахейскіе города вышли изъ ахейскаго союза. Карѳагенъ возсталъ, но былъ усмиренъ, и Греція сдѣлалась римской провинціей. Римляне къ греческимъ городамъ относились иначе, чѣмъ ко всѣмъ другимъ. Подпавъ подъ власть Рима, греки конечно должны были оказать на него въ культурномъ отношеніи большое вліяніе. Но еще раньше Римъ сталъ знакомиться съ греческой наукой въ южной Италіи, но это знакомство и вліяніе греческой образованности особенно широко сказалось въ серединѣ II вѣка. Греческая образованность на римской почвѣ явилась съ тѣмъ особеннымъ характеромъ, который былъ выработанъ римскимъ народомъ, и греческая цивилизація теперь уже не исключительно греческая, а греко-римская цивилизація.

Паденіе язычества и александрійская философія.

Мы не будемъ останавливаться на внутреннемъ состояніи Греціи въ римскій періодъ: съ 145 г. до Р. Хр. Греція подъ именемъ Ахаіи была простой римской провинціей. Вліяніе греческой образованности на Римъ относится также уже

къ римской исторіи. Намъ остается разсмотрѣть одинъ культурный процессъ, начавшійся еще въ эпоху Александра Македонскаго, но достигшій наибольшей силы въ римскую эпоху и особенно въ эпоху имперіи, т. е. въ первые вѣка христіанства. Это процессъ религіозный, сущность коего сводится къ религіозному синкретизму (смѣшеніе религій), къ паденію старыхъ миѳологическихъ вѣрованій, къ превращенію греческой философіи въ философію религіозную подъ вліяніемъ восточныхъ вѣрованій.

Въ настоящее время существуютъ такъ называемыя универсальныя религіи. Ихъ три, а именно: христіанство, магометанство и буддизмъ. Въ древности не было ничего подобнаго. Основная черта религіи заключалась тамъ въ партикуляризмѣ, т. е. въ особенно тѣсномъ разграниченіи отъ другихъ религій помощью своеобразныхъ обрядовъ и церемоній, выросшихъ на національной почвѣ. Каждая нація имѣла свою религію, такъ напр. въ Индіи господствовалъ брамаизмъ, въ Персіи маздеизмъ, въ Іудеѣ - іудаизмъ или культъ Іеговы; мало того въ Италіи и Греціи каж=

дый городъ имѣетъ свой характеристическій культъ. На другихъ боговъ смотрѣли, какъ на чужихъ и не поклонялись имъ. Партикуляризмъ этотъ содержалъ двѣ основныя черты: 1) человѣкъ пользовался покровительствомъ боговъ не какъ человѣкъ, а какъ членъ извѣстной націи; и 2) всякая нація имѣла свой специальный обрядъ, неучаствованіе въ которомъ мѣшало быть послѣдователемъ религіи этой націи. Партикуляризмъ однако не могъ долѣе существовать. Причины тому многоразличны, но главная заключалась въ громадныхъ походахъ тогдашнихъ полководцевъ, въ особенности же въ войнахъ Александра Македонскаго. Послѣдніе до того космополитизировали религію, до такой степени смѣшали различные культы, что во время имперіи въ Римѣ чтились всѣ боги, о чемъ свидѣтельствуетъ Плиній, говоря, что міръ боговъ сталъ многочисленнѣе міра смертныхъ. Критическіе умы эпохи подмѣтили это чрезмѣрное смѣшеніе религій; и одинъ изъ нихъ Лукіанъ (II в. по Р. Хр.), справедливо называемый Вольтеромъ своего времени, сатирически осмѣялъ даже оное, представляя затрудненіе Гермеса по причинѣ не-

ожиданнаго визита незнакомыхъ ему новыхъ соучастниковъ безсмертія на Олимпѣ. Стремленіе древнихъ къ почитанію всевозможныхъ боговъ дошло даже до той крайности, что ставились памятники неизвѣстному богу или богинѣ, въ предположеніи, что они существуютъ. Такое явленіе носитъ имя синкретизма и оно объясняется объединеніемъ многихъ народовъ подъ однимъ правительствомъ. Синкретизмъ этотъ достигался простымъ и легкимъ образомъ: масса народа кланялась всѣмъ богамъ, а интеллигенція, - философы старались приводить божества въ извѣстныя системы, что повело окончательно къ идеѣ о единомъ богѣ, обладающемъ различными качествами, которыхъ олицетвореніемъ считались отдѣльныя божества. Завоеваніе Алекс. В. Малой Азіи вызвало распространеніе культа восточныхъ божествъ. Изъ малоазійскихъ божествъ особеннымъ уваженіемъ пользовались слѣдующія: въ Каппадокіи и Понтѣ богиня Ма, которую Греки считали Артемидой или Діаной Римляне же Беллоной, въ Пессинунтѣ чтилась фригійская Матерь боговъ- Кибела подъ видомъ камня.

Всѣ эти божества переходили мало по малу въ римскую религію. Уже въ 204 г. до Р. Хр. сенатъ офиціально дозволилъ чествовать Великую Матерь боговъ Кибелу, стараясь очистить обряды отъ ихъ безнравственности, а въ IV в. по Р. Хр. культъ ея вездѣ былъ распространенъ. Изъ обрядовъ которыми онъ сопровождался особенно замѣчательна такъ называемая тауроболія, состоявшая въ томъ, что рыли яму, покрывали ее досками и на нихъ убивали быка, кровь котораго черезъ щели досокъ текла въ яму, обливая находящагося въ ней человѣка, который подвергался этимъ путемъ очищенію. Распространенъ былъ также культъ фригійскаго бога Аттиса, а изъ Сирійскихъ боговъ Ваала и Астарты, переименованныхъ Греками на Аполлона и Артемиду, а также культъ сирійской богини подъ названіемъ Syria dea. Въ Египтѣ національная религія не избѣгла общаго явленія. Походы Александра занесли туда греческую мифологію. Съ своей стороны Александръ почтилъ египетскаго бога Амона и принесъ жертву Апису, а также построилъ храмъ Изидѣ. Съ тѣхъ поръ сношенія Грековъ съ Египтомъ стали

тѣснѣе, нерѣдко бывали брачныя узы, и опять измѣнялись подъ вліяніемъ Грековъ египетскіе боги. Такъ, напр. неуклюжее изображеніе Зераписа, представлявшее до сихъ поръ вазу съ человѣческой головой на верху, перемѣнилось со временемъ въ изображеніе Зевса съ сосудомъ на головѣ и сами божества слились въ одно. Египтяне обоготворяли своихъ фараоновъ, съ подпаденіемъ подъ власть Рима чтили римскихъ императоровъ. Изъ Египта распространился культъ Озириса и Изиды по всей имперіи, при чемъ первому соотвѣтствовалъ Вакхъ или Діонисъ, а второй Деметра или Персефона.

Изъ восточныхъ божествъ самымъ популярнымъ сдѣлался персидскій Митра. Въ царствѣ Парѳянъ состоящемъ изъ смѣшенія семитическихъ и арійскихъ племенъ, на мѣстѣ древняго Ирана возникло сначала парѳянское, а въ 226 г. по Р. Хр. Ново-Персидское государство, которое возстановило древнюю Зороастрову религію (Маздеизмъ). Въ ней лежитъ происхожденіе божества Митры. Митра считался богомъ солнца, путеводителемъ душъ и изображался юношею убивающимъ быка. Культъ Митры занес-

Лит. В. Комарова Невск. пр. 130-133.

ли впервые въ з. Европы морскіе разбойники въ 70 г. до Р. Хр. Въ I вѣкѣ по Р. Хр. культъ этотъ пользовался особеннымъ расположеніемъ римлянъ, въ особенности высшихъ классовъ общества.

Видимъ такимъ образомъ, что въ Римской имперіи сошлись всѣ религіи, смѣшавшая одна другой. Только одна еврейская религія произвела малое вліяніе на язычество. Мы должны остановиться еще на состояніи еврейской религіи. Евреевъ въ этой имперіи было весьма много, они въ большомъ числѣ жили въ нѣкоторыхъ городахъ (въ одной Александріи они составляли 2/5 всего населенія), и были въ самомъ Римѣ. Благодаря этой численности и возникшему среди евреевъ прозелитизму (стремленію къ обращенію язычниковъ къ вѣрѣ въ Бога) всетаки язычники обращались въ еврейство. Особенно много поборниковъ находилось себѣ [illegible] среди женщинъ. Ихъ [illegible] священное писаніе переведено было на греческій языкъ вскорѣ послѣ смерти Александра Македонскаго. Но и еврейство не обошлось безъ вліянія язычества. Доводъ тому въ доктринахъ Филона, который [illegible]

Лекціи по Древней Исторіи [illegible]

[illegible]

чался найти согласіе между теоріями Платона и библейской философіей, и поэтому о немъ говорили: „aut Plato philonisat, aut Philo platonisat." Замѣчательнымъ изъ догматовъ было чаяніе Мессіи. Рядомъ съ этимъ возникаетъ множество сектъ средь евреевъ. Такъ въ Египтѣ образовалась секта терапевтовъ - служившая прототипомъ для христіанскаго монашества, а подъ вліяніемъ Персовъ въ I в. по Р. Хр. кабалистическое ученіе. Апостольскія дѣянія упоминаютъ о Симонѣ Волхвѣ, явившемся къ Апостолу Петру съ предложеніемъ купить у него даръ творить чудеса. Это былъ тоже еврейскій синкретизмъ. Видимъ, что синкретизмъ былъ знаменемъ эпохи; но рядомъ съ этимъ шло и паденіе миѳологіи. Уже съ давнихъ поръ всякій болѣе возвышенный умъ замѣчалъ всевозможныя противорѣчія въ миѳологическихъ разсказахъ; каждому бросалось въ глаза несогласіе воли различныхъ боговъ, что выразилъ одинъ изъ поэтовъ въ словахъ: „saepe premente deo fert opem alter deus." При томъ различныя преступленія совершаемыя богами по миѳологическимъ разсказамъ, противорѣчили нравственному чувству людей. Эврипидъ говоритъ,

что если боги совершаютъ что-нибудь пос-
тыдное, то они не боги). Критически
отнеслись тоже философы къ миөологіи.
Нападки на безнравственныя дѣянія бо-
говъ встрѣчаемъ еще за 600 лѣтъ до Р. Хр.
Все это привело высшіе слои общества
къ такому невѣрію, что въ I в. до Р. Хр. и
въ I в. по Р. Хр. тутъ пала почти совершен-
но вѣра въ боговъ и въ безсмертіе души,
что однако не мѣшало распростране-
нію грубѣйшихъ суевѣрій. Въ литерату-
рѣ весьма рано стали являться протес-
ты противъ религіозныхъ вѣрованій. Осо-
бенно прославилось сочиненіе Эвгемера,
который проводитъ взглядъ, что боги это
не болѣе, какъ обоготворенные люди-герои.
За то въ низшихъ слояхъ религія обрати-
лась въ самый грубый фетишизмъ. Ма-
гія и чародѣйство развились въ величай-
шей степени. Матеріалистическое от-
ношеніе къ богамъ до того дошло, что
даже объ Августѣ разсказываютъ, что пос-
лѣ гибели посланнаго имъ флота вслѣд-
ствіе бури, онъ наказалъ Нептуна запре-
щеніемъ носить его статую въ процес-
сіяхъ. Все это вызвало потребность и жаж-
ду освѣженія новой вѣры, новыхъ началъ
для нравственной жизни. Это время со-

бенно вспыхивало въ II и III в. по Р. Хр. Въ миѳологіи стали усматривать символы и аллегоріи, что противилось толкованію въ буквальный смыслъ миѳовъ. Самымъ яркимъ выраженіемъ негодованія противъ старыхъ вѣрованій явился Лукіанъ Самосатскій (II в. по Р. Хр.). Его справедливо называютъ Вольтеромъ своего времени по его скептически-сатирическому уму. Онъ былъ сиріецъ по происхожденію, родился въ г. Самосатѣ въ Сиріи, путешествовалъ весьма много, и сталъ софистомъ и риторомъ. Любимымъ его пріемомъ въ полемикѣ надъ богами, было взять какой нибудь отрывокъ изъ Гомера, разсказывающій объ извѣстномъ богѣ и, лишивши его со всей поэтической красы, представить въ обыденной рѣчи. Этимъ путемъ онъ доходилъ до пародіи и карикатуры. Лукіанъ справедливо высказываетъ, что если „судьба" сильнѣе боговъ, какъ это твердитъ миѳология, то зачѣмъ слушаться боговъ, если ихъ намѣренія и желанія парализируются ею? Религіозный синкретизмъ также не избѣжалъ его насмѣшки, въ одномъ разсказѣ онъ представляетъ затрудненія вѣстника бога Гермеса, когда на Олимпѣ собираются различные ино-

страницы съ собачьими и коровьими головами, въ фригійскихъ шапкахъ, въ видѣ обезьянъ и козловъ. Въ другомъ мѣстѣ Зевсъ жалуется, что Сераписъ и Изида отбираютъ у него много жертвъ. Лукіанъ былъ до того остроуменъ, что даже отцы церкви употребляли его ироническій способъ доказательства.

Но уже при Лукіанѣ является новое движеніе-исканіе вѣры, проявившееся въ религіозныхъ реформаторахъ, какъ напр. Аполлоній Тіанскій. Онъ родился въ Кападокіи въ г. Тіанѣ въ 4 г. до Р. Хр. и жилъ до 97 г. по Р. Хр. О немъ множество легендарныхъ разсказовъ. Вообще извѣстно, что 14 лѣтъ отъ роду, онъ почувствовалъ влеченіе къ знанію, оставилъ родину и сталъ странствовать по отдаленнымъ странамъ. Особенно сильно онъ вооружался противъ безнравственности и изъ своихъ долгихъ размышленій и фактовъ почерпнутыхъ изъ жизни среди путешествій вынесъ твердьнѣйшее убѣжденіе, что никакія жертвы не могутъ разцѣнить безнравственнаго поступка, хотя бы не было причины и побужденія. Къ нему стекались посольства отъ различныхъ городовъ за совѣтомъ, и слава его такъ была распространена, что

изображеніе его находилось между прочими въ божницѣ Ал. Севера, а во II в. по Р. Хр. въ полемическихъ диспутахъ между христіанскими и языческими писателями его личность противоставляли личности І. Христа. На дѣлѣ онъ былъ пантеистъ съ оттѣнкомъ восточныхъ понятій. Во 2 в. такую же роль игралъ Александръ Абонотейхскій. Хотя Лукіану вполнѣ вѣрить нельзя, но онъ разсказываетъ о своемъ Александрѣ слѣдующее: онъ зналъ его лично - и считалъ по своему скептическому обычаю обманщикомъ. Ал. родился въ Абонотейхѣ. Путешествуя съ своимъ другомъ онъ пришелъ въ одно мѣсто гдѣ виднѣлись большіе но безвредныя змѣи. Имъ пришло въ голову вымыслить новый культъ, ради матеріальныхъ выгодъ, которыя могли бы проистечь изъ этого культа, и они въ Халкедонѣ подбросили доски, гдѣ было сказано, что въ Абонотейхѣ явится богъ Асклепій. Жители Абонотейха уже стали ему строить храмъ. Александръ съ своими змѣями тайно пришелъ туда и сдѣлалъ слѣдующій фокусъ: въ яму наполненную водой онъ впустилъ яйцо, внутри котораго онъ помѣстилъ малаго змѣенышка, залѣпивши отверстіе яйца вос-

комъ. Утромъ онъ объявилъ пришедшимъ рабочимъ, что онъ жрецъ новаго божества, которое поселилось въ змѣенышѣ. Вынувши яйцо онъ показалъ змѣеныша и унесъ его домой. Въ короткое время онъ сталъ являться на площадяхъ города обвитый громаднымъ змѣемъ. Слава объ этомъ новомъ богѣ распространилась такъ скоро, что императоръ Маркъ Аврелій, человѣкъ въ высшей степени религіозный прислалъ къ нему посольство съ дарами, спрашивая оракула объ исходѣ войны противъ Маркомановъ, германскаго племени, угрожавшаго границамъ имперіи. Городъ названъ Іонополисъ и получилъ право бить медали въ честь храма и божества съ ихъ изображеніями. Медали эти хранятся понынѣ въ музеяхъ. — Вымышленъ ли этотъ разсказъ Лукіаномъ или нѣтъ - трудно рѣшить. Всетаки онъ выражаетъ ту жажду вѣры, то ожиданіе новой вѣры, которымъ характеризуется тогдашнее время.

Конецъ древняго міра представляетъ собой въ нравственномъ отношеніи періодъ полнѣйшаго упадка. Люди уже не могли найти никакой нравственной поддержки въ житейской философіи общества,

ме античные идеалы, которые могли удов-
летворять молодыя и свѣжія поколѣнія древ-
нихъ грековъ, не были въ состояніи исполнить
той же роли относительно выродивших-
ся ихъ потомковъ. Причина этого заключа-
лась въ односторонности античныхъ иде-
аловъ, которые будучи примѣняемы на
практикѣ давали весьма невыгодные нрав-
ственные результаты. Все это печальное
состояніе общества отразилось въ литера-
турѣ. Въ ней сталъ господствовать пол-
ный пессимизмъ, скептицизмъ съ своими
отпрысками, эпикурейскимъ эгоизмомъ и
самоубійствомъ. Какъ одно, такъ и другое
явленіе представляло тысячи примѣровъ.
Стало господствовать мнѣніе, что если
стоитъ жить, то слѣдуетъ жить исклю-
чительно для себя, углубиться въ себя безъ
вниманія на окружающій міръ. Кому
же плохо было и въ обществѣ и въ уедине-
ніи, тотъ лишалъ себя жизни. Самоу-
бійствъ никогда не встрѣчалось столько,
какъ въ ту эпоху — и они признаны были и
одобрены общественнымъ мнѣніемъ на
практикѣ, философами теоретически.
Люди приходятъ къ убѣжденію, что причи-
на зла заключается въ плоти. Въ этомъ
отношеніи интересенъ Плутархъ (II в. по Р. Хр.)

Лит. З. Комарова Невск. пр. 136-138.

который говоритъ, что тѣло есть темница, въ которой томится душа. Особенно сильно развился такой взглядъ въ ученіи неоплатониковъ; одинъ изъ нихъ говоритъ, что стыдится, что имѣетъ тѣло. Подобный характеръ носитъ тоже ученіе упомянутаго нами Аппононія Тіянскаго, возстававшаго противъ безнравственности особенно плотской. Это направленіе умовъ ведетъ прямымъ путемъ къ развившемуся затѣмъ аскетизму. При подобномъ рвеніи къ очищенью человѣческой натуры, стали съ любопытствомъ относиться къ вопросу о загробной жизни. Разсмотримъ, какой характеръ носилъ взглядъ на загробную жизнь? Вообще можно сказать, что на нее смотрѣли, какъ на средство погрузиться въ безсознательность, безчувственность, обратиться въ ничто. Такой взглядъ проистекалъ съ одной стороны изъ циническаго взгляда на жизнь, съ другой стороны порождалъ консеквенцію, какъ слѣдуетъ жить въ виду ничтожества послѣ смерти. Лучше всего характеризуютъ это надгробныя надписи, которые выражаютъ взглядъ усопшаго на загробную жизнь напр. „Я былъ ничто, и я теперь ничто; ты же

живущій - ъшь, пей и веселись." 2. „Прохожій, наслаждайся виномъ и любовью: смерть все уничтожитъ." 3. „То что я съѣлъ и выпилъ я взялъ съ собой; то все, что я оставилъ - я потерялъ." 4. „Когда то меня не было и теперь меня нѣтъ; я объ этомъ ничего не знаю; это меня не касается."
Иногда просто изображались на надгробномъ камнѣ тѣ предметы, которыми стоитъ дорожить въ жизни и это, служило также доказательствомъ, каковъ былъ взглядъ человѣка на жизнь и слѣд. на смерть или наоборотъ. Но въ слѣдующемъ періодѣ на саркофагахъ видимъ изображенія, показывающія на вѣру въ загробную жизнь. Въ этотъ періодъ особенно сильно развились такъ наз. мистеріи. Это были обряды, носившіе таинственный характеръ, и цѣль ихъ состояла большей частью въ очищеніи человѣка отъ грѣховъ. Подготовленіемъ къ обрядамъ очищенія было умерщвленіе плоти. Изъ мистерій особенно замѣчательны Тауроболіи и Kріоболіи. Поддающіеся очищенію помощью этихъ обрядовъ, соотвѣтствующихъ культу Кибелы, считались на вѣки чистыми и освобожденными отъ грѣховъ. Мистеріи Изиды требовали сохра-

ненія цѣломудрія. Эти мистеріи описаны Апулеемъ, авторомъ знаменитаго романа „Золотой Оселъ." И такъ общій характеръ этихъ мистерій, какъ и культа Митры былъ очистительный, но какъ вообще во всей древней синкретической религіи на каждомъ шагу встрѣчались противорѣчія такъ и мистеріи, какъ ни стремились къ одной цѣли, все-таки въ самомъ основаніи были въ несогласіи между собой. Въ области философіи въ римскую эпоху рядомъ съ ученіями стоиковъ и эпикуреизмомъ развивались скептицизмъ и эклектизмъ т. е. примиреніе результатовъ различныхъ философскихъ ученій. Что касается греческой философіи, то ея центръ перенесся въ Александрію, въ которой она долгое время развивалась и притомъ въ новомъ направленіи. Для насъ важенъ вопросъ, какъ относились различныя философскія системы къ религіи. Мы сказали, что со II в. по Р. Хр. особенно сильно вспыхнуло стремленіе къ религіи. Оно выразилось въ различныхъ взглядахъ на мифологію. Ихъ можно свести къ двумъ группамъ 1. Одни утверждали, что религіозныя представленія слѣдуетъ брать въ буквальномъ смыс-

лѣ; 2. другіе, что онъ не болѣе какъ аллегоріи. Послѣднее стремленіе направлено было къ монизму, хотя и носило характеръ пантеистическій. По этому послѣднему пути пошли стоики. Кромѣ нихъ Плутархъ, авторъ знаменитыхъ біографій и религіозныхъ трактатовъ, стремящійся къ монизму осуществляетъ это стремленіе, признавая единымъ божествомъ самое неопредѣленное - Идею, считая ее вмѣстѣ природой, душей вселенной и одновременно связью между божествомъ природой и видимымъ міромъ. Эту то связь надо было представить древнимъ въ систематической, философской формѣ. Но такъ какъ философская мысль въ это время изсякла, то обратились къ старымъ ученіямъ и именно къ тѣмъ, которыя лучше всего годны были для такого философскаго процесса. Но эпикуреизмъ тутъ былъ ни причемъ по своему матеріализму; равнымъ образомъ и стоицизмъ не отвѣчалъ требованіямъ, будучи слишкомъ мало отвлеченнымъ. Скептицизмъ не годился по своему противорѣчію задачѣ религіи, наконецъ ученіе Аристотеля отличалось строгой, ученой трезвостью и сухостью. Тутъ же не было дѣла въ ясности и сухости.

Осталось такимъ образомъ только два ученія, которыми можно было воспользоваться: Пиѳагореизмъ и ученіе Платона. Они ожили въ новыхъ философскихъ школахъ неопиѳагорейцевъ и неоплатониковъ. Упомянутый нами Аполлоній Тіанскій былъ неопиѳагорейскій пантеистъ. Взгляды свои онъ изложилъ въ письмѣ къ другу - по поводу смерти его сына. Суть его ученія заключается въ слѣдующемъ: есть всеобщее начало въ мірѣ; рожденіе и смерть призрачны. Смерть переходъ отъ существующаго къ несуществующему, отъ видимаго къ невидимому. Но это невидимое на дѣлѣ вѣчный и единый источникъ процесса міра. Человѣкъ такимъ образомъ, умирая возвращается лишь къ общему источнику бытья. Ученіе Аполлонія слѣдуетъ считать отдаленнымъ отзвукомъ пиѳагореизма. Неоплатоническая философія, развившаяся во II и III в. по Р. Хр. сложилась подъ особымъ вліяніемъ. Въ Александріи востокъ встрѣчался съ западомъ. Изъ этого взаимодѣйствія азіатскихъ и европейскихъ, а также и мѣстныхъ египетскихъ религіозныхъ взглядовъ и изъ платонизма - образовался неоплатонизмъ. Предшественникомъ неоплатонизма слѣдуетъ считать упомя-

нутаго уже Филона-Еврея. Онъ смѣшалъ въ своемъ ученіи теоріи Платона съ юдаистическими понятіями. И такъ по воззрѣнію на возможность познанія Филонъ скептикъ на греческій ладъ; источникомъ познанія онъ считаетъ - вѣру, даваемую божествомъ. Надъ міромъ стоитъ единый, непостижимый Богъ. Онъ можетъ быть узнанъ людьми единственнымъ путемъ - изъ Слова. Слово есть вмѣстѣ съ тѣмъ творецъ міра и совокупность тѣхъ идей, по которымъ созданъ міръ. Видимъ, что „Слово" понято Филономъ въ Платоновскомъ смыслѣ. Филонъ говоритъ, что Бога опредѣлить не можно; мы знаемъ только что Онъ есть; Онъ называетъ Бога существомъ, которое разумнѣе разума, прекраснѣе прекраснѣйшаго, добрѣе самаго добра и т. п. Смѣшеніе юдаизма съ платонизмомъ въ ученіи Филона особенно замѣтно въ его теоріи о третьемъ началѣ вселенной и въ ученіи объ идеяхъ. Идеи онъ отождествляетъ съ ангелами. 3-мъ элементомъ бытія является Духъ Божій, въ опредѣленіи котораго онъ колеблется, отождествляя его съ стоической душой міра. Характеристическая черта философіи Филона - та, что онъ Богомъ обнимаетъ природу, а не считаетъ Его

заключающимися въ природѣ. Въ этой важной чертѣ опять отражается юдаизмъ: Считая источникомъ познанія а слѣд. и добра - вѣру -, Филонъ приходитъ къ заключенію, что созерцаніе выше добродѣтели, и что экстазъ выше мудрости. — Основателемъ собственно неоплатонизма является Аммоній Саккасъ (II в. по Р. Хр.) и изъ представителей этого ученія въ III в. самый замѣчательный Плотинъ (Plotinus). Общая цѣль неоплатонизма заключается въ соглашеніи всѣхъ философскихъ системъ и всѣхъ религій (высшая степень философскаго эклектизма и религіознаго синкретизма). Исходнымъ пунктомъ служитъ ученіе Платона. Припомнимъ, что послѣдній утверждаетъ, что вселенная заключаетъ въ себѣ два міра: 1. міръ феноменовъ (кажущееся и вмѣстѣ съ тѣмъ видимый міръ). 2 міръ нуменовъ (идеи, изъ которыхъ на дѣлѣ составленъ міръ). Всѣ феномены составляютъ собой высшій феноменъ видимый міръ; всѣ нумены высшую идею, идею всѣхъ идей, какъ абсолютное единство эта идея Богъ; Неоплатоники приняли его за единое начало. Изъ этого Единаго произошелъ „разумъ", а изъ него душа міра. Для объясненія, какъ произошелъ разумъ отъ

„единаго" Неоплатоники, часто прибѣгающіе къ поэтическимъ сравненіямъ и тутъ употребили оное: разумъ по ихъ мнѣнію выдѣляется изъ единаго, какъ свѣтъ отъ солнца. И такъ во главѣ всей неоплатонической системы стоитъ знаменитая тріада: Единое, Разумъ и Душа міра. Она есть сѣмя всего существующаго, которое произошло отъ нея путемъ эманаціи (истеченія). Въ ней такимъ образомъ заключается процессъ міра, и матерія есть послѣдняя степень эманаціи Единаго Начала и вслѣдствіе этого она самое низшее въ мірѣ. Этотъ взглядъ на матерію ведетъ прямо къ аскетизму, т. е. къ пренебреженію къ плоти. Оно достигается путемъ экстаза (выступленій изъ себя). Только въ состояніи экстаза человѣкъ можетъ отречься отъ тѣла, оставить оное, и углубляясь въ Единое, сливаться съ нимъ въ безконечности. Этотъ взглядъ отличается полнѣйшимъ мистицизмомъ. Въ V в. неоплатонизмъ имѣетъ главнаго представителя въ философѣ Проклѣ (род. 412 г. въ Константинополѣ долгое время учился въ Александріи, затѣмъ переселился въ Аѳины, гдѣ умеръ.) Проклъ первоклассный синкретистъ. Въ свою философскую систему онъ принялъ всѣ сис-

Лит. В. Комарова Невск. пр. 136-138.

жены и всп религіи за исключеніемъ христіанской. Онъ подражаютъ возвышенно, придавая имъ очищенный смыслъ согласный съ его взглядами.

Вообще въ развитіи неоплатонизма замѣчаются 3 періода: 1-й Періодъ основанія неоплатонизма. Его представители Аммоній Саккасъ и Плотинъ. Эта эпоха самая творческая. 2-й Представители этого періода Порфирій и Ямблихъ (жилъ въ IV в.) Въ этотъ періодъ неоплатонизмъ превращается въ религію (особенно при императорѣ Юліанѣ Отступникѣ) 3-й Этотъ періодъ характеризуется ученіемъ Прокла. Неоплатонизмъ принимаетъ мистическій характеръ. Неоплатонизмъ представляетъ собою послѣдній продуктъ эллинизма въ области мысли, и его противопоставилъ языческій міръ, какъ свою философію, вступившемъ въ борьбу съ язычествомъ, христіанству. Общая образованность (въ основѣ своей греческая) и общее отечество (римская имперія) подготовляли распространеніе общей религіи. Уже въ самомъ языческомъ мірѣ стирались рѣзкія различія эллина и варвара (или римскаго гражданина и чужеземца), свободнаго и раба.

Лекціи по Древней Исторіи Лист 14.

...... Женскіе Курсы. Курсъ I

Голубева

Особенно общечеловѣческую проповѣдь мы имѣ-емъ въ позднѣйшемъ стоицизмѣ, кото-рый тѣмъ не менѣе приблизился къ римско-му характеру и такъ сильно повліялъ въ эпо-ху имперіи на римское право. Вотъ что го-ворилъ еще Аристотель о рабствѣ: „если бы каждое орудіе или по приказанію человѣка, или по собственному предусмотрѣнію са-мо могло исполнять свое дѣло, подобно то-му, какъ разсказываютъ о произведеніяхъ Де-дала и о треножникахъ Гефеста, которые, по словамъ поэта, сами катились въ сонмъ боговъ, — такъ если бы челноки сами ткали, а плектры сами играли на кифарѣ, то-гда бы мастерамъ не было никакой нужды въ слугахъ, а господамъ — въ рабахъ... Отсюда ясно, какова природа раба и каково его значе-ніе. Кто, будучи человѣкомъ, по природѣ своей принадлежитъ не себѣ, но другому, тотъ рабъ по самой своей природѣ... Если нѣкоторые люди настолько разнятся отъ другихъ, насколько тѣло разнится отъ души, животное отъ человѣка (а таковы всѣ люди, занятіе которыхъ состоитъ только въ тѣлесномъ трудѣ и для кото-рыхъ это занятіе самое лучшее), — то они рабы по самой природѣ, и лучшая ихъ до-ля такова, чтобы быть въ подчиненіи

же самой власти, какой подчиняются тѣло и животныя. По природѣ же рабъ тотъ, кто можетъ принадлежать другому (и потому рабъ дѣйствительно и принадлежитъ другому), и тотъ, кто настолько лишь причастенъ разума, чтобы понимать разумное, а не настолько, чтобы самому обладать разумомъ... Природа, желая установить такое различіе между свободными и рабами, указываетъ различіе и между тѣлами ихъ: тѣла рабовъ сильны, такъ что они могутъ быть употребляемы на разныя работы, необходимыя въ жизни; а тѣла свободныхъ не согбенны и не способны на такія работы; что свободные люди годны для политической жизни, которая является въ двухъ видахъ, какъ дѣятельность военная и какъ дѣятельность мирная... Необходимо признать, что нѣкоторые люди всегда рабы, а другіе никогда. Точно такимъ же образомъ слѣдуетъ разсуждать и о благородствѣ происхожденія. Нѣкоторые думаютъ о самихъ себѣ, какъ о грекахъ, что они благородны не только въ своей странѣ, но и во всѣхъ другихъ мѣстахъ; варвары же, по ихъ мнѣнію, благородны только у себя дома, потому что одни люди безусловно благородные, и

и условно свободные, а другіе таковы только подъ условіемъ... Очевидно, что одни по природѣ рабы, а другіе по природѣ свободны. Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что это различіе господства и рабства рѣзко выступаетъ въ отношеніяхъ нѣкоторыхъ лицъ, именно тѣхъ, изъ которыхъ одному полезно быть рабомъ, а другому господиномъ. Въ этомъ случаѣ справедливо и нормально, чтобы одинъ былъ въ подчиненіи, а другой властвовалъ силой той власти, которую онъ имѣетъ по своей природѣ, т. е. властью господина. Аристотель въ приведенномъ мѣстѣ полемизируетъ съ тѣми, которые думаютъ, что пользоваться господскою властью противуестественно, потому что рабъ и свободный таковы будто бы только по закону, а по природѣ они ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга, и которые говорятъ, что власть господина надъ рабомъ, какъ власть, основанная на силѣ, несправедлива. Къ концу древней исторіи мнѣніе, раздѣлявшееся Аристотелемъ, сдѣлалось общимъ мѣстомъ у философовъ (особенно позднѣйшихъ стоиковъ), юристовъ и поэтовъ. Стоицизмъ установилъ понятія о моральной свободѣ и о внутренней свободѣ и совѣтовалъ

рабамъ подняться выше своего состоянія, бывшаго въ его глазахъ ничтожною безразличною случайностью и неспособнаго уничтожить духъ мудреца. Онъ рабъ, восклицаетъ Сенека, но духомъ, можетъ быть, свободенъ. Пусть тѣла, говоритъ онъ еще, принадлежатъ господамъ: мысль полноправна и свободна. Кто настоящіе рабы? спрашиваетъ Эпиктетъ (греческій стоикъ II в. по Р. Хр. самъ бывшій рабомъ) и отвѣчаетъ: всѣ тѣ люди, которые смотрятъ на внѣшнія вещи, какъ на благо, ибо они зависятъ отъ этихъ вещей и людей, обладающихъ этими вещами. Какія существа истинно свободны? Тѣ, которые не находятся въ зависимости отъ внѣшнихъ вещей, они свободны, когда даже тѣла ихъ во власти другого. Вотъ единый путь, ведущій къ свободѣ. Поэтому и Сенека, и Эпиктетъ одинаково заявляютъ, что ихъ ученіе вовсе не клонится къ уничтоженію рабства, такъ что [illegible] людей, о которыхъ они учили, было болѣе теоретическимъ. Это особенно видно у римскихъ юристовъ временъ имперіи. Находясь подъ сильнымъ вліяніемъ стоической школы, они, подобно философамъ, признавали равенство всѣхъ людей и с-

тѣснившую ихъ свободу, но, подобно уже философамъ, не выводили отсюда практическаго результата - освобожденія рабовъ. Съ другой стороны въ моральныхъ ученіяхъ вырабатывался принципъ духовнаго достоинства и совершенства человѣка: идеаломъ было уже не атлетическое тѣло, не храбрость на войнѣ, не насильственность во всемъ поведеніи, свидѣтельствующая о физической мощи, а нѣчто другое, что каждый философъ опредѣлялъ по своему, но что можно обобщить подъ современнымъ выраженіемъ нравственное развитіе. Далѣе, въ этихъ ученіяхъ принципъ морали освобождается отъ своего сакральнаго характера, благодаря которому нравственная обязанность и исполненіе какого-либо чисто-внѣшняго обряда считались за одно и тоже: философы ищутъ для морали основы въ природѣ человѣка и во всеобщемъ разумѣ и, даже выводя правила поведенія изъ врожденнаго человѣку стремленія къ счастію, умѣютъ все-таки самое счастье опредѣлить такъ, что оно не похоже на чисто животное удовлетвореніе своихъ потребностей низшаго рода. По ученію стоиковъ, самому возвышенному, до какого только

усумнился древній человѣкъ, истинное блаженство совпадаетъ съ добродѣтелью, т. е. жизнью, согласной съ разумной природой души. Въ эту философію все больше и больше проникаютъ и все болѣе и болѣе въ ней укрѣпляются симпатическія чувства къ человѣку, и самъ стоицизмъ въ этомъ отношеніи совершилъ большой прогрессъ сравнительно съ тѣмъ основнымъ принципомъ, изъ котораго исходила вся школа. Вначалѣ это была доктрина какого-то спокойнаго безразличія, философскаго безстрастія, которая порицала всякій аффектъ, нарушающій внутренній миръ человѣка, равновѣсіе его души. Мудрецъ, по первоначальному ученію стоиковъ, не долженъ давать состраданію власти надъ собою; онъ не долженъ знать и чувства прощенія. Зло, господствующее въ мірѣ, они не думали побѣждать: они учили, что для себя его можно сдѣлать нечувствительнымъ, возвышаясь надъ нимъ усовершенствованіемъ своего духа. У позднѣйшихъ стоиковъ римской эпохи, у Сенеки, у Марка Аврелія, у Эпиктета эта моральная доктрина уже отрѣшается отъ своей безразличной исключительности: стоицизмъ дѣлается проповѣдью состраданія,

любви къ ближнему, братства и одинаковаго достоинства всѣхъ людей. Природа, говоритъ Сенека, сдѣлала насъ всѣхъ родными.... Она внушила намъ взаимную любовь.... Нужно жить для другихъ, если ты хочешь жить для себя.... Природа вложила въ сердце человѣка любовь къ себѣ подобнымъ, она приказываетъ намъ быть имъ полезными, будутъ ли они свободные или рабы, благородные или вольноотпущенники. Вездѣ, гдѣ есть человѣкъ, есть мѣсто для благодѣянія.... Есть ли кто любящѣе человѣка? Люди рождены для взаимной помощи; они стремятся къ соединенію, хотятъ быть полезными; они помогаютъ даже незнакомымъ; они готовы пожертвовать собою ради другихъ. У Сенеки остается еще кое-что изъ того безстрастія, которое было идеаломъ старыхъ стоиковъ: мудрецъ, говоритъ онъ, напр., отретъ слезы другихъ, но не примѣшаетъ къ нимъ своихъ.... Онъ не будетъ сострадательнымъ, но онъ будетъ помогать другимъ. Но за то онъ порицаетъ ненависть и мстительность, какъ недостойныя мудреца. У Эпиктета мы находимъ уже такія мѣста: Это — разбойникъ, не долженъ ли онъ погибнуть? Ска-

Лит. В. Комарова Невск. пр. 136-138.

Дневникъ л. 44.

[illegible] муки этого человѣка [illegible] въ раз-
мышленіи, [illegible] ожидается [illegible]-
вать мысли [illegible] или иного!.. ..
Одинъ писатель потерялъ [illegible]-
ніе, и [illegible] ему [illegible], [illegible]
его къ себѣ и [illegible] всѣми необходимыми.
Когда [illegible] ли то, что онъ
[illegible] благодѣяніе [illegible], онъ
отвѣчалъ: я исполнилъ свой долгъ не по от-
ношенію къ этому человѣку, а по отноше-
нію къ человѣчеству... [illegible]-
ва, ты часто [illegible]... [illegible]
[illegible]
[illegible] изъ [illegible] своей помощи,
какъ будто бы онъ былъ [illegible] от-
цовъ своихъ, но [illegible], какъ руки
[illegible], которыя — если бы [illegible]
[illegible]
[illegible] до своихъ убѣжденій и
своихъ стремленій сообразно съ потреб-
ностями всего тѣла. — Душа моя,
[illegible] Марка Авре-
лія, испытаешь ли ты наконецъ
блаженство любить людей и имъ бла-
годѣтельствовать?... Люби людей, съ
которыми тебѣ суждено жить, и лю-
би ихъ истинною любовью... Чего тебѣ
еще нужно, когда ты дѣлаешь добро лю-

даря! Развѣ тебѣ не достаточно того, что ты дѣлаешь хорошо, соотвѣтствующее твоей природѣ, и ты хочешь еще награды? Это все равно, если бы глазъ потребовалъ платы за то, что смотритъ, и ноги за то, что ходятъ.... Я членъ одного великаго тѣла, которое составляютъ всѣ разумныя существа.... Такой [illegible], его дѣло. Что касается до меня, то я буду стремиться дѣлать и говорить что либо достойное уваженія. Другой меня ненавидитъ, и это его дѣло. Я кротокъ и благосклоненъ ко всѣмъ расположенъ.... Тѣ же [illegible] мысли, что [illegible] для всѣхъ, что и [illegible] тѣ же нравственныя достоинства, какія вообще заключаются въ человѣческой природѣ, что всѣ люди братья, что любовь къ ближнему есть главный законъ, связывающій всѣхъ людей въ одно великое отечество и т. д., т. е. христіанскіе принципы, замѣчательно противоположные тѣмъ, которые лежали въ основѣ морали грековъ въ началѣ ихъ исторической жизни.

Конецъ.

Лит. В. Комарова Невск. пр. 136-138.

Программа курса проф. Н. И. Карѣева по древней исторіи.

18 90/91 уч. годъ

1. Мѣсто Греціи въ всемірной исторіи. Начало всемірной исторіи на Востокѣ. Географическія и этнографическія условія исторіи восточныхъ народовъ. Древнѣйшія расы въ исторіи. Арійцы и Семиты.
2. Старые источники исторіи восточныхъ народовъ. Новыя открытія (египтологія и ассиріологія).
3. Исторія Востока съ точки зрѣнія условій процесса. Колыбель древнѣйшихъ цивилизацій и культурныхъ центровъ.
4. Религіозныя воззрѣнія восточныхъ народовъ. Общій ихъ ха-

лигіей. Индусская вѣра и греческое умозрѣніе. Характерныя особенности отдѣльныхъ религій. Восточная образованность.

5. Политическій бытъ Востока въ сравненіи съ греческимъ. Образованіе крупныхъ монархій. Политическій деспотизмъ и соціальное неравенство.

6. Значеніе Персидской монархіи. Обзоръ ея исторіи. Киръ, Камбизъ и Дарій. Организація ея монархіи.

7. Географическія и этнографическія условія исторіи Греціи. Море, берега, горы; греческія племена. Восточное вліяніе. Легендарность древнѣйшей исторіи.

8. Теорія Фюстель-де-Куланжа о древнѣмъ бытѣ. Семья и родъ. Ихъ религія. Собственность и наслѣдство.

9. Трибы и курiи. Прiусинских общинъ. Сакральный характеръ древнѣйшихъ учрежденiй. Политическая исключительность. Составъ общины. Общiя замѣчанiя о теорiи Фюстель де-Куланжа.

10. Синойкизмъ и союзы. Дельфы. Колонiи. Тиранiя.

11. Противоположность Спарты и Аѳинъ. Древнѣйшая исторiя Спарты и мнѣнiе о Ликургѣ. Общiй характеръ спартанскаго устройства и отдѣльныхъ учрежденiй. Спартанская гегемонiя.

12. Аѳины. Древнѣйшая исторiя. Законодательство Солона. Писистратиды. Учрежденiя Клисѳена.

13 Исторiя переворотовъ въ другихъ государствахъ. Критика сводки ихъ Фюстель де Куланжемъ. Влiянiе Ф. и

Ввен[illegible]

стиль-и-Клисѳена по ре-
формѣ Солона. Сущность
новаго строя.

14. Переходъ умственнаго
движенія изъ колоній въ
метрополію. Поэзія и фи-
лософія до Греко-персид-
скихъ войнъ.

15. Причины столкновенія
Персіи съ Греками. Колоніи
подъ лидійскимъ и персид-
скимъ владычествомъ. Ми-
ровое значеніе греко-персид-
скихъ войнъ. Общій ходъ
этихъ войнъ.

16. Значеніе греко-персидскихъ
войнъ для аѳинской исто-
ріи. Развитіе аѳинской
демократіи. Перемѣны
въ учрежденіяхъ отъ Ѳеми-
стокла до Перикла. Дѣя-
тельность народа на вѣ-
чѣ и въ судахъ. Новый взглядъ
на аѳинскую демократію.
Аѳинская симмахія. Пре-

Пре—

вращеніе союза въ державу.

17. Личность Перикла. Внѣшняя и внутренняя его политика. Его планы. Обвиненія противъ Перикла нѣкоторыхъ новѣйшихъ историковъ. Защита Перикла проф. Бузескуломъ. Внѣшняя политика Перикла.

18. Умственная жизнь въ Аѳинахъ въ эпоху Перикла. Искусство. Драматическая поэзія. Исторіографія. Философія.

19. Антагонизмъ Спарты и Аѳинъ. Положеніе Перикла въ Аѳинахъ передъ началомъ пелопонезской войны. Силы враждебныхъ союзовъ. Ходъ войны до Никіева мира.

20. Личность и политика Алкивіада. Сицилійскій походъ. Продолженіе и конецъ

войны

пелопонезской войны. Эпоха 30 тирановъ.

21. Внутренняя жизнь Аѳинъ въ эпоху пелопонезской войны. Софисты. Аристофанъ и его комедія. Выводы изъ исторіи софистовъ и аристофановой комедіи.

22. Сократъ. Его двоякое значеніе въ исторіи. Его жизнь, ученіе и смерть. Платонъ. Несовершенные сократики. Аристотель. Скептики. Стоики. Эпикурейцы.

23. Внутреннее положеніе Греціи. Спартанская гегемонія. Агезилай. Анталкидовъ миръ. Возвышеніе Ѳивъ. Греческія распри и македонское вмѣшательство. Борьба партій въ отдѣльныхъ городахъ.

24. Общее значеніе македонской эпохи. Взглядъ Дройзена. Александръ Вели-

[illegible]

кій и Греки. Греція при его преемникахъ. Ахейскій союзъ. Попытки демократической реформы въ Спартѣ.

25. Завоеваніе Востока Александромъ Македонскимъ и распаденіе его монархіи. Эллинизмъ. Александрійская образованность. Греческая наука въ до-александрійскій періодъ. Музей и библіотека.

26. Религіозный синкретизмъ въ римскую эпоху. Паденіе старыхъ вѣрованій. Отношеніе образованныхъ людей къ миѳологіи. Неоплатонизмъ. Принципъ общечеловѣчности въ философіи.

Лит. В. Комарова, Невск. пр. 136-58.

К. Кузьмин

Программа курса проф. Н. И. Карѣева по древней исторіи.

18⁹⁰/₉₁ уч. годъ

1. Мѣсто Греціи въ всемірной исторіи. Начало всемірной исторіи на Востокѣ. Географическія и этнографическія условія исторіи восточныхъ народовъ. Древнѣйшія расы въ исторіи. Арійцы и Семиты.
2. Главные источники исторіи восточныхъ народовъ. Новыя открытія (египтологія и ассиріологія).
3. Исторія Востока съ точки зрѣнія условій процесса [illegible] древнѣйшихъ цивилизацій и культурныхъ [illegible].
4. Религіозныя вѣрованія восточныхъ народовъ. Общій [illegible].

-ликанъ. Народная вѣра и жреческое умозрѣніе. Характерныя особенности древнихъ религій. Восточная обрядованность.

5. Политическій бытъ Востока въ сравненіи съ греческимъ. Образованіе крупныхъ монархій. Политическій деспотизмъ и соціальное неравенство.

6. Значеніе Персидской монархіи. Обзоръ ея исторіи. Киръ, Камбизъ и Дарій. Организація его монархіи.

7. Географическія и этнографическія условія исторіи Греціи. Море, берега, горы; греческія племена. Восточное вліяніе. Миѳичность древнѣйшей исторіи.

8. Теорія Фюстель-де-Куланжа о древнемъ бытѣ. Семья и родъ. Ихъ религія. Собственность и наслѣдство.

[illegible]

9. Трибы и куріи. Гражданскихъ общинъ. Сакральный характеръ древнѣйшихъ учрежденій. Политическая исключительность. Составъ общины. Общія замѣчанія о теоріи Фюстель-де-Куланжа.

10. Синойкизмъ и союзы. Дельфы. Колоніи. Тираннія.

11. Противоположность Спарты и Аѳинъ. Древнѣйшая исторія Спарты и легенда о Ликургѣ. Общій характеръ спартанскаго устройства и отдѣльныхъ учрежденій. Спартанская гегемонія.

12. Аѳины. Древнѣйшая исторія. Законодательство Солона. Пизистратъ. Учрежденія Клисѳена.

13 Исторія переворотовъ въ другихъ государствахъ. Къ чему сводитъ ихъ Фюстель-де Куланжъ. Взглядъ Ф. и.

[illegible]

стиль-а-Кирсидса на реформу Солона. Сущность новаго строя.

14. Переходъ умственнаго движенія изъ колоній въ метрополію. Поэзія и философія до Греко-персидскихъ войнъ.

15. Причины столкновенія Персіи съ Греками. Колоніи подъ мидійскимъ и персидскимъ владычествомъ. Троякое значеніе греко-персидскихъ войнъ. Общій ходъ этихъ войнъ.

16. Значеніе греко-персидскихъ войнъ для аѳинской исторіи. Развитіе аѳинской демократіи. Перемѣны въ учрежденіяхъ отъ Ѳемистокла до Перикла. Дѣятельность народа на вѣчѣ и въ судахъ. Новый взглядъ на аѳинскую демократію. Аѳинская симмахія. Пе-

вращеніе союза въ державу.

17. Личность Перикла. Внѣшняя и внутренняя его политика. Его планы. Обвиненія противъ Перикла у нѣкоторыхъ новѣйшихъ историковъ. Защита Перикла проф. Бузескуломъ. Внѣшняя политика Перикла.

18. Умственная жизнь въ Аѳинахъ въ эпоху Перикла. Искусство. Драматическая поэзія. Исторіографія. Философія.

19. Антагонизмъ Спарты и Аѳинъ. Положеніе Перикла въ Аѳинахъ передъ началомъ пелопонезской войны. Силы враждебныхъ союзовъ. Ходъ войны до Никіева мира.

20. Личность и характеръ Алкивіада. Сицилійскій походъ. Продолженіе и конецъ

курса

пелопонезской войны. Эпоха 30 тиранновъ.

21. Внутренняя жизнь Афинъ въ эпоху пелопонезской войны. Софисты. Аристофанъ и его комедіи. Выводы изъ исторіи софистовъ и аристофановой комедіи.

22. Сократъ. Его двоякое значеніе въ исторіи. Его жизнь, ученіе и смерть. Платонъ. Несовершенные сократики. Аристотель. Скептики. Стоики. Эпикурейцы.

23. Внутреннее разложеніе Греціи. Спартанская гегемонія. Агезилай. Анталькидовъ миръ. Возвышеніе Өивъ. Греческія распри и македонское вмѣшательство. Борьба партій въ отдѣльныхъ городахъ.

24. Общее значеніе македонской эпохи. Взглядъ Дройзена. Александръ Вели-

Шатов lob.

кій и Греки. Греція при
его преемникахъ. Ахей-
скій союзъ. Попытки демо-
кратической реформы
въ Спартѣ.

25. Завоеваніе Востока Алек-
сандромъ Македонскимъ
и распаденіе его монархіи.
Эллинизмъ. Александрій-
ская образованность. Грече-
ская наука въ до алексан-
дрійскій періодъ. Музей и
библіотека.

26. Религіозный синкретизмъ
въ римскую эпоху. Паденіе
старыхъ вѣрованій. От-
ношеніе образованныхъ лю-
дей къ миѳологіи. Неопла-
тонизмъ. Принципъ обще-
человѣчности въ философіи.

Лит. В. Комарова Невск. пр. 136-138.

В. Кузмин

2007096079